ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2013 Том 19

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 3

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

4 **Соловьев М.Е., Каранец А.О., Леготин Д.Л., Сухов А.К.**
Квантовое моделирование электронной структуры молекул тетрабензопорфирина и фталоцианина.Часть 1. Методы расчета

10 **Цховребов Э.С.**
Эколого-экономические аспекты обращения строительных материалов

ИСТОРИЯ

15 **Аристов С.В.**
Роль Дахау и Лихтенбурга в процессе становления системы нацистских концентрационных лагерей

17 **Бушуев И.А.**
Взаимоотношения центра и провинции в контексте изучения вопросов повседневной жизни

22 **Гноевых А.В.**
Пропопоп Аввакум в оценке В.А. Мякотина

25 **Гулин А.О.**
Власть и общество российской провинции в годы Первой мировой войны: региональный источниковедческий аспект (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний)

28 **Камыгина Г.А.**
Красносельские ювелирные артели в 20–50 годы XX века: поиски новых организационных форм и смена ассортимента продукции

31 **Козлова Т.А.**
Традиционные головные уборы мордвы (по материалам мордовского фольклора)

33 **Морозов Н.М.**
Эпистемологические возможности понятия «варварство» в изучении российской цивилизации

36 **Попов В.Ж.**
Повседневная жизнь различных категорий городского населения Украины в 1917–1920 гг.

39 **Сернецкий О.Б.**
Центральная Азия как территория интересов России

42 **Соловьева В.В.**
Взаимовлияние образовательной инфраструктуры и социокультурной среды (на примере Владимирского государственного университета)

46 **Фабинский М.В.**
Борьба прихожан против закрытия Богоявленского собора города Костромы в 1923 г. (по материалам Государственного Архива Российской Федерации)

ЭКОНОМИКА

51 **Блинов М.В.**
Местное самоуправление в свете институциональной теории

54 **Бочкарев А.И., Чекмарев В.В.**
Почему «не везет» профессиональное образование инновационную экономику страны?

57 **Лаптева А.М., Захарова М.А.**
Роль нормирования в эффективной организации труда

60 **Логвин Н.В.**
Инновационная деятельность как элемент качества управления модернизацией региональных систем образования

63 **Семенов Р.О.**
Снижение пенсионной нагрузки на бюджет: теория и практика

68 **Скворцов А.Ю.**
Генезис характеристики экономических интересов

71 **Сухинин И.В.**
Логика развития социально-трудовых отношений в экономике

74 **Чарушина Е.И.**
Направления формирования имиджа городов

77 **Чекмарев В.В.**
Экономическая безопасность и экономическая защищенность: структура проблемы

82 **Шаров Д.В.**
Инновационность в образовании: проблемы формирования новых экономических отношений

ФИЛОСОФИЯ

84 **Зайцев А.В.**
Диалогическая модель связей с общественностью Дж. Грюнига и современность

88 **Калустьянц Ж.С.**
Социальная мобильность в рамках профессиональной идентичности современного общества

91 **Нартдинова С.С.**
Основы воспитания религиозной толерантности в обществе: философский аспект

95 **Подзолкова Н.А.**
Применение холархической модели к исследованию методологии мышления

97 **Ращевская Е.П.**
Космизм Даниила Андреева и русский космогонический миф

100 **Симаков С.Ю.**
Тело и мир: размышления о неклассической теории интенциональности

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

105 **Андреева В.Г.**
История дворянства в пореформенное время в книге С.Н. Терпигорева (С. Атавы) «Оскудение»

109 **Баталова Т.П.**
Историософские проблемы в эпистолярном наследии Ф.М. Достоевского 1866–1872 гг.

113 **Голубев Н.А.**
Фабричная труба как прописная буква ивановского текста. Взаимодействие ландшафтов

116 **Козленков В.А.**
Поэтика агитационного плаката: фольклорные элементы в «Окнах РОСТА» Владимира Маяковского

120 **Морозов Н.Г.**
Рецепция А.П. Чехова, Игнатия Брянчанинова и Л.Н. Толстого в рассказе Б.К. Зайцева «Черные ветры»: литературные истоки темы скифов и мысли о торжестве христианского гуманизма

125 **Ненарокова М.Р.**
Язык цветов: фиалка в русской поэзии первой половины XIX в.

128 **Павловская О.А.**
Поэма К. Романова «Севастиан-мученик»: поэтика лирико-драматической формы

132 **Сизых О.В.**
Мотивная структура рассказа А.А. Кабакова «Странник»

136 **Тихомиров В.В.**
«Московские литературные и учёные сборники» (1846 и 1847 гг.) в контексте русской литературной критики и журналистики 1840-х годов. Статья вторая

ЛИНГВИСТИКА

141 **Гаврилова Е.С.**
Лингвистическое выражение противопоставления

144 **Галкина Н.П.**
Функционально-стилистическая адаптация причинных союзов в научном стиле русского языка (на материале произведений естественно-научного цикла)

147 **Гусевкая М.Л.**
Семантика приставки re- / ré- во французском языке

150 **Иванова Е.Н.**
К проблеме структурной типологии древнерусских топонимов (на материале деловой письменности Белозерья конца XIV–XV в.)

153 **Клиенкова И.Б.**
Норма и вариативность на уровне словосочетания (на материале швейцарского варианта немецкого языка)

159 **Самарин Д.А.**
В.А. Богородицкий о лингвистике и научно-техническом прогрессе

162 **Сафонова М.А.**
Категория авторской интенции в лингвостилистическом анализе биографического текста (на английском материале)

165 **Храмченко Д.С.**
Аллюзии в заголовках англоязычных текстов деловой тематики: функционально-синергетический анализ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

168 **Рощин Б.Е.**
Инкорпорация фабрично-трудового законодательства Российской империи (к 100-летию принятия Устава о промышленном труде)

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

174 **Батулина О.С.**
Музейный центр как попытка «примирения» новой формы музейного пространства с содержанием коммуникативной функции (на примере Ивановского государственного объединения историко-краеведческих музеев области в 1990-е гг.)

177 **Карпова С.Н.**
Интерактивные технологии обучения иностранному языку: педагогические возможности и риски
180 **Кубашева О.В.**
Модульно-рейтинговая технология оценки знаний студентов – технология формирования субъектно-образовательного пространства в ВУЗе
182 **Усольцева И.В.**
Информационная грамотность как одна из составляющих методической компетенции педагога
185 **Салахутдинова Е.С.**
Изучение адаптивных возможностей студентов КГУ им. Н.А. Некрасова и курсантов Военной академии РХБЗ

СОЦИОЛОГИЯ
190 **Артюхович Ю.В., Соловьев А.А.**
Социальная ответственность инженера
192 **Попова И.В., Албегов Ф.Г.**
Добровольчество как фундамент гражданского общества

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
196 **Бубнихин А.А.**
Град обречённый – антиутопия XXI века
198 **Дудник В.А.**
Общенациональное культурное пространство как объект научного осмысления
202 **Наумкина О.С.**
Феномен моды и его культурные связи
205 **Тюрикова Ю.М.**
Образы времени в календарных циклах искусства эпохи Средневековья в Италии
209 **Ширяев В.Г.**
Оценка феномена контркультуры в работах западных ученых второй половины XX века

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА
213 **Бабаев Б.Д., Чекмарев В.В.**
Вновь о диссертационных делах

217 **SUMMARY**

225 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 658

Соловьев Михаил Евгеньевич
доктор физико-математических наук, профессор
Ярославский государственный технический университет
soloviev56@gmail.com
Каранец Александр Олегович
Ярославский государственный технический университет
alexial@gmail.com
Леготин Денис Леонидович
кандидат физико-математических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Сухов Андрей Константинович
кандидат физико-математических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
suhov_andrei@mail.ru

КВАНТОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ СТРУКТУРЫ МОЛЕКУЛ ТЕТРАБЕНЗОПОРФИРИНА И ФТАЛОЦИАНИНА. ЧАСТЬ 1. МЕТОДЫ РАСЧЕТА

Рассмотрены методы квантового моделирования на основе решения квантово-механического уравнения Шредингера – самосогласованного поля Хартри-Фока и функционала плотности. Показано, что метод функционала плотности (DFT B3LYP) существенно повышает прогностическую силу расчета и способен дать более точный результат.

Ключевые слова: *компьютерное моделирование, квантовая механика, электронная структура, тетрабензопорфирин, фталоцианин.*

Введение

Производные циклических тетрапирролов, относящиеся к макрогетероциклическим соединениям [1], находят широкое применение в самых различных областях – химической технологии, медицине [2], микроэлектронике [3]. Родоначальником группы синтетических порфиринов является тетрабензопорфирин (рис. 1(1)). Его структурным аналогом является фталоцианин (рис. 1(2)) – тетрабензотетраазобензопорфирин, в котором 4 атома углерода в макроцикле замещены на атомы азота.

В настоящее время, благодаря уникальным электронным свойствам производных фталоцианина, их активно используют в органических полупроводниковых устройствах, в том числе для изготовления ТФТ-матриц и активного слоя CD-R дисков, солнечных элементах, фотодиодах и др. Аналогичное применение находит тетрабензопорфирин [4]. Так фирма Mitsubishi Chemical на выставке PV Expo 2013 объявила, что планирует с его использованием достичь в фотопреобразователях энергии коэффициента замещения 15% к 2015 г. [5].

Рассматриваемые соединения относятся к органическим полупроводникам *p*-типа. Существуют другие органические соединения с проводимостью *n*-типа. Одним из основных направлений использования органических полупроводников в настоящее время является создание на их основе фотоэлектрических преобразователей и светодиодов.

Современное микроэлектронное устройство на органических полупроводниках имеет довольно

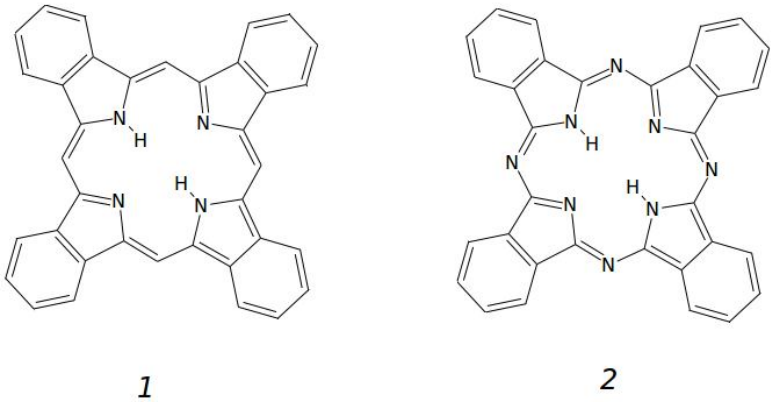


Рис. 1. Тетрабензопорфирин (1), фталоцианин (2)

 © Соловьев М.Е., Каранец А.О., Леготин Д.Л., Сухов А.К., 2013

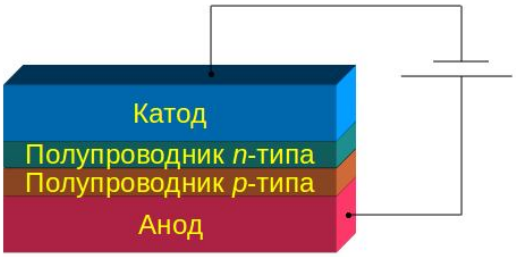


Рис. 2. Схема простейшего светодиода на органических полупроводниках

сложную структуру [6]. Принцип действия органического светодиода можно продемонстрировать схемой [7], которая показана на рисунке 2. Светодиод представляет собой соединение «сэндвичевой» структуры, состоящее из нескольких слоев материалов, обладающих различными электронными характеристиками. Анодом является тонкая пленка проводника, прозрачного для видимого света (обычно это твердый раствор оксидов индия и олова), нанесенного на стеклянную подложку. На него нанесен тонкий слой органического полупроводника *p*-типа, т.е. вещества, обладающего дырочной проводимостью. Толщина этого слоя составляет 75 нм. Следом идет основной светоизлучающий слой органометаллического комплекса, являющийся одновременно полупроводником с электронной проводимостью. Последним слоем является катод (чаще всего сплав магния и серебра). Все устройство заключено в герметичную стеклянную оболочку и имеет толщину около 500 нм.

При подаче напряжения на контакты устройства во внутренние слои начинают инжектироваться носители заряда: электроны со стороны катода и дырки со стороны анода. Носители движутся навстречу друг другу. При попадании дырок в люминесцентный слой в результате взаимодействия электронов и дырок возникают возбужденные состояния – *экситоны*. Экситон состоит из электрона и дырки, но при этом его можно считать элементарной квазичастицей, так что возбуждение может перемещаться по полупроводнику на определенное расстояние. При гашении экситона выделяется квант электромагнитного излучения в видимой области спектра. Фотоны через прозрачный анод выходят наружу – устройство начинает излучать свет. Интенсивность света возрастает с ростом приложенного напряжения на контакты и в современных светодиодах достигает 10^5 Кд/м^2, что существенно превышает соответствующий показатель сегодняшних жидкокристаллических мониторов.

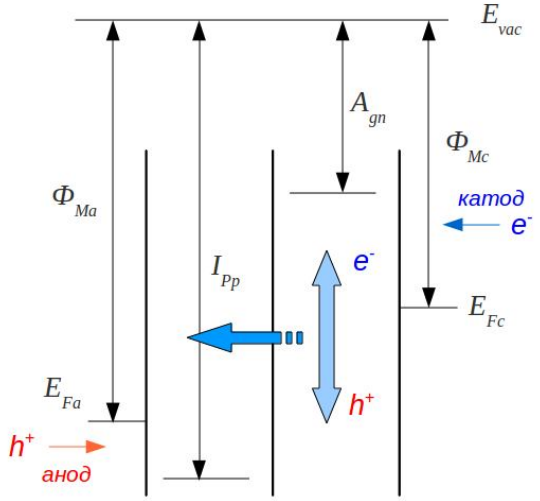


Рис. 3. Энергетическая диаграмма органического светодиода

При выборе материала для органического полупроводника приходится решать много различных технических задач, важнейшей из которых является подбор материалов разных слоев на соответствие по электронным характеристикам. Рассмотрим качественную энергетическую диаграмму описанного выше органического светодиода (рис. 3).

Разница между уровнем энергии вакуума E_{vac} и уровнем Ферми металла катода E_{Fc} равна работе выхода электронов из материала катода Φ_{Mc}. Аналогичным образом вычисляется работа выхода дырок материала анода Φ_{Ma}. Для того, чтобы попасть в полупроводниковый слой *n*-типа электронам необходимо преодолевать со стороны катода потенциальный барьер, равный $\Phi_{Mc} - A_{gn}$, где A_{gn} – сродство к электрону полупроводника *n*-типа. В свою очередь дыркам со стороны анода необходимо преодолеть потенциальный барьер равный $I_{Pp} - E_{Fa}$, где I_{Pp} – потенциал ионизации молекул полупроводника *p*-типа. При гашении возбужденного состояния (экситона) в люминесцентном слое энергия излучаемых фотонов равна $I_{Pp} - A_{gn}$ (более точно эта величина зависит от распределения электронов по энергиям в твердом теле, а также от мультиплетности экситона, триплетные экситоны переходят в основное состояние за счет процессов безызлучательной дезактивации). Из диаграммы следует, что важнейшими электронными характеристиками органических полупроводников, определяющими их применимость в конкретном устройстве, являются сродство к электрону и потенциал ионизации.

Долгое время считалось, что для молекул потенциалы ионизации и сродства к электрону могут быть приближенно оценены на основании атомных значений, которые хорошо известны. Однако в 1968 г. выяснилось [7], что для гексафторида платины PtF_6 значение сродства к электрону вдвое больше, чем

у входящего в него фтора – около 6,8 эВ. Можно теоретически качественно предсказать направление изменения сродства к электрону при изменении структуры молекулы, но здесь часто возникают труднообъяснимые исключения [8]. Существует большое количество экспериментальных методов определения сродства к электрону и потенциалов ионизации молекул, однако опубликованных надежных данных несопоставимо меньше по сравнению с количеством синтезированных органических соединений. В настоящее время важным является синтез производных тетрабензопорфирина и фталоцианина и их металлокомплексов. Чтобы не тратить время на неперспективные соединения, целесообразно оценивать их электронные характеристики расчетным путем. Наиболее надежными расчетными методами для этого на сегодняшний день являются неэмпирические квантово-химические вычисления.

В литературе имеются примеры квантово-химических расчетов электронных характеристик органических полупроводников, но их немного из-за того, что число атомов в молекулах соединений, используемых на практике, достаточно велико, чтобы иметь возможность произвести расчет на персональном компьютере за приемлемое время. Так, авторы [9] квантово-химическим методом функционала плотности смоделировали работу одномолекулярного транзистора, однако, в качестве исследуемой молекулы выбрали бензол, не представляющий в данном отношении никакого практического интереса по причине его высокой летучести и отсутствия необходимых полупроводниковых свойств. Подобное замечание можно сделать и в отношении работы [10], в которой был выполнен квантово-химический расчет полуэмпирическим методом PM-3 кластеров кремния размером от 3 до 10 атомов. Более интересными представляются результаты исследований, представленных в работе [11], автор которой произвел расчет квантово-химическим методом функционала плотности DFT B3LYP/6-31G металлокомплексов фталоцианина и порфирина, непосредственно применяемых на практике, и сравнил их со свойствами модели графена, внимание к которому огромно. В результате расчета получен достаточно неожиданный практический результат, состоящий в том, что, по мнению автора, использование комплекса $ZnC_{64}N_8H_{32}$ как элемента солнечных батарей представляется более эффективным, чем известного фталоцианината цинка $ZnC_{32}N_8H_{16}$, который широко применяется в настоящее время, и даже чем графена. Таким образом, квантово-химический расчет может быть использован непосредственно в практических целях при выборе направлений синтеза новых соединений. Следует отметить также работу [12], в которой представлено математическое моделирование «из первых принципов» молекулярного переключения на основе реакции изомеризации в молекуле нафталоцианина, индуцированной током сканирующего туннельного микроскопа. Поверхность свободной энергии Гиббса и путь реакции анализировалась методом «метадинамики» в рамках численного квантовомеханического кода молекулярной динамики Кар-Парринелло «CPMD». Расчеты проведены на супер-ЭВМ IBM Blue Gene/P, установленной на факультете ВМК МГУ.

Целью настоящей работы явилось сравнение электронных характеристик молекул тетрабензопорфирина и фталоцианина, поскольку они, являясь структурными аналогами, различаются, как уже было указано, химической природой основного макроцикла. Данные соединения являются корневыми двух ветвей большого количества производных, уже получивших и потенциально имеющих важное практическое применение, в связи с чем систематическое их изучение представляет интерес.

Квантово-химические методы

В настоящее время существует две основные группы квантово-химических методов, основанных на общих приближениях и имеющих много общих черт с точки зрения численной реализации, но принципиально различающихся в плане постановки задачи при решении квантово-механического уравнения Шредингера. Это методы самосогласованного поля Хартри-Фока и методы функционала плотности [13, 14]. В обоих случаях рассматривается стационарное уравнение Шредингера в приближении Борна-Оппенгеймера (Born, Oppenheimer)

$$\begin{aligned} H_{tot}\Psi_{tot}(R,r) &= E_{tot}\Psi_{tot}(R,r) \\ H_{tot} &= H_e + T_n \\ H_e &= T_e + V_{ne} + V_{ee} + V_{nn} \\ \Psi_{tot}(R,r) &= \Psi_n(R)\Psi_e(R,r) \end{aligned} \qquad (1)$$

Здесь: H_{tot} – полный гамильтониан атомно-молекулярной системы, включающий оператор кинетической энергии ядер T_n и оператор H_e, включающий, в свою очередь, операторы кинетической энергии электронов T_e, потенциальной энергии взаимодействия электронов друг с другом V_{ee} и с ядрами V_{ne} и оператор потенциальной энергии ядер V_{nn}. Полная волновая функция системы $\Psi_{tot}(R,r)$, зависящая от координат ядер R и электронов r, в рамках приближения Борна-Оппенгеймера факторизуется на произведение волновой функции ядер $\Psi_n(R)$, зависящей только от ядерных координат и волновой функции электронов $\Psi_e(R,r)$, зависящей от координат электронов и координат ядер, как параметров.

В этом случае задача разделяется на две: уравнение Шредингера для электронной подсистемы (2)

и уравнение на собственные значения для ядерной волновой функции (3).

$$H_e\Psi_e(R,r) = E_e(R)\Psi_e(R,r) \quad (2)$$

$$(T_n + E_e(R))\Psi_n(R,r) = E_{tot}\Psi_n(R,r) \quad (3)$$

Зависимости собственных значений уравнения (2) от ядерных координат $E_e(R)$ представляют собой поверхности потенциальной энергии (ППЭ). Обычно исследуют поверхности только основного состояния, поскольку размерность этих поверхностей $3n-6$ (за вычетом степеней свободы, отвечающих трансляциям и вращениям системы как целого) для большого числа ядер *n* становится весьма значительной. Для химических целей интерес представляют сечения этих поверхностей плоскостями или другими поверхностями, отвечающими направлениям химических превращений.

Обе группы квантово-химических методов основаны на вариационном принципе, идея которого заключается в сведении решения операторного уравнения к задаче на экстремум некоторого функционала. Для уравнения Шредингера (2) таким функционалом является функционал энергии

$$E(\psi) = \langle\psi|H_e|\psi\rangle \quad (4)$$

Доказано, что точное решение уравнения Шредингера достигается на волновой функции, обеспечивающей минимум функционала энергии при соблюдении условия нормировки волновой функции $\langle\psi|\psi\rangle = 1$.

Для построения молекулярной волновой функции, удовлетворяющей требованию антисимметрии в соответствии с принципом Паули, в рамках метода молекулярных орбиталей (МО) используются детерминанты Слейтера (Slater):

$$\Phi_{SD} = \frac{1}{\sqrt{N!}}\begin{vmatrix} \Phi_1(1) & \Phi_2(1) & \dots & \Phi_N(1) \\ \Phi_1(2) & \Phi_2(2) & \dots & \Phi_N(2) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \Phi_1(N) & \Phi_2(N) & \dots & \Phi_N(N) \end{vmatrix}, \quad \langle\Phi_i|\Phi_j\rangle = \delta_{ij} \quad (5)$$

Здесь: Φ_{SD} – антисимметричная относительно перестановки N электронов нормированная молекулярная волновая функция Φ_i – ортонормированные одноэлектронные волновые функции (спинорбитали), представляющие собой произведение координатных и спиновых одноэлектронных функций.

Использование вариационного принципа с волновыми функциями вида (5) составляет суть метода Хартри-Фока (Hartree), который в результате сводится к системе нелинейных одноэлектронных уравнений, решаемых итерационным путем. В зависимости от способа вычисления интегралов, составляющих элементы матриц коэффициентов этой системы, различают неэмпирические и полуэмпирические методы. В последних не все из этих интегралов вычисляются явно, а вместо этого заменяются параметрами, идентификация которых осуществляется на основании экспериментальных данных по выборкам соединений определенных классов. Несмотря на то, что точность полуэмпирических методов для вычисления свойств соединений из класса, на котором была произведена параметризация, оказывается весьма высокой, в последнее время популярность их существенно снизилась из-за недостаточной прогностической силы.

Точность неэмпирических методов Хартри-Фока определяется типом и количеством базисных функций χ_α, используемых для представления одноэлектронных волновых функций

$$\Phi_i = \sum_\alpha^M c_{\alpha i}\chi_\alpha \quad (6)$$

Функции χ_α называются атомными орбиталями, хотя в общем случае они не являются решениями уравнения Шредингера для атомов, составляющих молекулярную систему, а выбираются в большинстве случаев из соображений математического удобства. Для выбранного базисного набора уравнения Хартри-Фока принимают вид

$$F_i\sum_\alpha^M c_{\alpha i}\chi_\alpha = \varepsilon_i\sum_\alpha^M c_{\alpha i}\chi_\alpha \quad (7)$$

где F_i – оператор Фока $F_i = h_i + \sum_j^N (J_j - K_j)$, представляющий собой одноэлектронный оператор, описывающий кинетическую энергию электрона и потенциальную энергию его взаимодействия с ядрами $h_i = -\frac{1}{2}\nabla_i^2 - \sum_\alpha \frac{Z_\alpha}{|R_\alpha - r_i|}$ и потенциальную энергию парных взаимодействий электронов друг с другом, описываемую кулоновским J_j и обменным K_j операторами

$$J_i\Phi_j(2) = \int \frac{\Phi_i^*(1)\Phi_i(1)}{|r_1 - r_2|}d\tau_2\Phi_j(2)$$
$$K_i\Phi_j(2) = \int \frac{\Phi_i^*(1)\Phi_j(1)}{|r_1 - r_2|}d\tau_2\Phi_i(2) \quad (8)$$

Собственные значения оператора Фока представляют собой одноэлектронные орбитальные энергии

$$\varepsilon_i = \langle\Phi_i|F_i|\Phi_i\rangle \quad (9)$$

В зависимости от способа размещения электронов по орбиталям определяется вид детерминанта Слейтера, в связи с чем различают *ограниченный* метод Хартри-Фока (система с *n* орбиталями содержит *2n* электронов) и *не ограниченный* метод Хартри-Фока, при котором состояние каждого электрона описывается своей спин-орбиталью.

Недостаток метода Хартри-Фока, как и всех методов самосогласованного поля, состоит в том, что он не позволяет учитывать электронную корреляцию. Этот недостаток вытекает из самого принципа построения многоэлектронной волновой функции в виде произведения одноэлектронных. Хотя таким способом удается вычислить большую часть электронной энергии (при хорошем базисном наборе до 99%), оставшаяся небольшая часть, не учитываемая методом, иногда играет важную роль в ряде физико-химических процессов. Учесть эту поправку призваны так называемые пост-хартри-фоковские расчеты. При проведении таких расчетов во многих случаях однодетерминантную волновую функцию (5) используют в качестве начального приближения Φ_0 и пробную многодетерминантную волновую функцию строят путем линейной комбинации однодетерминантных

$$\Psi = a_0\Phi_0 + \sum_i a_i\Phi_i \qquad (10)$$

Существует три основные группы методов учета электронной корреляции: методы конфигурационного взаимодействия (Configuration Interaction CI), методы теории возмущений (Many Body Perturbation Theory) и методы объединенных кластеров (Coupled Cluster). Во всех случаях затраты компьютерных ресурсов, необходимых для учета поправок к хартри-фоковскому расчету оказываются весьма существенными, поэтому данные методы обычно не используются для оптимизации геометрии молекул и исследования ППЭ, а применяются лишь для уточнения характеристик электронной структуры системы, вычисленных методом Хартри-Фока.

В отличие от метода Хартри-Фока, метод функционала плотности (DFT) не предусматривает вычисление волновой функции, а основан на вычислении электронной плотности ρ, которая, в отличие от волновой функции, является наблюдаемой физической величиной и для многоэлектронной системы в приближении среднего поля представляет собой сумму квадратов одноэлектронных волновых функций

$$\rho_{tot}(r) = \sum_i^N |\Phi_i(r)|^2 \qquad (11)$$

Обоснованием вариационного принципа для метода функционала плотности является доказанная в 1964 г. теорема Хоэнберга-Кона (Hohenberg, Kohn) о том, что энергия основного состояния молекулы является функционалом электронной плотности, который в основном состоянии достигает минимума. В приближении Борна-Оппенгеймера полную энергию многоядерной системы E_{tot} можно представить в виде суммы кинетической энергии T, энергии притяжения электронов к ядрам E_{ne}, кулоновской энергии отталкивания электронов J, обменной энергии K и энергии ядерного отталкивания E_{nn}

$$E_{tot} = T + E_{ne} + J + K + E_{nn} \qquad (12)$$

Практическое использование метода функционала плотности в химии связано с введением Коном и Шемом (Kohn, Sham) орбиталей по аналогии с методом Хартри-Фока (6). Функционал кинетической энергии $T(\rho)$ было предложено разделить на два слагаемых: кинетическую энергию невзаимодействующих электронов $T_s(\rho) = \sum_i^N \left\langle \Phi_i \left| -\frac{1}{2}\nabla_i^2 \right| \Phi_i \right\rangle$ и корректирующий член $T_c(\rho)$, который вместе с обменным членом K объединен в обменно-корреляционный функционал $E_{xc}(\rho)$, так что полный функционал электронной энергии в методе DFT принимает вид

$$E_{DFT}(\rho) = T_s(\rho) + E_{ne}(\rho) + J(\rho) + E_{xc}(\rho) \qquad (13)$$

Аналогами уравнения Рутаана-Холла (Roothaan, Hall) в методе Хартри-Фока, в методе DFT являются уравнения Кона-Шема

$$\begin{gathered} h_{KS}C = SC\varepsilon \\ h_{\alpha\beta} = \langle \chi_\alpha | h_{KS} | \chi_\beta \rangle \\ h_{KS} = -\frac{1}{2}\nabla^2 + V_{ne} + \int \frac{\rho(r')}{|r-r'|}dr' + V_{xc} \\ S_{\alpha\beta} = \langle \chi_\alpha \mid \chi_\beta \rangle \end{gathered} \qquad (14)$$

Оператор V_{ne} описывает кулоновскую энергию электронно-ядерного взаимодействия, аналогично соответствующему члену в операторе Фока, а обменно-корреляционный оператор V_{xc} отвечает соответствующему вкладу в энергию и зависит от электронной плотности и ее градиента

$$E_{xc} = \int \chi_\alpha(r) V_{xc}[\rho(r), \nabla\rho(r)] \chi_\beta(r) dr \qquad (15)$$

Поскольку, в отличие от всех остальных вкладов, конкретный вид этого функционала не известен, существуют различные теоретические подходы к его оценке, составляющие основу разных вычислительных схем метода DFT. Наибольшую популярность в настоящее время имеют так называемые гибридные методы, в частности метод B3LYP, сочетающий трехпараметрический функционал Бекке (B3) и корреляционный функционал Ли, Янга и Парра (LYP), так что выражение для обменно-корреляционной энергии принимает вид

$$\begin{aligned} E_{xc}^{B3LYP} &= (1-a)E_x^{LSDA} + aE_x^{HF} + \\ &+ bE_x^{B88} + (1-c)E_c^{VWN} + cE_c^{LYP} \end{aligned} \qquad (16)$$

где E_x^{LSDA} – вклад в обменную энергию, рассчитываемый по теории локальной спиновой плотно-

сти, E_x^{HF} – вклад в обменную энергию, рассчитываемый по аналогии с методом Хартри-Фока, E_x^{B88} – поправка в обменную энергию, предложенная Бекке (Becke), E_c^{VWN} – корреляционная энергия однородного электронного газа, рассчитываемая по аналитической интерполяционной формуле Воско, Уилка и Ньюсе (Vosko, Wilk, Nusair), E_c^{LYP} – корреляционный функционал Ли, Янга и Парра (Lee, Yang, Parr), a, b, c – эмпирические константы, подобранные Бекке на основании надежных экспериментальных данных для простых химических соединений.

Таким образом, метод DFT B3LYP по сути является полуэмпирическим, в отличие от не эмпирического метода Хартри-Фока. Однако наличие всего лишь трех экспериментальных констант, в противоположность полуэмпирическим методам Хартри-Фока, в которых их число составляет более десятка (18 в методе PM3), существенно повышает прогностическую силу этого метода, поэтому его часто также относят к методам ab initio, подразумевая в данном случае способность метода в принципе дать точный результат.

Для вычислений электронной энергии и параметров электронной структуры атомно-молекулярных систем создано большое количество коммерческих и свободно-распространяемых квантово-химических программ. Наибольший интерес представляют программы, относящиеся к категории открытого программного обеспечения (Open Source) в связи с их доступностью и возможностью изучения и модификации исходного кода. Именно эта категория программ использовалась в настоящей работе для вычисления энергии электронной подсистемы и ее производных. В частности, в данной работе была использована программа NWChem [15], хорошо зарекомендовавшая себя при вычислении на многопроцессорных кластерах. Многократная проверка, выполненная в различных научных коллективах, показала хорошую точность вычисления электронной энергии, обеспечиваемую этой программой. Сравнение энергий атомизации для большого количества низкомолекулярных соединений с экспериментальными значениями, опубликованными в надежных источниках, такими как база данных Национального Института Стандартов и Технологии США [16], показало хорошее соответствие, не уступающее, а для некоторых соединений и превосходящее результаты расчетов, выполненных с использованием коммерческих программ.

К числу задач, решаемых в ходе исследования ППЭ, относится поиск стационарных точек, который производится численно, минимизацией нормы градиента энергии ансамбля атомов как функции ядерных координат $\|\nabla E(R)\|$. Те из точек, в которых матрица Гессе данной функции $\left(\frac{\partial E}{\partial x_i \partial x_j}\right)$ положительно определена, отвечают устойчивым конфигурациям системы. Для них, диагонализуя матрицу, можно рассчитать колебательный спектр [17] и исследовать форму собственных колебаний, что в ряде случаев позволяет предсказать направление химических превращений молекул [18]. С использованием частот нормальных колебаний в рамках методов статистической физики вычисляется колебательная статистическая сумма, распределение Гиббса в приближении «жесткий ротатор – гармонический осциллятор» и термодинамические функции вещества в состоянии идеального газа [19].

Библиографический список

1. *Богатский А.В.* Мезо- и макрогетероциклы: Избранные труды. – К.: Наукова думка, 1986. – 203 с.

2. *Миронов А.Ф.* Фотодинамическая терапия рака – новый метод диагностики и лечения злокачественных опухолей // Соросовский образовательный журнал. – 1996. – № 8. – С. 32–40.

3. *Симон Ж., Андре Ж.Ж.* Молекулярные полупроводники. Фотоэлектрические свойства и солнечные элементы / Пер. с англ. – М.: Мир, 1988. – 344 с.

4. Hiroko Yamada, Naoko Kamio Manami Kawano. Photocurrent generation by benzoporphyrin films prepared by a solution process // J. Porphyrins Phthalocyanines. – 2007. – № 11. – P. 383–390.

5. The world's first solution conversion type organic photovoltaic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mitsubishichem-hd.co.jp/english/group/strategy/major_project/solar_cell.html

6. *Михайлов И.Е., Душенко Г.А., Стариков Д.А., Михайлова О.И., Минкин В.И.* Молекулярный дизайн электролюминесцентных материалов для органических светоизлучающих диодов (OLEDs) // Вестник южного научного центра РАН. – 2010. – Т. 6. – № 4. – С. 32–45.

7. *Bartlett N.* The oxidizing properties of the third transition series hexafluorides and related compounds // Angew. Chem. Internet. Edit. – 1968. – V. 7. – № 6. – P. 433–439.

8. *Русаков А.И., Мендкович А.С., Гультай В.П., Орлов В.Ю.* Структура и реакционная способность органических анион-радикалов – М.: Мир, 2005. – 294 с.

9. *Кругляк А.Ю., Кругляк Н.Е.* Квантовомеханический расчет одноэлектронного полевого транзистора на молекуле бензола // Sensor Electronics and Microsystem Technologies. – 2011. – Т. 2(8). – № 3. – С. 60–70.

10. *Власов, А. Н. Филиппов В. В.* Квантово-энергетические и кинетические свойства материалов кремниевой наноэлектроники на основе кластеров

Si_2–Si // Журнал радиоэлектроники. – 2011. – № 8. – С. 1–14.

11. *Куранов Д. Ю.* Моделирование электронных свойств органических полупроводников: Автореферат дис. … канд. физ.-мат. наук. – СПб., 2011. – 16 с.

12. *Шумкин Г.Н., Попов А.М., Куриони А., Лайно Т.* Моделирование из первых принципов молекулярного переключателя на основе реакции изомеризации // Математическое моделирование. – 2010. – Т. 22. – № 11. – С. 18–28.

13. *Levine I.A.* Quantum Chemistry. 5-th ed. – Prentice-Hall, Upper Sadle River, New Jersey, 2000. – 740 p.

14. *Mueller M.* Fundamentals of Quantum Chemistry. Molecular Spectroscopy and Modern Electronic Structure Computation. – New York: Kluwer Academic Publishers, 2002. – 265 p.

15. *Valiev M., Bylaska E.J., Govind N., Kowalski K., Straatsma T.P, van Dam H.J.J., Wang D., Nieplocha J., Apra E., Windus T.L., de Jong W.A.* NWChem: a comprehensive and scalable open-source solution for large scale molecular simulations // Comput. Phys. Commun. – 2010. – V. 181. – P. 1477–1489.

16. Computational Chemistry Comparison and Benchmark DataBase [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cccbdb.nist.gov.

17. *Грибов, Л.А., Баранов, Б.К., Новосадов В.И.* Методы расчета электронно-колебательных спектров многоатомных молекул. – М.: Наука, 1984. – 325 с.

18. *Грибов, Л.А., Баранов В.И.* Теория и методы расчета молекулярных процессов: спектры, химические превращения и молекулярная логика – М.: КомКнига, 2006. – 480 с.

19. *Смирнова Н.А.* Методы статистической термодинамики в физической химии. – М.: Высшая школа, 1982. – 455 с.

УДК 535

Цховребов Эдуард Станиславович
кандидат экономических наук
Академия безопасности и специальных программ, г. Москва

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЩЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В статье рассматриваются вопросы опасного воздействия строительных материалов на человека и окружающую среду, ранжирования степени опасности материалов и изделий как одного из важных составляющих системы экологического менеджмента и маркетинга в сфере обращения со строительными материалами.

Ключевые слова: *экологическая безопасность, охрана окружающей среды, строительные материалы, экологический менеджмент, ранжирование материалов по степени опасности.*

Строительные материалы представляют одну из весомых составляющих экологической опасности как процесса строительных и ремонтных работ, так и эксплуатируемых впоследствии помещений зданий. Загрязнение среды помещения, контактирующей с поверхностью, в первую очередь, отделочных строительных материалов, происходит путем выделения газообразных веществ, образующихся в результате испарения летучих соединений либо твердых частиц, посредством деструкции материала или трения. Процесс эмиссии, миграции из материала содержащихся в нем токсичных летучих органических и неорганических соединений, продолжительность которого составляет от нескольких часов до многих месяцев, а иногда и десятков лет, может быть активизирован условиями эксплуатации, действиями высокой температуры, ультрафиолетовых лучей, механических нагрузок, реакциями, приводящими к образованию опасных для здоровья человека и окружающей среды мигрирующих соединений, в т.ч. – вторичных в результате эффекта суммации. Экологическая опасность строительных материалов зависит от их физико-химических свойств, определяющих, в свою очередь, состав и количество загрязняющих веществ, выделяемых в воздушную среду рабочей зоны и эксплуатируемых помещений, а также уровень токсичности, взрыво- и пожароопасности, реакционной способности. И если некоторые виды соединений, выделяемых с поверхности строительных материалов, можно периодически в течение короткого периода времени удалить с помощью влажной уборки, вентиляции и проветривания помещений, то неблагоприятное воздействие, к примеру, строительных полимерных материалов на организм человека, обусловленное выделением вредных веществ во внешнюю среду при эксплуатации изделий, устраняется только с помощью демонтажа материала из помещения.

Как показывают гигиенические исследования, наибольшую санитарно-гигиеническую опасность представляют полимерные строительные изделия и материалы на минеральных вяжущих, изготовленные с использованием отходов производства (бетоны, теплоизоляционные изделия), для которых наиболее вероятен риск сверхнормативного содержания опасных для здоровья веществ и радионуклидов. Исследования, проведенные ГИПЭ МПР России, показали, что источником более 80% опас-

 © Цховребов Э.С., 2013

ных веществ, обнаруженных в воздушной среде непроизводственных (офисов, бытовых и жилых помещений) являются используемые в них строительные отделочные материалы [1]. Конечно, не все современные строительные и отделочные материалы опасны, но большинство из них, изготовленных с применением химических добавок, характеризуются различной степенью экологической опасности и оказывают негативное воздействие на здоровье человека.

Для комплексного всестороннего анализа негативного влияния опасных и вредных факторов строительного производства в целом и строительных материалов в частности на окружающую среду и здоровье человека, определяющих, в конечном итоге, возможность и длительность пребывания человека в конкретных условиях строительства и эксплуатации зданий и помещений, большое значение приобретает выбор концептуального подхода. В настоящее время конкурируют два подхода к оценке опасного воздействия строительных материалов и изделий на здоровье людей. Линейный, принятый в западноевропейских странах, США, предусматривает комплексный анализ во времени токсикологического действия всех поступающих в организм человека вредных веществ при контакте с ними (вдыхании, попадании на слизистые оболочки и пр.), независимо от степени их опасности и соответствия нормам предельно допустимых концентраций (ПДК) в воздушной среде, с учетом суммирующего эффекта при взаимодействие этих веществ между собой и веществами, находящимися в организме человека. Пороговый, использующийся, в основном, в России и странах СНГ, предусматривает оценку безопасности материалов для человека с помощью конкретного критерия – допустимого (порогового) уровня в виде установленных норм ПДК (максимально разовой, среднесуточной, рабочей зоны) и ориентировочно безопасных уровней воздействия (ОБУВ), содержащихся в атмосферном воздухе вредных примесей, выделяющихся с поверхности строительных материалов, не оказывающих (с учетом эффекта суммации вредных веществ) отрицательного (прямого или косвенного) воздействия на организм человека [1, 7].

С учетом использующегося в нашей стране порогового подхода к оценке влияния на здоровье людей опасных и вредных производственных факторов, связанных с загрязнением окружающей среды, в целях обеспечения санитарно-гигиенической безопасности строительства и ремонта, необходимо уже на стадии проектирования закладывать в проекте использование только безопасной для человека продукции, отказ от применения строительных материалов, содержащих в своем составе даже незначительное количество токсичных веществ, потенциально негативно влияющих на здоровье людей. Ко всем материалам и изделиям, независимо от области их применения, должно регламентироваться единое требование – их радиационная, гигиеническая, токсикологическая, экологическая безопасность, отсутствие выделений вредных веществ в окружающую среду.

Чрезвычайно актуальные проблемы ранжирования безопасного обращения строительных материалов в процессе осуществления строительных и ремонтных работ можно рассматривать как в разрезе опасности непосредственно самих материалов, так и регламентации санитарно-гигиенических и экологических требований, предъявляемых к различным группам помещений, зданий, сооружений.

На основе анализа информации, изложенной в нормативно-правовых актах в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия человека [4–6] и исходя из степени жесткости предъявляемых санитарных требований к эксплуатации помещений зданий в части возможности безопасного использования в них тех или иных строительных материалов и изделий, представляется целесообразным все помещения разделять на четыре основные группы.

Первая группа должна объединять помещения зданий, в которых требования к безопасности и качеству применяемых материалов при проведении строительных или ремонтных работ должны быть предельно высокими. К ним относятся помещения с максимальным по времени (более четырех часов в сутки) пребыванием людей в процессе их жизнедеятельности (работа, учеба, сон, отдых и пр.): жилые дома, общежития, медицинские учреждения, гостиницы, дошкольные, средние и высшие учебные заведения, санатории, дома отдыха, офисы. Во вторую группу могут включаться развлекательные, культурные и торговые учреждения, в которых пребывание людей происходит периодически (от одного часа до четырех часов, в т.ч. ежедневно): концертные залы, театры, закрытые спортивные сооружения, библиотеки, компьютерные центры, бани, салоны красоты, кафе, рестораны, бары, клубы и в которых присутствуют особые условия климата помещений (повышенные температура, влажность, вибрация, пылевыделение, наличие в воздухе помещений химически активных веществ, недостаточные условия для кондиционирования), способствующие негативному воздействию эксплуатируемых строительных материалов на здоровье человека. Третья группа может быть представлена магазинами, ателье, предприятиями коммунального и бытового обслуживания, платежными центрами с кратковременным (до одного часа) пребыванием человека. К четвертой группе относятся производственные цеха, склады, котельные, бойлерные, гаражи, сельхозпредприятия, вспомогательные сооружения.

В целях обеспечения экологической и санитарно-гигиенической безопасности для первой, второй и третьей групп помещений должны использоваться строительные материалы и изделия, выделяю-

щие в воздушную среду вредные вещества в количестве, не превышающем их ПДК или безопасные уровни. Кроме того, для 1-й и 2-й групп помещений нецелесообразно использование материалов, в составе которых присутствуют чрезвычайно и высокоопасные токсичные вещества: соединения свинца и ртути, хлористый винил, стирол, бензол, фенол, формальдегид, акрилонитрил и др., способные выделять опасные для здоровья человека пары и аэрозоли. Для четвертой группы – промышленных и вспомогательных зданий и сооружений – представляется возможным применять материалы, выделяющие летучие вещества в концентрациях, не превышающих их ПДК в воздухе рабочей зоны производственных помещений.

К сожалению, во многих научных работах, методических документах и рекомендациях при классификации зданий и помещений по возможности использования в них тех или иных материалов не в полной мере учитываются факторы времени пребывания человека в таких помещениях, а также особенности эксплуатации помещений. Несмотря на то, что большинство населения страны ежедневно в течение восьмичасового рабочего дня (а зачастую и более) пребывают в офисных помещениях, в которых не всегда на должном уровне организованы вентиляция и кондиционирование, места для приема пищи, курения, влажная уборка помещений, с учетом присутствия в воздушной среде значительного количества опасных соединений, выделяемых с поверхности синтетических покрытий, мебели, от работающей офисной техники (принтеры, ксероксы и пр.), просачивающихся с воздухом от туалетов, бытовых и курительных комнат, административные и офисные помещения не приравниваются по степени опасности и риска к жилым помещениям и относятся, как правило, ко второй группе помещений зданий. Все это приводит к тому, что недобросовестные работодатели, игнорируя санитарно-гигиенические нормы и экономя на здоровье работающих, не обеспечивают необходимые условия вентиляции и кондиционирования помещений, а отделку офисных помещений производят самыми дешевыми, опасными для здоровья сотрудников материалами и, при этом, как правило, не несут за это никакой юридической ответственности.

Относя бани, салоны, ночные клубы и аналогичные развлекательные заведения к третьей группе с небольшим риском использования в них опасных строительных материалов, совершенно не придается должного значения факторам долговременного (4–6 часов), а иногда и ежедневного пребывания в них большого количества людей, влияния повышенной температуры на интенсивность выделения опасных соединений с поверхности полимерных и иных материалов, вибрации – на уровень пылевыделения. Не учитываются также опасные свойства таких материалов (пожароопасность, горючесть, токсичность) при потенциальной возможности их нагревания, воспламенения и горения, что ежегодно приводит к гибели десятков людей при возникновении чрезвычайных ситуаций в таких помещениях (печально известный ночной клуб «Хромая лошадь» и другие).

Анализ литературных источников показывает, что опасные вещества, выделяющиеся в атмосферный воздух с поверхности строительных материалов, можно разделить также на четыре основные группы [2–7].

В первой группе следует выделить применяемые в качестве сырья для производства стройматериалов радиационно-опасные или те химически опасные вещества, промежуточные и конечные продукты которых при выделении из стройматериалов не утрачивают своих химических свойств и образуют в воздухе (в том числе и с учетом эффекта суммации) токсичные пары и аэрозоли на протяжении всего срока эксплуатации, превышая допустимые уровни содержания в воздушной среде (например, соединения свинца или ртути). При гигиенической оценке таких материалов и изделий первостепенный анализ вредного воздействия на человека должен проводиться по самым опасным компонентам – чрезвычайно и высокотоксичным соединениям (1 и 2 класса). Немаловажен и комплексный анализ степени воздействия на человека умеренно опасных и малоопасных веществ с учетом их физико-химических свойств, реакционной способности и эффекта суммации с возможным образованием более токсичных соединений.

Вторую группу могут составлять строительные материалы и изделия, в которых опасные примеси выделяются в воздушную среду на начальном этапе эксплуатации (не более 1–2 лет), а затем интенсивность их выделения резко или плавно снижается до допустимых уровней и ниже. К ним могут быть отнесены материалы, изначально обладающие более токсичными свойствами, нежели чем их конечные продукты – отходы. Так, например, отходы линолеума и древесно-стружечных плит отнесены к 4 классу опасности – малоопасным отходам. Но при этом в состав линолеума входят выделяемые на начальных этапах эксплуатации чрезвычайно опасные соединения (1 класса) – винилхлорид, высокоопасные (2 класса) – фенол, бензол, четырёххлористый углерод, трихлорметан, а в состав ДСП – высокоопасные соединения: фенол и формальдегид. Получается, что большинство выделяемых в воздушную среду токсичных веществ принимает в свой организм человек, эксплуатирующий данное помещение. И здесь одними из важнейших факторов, влияющих на «потребление» человеком разовой и среднесуточной «дозы» опасных веществ, являются, с одной стороны, продолжительность его пребывания в таких помещениях, с другой – интенсивность выделения в воздушную среду токсич-

ных соединений и эффективность их удаления с помощью систем вентиляции и кондиционирования, а также уборки помещений. И если первый фактор представляется возможным реализовать лишь консервацией на какое-то время такого помещения, либо удалением опасных строительных материалов и изделий, что в практической деятельности маловероятно, то реализация мероприятий по организации эффективной вентиляции и уборки помещений вполне может стать одним из способов уменьшения вредного влияния опасных стройматериалов на здоровье человека.

К третьей группе следует отнести материалы, в которых опасные химические вещества в короткие сроки (не более недели) улетучиваются (например, быстросохнущие ЛКМ с невысоким содержанием летучей части растворителя) или в результате физико-химических процессов (гидролиза, сорбции, разложения, окисления, деструкции) видоизменяются или превращаются в малоопасные или практически неопасные для здоровья человека соединения еще на этапе проведения строительных или ремонтных работ. В одних случаях вредные вещества прочно фиксируются в материале, образуя в нем соединения нелетучих веществ, в других – в результате химического воздействия с различными элементами материала или воздушной среды происходят изменения химической структуры опасных веществ, приводящие к полной потере ими токсических свойств и мобильности. Примером может служить сорбция сероводорода и других токсичных соединений некоторыми видами штукатурки, способствующая очистке воздуха помещений.

К четвертой группе можно отнести материалы, состоящие из радиационно-неопасных, малотоксичных нелетучих соединений, не оказывающих, как в процессе строительства или ремонта, так и в процессе дальнейшей эксплуатации помещений, опасного воздействия на окружающую среду и здоровье человека: стекло, дерево, листовой металл, глина, природный камень, натуральная олифа на растительных маслах, изоляционные материалы из природных компонентов (целлюлоза, войлок, стружка, хлопок, пробка и т.д.).

В итоге экологически безопасными строительными материалами и изделиями можно назвать те материалы, которые при любых условиях эксплуатации (изменения температуры, влажности, вибрации, уровня солнечной радиации):

– обладают уровнем радиоактивности ниже фоновых значений;

– не содержат летучих чрезвычайно, умеренно и высокотоксичных соединений;

– не выделяют в воздушную среду при деструкции, старении, износе опасных твердых или газообразных веществ 1, 2 или 3 классов опасности;

– не способны вступать в химические реакции с веществами, находящимися в водной, воздушной среде, почве с образованием токсичных соединений 1–3 класса;

– не обладают биологически опасным действием на людей, природную среду;

– взрывобезопасны и не образуют смертельно опасные для здоровья человека продукты при горении, термическом разложении;

– не нарушают безопасный для человека микроклимат помещений (температурный режим, теплопроводность полов, электромагнитный и геомагнитный «фон», уровень запыленности, инсоляция, относительная влажность воздуха, ионный состав, запах, цветовая гамма).

Для комплексной эколого-гигиенической оценки строительного материала необходимо исследовать, проанализировать и оценить весь комплекс отрицательных свойств в части влияния на здоровье человека, то есть его гигиеническую безопасность на всех стадиях цикла обращения материала: как на стадии его производства, применения в процессе строительных или ремонтных работ, так и его эксплуатации с учетом того фактора, что от выбора материала для интерьера зависит не только комфорт, но и безопасность жизнедеятельности человека.

В зависимости от сферы применения и предполагаемых условий эксплуатации материалов и изделий большое значение в плане обеспечения безопасности для здоровья людей могут иметь ряд показателей:

– физиолого-гигиенические (например, температура поверхности кожи при контакте с материалом);

– органолептические (запах и привкус материала или контактирующих с ним сред);

– физико-гигиенические (теплопроводность, электризуемость и др.);

– микробиологические (влияние материала на развитие микроорганизмов);

– эксплуатационно-технические (пористость, устойчивость к ультрафиолетовым лучам, водопоглощение, плотность, воздухопроницаемость и др.).

Одним из эффективных способов повышения экологической безопасности помещений является отказ (как в промышленном, так и гражданском или индивидуальном строительстве) от использования строительных материалов и изделий, обладающих повышенным уровнем радиоактивности, содержащих чрезвычайно и высокотоксичные вещества и оказывающих иные виды неблагоприятного воздействия на человека (физическое, биологическое и пр.), даже если такие материалы обладают положительными конструктивными характеристиками, эксплуатационными свойствами и низкой себестоимостью. В этом случае, руководствуясь законами рынка, товаропроизводитель будет искать пути повышения уровня экологической и санитарно-гигиенической безопасности продукции при планировании и организации бизнеса, систем маркетинга.

Такой жесткий подход, поддерживаемый и на законодательном уровне, будет ориентировать и стимулировать производителей строительной продукции на выпуск исключительно экологически безопасных материалов, создание и внедрение систем экологического менеджмента в области обращения строительных материалов. В этих условиях спрос на строительном рынке будет предопределен выбором потребителя – его отказом от применения материалов, содержащих вредные для человека вещества. Немаловажным фактором является включение санитарно-гигиенических показателей в критерии «качество товаров, продукции» или «гарантия качества товаров, работ, услуг» при проведении аукционов и конкурсов на приобретение строительных и ремонтных подрядов.

На стадии проведения ремонтных работ необходимо предусматривать замену опасных материалов на менее опасные для здоровья человека и окружающей среды, либо использование защитных средств (покрытий и пр.) для исключения прямого контакта человека с опасными материалами. Последнее решение может быть использовано и в новом строительстве, если выбранный материал содержит вредные вещества, но для выбора по эксплуатационно-техническим параметрам ему нет альтернативных вариантов. Наиболее целесообразный путь гигиенического нормирования – установление допустимых уровней миграции вредных веществ еще на стадии выхода материалов с предприятия-изготовителя, позволяющее контролировать их свойства в рамках производственно-технического, экологического и санитарно-гигиенического контроля выпускаемой продукции.

Экономически эффективное и экологически безопасное обращение со строительными материалами, внедрение систем экологического менеджмента в рамках реализации единой экологической политики должны стать частью общей системы управления в строительном комплексе, включающей нормативно-правовое регулирование, организационно-управленческие решения, маркетинг, всесторонний анализ и комплексную оценку санитарно-гигиенических свойств материалов и изделий, сертификацию на соответствие нормативным требованиям, оценку воздействия на окружающую среду, производственный контроль, деятельность по планированию рационального использования природных ресурсов, используемых в качестве сырья и материалов, ресурсосбережение, утилизацию и вторичное использование остатков строительных материалов и т.п. В соответствии с данной терминологией модель системы управления качеством обращения со строительными материалами должна охватывать все составляющие этого процесса: экологическую политику, планирование, создание, внедрение и функционирование, контроль и корректировку действий, анализ состояния системы, непрерывное её совершенствование.

Только обеспечение всех перечисленных выше мер в строительном комплексе может способствовать защите жизни и здоровья российских граждан и оздоровлению окружающей среды.

Библиографический список

1. *Горбатовский В.В., Мамин Р.Г., Рыбальский Н.Г.* Экология жилища. – М.: РЭФИА, 1995. – 80 с.

2. ГОСТ 12.1.005-88. Общие санитарно-гигиенические требования к воздуху рабочей зоны.

3. ГОСТ12.1007-76. Вредные вещества. Классификация и требования безопасности.

4. Методические указания МУ 2.1.2.1829-04 «Санитарно-гигиеническая оценка полимерных и полимерсодержащих строительных материалов и конструкций, предназначенных для применения в строительстве жилых, общественных и промышленных зданий», утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 06.01.2004 и введены в действие с 01.05.2004.

5. СанПиН 2.1.2.729-99 «Полимерные и полимерсодержащие строительные материалы, изделия и конструкции. Гигиенические требования безопасности», утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 27 января 1999 № 3; введены в действие с 27.03.99.

6. СанПиН 2.1.2.1002-00 «Санитарно-эпидемиологические требования к жилым зданиям и учреждениям». – М., 2000.

7. *Станкевич К.И., Шефтель В.О., Чекаль В.Н., Янко Н.М.* Гигиена применения полимеров. – Киев: Здоровье, 1974. – 143 с.

8. СТО БДП-3-94. Здания малоэтажные жилые. Общие требования обеспечения экологической безопасности.

ИСТОРИЯ

УДК 940

Аристов Станислав Васильевич
кандидат исторических наук
Московский областной гуманитарный институт, Подольск
aristov_stanislav@hotmail.com

РОЛЬ ДАХАУ И ЛИХТЕНБУРГА В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ

Статья посвящена дискуссионному вопросу современной европейской историографии – роли концентрационных лагерей Дахау и Лихтенбурга на начальном этапе становления нацистской лагерной системы. В работе проанализированы позиции ведущих исследователей в данной области, а также представлено авторское видение вопроса.

Ключевые слова: *Дахау, Лихтенбург, нацизм, концентрационные лагеря, «третий рейх».*

На протяжении десятилетий исследователи, занимающиеся проблемой нацистской концлагерной системы, объясняли ее функционирование на ранних этапах становления сквозь призму такого понятия как «модель Дахау» или «школа Дахау», акцентируя внимание на ведущей роли этого лагеря в данном процессе [6; 8]. Однако работы ученых последних лет, посвященные лагерю Лихтенбург, претендуют на то, чтобы иначе оценить ранний этап функционирования нацистского «конвейера смерти», во многом предопределивший будущее системы [3]. Для того чтобы понять, насколько подобные попытки правомерны, следует обратиться к ранней истории Дахау и Лихтенбурга.

Дахау – первый концентрационный лагерь в «третьем рейхе», был открыт 22 марта 1933 г. по приказу Г. Гиммлера, возглавлявшего в то время полицию в Мюнхене [4, s. 45]. Лагерь создавался для 5000 узников, в первую очередь «политических» [5]. На начальном этапе своего существования Дахау представлял собой один из множества местных лагерей, возникших в Германии в 1933 г. В эти первые месяцы функционирования еще было абсолютно не очевидно, что в дальнейшем он станет примером для организации концентрационных лагерей.

Подобные качественные изменения были связаны с появлением на посту коменданта Дахау Теодора Эйке, который 26 июня 1933 г. сменил Хилмара Векерле, человека, неугодного Г. Гиммлеру. По мнению большинства европейских ученых, именно Эйке и создает специфическую модель лагерного руководства, получившую название «школа Дахау», что означало переход к систематизации террора. Во-первых, Т. Эйке закрыл концентрационный лагерь от внешнего мира – в первую очередь, от вмешательства юстиции и общественности. Во-вторых, он разделил управлявших лагерем эсесовцев на охрану и комендатуру. В-третьих, систематическое насилие должно было заменить проявления жестокости отдельных эсесовцев. Он издал распоряжение «О дисциплине и штрафах в лагерях для пленных», а также «Служебное предписание для руководящих постов и охраны». Эти документы предоставляли единый для всех образец поведения с заключенными, были направлены на ограничение возможности побегов, и, наконец, обеспечивали лагерный распорядок, который должен был служить цели запугивания узников. Узники, надеявшиеся на то, что подобная система «норм» позволит им избежать наказания, если они будут их соблюдать, ошибались. Нормированность лагерной жизни стала очередным инструментом террора нацистов.

В 1934 г. Гиммлер назначил Эйке руководителем новой организации «Инспекции концентрационных лагерей» (ИКЛ) и поставил перед ним задачу реорганизовать лагерную систему по образу Дахау. Подобное реформирование системы происходило с 1934 г. по 1936 г., когда некоторые лагеря были закрыты, другие переподчинены ИКЛ и реформированы по образцу Дахау и, наконец, начали появляться лагеря нового типа, первым из которых стал в 1936 г. Заксенхаузен. Руководящий и охранный персонал лагерей должен был вступать в СС и подчиняться Эйке и Гиммлеру, в противном случае он подлежал увольнению.

Чем же была для самих эсесовцев «школа Дахау» под руководством Эйке? Как они ее воспринимали и какой опыт получили? Комендант Дахау и глава Инспекции концентрационных лагерей использовал в своей практике приемы, применявшиеся в военных объединениях – муштру, размещение эсесовцев в казармах, наказание за любое неподчинение приказу. Один из эсесовцев так описывал подобный процесс обучения: «особым методом унижения было следующее: если кто-то ронял патроны на землю, во время тренировки, должен был поднять их ртом с земли…» [7, s. 129]. Подобное военное образование было направлено помимо прочего на абсолютное подчинение воли эсесовцев вышестоящему начальству. Помимо этого, Эйке формировал в персонале лагерей враждебное отношение к узникам: «Там, за колючей проволокой враг, который наблюдает за вашим поведени-

© Аристов С.В., 2013

ем и с нетерпением ожидает, чтобы использовать вашу слабость…» [7, s. 130]. В целях получения опыта комендант Дахау обязывал эсесовцев лично исполнять физические наказания, смертные приговоры. Как позднее писал в своих мемуарах один из «учеников» Эйке – Рудольф Хесс – комендант Аушвица, «согласно замыслу Эйке, благодаря длительному обучению и соответствующим приказам об опасности заключенных, его эсесовцы должны были относиться к заключенным крайне враждебно, ненавидеть их, а всякие признаки сострадания к ним подавлять в зародыше». В дальнейшем Хесс дополнял: «Эти охранники времен времён комендантства Эйке в Дахау стали позднее комендантами шутцхафтлагерей, рапортфюрерами и другими функционерами поздних лагерей. Заключенные были и навсегда остались для них «врагами государства» … Начальники и рядовые охранники Дахау, после назначения Эйке инспектором КЛ, постоянно распределялись по другим лагерям, чтобы распространять дух Дахау…» [2].

Подобное видение Дахау как организационной модели для лагерной системы характерно для большинства европейских ученых. Однако последние исследования историка Штефана Хёрдлера, касающиеся истории лагеря Лихтенбург, позволяют дополнить имеющиеся данные.

Замок Лихтенбург был официально открыт в качестве «сборного лагеря» 13 июня 1933 года. С 1933 г. по 1937 г. он был мужским лагерем, а с 1937 г. по 1939 г. лагерем для женщин. По мнению немецкого ученого, Лихтенбург являлся вторым центром, помимо Дахау, оказавшим влияние на дальнейшее становление всей системы. Это объяснялось тем фактом, что существенная часть комендантов концентрационных лагерей, функционировавших во время войны, их заместителей, охраны, надзирательниц получала опыт своего обучения только в Лихтенбурге и никогда не была в Дахау. Например, 14 будущих комендантов тренировались в Пруссии, а не в Баварии. Аналогичным образом дело обстояло со старшими надзирательницами Равенсбрюка, Аушвица и Гросс-Розена – Й. Лангефельд, М. Мандль и Ж. Бернигау. 13 эсесовцев, являвшихся членами «команды 99», убивших более 7000 советских военнопленных с 1941 г. по 1944 г., также обучались только в Лихтенбурге [3, s. 111–116]. При этом сам прусский лагерь существенно отличался от остальных. Он единственный из ранних лагерей, наряду с Дахау, не был перестроен после реорганизации 1934–1936 гг. Лихтенбург так и размещался в средневековом замке, где деперсонализацию, жесткую дисциплину, как у заключенных, так и у эсесовцев, было сложнее организовать, чем в «лагерях нового типа» с барачными постройками и симметрично организованным пространством, целью которого являлось подчинение лагерной администрации. Да и само перемещение из одного лагеря в другой, например, для обучения из Лихтенбурга в Дахау, вплоть до 1936 г. не было распространено. Эта ситуация объяснялась недостатком средств, так как ранние лагеря финансировались из регионального бюджета, а не из государственного. Наконец, как отмечает Ш. Хердлер, роль «школы Дахау» была преувеличена в мемуарах и показаниях лишь той группы эсесовцев, которые там проходили службу и были близки Эйке по духу, или связям, как например Р. Хесс [3, s. 110]. Таким образом, Лихтенбург рассматривается ученым как второй, независимый от Дахау, источник формирования элиты и рядовых эсесовцев, оказавший существенное влияние на дальнейшее развитие лагерной системы.

Подводя итого сравнению двух точек зрения, сложившихся в исторической науке, на роль Дахау и Лихтенбурга в генезисе концентрационных лагерей «третьего рейха», следует отметить ряд существенных моментов. Не отрицая влияния Лихтенбурга, тем не менее, его не стоит преувеличивать. В 1934 г. в Пруссии, под руководством Г. Геринга, так и не было предложено единого плана развития лагерной системы. Сам министр-президент Пруссии выступал за резкое сокращение количества лагерей, считая, что нужно оставить только четыре – Дахау, Папенбург, Зонненбург и Бранденбург. Лихтенбург даже не рассматривается как лагерь государственного масштаба, имевший влияние [1, с. 234]. Однако назначение Гиммлера начальником политической полиции Пруссии 20 апреля 1934 г. позволило ему остановить процесс сокращения количества лагерей и отдать приказ Эйке на их унификацию по «модели Дахау». И первым лагерем, подлежавшим реформированию, стал именно Лихтенбург. Для этого с мая по июль 1934 г. комендантом был назначен лично Т. Эйке.

Однако самым главным в вопросе о преимущественной роли Дахау для дальнейшего развития «конвейера смерти» является тот факт, что система, созданная Эйке и распространенная им, в том числе посредством ИКЛ, требовала от всех без исключения эсесовцев, и сотрудников лагеря, откуда бы они не приходили на службу, определенных моделей поведения. В этой связи наличие людей, миновавших Дахау и назначавшихся на руководящие посты других лагерей непосредственно после Лихтенбурга, не играло существенной роли для общих принципов функционирования системы. Да и количество нацистов, прошедших через Дахау или лично отобранных Эйке, на ключевых постах нацистской империи смерти было весьма существенным, для того чтобы влиять на ее эволюцию.

Библиографический список

1. *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. – М.: Текст, 2003. – 687 с.

2. Комендант Освенцима. Автобиографические записки Р. Гесса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //gulag. narod.ru / hoess / (дата обращения 23.01.2012)

3. *Hördler S.* Before the Holocaust: Concentration Camp Lichtenburg and the Evolution of the Nazi Camp System // Holocaust and Genocide Studies. Spring 2011. – P. 100–126.

4. Lexikon des Holocaust / Hrsg. Benz W. – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2002. – 262 s.

5. Münchner Neueste Nachrichten. – 21 März 1933.

6. *Orth K.* Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – 396 s.

7. *Orth K.* Die Konzentrationslager-SS. Göttingen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004. – 396 s.

8. *Richardi H.-G.* Schule der Gewalt. Die Anfänge des Konzentrationslagers Dachau 1933–1945. Ein dokumentarischer Bericht. – München: Beck, 1983. – 331 s.

УДК 947

Бушуев Иван Алексеевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ivan.textwork@yandex.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И ПРОВИНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

В статье проанализированы наиболее важные аспекты взаимодействия центра и провинции в контексте изучения вопросов повседневной жизни. Автор рассматривает различные стороны отношений между столицами и периферией, а также изучает их влияние на основные бытовые процессы, происходящие в обществе.

Ключевые слова: *повседневность, столица, периферия, центр, провинция.*

Российская провинция – уникальное явление. Противоположность столичного и периферийного пространства – один из базовых принципов организации социума российского государства на всех этапах его развития. Взаимоотношения центра и провинции могут быть рассмотрены с различных аспектов (социально-политический, экономический и др.), однако нас более интересуют вопросы, связанные непосредственно с культурно-бытовой и повседневной жизнью. Под провинциалом зачастую подразумевается человек, чей культурный уровень довольно-таки низок, а его жизненный уклад и традиционные воззрения не позволяют признать его «современным», в то время как сама провинция архаична, консервативна, подвержена застою.

Изучение истории повседневности – это анализ внутренних мотивов человеческой деятельности, непосредственно влияющих на течение исторического процесса на макроуровне. В данном контексте человек рассматривается не только как объект воздействия, но и как субъект, своей деятельностью созидающий и меняющий окружающую его действительность в рамках того или иного хронологического периода.

Само понятие *«повседневность»* имеет множество трактовок в рамках различных гуманитарных наук. В словаре синонимов оно определяется как «(житейская или жизненная) проза, проза жизни, житейские мелочи, будни, обыденщина» [1, с. 335]. В данном определении нет даже намека на то, что каждодневный быт всего человечества в целом и отдельного индивида в частности складывается в течение всего исторического процесса. Каждый имеет собственное сознание, потребности и мотивацию, ищет пути к обустройству собственной жизни и т.д. Ментальная и психологическая составляющие происходящих вокруг нас событий – априори важнейшие факторы всех текущих процессов. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даётся следующая, довольно такие краткая трактовка термина – *«бытовая сторона жизни»* [13, с. 250]. А вот прилагательное *«повседневный»* определяется в двух значениях: «1. Осуществляемый изо дня в день. 2. Бывающий всегда, обычный» [13, с. 250].

Энциклопедический словарь современной западной философии представляет нам следующее определение: «Повседневность – понятие, применяемое в современных социальных науках (истории, социологии, философии, социальной и культурной антропологии) для обозначения целостной социокультурной реальности, рассматриваемой в качестве “естественной” предпосылки всякого человеческого знания и действия» [16, с. 169–170].

С культурной точки зрения, *«повседневность»* – это «характеристика обыденной рутинной части (большей по времени) жизни человека, которая в силу своей тривиальности, примитивной утилитарности, серой внесобытийности, монотонности остается практически незамеченной самим человеком (и его окружением), протекает автоматически, как правило не фиксируется сознанием [18, с. 339]. Типичность происходящего жизненного цикла зачастую оставляет его за бортом серьёзным научных исследований. Но также вне поля зрения порой остаётся и тот факт, что именно та самая *«внесобытийность»* влияет на ценностные установки и отношение человека непосредственно к *«фундаментальному»* и «*событийному*».

© Бушуев И.А., 2013

А.С. Ахиезер в собственном словаре социокультурных терминов даёт развёрнутую трактовку данного понятия: «Повседневность – человеческая жизнь, рассмотренная с точки зрения тех функций и ценностей, которые плотно заполняют эмоциональную жизнь личности, включая труд, быт, отдых, передвижения и т. д.» [2, с. 340]. Данное определение важно для нас тем, что ученый видит в повседневности не простую череду типичных событий, которые повторяются изо дня в день, а считает, что «ценности повседневной жизни, их прочность и массовость являются почвой для всемирной истории... <...> Повседневность постоянно воспроизводится как мощный пласт отношений, ценностей, как постоянная система человеческих забот» [2, с. 340]. Текущий быт каждого из нас – это маленькая строчка в огромном фолианте всемирной истории. Содержание отдельно взятой человеческой жизни становится частью гигантской летописи всего течения исторического процесса, как на *микро*- так и на *макроуровне*.

Ученые так и не смогли найти консенсус в определении повседневности или повседневной жизни.

По нашему мнению, повседневность (повседневная жизнь) – это соотношение человеческих забот и потребностей с путями и методами их решения или удовлетворения, при учете непосредственных возможностей, обусловленных экономико-географическими, политическими, социальными и культурными факторами.

Повседневная жизнь города (в том числе и провинциального центра) включает в себя следующие категории:

– Социальное пространство и взаимодействие между дифференцированными общественными группами: сословными, этническими, конфессиональными и т.д.

– Конкретные бытовые условия человеческой жизни: материально-вещевые, жилищные и т.д.

– Пути обеспечения материального достатка и способы его реализации: возможности и виды заработка, его размеры, первичные (необходимые) и вторичные расходы.

– Пути приспособления человека к внешним обстоятельствам [14], реакция на происходящие в окружающей действительности события как позитивного, так и деструктивного толка.

– Возможности для культурной реализации личности.

– Реакция на нетипичные для обыденности события.

Понятие о повседневной жизни является некоторым стереотипом типичного жизненного уклада отдельного человека или социальной группы. Содержание повседневности меняется с течением времени, с развитием социальных отношений, с прогрессом в области науки и культуры. События общегосударственного масштаба с одной стороны влияют на бытовую составляющую, но, с другой стороны, несут в себе её оттенок. Данное взаимовлияние должно учитываться при подробном анализе содержания конкретного хронологического периода.

Политическая жизнь провинции несомненно оказывала влияние на жизнь повседневную, однако в данном контексте не стоит забывать об особом оттенке провинциальной политической жизни. Ю.А. Иванов считает, что на рубеже XIX–XX вв. понятие о политической жизни провинции было весьма аморфным, однако оно всё же обладало особой спецификой. По его мнению, центральная власть имела особую установку на любую политическую инициативу со стороны периферии, в связи с чем сама жизнь в провинции протекала с учетом приспособления местных реалий к директивным распоряжениям свыше [8, с. 6].

Несомненно, контакт между повседневностью и историей неразрывен. Человек – существо социальное. Создание общественных ячеек (от семей до крупных партий и объединений) подчеркивает стремление человека к упорядочиванию собственного быта, к поиску поддержки в стремлении найти единомышленников. Социальные группы могут как противостоять текущему ходу истории (революционные партии, террористические группы и др.), так и быть с ним едиными (группы, поддерживающие государственную политику, согласные с любыми действиями властей).

О взаимовлиянии и взаимопроникновении повседневности и макроистории говорит нам сам факт возникновения такой научной отрасли как «история повседневности». Данный раздел изучения нельзя назвать в чистом виде историческим. Он находится на стыке таких наук как история, антропология, этнология, этнография, антропология, социология, психология, философия, культурология, лингвистика и др. Изучение истории повседневности предполагает применение междисциплинарного подхода к анализу материала.

По мнению Н.Л. Пушкарёвой, повседневность состоит из малозаметных явлений, окружающих человека повсеместно и ежесекундно. Но, несмотря на кажущуюся простоту данных явлений, процесс реконструкции повседневности представляет сложность для исследователей [14]. Действительно, изучать повседневность достаточно затруднительно, иногда кажется, что это всё равно что «потрогать воздух». Повседневность вокруг нас, она была, есть и будет. Однако в ней столько непримечательных вещей, во всей своей совокупности влияющих на глобальный ход истории, но при этом не зафиксированных в конкретных исторических источниках, что приходится искать и анализировать их опосредованно.

Российская глубинка традиционно рассматривается как вызов новаторской, реформаторской де-

ятельности центра [7, с. 78]. Исходя из этого, мы можем увидеть непосредственную конфронтацию пары «центр –периферия». Выше уже отмечалось, что подобное противостояние существует еще в одном контексте «история – повседневность». Если проводить некую параллель между этими двумя парами, то тогда мы сможем увидеть следующую схему противостояния «центр = история – провинция = повседневность». Данное утверждение вовсе не иллюстрирует того, что в столицах всегда новаторство, а на периферии – серый, унылый, цикличный быт. Однако наиболее распространенное мнение заключается в том, что центр творит историю, а провинция живёт повседневностью, во многом воспроизводя пресловутые образы столицы.

Столица, обладая преимущественным политическим и экономическим положением, стремится навязать периферии свои идеалы. Это происходит по двум основным направлениям: через действия властей и через тенденции повседневной жизни. Несмотря на имеющееся нежелание провинции становиться ухудшенной копией столичных городов и регионов, многие жители так называемой «глуши» через попытки обустроить свою жизнь по более современному и модному, столичному принципу, привносят в жизнь периферии множество видоизмененных, т.е. отличающихся от оригинала, новшеств. Особенно остро данный момент прослеживается во время социальных катаклизмов и потрясений, к числу которых относятся события революционных периодов. Тогда в провинциальные города (в особенности центры) проникают идеи и вещи, которые ранее фактически не имели места. Центр всегда стремится к укреплению собственной власти над провинцией, однако когда традиционный уклад политической, экономической, социально-культурной и повседневной жизни провинции находится под угрозой трансформации, революционеры задействуют все возможные ресурсы периферии.

Вопросы хозяйственного обустройства России всегда имели важнейшее значение в силу фактора огромной территории страны. К началу XX века крестьянское малоземелье и относительно слабая степень индустриализации Российской империи в большей степени влияли на бытовое состояние периферии, нежели центра. Перекачка средств из села в город, доминанта интересов столицы вызывали народное возмущение, которое было грамотно использовано в собственных целях лидерами и членами политических партий радикального толка.

Как пишет В.А. Кудинов, «в силу различного экономического, социального уровня, уровня жизни и духовной сферы, каждая провинция, регион, составная часть общества и государства находится на разной ступени развития. Следовательно, циклы подъёма и спада в разных частях страны различны, полиморфны. В совокупности же они составляют сложнейшую многослойную жизнь человеческого общества» [12]. Несомненно, данная разница в ступенях развития Москвы (Петербурга) и провинциальных городов и населенных пунктов сыграла определенную роль в изменении некоторых аспектов повседневной жизни в начале XX в.

Провинция всегда была прямо противопоставлена столице. Исторически сложилось, что по своей сути жизнь в провинциальном городе представляет собой более скромную модель столичного прототипа. Как замечал Михаил Ульянов: «К счастью, провинция переживает свободу в отличие от центра спокойно, река провинциальной жизни не выходит из берегов» [17, с. 2].

Несмотря на это, повседневная жизнь населения провинциального города имеет свои тенденции и характерные особенности, которые в некоторой мере являются основными отличиями периферии от центра. Как в литературе, так и в быту преимущественно принято отождествлять провинцию с некой консервативностью и, порой, отсталостью.

А.И. Герцен замечал, что провинция просто неспособна воспринять «внешнее, иноземное образование» [4, с. 208] императорской, дворянской России. Герцен напрямую говорил об общинной России «черного народа», под которым он подразумевал провинциальное, преимущественно аграрное население империи. Данная тенденция отнюдь не случайна. Необходимо заметить, что о провинции впервые стали говорить путешественники, которые совершали переезды по различным областям России и сравнивали быт удаленных городов и местечек с уже привычным для них ритмом существования в крупных или столичных населенных пунктах. Т.В. Карелова отмечает: «Нередко провинциальный город показывается через восприятие путешественников – людей, которые впервые оказываются в этих местах» [11]. Учитывая тот факт, что путевые дневники и воспоминания были весьма распространены в XIX веке, можно сделать вывод о том, что провинциальный быт представлял реальный живой интерес для путешественников того времени, среди которых встречались как представители знатных фамилий, так и ученые, писатели. Если отбросить некоторые устоявшиеся предрассудки и штампы, то с большой долей уверенности можно сказать, что изучение повседневной жизни провинциальных городов представляется не менее важным, чем анализ той же проблемы в центральных городах.

Жизнь центра и провинции различается по многим аспектам, и так было не только в начале XX века, данную тенденцию можно наблюдать и в наше время. Однако понятие о провинции и провинциальной жизни, укоренившееся в отечественной художественной и научной литературе, в значительной степени не соответствует ее реальному образу, имеющему место в повседневности. По мнению Е.А. Сайко, обратившей свой исследовательский

взор на социальное и культурное пространство имперской провинции в начале XX века, неоднородность и многообразие видовых форм обеспечивает непосредственный интерес к критике обобщенного образа провинции [15, с. 36]. Этот вывод крайне важен с точки зрения понимания основных культурно-бытовых общественных процессов, происходящих на периферии. Проблема изучения различных аспектов истории российской провинции заключается в том, что помимо так называемых окраин, Российская империя фактически имела две столицы – Москву и Санкт-Петербург. Сложность возникновения различных форм и тенденций общественных отношений в двух главных городах государства, несомненно, влияла на их интеграцию в нестоличные города и губернии.

Провинция воспринимается в некотором роде как консервативный элемент, как та часть территории страны, которая следует новым веянием в последнюю очередь. Периферия – это определенная система, которая развивается, исходя из собственных законов и логики. Полярная противоположность города и деревни, центра и окраины присутствует в каждом аспекте жизни, и данный дуализм является свойством не только отечественного, но и зарубежного пространства. Б.С. Ишкин в одной из своих работ рассматривал динамику взглядов на провинциальный город в отечественной культуре Нового Времени: «Анализ текстов различных субкультур показывает устойчивость представлений о провинциальном городе как “глухом”, малопривлекательном, удаленном от столицы месте, лишенном возможностей для той жизни, что связывается с большим городом, как “болото”, “могила”, “лужа”, жители которой заняты пьянством, сплетнями, скандалами, лишающими их нормального человеческого облика» [10, с. 318–319]. В данном случае речь идет о полувековом периоде 1860–1910 гг.

Несмотря на явно отрицательный характер большинства оценочных суждений в отношении провинции, стоит признать, что такое понятие как «облик периферии» все же признавалось. Период становления провинциального образа в глазах политической и интеллектуальной элиты страны был длительным, однако XX столетие придало ему ускорение. Но при этом и сам облик стал постепенно проходить определенный процесс ломки. Проникновение столичной культуры и живой отклик жителей провинции на происходящие в начале XX века события стали фактором определенного сближения центра и периферии.

Даже самый мощный центр не сможет жить автономно, без поддержки провинции. Речь идет как о материальных, так и о человеческих ресурсах, которые вырабатываются и даются периферией, но, по большей части, работают на благо столичных регионов и городов. По утверждению А.М. Белова, взаимоотношения центра и провинции являлись стержневыми в развитии государства и народа на протяжении всей более чем 1000-летней истории российской государственности [3, с. 17]. Эти отношения должны быть выстроены так, чтобы процесс отдачи был взаимным, однако на деле они носят совершенно иной оттенок.

Н.М. Инюшкин выделяет колоссальную роль небольших городов в процессе становления и самоидентификации российской провинции: «Именно формат провинциального города делает его уникальной площадкой, может быть, и не гармонизированного, но пропорционального взаимодействия того, что идет сверху, из Центра, и того, что менее ярко, заметно, но традиционно, исконно – от земли, от народной жизни» [9, с. 23]. Взаимопроникновение новшеств с одной стороны и доминирование устоявшихся традиций с другой достаточно сильно влияют на общий социокультурный облик провинции. Центр более стремится к бурному ритму жизни, следует наиболее модным современным тенденциям, в то время как периферия держится своих корней и с некоторой долей осторожности принимает для себя все новое, и, следовательно, чужеродное.

Итак, рассмотрим основные аспекты взаимоотношений центра и провинции в контексте изучения вопросов повседневной жизни:

– абсолютное большинство модернизационных тенденций идёт сверху вниз, от власти к народу, от столицы – к периферии;

– центр всегда находится в некоем «движении», более развитая инфраструктура, близость к информационным ресурсам, бурный ритм жизни обновляют повседневность столиц гораздо чаще, нежели быт провинции. Крупные города обеспечивают большее количество и рабочих мест, развиваются более бурными темпами, а возможность получения образования для жителей столиц гораздо более доступна;

– столичные области гораздо более тесно контактируют с зарубежными государствами, откуда зачастую приходят новые веяния как в политической и экономической, так и в культурно-бытовой жизни общества. До периферии многие заимствованные тенденции зачастую не доходят вовсе или доходят в крайне видоизмененном виде;

– процесс жизнеобеспечения центра практически невозможен без поддержки натруженных рук жителей провинций. Государственная политика преимущественно нацелена на развитие центральных областей страны, при этом финансовая поддержка данных процессов напрямую зависит от использования средств, добытых в периферийных областях;

– центр стремится к централизации регионов, однако, давая некоторую автономию провинциальным институтам, одновременно усиливает их стремление к самостоятельности [7, с. 78]. Мест-

ные социальные и политические институты являются точками соприкосновения (на уровне подчинения) центра и провинции.

Все вышеуказанные факторы не могут не оказывать влияние на повседневную жизни как столичного, так и провинциального общества. Д.С. Лихачев не преминул заметить, что именно «из русской “провинции” всегда приходило спасение России» [5, с. 2]. Таким образом, продуктивная жизнь центра без помощи и поддержки периферии не представляется возможной. С. Залыгин вполне резонно утверждал: «... Я согласен с тем, что Россия будет возрождаться провинцией. Здесь, в отличие от столичной, все же другая жизнь, здесь люди ближе к природе, спокойней и добрей, и отношения между ними лучше» [6, с. 2].

Библиографический список

1. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11000 синоним. рядов. – М.: Рус. яз. – 2001. – 568 с.

2. *Ахиезер С.И.* Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

3. *Белов А.М.* Центр и провинция в правлении Романовых // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции, Кострома, 26–27 марта 2009 года / сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009.

4. *Герцен А.И.* Избранные литературно-критические статьи и заметки. – М., 1984.

5. Доброе слово // Губернский дом. – Кострома. – 1995. – № 6.

6. *Залыгин С.* Здесь моя история // Губернский дом. – Кострома. – 1995. – № 3.

7. *Звоновский В.Б.* Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1.

8. *Иванов Ю.А.* «Уездная идеология». Религиозно-политическая жизнь российской провинции в 1860–1910-х гг. – Иваново, 2001.

9. *Инюшкин Н.М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004.

10. *Ишкин Б.С.* Динамика представлений о провинциальном городе в российской культуре Нового времени // Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д.Л. Спивак. – М.: Новый хронограф: Эйдос. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. – 2009.

11. *Карелова Т.В.* Провинциальный город на страницах отечественных журналов XIX века // Современные научные исследования и инновации. – Июль, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2011/07/1363

12. *Кудинов В.А.* Российская провинция как объект изучения // Мир истории. – 2000. – № 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.tellur.ru/~historia/archive/03-00/kudinov.htm

13. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1994.

14. Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskih_issledovanij_2010-03-16.htm

15. *Сайко Е.А.* Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века // Культурдиалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. – М.: Изд-во РАГС, 2004.

16. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова при участии Т.А. Дмитриева. Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2009.

17. *Ульянов М.* Провинция – жизнь в берегах // Губернский дом. – 1995. – № 1.

18. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В.В. Бычкова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

УДК 282.2

Гноевых Алексей Викторович
Институт Российской Истории
uchenko19861@gmail.com

ПРОПОПОП АВВАКУМ В ОЦЕНКЕ В.А. МЯКОТИНА

Многочисленные ученые неонароднического направления занимают особую позицию относительно церковного раскола. События XVII века они объясняют не политическими или экономическими причинами, а подходят к вопросу с позиции общественной психологии. Ярким представителем подобного подхода был В.А. Мякотин, автор одной из первых биографий протопопа Аввакума.

Ключевые слова: *неонародничество, общественная мысль, теория героев и толпы, полемика с марксизмом, церковный раскол.*

Книга о протопопе Аввакуме, вышедшая в 1894 году в серии биографий Флорентия Павленкова и привлекшая внимание широкого круга читателей, принадлежала перу молодого историка народнического направления В.А. Мякотина. Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937), известный в свое время ученый, один из лидеров партии Народных Социалистов, член редколлегии влиятельнейшего журнала рубежа XIX–XX веков «Русское богатство», оставил глубокий след во многих областях отечественной культуры. Его можно назвать одним из пионеров в области исследования русской общественной мысли. Мякотин был сторонником учения выдающегося русского мыслителя Н.К. Михайловского (1842–1904), что не могло не наложить отпечатка на его творчество.

Начав научную карьеру в стенах Санкт-Петербургского университета, Мякотин создал множество работ, посвященных различным сюжетам российской истории. Несмотря на то, что многие конкретные выводы Мякотина активно используются современными историками, его наследие изучено сравнительно слабо. Отдельные аспекты творчества Мякотина исследовались в разное время Н.И. Ульяновым, В.И. Моряковым, И.А. Федосовым, Б.П. Балуевым, О.В. Кочуковой, Е.Н. Иогансон, но все указанные авторы обходили вниманием книгу историка о жизни и деятельности основателя старообрядчества.

Дабы оценить значение, какое книга Мякотина об Аввакуме имела для своего времени, кратко охарактеризуем наиболее примечательные мнения, высказанные к концу XIX века относительно раскола в целом и личности знаменитого протопопа в частности. Митрополит Макарий (Булгаков) порицает Аввакума за слепую и фанатическую ревность, называет его своевольным, вздорным человеком, но отмечает литературные достоинства его автобиографии – «Жития». В данной автобиографии, по словам Макария, протопоп «не избежал самохвальства и, приписав себе несуществующие подвиги, изобразил себя чудотворцем и мучеником» [6, с. 245]. Другой представитель православной историографии, Филарет (Гумилевский), считал, что Аввакум, жалкий слепец, ввел себя и своих последователей в пучину невежества. «Страсть, доведенная до крайней степени, не давала им видеть предметы в ясном свете», – так писал в свое время Гумилевский [3, с. 37]. Историк-демократ А.П. Щапов полагал, что религиозные требования старообрядцев были лишь прикрытием глубинного социального протеста [10, с. 154]. Н.И. Костомаров, занимая чрезвычайно оригинальную позицию, говорил, что раскол был явлением не реакционным, а наоборот, глубоко творческим. Самого Аввакума историк называл человеком вкрадчивым, умевшим очаровать беззастенчивой ложью о своих страданиях и чудесах [5, с. 82]. Мысль Костомарова поддержал А.С. Пругавин, писавший о широком распространении у старообрядцев образования (в том числе светского). Андрей Денисов, известный деятель раскола, как отмечает Пругавин, мечтал об организации на Выге Академии, из которой выйдут новые Сократы и Демосфены [9, с. 62].

Главным источником для работы В.А. Мякотина послужило «Житие» Аввакума. Обращает на себя внимание отсутствие критики порой фантастических сообщений протопопа, которого Мякотин называл всегда правдивым. Описанные Аввакумом многочисленные чудеса, имевшие место в разные периоды жизни, историк объяснял его необыкновенной впечатлительностью и экзальтированностью. Истоки поступков своего героя Мякотин искал главным образом в особенностях его психики, не вдаваясь в подробности политической и социально-экономической жизни той эпохи. Рисуя психологический портрет Аввакума, Венедикт Александрович рассматривал его не как представителя конкретного класса или общественной группы, а как индивидуальность, не впадая, таким образом, в модный тогда вульгарный социологизм.

В самом начале работы описывается становление в Московском царстве идеологии национально-религиозной исключительности, не терпящей никакого сближения с иноземцами. Но под влиянием военных поражений от шведов и поляков в первой половине XVII века правящая элита Московии приходит к выводу о необходимости культурных заимствований из Европы: «Запад был богаче, сильнее, искуснее и манил к себе всеми наслаждениями, какие может обещать высшая и утонченная культура» [8, с. 13]. Параллельно с этим

 © Гноевых А.В., 2013

зарождаются сомнения в абсолютной правильности русского варианта православия и постепенно начинаются контакты с малороссийскими и греческими книжниками.

Аввакума Мякотин рисует как непоколебимого защитника старых церковных обычаев и сторонника идеи превосходства русского народа над остальным миром, своеобразного изоляциониста. Мякотин стремится выявить генезис личности и взглядов протопопа, порой указывая на конкретные события жизни, повлекшие за собой судьбоносные повороты в его мировоззрении.

Первый импульс к развитию Аввакума как религиозного деятеля дает его семья, состоящая из пьяницы-отца и чрезвычайно праведной матери: «С ранних лет должна была развиваться в ребенке нервность, интерес к таким вопросам, которые большинству его сверстников были чужды. Противопоставление земного небесному, загробного мира здешнему рано предстало перед молодым умом в устах близких ему людей и приковало к себе внимание» [8, с. 45]. Событием, окончательно убедившим юношу в бренности земного, по версии Мякотина, была смерть некоего домашнего животного, глубоко потрясшая Аввакума [8, с. 51]. Далее будущий протопоп попадает во власть тогдашней книжности, проникнутой духом догматизма. В интеллектуальном развитии, таким образом, он не был выше своей эпохи. Описывая бурную жизнь Аввакума, В.А. Мякотин здесь и там стремится показать его живым, конкретным человеком, а не выразителем безликих исторических тенденций.

По словам Мякотина, основными чертами мировоззрения Аввакума были «религиозная и национальная исключительность, распространение религии, понятой узко и односторонне, на все сферы жизни, проповедь аскетизма и отречения от свободного разума и светской науки, наконец, нетерпимость, доведенная до апофеоза грубого насилия. Для него существовала только одна мудрость религиозная, но и здесь дело не в исследовании, а в усвоении и сохранении неизменной готовой истины... Религия понималась преимущественно со внешней стороны» [8, с. 65].

Знакомство с произведениями самого Аввакума говорит о необъективности многих оценок В.А. Мякотина. Для протопопа важной была не только обрядовость, но и конкретные добрые дела. В свое время он писал, что «не токмо за имение святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душу свою положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад, а на Москве за опричнину Филипп» [1, с. 189]. Воздвижение «храмов красивых и разукрашеных», не подкрепленное праведной жизнью, он объявляет деянием по сути своей языческим [1, с. 37]. О стрельцах, стороживших его во время заключения на Воробьевых горах, Аввакум пишет: «Испивают до пьяна, да матерно бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были. Нужица та какова прилучится, и оне всяко, миленькие, радеют. У спаса они лутче чернецов тех, которые клобуки рогатые носят» [1, с. 75]. Нельзя сказать, что познание мира и скажем больше, познание религии, Аввакум сводил лишь к изучению священных текстов. Отчаявшись в трудной ситуации, Аввакум сравнивает себя с ветхозаветным Иовом (сравнение явно в пользу последнего): «Еще Иов так говорил, да он праведник, непорочен, а се и писание не разумел, вне закона во стране варварской, от твари Бога познал. А я первое – грешен, второе – на законе почивал и писанием отовсюду подкрепляем» [1, с. 188]. Таким образом, Бога Иов познает не из священных книг, а от твари – путем исследования природы. Нельзя возводить в абсолют нетерпимость протопопа: «Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилецею в веру приводить. Волею зовет Христос, а не приказом апостолам непокоряющихся огнем жечь и на висилицах вешать» [1, с. 63]. Аввакум признает за каждым право выбора: «Простите, братья никониане, что избранил вас; живите, как хочете» [1, с. 64].

Коснемся аскезы – наряду с проповедью необходимости самоограничения, Аввакум не запрещал своим духовным детям пользоваться богатствами природы. Так он описывает животный мир Байкала: «А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо – нельзя жарить – один жир будет. А все то у Христа наделано для человека, чтобы он, успокояся, хвалу Богу воздавал» [1, с. 201].

Как отмечает С.А. Зеньковский, раскол был традиционной темой в народнической историографии, так как народники считали старообрядцев своего рода собратьями. Оба течения отстаивали идею уникального и самобытного пути России [4, с. 227]. В.А. Мякотин дает этой теме оригинальное звучание, связанное с глубокими метаморфозами народничества конца XIX века. Н.К. Михайловского, духовного вождя народничества конца XIX века, народничества легального, Мякотин называл учителем. Михайловский был автором знаменитой статьи «Герои и толпа», увидевшей свет в 1882 году, в которой был поставлен вопрос о соотношении в историческом процессе деятельности великих личностей и объективных условий, взаимодействия гениев и народных масс. «Героем мы будем называть человека, увлекающего примером массу на хорошее или дурное, благородное или подлейшее. Толпой – массу, способную примером опять-таки благородным или подлейшим» – так писал Михайловский [7, т. 2, с. 397]. Но он отмечает, что толпа может следовать и за негодяем, ничтожеством и даже полоумным. Корень этого коренится не в политических или экономических причинах, а в чисто психологическом механизме подражательности. Михайловский полагал, что, найдя ключ к этому

механизму, «мы откроем далекую перспективу в глубь истории и узнаем, как, когда и почему толпа идет за героями» [7, т. 2, с. 399].

Сам подход Мякотина, убеждение в том, что «написать полную биографию Авваума, этого первоапостола и главного борца раскола, значило бы вместе написать и историю самого раскола», несет на себя печать народнической идеологии, придававшей огромное значение роли конкретной личности в истории [8, с. 176].

По мнению Мякотина, раскол зарождался поначалу как сугубо идейное течение и лишь потом, когда вокруг нескольких теоретиков скопились обширные массы народа, приобрел форму политического и социального протеста. Мякотин то здесь, то там в своей работе касается взаимоотношений Аввакума и его духовных детей. Что же привлекало к протопопу многочисленных учеников? Помимо собственно идеологической доктрины (защиты старых обрядов), сильное влияние оказывала сама личность Аввакума. Поучения, полные энтузиазма, освященные кровью проповедника, производили сильное впечатления на народ. Протопоп был окружен ореолом мученичества. «Если фанатизм и нетерпимость делала Аввакума популярным среди широких масс грубого народа, то сердца его непосредственных учеников и людей более образованных были прикованы поразительной нравственной чуткостью и деликатным врачеванием душевной скорби» – так писал Мякотин [8, с. 134]. Аввакум, считал историк, был замечательно тонким психологом.

Герой, как полагал Михайловский, всегда является порождением своей эпохи, но вместе с этим «пусть он не более чем орудие истории, однако в свои орудия из десятков и сотен история выбрала именно его. Он активное и сознательное орудие и преследует свои цели» [7, т. 2, с. 69]. Аввакум, как можно понять из рассказа Мякотина, не был единоличным создателем раскольнической идеологии и поначалу даже был на вторых ролях по сравнению с Иваном Нероновым и Стефаном Вонифатьевым. Но Неронов уступил никониянам, Вонифатьев скончался и главную партию стал исполнять несгибаемый и деятельный Аввакум, обросший к тому времени многочисленными сторонниками [8, с. 59].

В далеких образах Аввакума и его сторонников, придававших первостепенно значение внешней стороне православия и догматически сохраняющих предания старины, читатель конца XIX века мог узнать народников-ортодоксов, закосневших на позициях 70–80-х годов, а возможно, и марксистов. Его учитель Н.К. Михайловский, как пишет Б.П. Балуев, был изумлен небывалым распространением в общественной мысли России талмудического начетничества, свойственного ученикам Маркса. Это начетничество более всего проявлялось в трактовке исторического процесса, когда вырванными из контекста и часто противоречащими друг другу цитатами из Маркса объяснялись те или иные феномены [2, с. 234]. Мякотин отмечает, что Аввакум в пылу полемики часто подтасовывал тексты Священного писания, опуская невыгодные ему места и ища в самом безобидном эпизоде библейской истории опровержение никониан [8, с. 94].

Аввакум как защитник особого пути Московии и изоляции ее от остального мира осужден Мякотиным – в подобной трактовке хрестоматийного сюжета, по нашему мнению, выразилось прощание легальных народников с идеей абсолютной самобытности России и неприемлемости для нее европейского пути развития. Представители этого течения на рубеже XIX–XX веков признали вступление России в фазу капитализма явлением закономерным. Такие черты Аввакума как догматизм, начетничество, нетерпимость к оппоненту (которые, как мы показали, нельзя преувеличивать) Мякотин, возможно, сознательно гиперболизировал для осуждения пороков общественной мысли его собственной эпохи.

Книга Мякотина не была свободна и от ряда серьезных недостатков, главным из которых была узость базы источников. Основывая свои догадки главным образом на тексте «Жития» Аввакума, историк не вводил в оборот практически ни одного нового документа, а значит, практически все факты, которыми он оперировал, были известны задолго до него. Тем не менее, в историографии раскола конца XIX века эта работа занимала особое место. Новаторство Мякотина состояло в применении методологии завещанной его учителем Михайловским, а именно – в объяснении событий середины XVII века с позиции психологии.

Библиографический список

1. *Аввакум (Петров).* Житие. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. – 234 с.

2. *Балуев Б.П.* Либеральное народничество рубежа XIX–XX вв. – М.: Наука, 1995. – 396 с.

3. *Гумилевский Ф.* История русской церкви. – М.: Наука, 2001. – 456 с.

4. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. – Минск: Харвест, 2006. – 567 с.

5. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Астрель, 2006. – Т. 3. – 378 с.

6. *Макарий (Булгаков)* История русского раскола, известного под именем старообрядчества. – СПб., 1853. – 345 с.

7. *Михайловский Н.К.* Избранные труды по социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – Т. 2. – 456 с.

8. *Мякотин А.В.* Протопоп Аввакум: Его жизнь и деятельность. – СПб.: Тип. т-ва Обществ. польза, 1894. – 234 с.

9. *Пругавин А.С.* Раскол и сектантство в русской народной жизни. –М., 1905. – 275 с.

10. *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества. – Казань, 1859. – 378 с.

УДК 94(470)

Гулин Александр Олегович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
holst90@mail.ru

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний)

Статья посвящена теоретическому обоснованию использования комплекса региональных источников для характеристики взаимодействия провинциальных органов власти и общества в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: *Первая мировая война, провинция, историческое исследование, виды источников.*

В современной исторической науке акценты в исследованиях периода Первой мировой войны (далее ПМВ) все более смещаются в сторону изучения роли провинциальных регионов в военной жизни страны, основу для которого «будут составлять труды региональных исследователей, изучающих историю российской провинции на основе местных архивных источников» [7, с. 165]. В этой связи особое внимание должно быть уделено анализу исторических источников, более объемное включение которых в научный оборот позволяет значительно расширить рамки изучения тех изменений, которые происходили на местах в годы войны. Огромный массив документальных материалов различного уровня, происхождения и характера, отражающий специфику тех далеких событий, становясь репрезентативной базой научных изысканий, безусловно, поможет раскрыть тему заявленного нами исследования.

Источниковая база определена спецификой нашей работы и, в силу ее особенности, предусматривает привлечение широкого круга архивных материалов, подавляющее большинство которых впервые вводится в научный оборот. Согласно общепринятым канонам исторической науки, весь круг источников разбит нами на несколько групп, в каждую из которых с учетом многопланового характера исследования привлекались источники с различным уровнем информационного потенциала.

К первой группе исторических источников можно отнести опубликованные *законодательные акты*, дающие информацию о структуре центральной и местной власти в России и правовых основах ее функционирования. Основными носителями информации в этой источниковой группе являются «Своды Законов Российской Империи», изданные в разные предвоенные годы и в разных форматах [28; 29]. В них максимально полно представлены все действовавшие по состоянию на момент начала ПМВ российские законы, определявшие жизнь и деятельность властных структур и общества в целом.

Следует отметить, что в годы войны вставшие перед страной проблемы потребовали принятия новых законодательных актов, призванных мобилизовать органы власти и население на обеспечение нужд армии, преодоление кризисных явлений в экономике и промышленном производстве, деле социальной помощи пострадавшим от войны [1; 9; 16].

Основной объем информации по теме исследования получен нами при изучении *делопроизводственной документации*, большая часть которой хранится в фондах восьми местных государственных архивов. Эти материалы связаны с деятельностью различных органов власти и представлены межведомственной и внутриведомственной перепиской, текущими документами центрального, губернского и уездного уровней.

Наиболее ценные региональные материалы содержатся в фондах Канцелярий губернаторов и практически отражают весь перечень вопросов деятельности властных структур и жизни населения губерний. Содержание обязательных распоряжений Главноначальствующих в адрес органов местной власти позволяет представить нам как внутреннюю политику правительства, так и обстановку в губерниях.

Важные по значимости материалы содержатся в фондах Губернских правлений, Казенных палат, Губернских присутствий, Губернских полицейского и жандармского управлений. На основе последних документов нами анализируются конкретные проявления подъема или спада общественно-политической активности в жизни губерний, делаются выводы о политической направленности местных газет, оценивается роль и влияние партий революционной идеологии на забастовочное движение в регионе.

В фондах Губернских по воинской повинности присутствий, уездных комитетов по делам отсрочки военнообязанным, уездных воинских начальников содержатся документы, позволяющие проанализировать ход призывов на военную службу в губерниях в 1914–1917 годах, а также сделать выводы о степени влияния мобилизаций на производственный потенциал главнейших отраслей «губернского» хозяйства.

Нельзя не сказать о таких источниках информации по теме нашего исследования, каковыми являются материалы фондов Губернских комитетов Всероссийского Земского Союза (далее ВЗС) по оказанию помощи больным и раненым воинам

© Гулин А.О., 2013

и местных комитетов Российского общества Красного креста (далее РОКК). Из отчетных документов этих организаций за 1914–1916 гг. можно использовать данные о персональном и количественном составе комитетов, их финансовом положении и, главное, результатах практической деятельности.

Важнейшую для характеристики провинциального общества информацию содержат архивные фонды Губернских и Уездных комитетов по делам военнопленных и беженцев. За годы войны миграционные процессы многократно возрастали, и несли в себе угрозу политической и хозяйственной стабильности на местах. Поэтому перед провинциальными властями стояла задача противопоставить этой угрозе строгий учет и порядок, которые и призваны были обеспечить названные комитеты.

Большая роль в исследовании деятельности губернских и уездных властей отводится материалам, содержащимся в фондах Губернских и Уездных земских управ, Городских дум и управ городов. Наиболее важными в работе этих органов в годы войны были вопросы помощи семьям призванных в армию нижних чинов, борьба с ростом цен, распределения продовольствия, топлива и товаров повседневного спроса.

Материалы о деятельности промышленных предприятий за годы ПМВ с учетом потребностей в выпуске востребованной армией продукции содержатся в фондах главных и участковых фабричных инспекторов и более чем в нескольких десятках фондов конкретных заводов, фабрик и промышленных объединений.

Оценить деятельность политических партий в исследуемый период времени позволяют материалы, содержащиеся в фондах Коллекции документов политических партий и организаций, а также в фондах Центров Документации Новейшей Истории. Имеющиеся документы можно подразделить на 2 группы: центральных и местных партийных организаций. Однако местных материалов имеется недостаточно, а, значит, сложно сделать конкретный вывод о степени активности той или иной партии и ее популярности в провинциальном обществе.

Статистические и справочные данные по отдельным отраслям промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, финансовой, торговой и социальной составляющим жизни российского общества представляют собой еще один источник нашего исследования. Для подбора данных, характеризующих социально-экономическую ситуацию в Ярославской, Владимирской и Костромской губерниях к началу и в период ПМВ, могут быть использованы статистические сборники, составленные в разные периоды времени. Так, важную роль в нашей работе играют материалы, размещенные в сборниках «Россия. 1913 год» и «Россия в Мировой войне» [25; 24]. Определенный объем информации содержится в работе В.Г. Растянникова и И.В. Дерюгиной «Урожайность хлебов в России 1895–2008» [18], посвященной статистике «хлебного дела» в стране. Такие издания, как «Памятные книжки» губерний 1914–1917 годов [17; 18; 19] содержат тематически собранные статистические данные о самых различных областях развития территорий. Особый пласт статистической информации содержится в докладах, отчетах и обзорах, опубликованных в виде отдельных специальных изданий в году войны от имени Губернских и Уездных управ, организаций, обществ и комитетов [4; 26]. Определенный интерес представляет собой отредактированное Ф.И. Кубацким статистическое исследование, посвященное вопросу введения в России «сухого закона» в связи с началом войны [13].

Особую группу источников – не менее важную для исследования темы взаимодействия власти и провинциального общества – составляют *документы политических партий*, опубликованные в виде стенографических отчетов, проходивших в те годы партийных съездов и конференций, сборников документов, несущих информацию о деятельности партий в стране в целом и в регионах, в частности.

В годы Первой мировой войны деятельность политических партий социал-демократического направления [3; 14; 20], в основном, концентрировалась в столичных и крупных губернских городах, откуда через местные партийные образования – кружки и группы – шло их влияние на население городов и уездов. Деятельность либеральных партий [21; 30; 31] осуществлялась через представительство членов партий, а чаще – их сторонников, в выборных органах местной власти, в губернских и уездных государственных структурах.

На сегодняшний день источниковедческая ситуация по изучению деятельности политических партий заключается «…в плюрализме подходов и методов, отсутствии идеологических ограничений, расширении возможностей использования зарубежных источников информации, включая архивные материалы по российской политической истории» [10]. В свете этого тезиса будет понятна практика издания в 1990-х и начале 2000-х годов сборников документов и историй создания партий, действовавших в России на момент начала ПМВ [11].

Очень важным источником по теме следует назвать *местную периодическую печать*. Материалы, извлеченные нами из газет и журналов, весьма объемны и разнохарактерны: постановления центральной и местной власти, извещения о проводимых в губерниях благотворительных мероприятиях и подведении их итогов, информационные сообщения по вопросам прибытия и размещения раненых, пленных и беженцев, фронтовые письма и рассказы очевидцев о боях и сражениях русской армии, анализ состояния потребительского рынка и цен на товары первой необходимости. Систематизация и сопоставление этих данных позволяют

нам оценить вклад губернских и уездных властей в дело поддержания социально-экономического порядка в регионах, а также, определить уровень политической стабильности провинциального общества в зависимости от результатов военных действий. Непосредственно по теме исследования можно использовать материалы Владимирских, Костромских и Ярославских «Губернских» и «Епархиальных ведомостей», ежедневных общественно-политических и литературных газет либеральной ориентации «Поволжский вестник», «Старый Владимирец», издания монархической направленности «Ивановский листок». В таких газетах, как «Костромская жизнь», «Курьер», «Костромская газета», «Голос», «Иваново-Вознесенск», «Рыбинская газета», «Угличский край» печатались аналитические статьи по наиболее злободневным вопросам жизни общества, комментарии к местным и общегосударственным событиям, разворачивалась полемика по вопросам внутренней и внешней политики Российской Империи. Нельзя не упомянуть также такие ежемесячные издания, как «Известия Костромского губернского земства», «Костромской кооператор», «Вестник Кинешемского земства» и т.п., позволяющие оценить практические результаты деятельности органов местного самоуправления.

В целом же, периодическая печать как источник исторического исследования, являясь своего рода «зеркалом эпохи», дает нам богатейший и разноплановый материал для работы.

Одними из главных источников, позволяющих придать нашему исследованию определенную эмоциональную окраску, являются *дневниковые записи, письма и воспоминания* непосредственных участников событий, о которых идет речь в нашей работе. Их ценность состоит, в первую очередь, в том, что они позволяют сопоставить общественные оценки происходившего с мнением очевидцев. Поэтому, несмотря на определенную долю субъективизма в суждениях мемуаристов, их воспоминания позволяют нам существенно дополнить информацию, содержащуюся в официальных источниках, и дают возможность реализовать системный подход к изучаемой проблеме.

Наиболее ценный для нашего исследования материал содержится в воспоминаниях рядовых граждан, проживавших и работавших в провинции или представлявших ее в органах власти. Костромские гимназист Л.А. Колгушкин и чиновник Е.Ф. Дюбюк [12; 8], предводитель Самарского дворянства А.Н. Наумов [15], депутаты IV Государственной думы от иваново-вознесенских и петербургских рабочих Ф.Н. Самойлов и А.Е. Бадаев [27; 2], уроженец Ярославской области – деятель революционного движения И.М. Гронский (Федулов) [6], ярославский политический ссыльный А.Е. Пчелин [22], австро-венгерский военнопленный Р. Гарашин [5], находившийся в 1916–1917 гг. в г. Любим Ярославской губернии – все они оставили незамысловатые, с точки зрения литературного оформления, записи о событиях, происходивших в провинциальных городах в период ПМВ: мобилизации, всплеске народного патриотизма, трудностях военного времени, связанных с ростом цен, нехваткой топлива и продовольствия, миграционными процессами на местах, ростом недовольства социально-экономической и политической обстановкой в стране.

Несомненно, ценность сведений, содержащихся в мемуарных источниках, достаточно велика. Они дают богатый фактический и оценочный материал, характеризующий отношение простых граждан к происходившим событиям.

Таким образом, изучив и кратко охарактеризовав каждую группу источников по теме нашего исследования, мы можем сделать вывод о том, что некоторое «дублирование» материалов, находящихся в фондах различных архивов, заставляет нас проводить определенную идентификацию статистических данных и выводов, сделанных авторами различных материалов. Поэтому в работе представляется возможным использовать весь источниковый ресурс, сравнивая и перепроверяя содержащиеся в нем сведения. В целом, документальные материалы содержат необходимый объем информации для раскрытия темы в рамках нашей работы, а, значит, поставленные задачи исследования могут быть решены при комплексном использовании всех вышеперечисленных источников.

Библиографический список

1. *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914–1917 гг. В 4-х тт. – Пг., 1915–1918.

2. *Бадаев А.Е.* Большевики в Государственной Думе. – Л.: ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941. – 345 с.

3. Большевики в годы войны. Сборник документов. – М., 1939.

4. Врачебно-санитарный обзор Ярославского губернского земства. Вып. 3. – Ярославль, 1916.

5. *Гарашин Р.* Красные гусары. – М.: Воениздат, 1970.

6. *Гронский (Федулов) И.М.* Из прошлого… Воспоминания. – М.: Известия, 1991. – 368 с.

7. *Гулин А.О.* Основные тенденции современной историографии Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 5. – С. 162–166.

8. *Дюбюк Е.Ф.* Дневник // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. – Вып. 3. – Кострома, 1995. – С. 174–205.

9. Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 год. – М., 1975; 1916 год. Вып. 1–4. – М., 1977; 1917–1918 гг. Вып. 1–7. – М., 1979–1980; Указатели и материалы. Вып. 1–2. – М., 1982.

10. *Калинина А.В.* Источники по истории политических партий и организаций в Тобольской гу-

бернии: 1905 – февраль 1917 гг.: Дис. … канд. ист. наук. – Тюмень, 2006. – 260 с.

11. *Кирьянов Ю.И.* (сост.) Правые партии. Документы и материалы в 2-х тт. – Т. 2. – 1911–1917 гг. – М.: РОССПЭН, 1998. – 816 с.

12. *Колгушкин Л.А.* Воспоминания // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. – Вып. 5. – Кострома, 2002. – С. 41–158.

13. *Кубацкий Ф.И.* (ред.) Отрезвление рабочих. Статистическое обследование влияния прекращения продажи спиртных напитков на производительность труда рабочих. – М., 1915. – 86 с.

14. Меньшевики. 1903 – февраль 1917 года. – М.: РОССПЭН, 1996. – 408 с.

15. *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. В 2 тт. Т. 2. – Нью-Йорк: Издание А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1955. – 304 с.

16. Особые журналы Совета Министров Российской Империи. 1909–1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2001–2009.

17. Памятные книжки Владимирской губернии 1914–1916. – Владимир, Губернская типография, 1915–1917.

18. Памятные книжки Костромской губернии 1914–1916. – Кострома: Губернская типография, 1915–1917.

19. Памятные книжки Ярославской губернии 1914–1916. – Ярославль: Губернская типография, 1915–1917.

20. Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1900–1922 гг. В 3-х тт. – М.: РОССПЭН, 1996.

21. Партия «Союз 17 октября»: протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК: 1905–1915 гг. В 2-х тт. / под ред. В.В. Шелохаева, сост. Д.Б. Павлов. – М.: РОССПЭН, 1996.

22. *Пчелин А.Е.* Воспоминания о городе Ярославле // Век нынешний и век минувший, – Ярославль, 2007. – С. 156–170.

23. *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Урожайность хлебов в России 1795–2008. – М.: ИВ РАН, 2009. – 192 с.

24. Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – 105 с.

25. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб.: Блиц, 1995. – 416 с.

26. *Савинский Д.* Беженцы в Ярославской губернии. – Ярославль, 1916.

27. *Самойлов Ф.Н.* По следам минувшего. – М.: Росполитиздат, 1954. – 383 с.

28. Свод законов Российской Империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями / под ред. Ф. Волкова и Ю. Филиппова. – СПб.: Издание тов-ва «Общественная польза», 1900. – 516 с.

29. Собрание законов Российской Империи. В 5 кн., 13 томах. – СПб., 1912.

30. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3-х тт. – М.: РОССПЭН, 1997–2000.

31. Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2003. – 630 с.

УДК 739.2

Камыгина Галина Антоновна
Костромской государственный технологический университет
gkamygina@mail.ru

КРАСНОСЕЛЬСКИЕ ЮВЕЛИРНЫЕ АРТЕЛИ В 20–50 ГОДЫ XX ВЕКА: ПОИСКИ НОВЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ И СМЕНА АССОРТИМЕНТА ПРОДУКЦИИ

В статье рассматриваются причины объединения кустарей-ювелиров, поиски нового ассортимента и технологий ювелирной продукции в 20–50 годы XX века.

Ключевые слова: *русские художественные промыслы, производственные артели, дешевые ювелирные изделия, сканные украшения.*

Одна из современных, успешно развивающихся отраслей экономики в регионе Верхнего Поволжья – ювелирное производство [10]. Для Костромской области это давно известный вид промысловой деятельности населения. Исследователи неземледельческих занятий костромских крестьян во второй половине XIX века фиксировали существование развитого «ювелирно-галантерейного» промысла в Красносельской волости [1; 2; 9; 16; 17].

После событий 1917–1918 гг. в советской России произошла серьезная ломка экономических отношений. Налаженные торговые связи, вопросы приобретения сырья для ювелирных изделий, сбыта готовой продукции, социальные связи внутри субъектами производства – мастерами-ювелирами, изготовлявшими украшения и купцами-скупщиками продукции – требовали новых организационных форм. Серьезной проблемой стала и смена ассортимента выпускаемых изделий. До 1917 гг. значительную часть продукции красносельских ювелиров составляли предметы православного культа: крестики, образки, небольшие иконки [2; 8; 11]. Во втором десятилетии XX в. мастера были вынуждены искать новые виды изделий и рынки сбыта.

 © Камыгина Г.А., 2013

Организация и поддержание народных промыслов было важной задачей Советской власти, как экономической, так и идеологической. Во-первых, это позволяло развивать промышленность, разрушенную в годы гражданской войны, создавать рабочие места. Во-вторых, произведения художественных промыслов играли большую пропагандистскую роль в стране, где большинство населения было неграмотным, и наглядные изображения несли огромную информационную нагрузку, продвигали в сознание людей символы советской власти. Наконец, в-третьих, советская власть пыталась преобразовать индивидуальное производство в коллективное, что соответствовало новой коммунистической идеологии. Предполагалось, что кооперирование (объединение) населения будет средством формирования нового социалистического общества.

Перед мастерами, изготовлявшими недорогие ювелирные украшения из серебра с позолотой, процветавшими в Красносельской волости Костромской губернии до 1917 г., возникли и специфические для этого вида деятельности проблемы. В начале 1918 г. Советская власть выпустила несколько постановлений, которые жестко регламентировали оборот драгоценных металлов в России [8]. Эти постановления, а также разруха гражданской войны и социально-экономические преобразования советской эпохи поставили в трудное положение традиционный промысел изготовления мелких ювелирных изделий. Без специальных разрешений невозможно было приобретать сырье – серебро, золото и сбывать готовую продукцию. Выходом из данной ситуации было кооперирование мастеров и поиски нового ассортимента продукции.

Кустари-ювелиры стали объединяться в производственные организации. Первое объединение ювелиров создано в марте 1918 г. под названием «Трудовой профессиональный союз кустарей металлистов золотосеребряных и бронзовых изделий», названное сокращенно «Профсоюз», и переименованное в начале 30-х гг. в промколхоз «Красный кустарь» [12].

Кроме этой крупной организации в с. Красном было создано еще две артели, слившихся в 1919 г. в производственное объединение, названное позднее «Артель Промкомбината». В это же время в близлежащих селах: Подольское, Сидоровское были учреждены свои артели по производству и сбыту ювелирной продукции. В окружающих деревнях Дербилки, Веселово, Здемирово, Степурино, Алеево, Сопырево, Есюнино, Метяшево, Погост-Барский организовывались промколхозы, вошедшие с 1937 г. в Красносельский ювелирно-художественный промысловый союз [6].

Несколько позднее, в 1927 г., была организована промысловая артель инвалидов «Металлист», подчинявшаяся вначале Ивановскому, а затем Ярославскому и Костромскому облкоопинсоюзу [4].

Важным способом преодоления кризиса 20-х гг. для красносельских ювелиров стали поиски новых технологий и нового ассортимента продукции. До революции 1917 г. в округе производили, в основном, недорогие личные ювелирные изделия, среди них предметы православного культа [7]. Но в округе было широко развито производство цепочек, а, значит, были прекрасные навыки выделки проволоки и пайки мелких деталей (рис. 1). В 30-е годы некоторые мастера стали осваивать необычную для здешнего промысла технику филиграни [14].

Освоению филигранных приемов способствовало и существование рисовальных классов, преподаватели которых были выпускниками Строгановского училища и несли с собой художественные приемы псевдорусского стиля, чрезвычайно популярного в этом учебном заведении [13]. В эстетическом языке псевдорусского направления важную роль играла именно сканно-эмальерная техника.

Мастера артели «Красный Кустарь» уже с 1930-х годов стали использовать технику скани для создания новых образцов украшений, как личных, так

Рис. 1. В артели «Красный кустарь», 1946 г.
Фото из личного архива семьи Медведевых

и выставочных. Это было связано с тем, что для данной ювелирной техники можно было использовать не драгоценный, а цветной металл, медь. Выпускались дамские пряжки, портсигары, брошки, подстаканники [3]. После Великой Отечественной войны художники и мастера артели создали ряд уникальных ваз, кубков, ларцов, в декоративном решении которых отражалась тематика социалистического строительства в СССР. Именно в послевоенные десятилетия предприятия с. Красное Костромской области стали крупнейшим центром производства сканно-филигранных изделий [10; 15].

Ассортимент других ювелирных предприятий округи отличался. В артели Промкомбината вырабатывали так называемую «галантерею», т.е. дешевые личные украшения, изделия из серебра, из меди. Лишь в 50-е годы, когда в Промкомбинат пришли молодые выпускники Красносельского техникума художественной обработки металлов, это предприятие стало включать в свой ассортимент уникальные подарочные украшения, выполненные в технике чеканки и скани [4].

В артели «Металлист» вырабатывались сравнительно недорогие изделия, сырьем для которых служили в основном медные сплавы. Для повышения привлекательности внешнего вида таких изделий в них использовали 1–2 вставки из цветных стекол на фольге, а поверхность золотили или серебрили. Изредка в ассортимент артели включали украшения, выполненные целиком из серебра. Стоимость ювелирной галантереи, то есть предметов из меди, латуни или мельхиора, была доступна для широких слоев населения советских людей, не избалованных роскошью. Значки, медальоны, серьги, кольца из цветного металла стоили от 2 до 10 руб. в ценах 1957 г. Украшения из серебра носили подарочный характер, обогащались многочисленными мелкими вставками и стоили уже около 150 руб. [4].

Спрос на продукцию ювелирных артелей Красносельского района постоянно рос, объемы производства увеличивались и в 1959 г. собрание уполномоченных решило объединить артель «Металлист» с артелью «Красносельский ювелир» и мастерской промкомбината в единое предприятие, которое было названо Красносельской ювелирной фабрикой [5].

Мастера красносельского ювелирного промысла с успехом преодолели тяжелый период гражданской войны, экономические трудности первой трети XX в. Путем выпуска новых видов продукции, развитием новых организационных форм производства ювелиры не только сохранили старинный промысел, но и вывели его на новый художественный уровень.

Артели красносельской округи стали одним из крупнейших центров производства недорогих ювелирных изделий из меди и серебра в РСФСР. Кроме того, мастера старинного промысла освоили новый ассортимент продукции и новую технологию: скань.

Библиографический список

1. *Барыков В.* Промысловые занятия Крестьянского населения Костромской губернии. Издание Костромского уездного земства. –Кострома, 1909. – 29 с.

2. *Бузин А.И.* Красносельские художники-ювелиры. – Кострома: КГПИ, 1997. – 260 с.

3. Воспоминания Медведева Р. А. (род. 1936 г.)

4. ГАКО. Ф. Р-843, Оп. 1, Д. № 72 Техническое описание продукции артели «Металлист».

5. ГАКО. Ф. Р-850, Оп. 1. Красносельская ювелирная фабрика.

6. ГАКО. Ф. Р-1972, Оп. 1. Л. 1–8. Красносельский ювелирно-художественный промысловый союз Ярославской области.

7. ГАКО. Ф. Р-1972, Д. №19. Нормы и расценки на выработку шпринделей и браслетов.

8. Постановление Высшего Совета народного хозяйства РСФСР: от 17 февраля 1918 года // Собрание узаконений РСФСР. – 1918, № 24, ст. 340; Постановление ВСНХ от 12 января 1918 года // Собрание узаконений РСФСР. – 1918, №16, ст. 232; Постановление ВСНХ от 22 февраля 1918 года // Собрание узаконений РСФСР. – 1918, № 29, ст. 376.

9. *Каткова С.С.* Из истории ювелирного промысла в селе Красном // Из истории собирания и изучения произведений народного искусства. – Гос. русский музей. – Л., 1991. – С. 107–116.

10. *Корбицкий Н.Н.* Кустарный промысел ювелирных изделий в Костромской губернии и его развитие. – Кострома, 1913. – 40 с.

11. «Красносельский ювелирпром» – традиции – шаг в будущее // Ювелирное обозрение. Ежемесячное издание. – 2010. – № 5. – С. 29.

12. *Куколевская О.С.* Медное художественное литье Красносельской волости Костромской губернии // Краеведческие записки. Вып. V. – Кострома, 1993. – С. 84–97.

13. *Лобанов А.А.* Историческая справка о развитии Красносельского производственного объединения «Ювелирпром». – Б. и., 2009. – 4 с.

14. *Лужняк Т.Н.* Значение красносельской художественно-ремесленной учебной мастерской в развитии ювелирного дела в селе Красном в XX в. // Красносельская сторона. – Красное-на-Волге, 2012. – № 4. – С. 68–75.

15. *Пупарев А.А.* Художественная эмаль. – М.: Всесоюзное кооперативное издательство, 1948. – 83 с.

16. *Серова Е. В.* Неземледельческие промыслы крестьян в губерниях Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. … канд. ист. наук. – Ярославль, 1995. – 222 с.

17. *Сорокин Н.В.* Деятельность государственных и земских учреждений по изучению и развитию кустарных промыслов в 1874–1917 гг.: На материалах Костромской губернии: Дис. … канд. ист. наук. – Кострома, 1999. – 231 с.

УДК 39:398(=511.152.2)(045)

Козлова Тамара Алексеевна
Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева», г. Саранск
toma_68@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ МОРДВЫ (по материалам мордовского фольклора)

В статье рассматриваются традиционные головные уборы мордовских девушек и женщин, отраженные в произведениях мордовского фольклора.

Ключевые слова: *мордовский фольклор, традиционный головной убор мордвы-мокши, мордвы-эрзи.*

Комплекс народного костюма как важнейший компонент материальной культуры этноса издавна несет в себе и особый духовный смысл. Из века в век в коллективном творчестве народа формировались и обогащались идеалы прекрасного, которые проявлялись в постепенно усложняющейся структуре ансамбля костюма. Он отражал эстетические воззрения народа, восходящие к понятиям жизни и смерти, молодости и старости, продолжения рода и единства с людьми, живущими рядом, т.е. ко всей его бытовой жизнедеятельности.

Весь комплекс национальной одежды мордвы, как будничной, так и праздничной, обрядовой художественно описывается в произведениях мордовского фольклора. Так, в лирических песнях при описании образа идеального героя (мужчины или женщины) большое место занимало восхваление их костюма, которое делалось по общепринятым, традиционным стандартам.

В общем комплексе народного мордовского костюма важное место занимали головные уборы.

Широкое распространение имели валяные шляпы самой различной формы:

В круглой шляпе, подруга, тот парень,
Павлиное перо, подруга, в шляпу воткнуто…
[8, с. 211].

Часто в фольклоре упоминаются и покупные, так называемые крымские шапки:

На голову надел
Пятирублевую крымку… [8, с. 216].

Со второй половины XIX века в быт входит картуз с твердым козырьком, который постепенно вытесняет шляпы:

Надел шаровары,
Надел картуз блестящий [7, с. 378].

Головные уборы женщин соответствовали их возрасту и служили показателем ее положения в семье и обществе. Форма и способы ношения головных уборов были тесно взаимосвязаны с широко распространенными у многих народов представлениями о магии женских волос, якобы влиявших на погоду, плодовитость людей, скота и сельскохозяйственных культур.

В фольклоре при создании образа идеальной героини большое внимание уделяется ее волосам. По народным представлениям у девушек и женщин должна быть ухоженная голова. Так, в сатирических песнях легкомысленные мужья, противопоставляя свою жену девушкам, обязательно подчеркивает неопрятность ее волос:

Не шуми, Таня, не кричи ты, женушка.
Не зови та меня, неприбранная голова, –
Имя твое Таня, а коса твоя незаплетенная,
Коса незаплетенная, волосы непомытые.
Уличных девушек зовут «Наденьки»,
Зовут «Наденьки», косички их гладеньки
[8, с. 224].

Для того чтобы волосы были гладкими, женщины мазали их коровьим, козьим, конопляным или льняным маслом:

Маслом помажет (челку) –
Кольцами вьется,
Змеею извивается,
Завитки рассыпаются [8, с. 253].

При изображении внешности девушки в устно-поэтическом творчестве всегда обращалось внимание на ее прическу. Одним из достоинств красивой девушки была толстая коса, которую сравнивали с длинным топорищем, кнутом пастуха или ногайца:

Будто светлая мишура ее волосы,
Будто луч зари, ее пробор,
Будто ногайский кнут, ее коса [2, с. 99].

По обычаю у девушки-мордовки в праздничные дни оставляли свои волосы непокрытыми, даже зимой при сильных морозах. Этим они подчеркивали свою независимость. Вырвать или отрезать у девушки прядь волос, по народным представлениям, значило лишить ее самостоятельности, свободы, расположить ее сердце к себе:

Впереди идет красивая Танюша,
За ней вслед идет бурлак Семуша.
За кончики волос Семен Таню ухватил [10, с. 73]

Девушки носили налобные повязки, вышитые или обшитые бисером и позументом, обруч из луба, бересты, картона, обтянутый тканью, или венок из искусственных цветов и бус:

На себя одела платье в шесть точ,
Подпоясалась она поясом с кистями,
Голову повязала лентой позолоченной [2, с. 381].

Девушки также носили головное покрывало – фату. Ее изготавливали из шелковой или атласной ткани преимущественно красного или бордового цветов, которую обшивали по краю бахромой или полоской материи. Иногда фату использовали в качестве налобной повязки.

© Козлова Т.А., 2013

Оделась, обулась Костина Даша,
Помолилась, нарядилась.
На голову повязала Костина Даша,
Шелковую фату [8, с. 257].

В песнях шелковая фата красного или бордового цвета сравнивается с ясной или горящей зарей.

Девушка-боярышня,
Девушка-сударушка...
Голова вся в кудрях.
В фате цвета алой зари [8, с. 155].

После свадьбы женщины по обычаю должны были тщательно скрывать свои волосы. В его основе распространенное у многих народов представление, что девушка по выходе замуж могла навредить роду мужа магической силой, заключенной в ее волосах [1, с. 150]. В более позднем осмыслении закрывание волос стало символизировать подневольное положение замужней женщины. Об этом говорилось и в причитаниях, которые исполнялись во время обряда расплетения косы у невесты перед одеванием ее к венцу. Одна из родственниц, обращаясь к ней, приговаривала:

Теперь не станешь, золовушка,
Носить их (волосы) при свете солнечном,
Станешь держать их спрятанными,
Станешь в темноте носить их [3, с. 246].

Головные уборы замужних женщин были весьма разнообразны. Их существовало несколько видов. Одним из наиболее распространенных была сорока. Ее остов состоял из мягкой холщовой шапочки – волосника и передней твердой части, сделанной из лубяной, обшитой холстом полоски.

Одевается шельма, прихорашивается:
На ноги натягивает чулки вышитые,
Надевает вышитое платье,
Голову повяжет сорокой [7, с. 376].

Для мордвы-эрзи были характерны высокие головные уборы на твердой основе типа панго. Он имел форму полуцилиндра, суживающегося кверху. На голове панго держался с помощью завязок, которые прикрепляли к внутренним сторонам убора:

На голову повяжу я пангу,
Пангу укреплю я завязочкой [2, с. 455].

Мокшанки носили, в основном, мягкие головные уборы. Наиболее распространенным была панга, которая «представляет трапециевидно скошенный кверху холщовый мешок, обшитый кумачом и украшенный шелковыми лентами, медными пуговицами с стеклянными глазками» [6, с. 16]. Кроме того, у мокши в качестве головных уборов бытовали разнообразные платки: шерстяной красный с цветами (гарсовой), с золотым шитьем (солот). О них упоминается в фольклоре. Например, в мокшанской сказке «Ветка орешка» старшая дочь просит отца купить ей «красивый шелковый платок с длинными кистями, да чтобы был весь в цветах» [9, с. 210].

В начале XX столетия платки почти повсеместно заменили традиционные головные уборы, как женские, так и девичьи:

Девушка – барышня,
Красавица Азравка…
Голова у нее кудрявая,
А платочек как зорька красная [7, с. 102].

Обычно платки и шали приобретали у заезжих торговцев или на базарах:

Ой, все же отправилась
Костина Даша на Троицкий базар
Купить платочки.
Один (платок) купила –
На голову повязала,
Второй купила –
На шею повязала [8, с. 251].

Таким образом, произведения мордовского фольклора могут быть использованы в качестве источника для изучения традиционных головных уборов этноса.

Библиографический список

1. *Гаген-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. – 228 с.

2. *Евсевьев М.Е.* Избранные труды: в 5 тт. Т. 2. Народные песни мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. – 528 с.

3. *Евсевьев М.Е.* Мордовская свадьба // Избранные труды. Т. 5. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – С. 7–341.

4. *Козлова Т.А.* Народный костюм мордвы в фольклорных произведениях // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 1. – С. 41–44.

5. *Корнишина Г.А.* Обрядовая культура в системе функционирования мордовского этноса // Гуманитарные науки. – 2011. – № 3(7). – С. 86–90.

6. *Спрыгина Н.И.* Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии по материалам экспедиции 1925 г. // Средне-Волжский Пензенский областной музей. – Вып. 3. – Пенза, 1928. – 46 с.

7. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 тт. Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни / сост. Л. С. Кавтаськин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. – 400 с.

8. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. Т. 2. Лирические песни / под ред. Э.В. Померанцевой. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. – 372 с.

9. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. Т. 3. Ч. 1. Мокшанские сказки / под ред. А.И. Маскаева. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – 383 с.

10. *Шуляев А.Д.* Жизнь и песня: (Поэтическая система традиционной народной лирики мордвы). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 172 с.

УДК 94(470)

Морозов Николай Михайлович
кандидат исторических наук
Институт экологии человека СО РАН, г. Кемерово
oven.777@mail.ru

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОНЯТИЯ «ВАРВАРСТВО» В ИЗУЧЕНИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

По материалам отечественной историографии 1990–2010 гг. выявлена продуктивность понятия «варварство» в получении новых знаний о российской цивилизации.

Ключевые слова: *российская цивилизация, архаизация, варварство.*

В 1990–2010 гг., в обстановке заимствования идей зарубежных коллег и расширения публикационных возможностей для выражения отечественными обществоведами собственных гипотез, интеллектуальное пространство стали заполнять всевозможные аналитические модели, претендовавшие на универсальность в объяснении специфики России. На этом фоне множились проблемы в познании российской цивилизации, связанные с тем, что научное сообщество не успевало переработать поток информации, систематизировать новые теоретические конструкции и критически оценить приёмы их включения в прикладные исследования с позиции согласованности с устоявшимися представлениями об истории общества и на соответствие с используемой методологией.

Анализ ниши отечественной историографии, в которой понятие «варварство» оказалось базовым, представляется важным не только с позиций решения задачи выявить её продуктивность в части получения новых знаний о российской цивилизации, но и для уяснения гносеологического ресурса понятийного аппарата, сложившегося на основе ключевого слова.

Изначально, на рубеже XVIII–XIX вв. в Европе понятие варварства являлось антитезой высокому уровню культуры и использовалось, начиная с А. Фергюссона, и затем Л.Г. Морганом, Ф. Энгельсом, в периодизации истории человечества по эпохам (дикость – варварство – цивилизация) [4, с. 38; 10, с. 33–36; 12, с. 19–25, 163–185]. В отечественной философской мысли XIX в. у сторонников западничества оно несло близкие по смыслу контексты, а именно: присутствия архаичных пластов в традиционной русской культуре (в рассуждениях о дилеммах прогресса подчёркивалась «недоразвитость» их носителей), подразумевались элементы консерватизма и сопротивления социальным новациям [6, с. 12–39].

С начала 1990-х гг. тема архаизации и варварства возродилась в отечественной историографии, в первую очередь, как проблема цикличности прогресса – регресса в российской истории, предопределяющая, по мнению её разработчиков, цивилизационную специфику общества и государства. Внимание учёных было сосредоточено на процессах маргинализации, на таких крайних формах поведения, как национализм, социальный паразитизм в различных его проявлениях, оккультизм, смена религиозной ориентации и других.

Системный взгляд на природу архаизации общества был представлен в трудах А.С. Ахиезера. Само понятие автор интерпретировал как форму регресса, проявляющегося в программах деятельности людей и их коллективов, разрушающих социальные достижения. В эпистемологическом плане рассуждения опирались на анализ подвижного состояния дуальной оппозиции, состоящей из двух разнонаправленных процессов: на повышение способности эффективно воспроизводить жизнеспособность общества и на ослабление способности эффективного воспроизводства, ведущего к возрастающей дезорганизации [1, с. 89, 99]. Отмечая целесообразность изучения связей между этими процессами, их взаимопереходных состояний и соразмерности, учёный подчёркивал ключевое значение промежуточной зоны «между», где, по его мнению, формируются основные смыслы более эффективных воспроизводственных программ [2]. В указанном ракурсе сфера «между» функционально и позиционно напоминала управляющий элемент модели дуальности, разработанной Ю.М. Горским и В.И. Разумовым [3, с. 179–180], что свидетельствовало о признаке верифицируемости идеи о существовании механизма равновесия между разнонаправленными и взаимозависимыми полюсами, к которой исследователи и А.С. Ахиезер пришли разными путями.

Тем не менее, при характерном для последнего автора и его последователей подходе к изучению российской цивилизации в динамике циклов, преобладал интерес к природе регрессивных тенденций и к поиску там истоков повторяющихся кризисов. В этой связи архаизация как общая форма регресса подвергалась детализации с помощью многочисленных смыслов понятия варварства.

Так, по версии А.А. Кара-Мурзы, варварством является процесс или явление, ведущие к социальной деградации в любом её проявлении на основе дистрибутивных отношений, понимаемых как «…бесконтрольное растранжиривание “жизненной силы”, антиправовое покушение не только на чужую собственность, имущество, но и на власть,

© Морозов Н.М., 2013

порядок, авторитет» [6, с. 41]. Подразумевался обширный перечень действий, процессов, явлений, ведущих к архаизации социума, имевших место в истории российской цивилизации что называется «везде и всегда». В целях обоснования выводов, являвшихся апологией либерализму, автор иллюстративно использовал отдельные исторические факты и умозаключения учёных XIX–XX столетий. В теоретическом плане версия была построена на основе постулата о непрекращающейся борьбе социума «…против своего собственного небытия» [6, с. 14] и одностороннего понимания специфики российских реалий, получившей исключительно негативные оттенки. В эвристическом отношении она подводила читателя к ощущению хаотичности существования во времени и многоликости варварства, к культивированию исторического пессимизма.

Свою версию варварства И.Г. Яковенко сопроводил некоторыми предварительными умозаключениями. Согласно автору, оно существует только при столкновении с цивилизацией, представляя собой архаический пласт культуры с особым характером воспроизводства внутреннего ресурса в рамках той или иной формы социального общества. Цивилизацией предлагалось называть этап развития культуры с наиболее эффективной стратегией жизнедеятельности человечества, отличающейся резким наращиванием конкурентных ресурсов. Таким образом, сущность варварства была выражена в трёх контекстах:

– внешнего пояса, ближней периферии цивилизации, используемой последней для пополнения своих жизненных сил;

– способа ассимиляции (через конфликт) носителей архаичности с цивилизацией;

– механизма восприятия цивилизации через страх, ненависть и презрение к новой исторической альтернативе [13, с. 66, 67, 69, 71].

В одной из статей под названием «Россия – варварская цивилизация?» автор привёл свои доводы для положительного ответа на поставленный вопрос и выделил, по его мнению, постоянное воспроизводство трёх характеризующих компонентов. Первого – дисперсного варварства, проявлявшегося в различных формах дезадаптации и деструкции [14, с. 82]. Второго – институционального варварства, описанного с помощью образов казачества, представленного в симбиозе установок, диктуемых архаичной стихией и долгом выполнения служебных функций [15]. Третьего – маргинального варварства, самого «чистого», необозримого пласта архаики с общим признаком у его носителей (криминальный мир, представители социального «дна», коррумпированные лица, сторонники кратизма и почитания чинов и другие) – паразитарностью [16].

Футурологической составляющей гипотезы И.Г. Яковенко стало предположение о том, что «изживание (минимизация) пластов варварства и архаики возможно лишь со сменой цивилизационной модели» [16, с. 97]. Противоречивость суждения заключалась уже в том, что в соответствии с постулатами автора названные компоненты друг без друга не существуют.

С рамках ноосферной концепции истории Н.В. Мотрошилова сформулировала свою версию варварства как оппозиционной стороны цивилизации. Под варварством предлагалось именовать бесконечные процессы становления человечества, в ходе которых природно-биологические предпосылки, механизмы, стимулы, следствия жизнедеятельности являются доминирующими [7, с. 50–51]. С переходом к надбиологическим (понимается в значении социальных) программам формируется иной способ жизнедеятельности, который и означает цивилизацию. Его совершенствование в пределе должно подвести индивидов к следующему состоянию в обществе: к равной мере свободы и ответственности, социальному контролю, порядку, безопасности во всех сферах деятельности и повседневного бытия; к действенным законам, сознательности, конструктивности, эффективности деятельности индивидов, к их ориентации и на индивидуальный интерес, и на общие цели; к высокому качеству форм, средств коммуникации – дорог, транспорта, связи; к достойной повседневной жизни согласно критериям комфорта, чистоты, благоустроенности, красоты; к заботе о детях, старых и слабых и многому другому [9, с. 27–34]. Все эти особенности, взятые с отрицательным знаком, составляют, по мнению автора, формулу варварства как оборотной стороны цивилизации [8, с. 26]. Не вызывает сомнений пацифистская и нравственная направленность вышеизложенной версии, в которой цивилизация отождествляется с понятием высокой культуры.

Нетрудно увидеть, что в основание аналитики феномена варварства были положены ценностные императивы. Цивилизация рассматривалась в стадийном выражении, отождествляемая с высокой культурой жизнедеятельности. Апеллирование к полюсам дуальной оппозиции регресс – прогресс изначально было ориентировано на шкалу ценностей либерализма, выступавшего в перечисленных версиях в образе желаемого состояния, панацеи от варварства. Но от него, как утверждалось, не спасают, ни достижение более высокого качества жизни, ни торжество либеральных свобод. Варварство способно к самовозрождению: и в кризисные, и в относительно благополучные годы.

Анализ выделенных типологически разнообразных моделей архаизующих тенденций: «бегство от культуры», «тотальной архаизации», «переходной архаизации» и «диалога с архаизацией», проведенный В.М. Хачатурян уже на исходе рассматриваемого периода, позволил сформулировать гипотезу о неоднозначности их функций в динамике обществ

цивилизаций. Наряду с формальным отношением к разряду регрессий, была выявлена конструктивная значимость последних двух моделей в долгосрочной перспективе благодаря актуализации культурных форм, базирующихся на древнейших биосоциокультурных программах [11, с. 10–14].

Резюмируя изложенное выше, подчеркнём, что опыт универсализации понятия варварства вёл к искажённому пониманию и одностороннему объяснению цивилизационной специфики России. Исследователи, придавая им статус инструментария в определении меры отклонения социальной системы от принятого за эталон либерального общества, не избежали осовременивания их конкретно-исторических смыслов. Тем не менее, таким способом была обозначена проблема проявления в отдельных сферах цивилизации эффектов социальной энтропии, связанных с циклами снижения – повышения уровня их организации, эффективности функционирования и темпов развития.

Библиографический список

1. *Ахиезер А.С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 89–100.

2. *Дука О.Г.* Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примере российской историографии). – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2001. – 223 с.

3. *Ионов И.Н.* Теория цивилизаций: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. – 1994. – № 4–5. – С. 33–50.

4. *Кантор В.К.* «…Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. – М.: РОССПЭН, 1997. – 478 с.

5. *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. – М., 1995. – 211 с.

6. *Мотрошилова Н.В.* Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2006. – № 4.– С. 49–55.

7. *Мотрошилова Н.В.* Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник Российского философского общества. – 2005. – № 4 (36). – С. 24–33.

8. *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в современную эпоху. – М., ИФ РАН, 2007. – 272 с.

9. *Терин Д.Ф.* «Цивилизация» против «Варварства»: к историографии идеи европейской уникальности // Социологический журнал. – 2003. – № 1. – С. 24–47.

10. *Хачатурян В.М.* Феномен архаизации в культурной динамике: Автореф. … дис. д-ра культурологии / ФГБОУ ВПО «Государственной академии славянской культуры». – М., 2011. – 50 с.

11. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.:. Изд-во политической литературы, 1989. – 224 с.

12. *Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России. Статья 1. Варварство как социологическая модель // Общественные науки и современность. – 1995. – № 4. – С. 68–78.

13. *Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России. Статья 2. Россия – варварская цивилизация? // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6. – С. 78–85.

14. *Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 104–111.

15. *Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России. Статья 4. Государственная власть и «блатной мир» // Общественные науки и современность. – 1996. – № 4. – С. 87–97.

УДК 94(477)

Попов Вячеслав Жанович
кандидат исторических наук
Донецкий государственный университет управления, г. Донецк
zhanovich@bk.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В 1917–1920 ГГ.

В статье рассматриваются особенности повседневных практик основных социальных групп населения городов и поселков Украины в период национально-демократической революции и гражданской войны 1917–1920 гг. Анализируется поведение городских жителей в условиях смены власти, военных действий, хозяйственной разрухи. Характеризуются попытки самостоятельного решения бытовых проблем.

Ключевые слова: *национально-демократическая революция 1917–1920 гг., гражданская война, социальные группы городского населения, повседневность, паек, спекуляция.*

История повседневности является важным направлением в развитии науки об обществе. Ее изучение дает возможность по-новому взглянуть на исторический процесс, прежде всего, благодаря тому, что рассматривается опыт обычных людей, привычные практики поведения, остававшиеся ранее незамеченными из-за своей очевидности и будничности. Академический интерес представляет жизнь населения индустриальных районов в кризисных условиях. Повседневное существование жителей больших городов и рабочих поселков практически полностью зависит от сельских районов, обеспечивающих продовольственное снабжение. Когда нарушены экономические связи, городское население оказывается в уязвимом положении, в отличие от села, обладающего значительной степенью автономности. Социальная структура городского населения достаточно разнообразна, что дает возможность сравнительного рассмотрения поведенческих практик различных слоев населения. Некоторые характерные черты городской жизни в период социально-экономических потрясений свойственны любым группам, независимо от их социального статуса. В то же время существуют специфические модели поведения, присущие определенным категориям горожан. Для их изучения обширный фактический материал предоставляет период национально-демократической революции 1917–1920 гг. в Украине. Частая смена власти, и соответственно, политического курса; экономический хаос, блокада многих городов повстанцами поставили перед городским населением задачу физического выживания, для решения которой предпринимались самые разные технологии.

Начало революционных событий весной 1917 г. приобщило к политической жизни самые широкие массы. Репортер «Одесского листка» отмечал, что «тысячи рабочих в урочное время, прочитывая на ходу утренние газеты, спешили на работы» [10]. Будущий советский служащий В. Кравченко вспоминал, что люди, до той поры молчавшие, ощутили потребность в публичных выступлениях. «Ученые мужи с выхоленными бородами уступали место солдатам и рабочим» [7, с. 8]. Уже тогда ощутимый дефицит самого необходимого сделал повседневным фактом длинные очереди. «Каким-то нюхом» люди узнавали о прибытии нового товара, и так набивались в магазины, что приходилось «устанавливать очереди, в которых дамы безропотно выстаивают по целым часам» [10].

Зимой 1917–1918 г. основная масса населения утратила интерес к политике. Городская дума Никополя, проведя анкетирование среди рабочих, выяснила, что ни лекции, ни газеты им не нужны. «Пройдите на «проспект», – рекомендовала газета «Голос труда», – там черно от гуляющей публики. Вот где проводится свободное время. Загляните в иллюзион, и вы увидите, что зрелище драмы в 2000 метров вполне удовлетворяет духовные потребности» [1].

Летом 1918 г. финский посол при гетмане Скоропадском Г. Гуммерус также заметил «удивительное равнодушие» рабочих, оговорившись, что под ней, возможно, скрывались «тайные надежды на скорый приход большевиков» [5, с. 59]. Трагическим, несмотря на относительное благополучие гетманского режима, выглядело положение народных учителей. В некоторых школах учителя просили «кусок хлеба для своих голодных детей, хоть какие-нибудь старые сапоги, чтобы было в чем прийти в класс» [11, л. 143]. Обострившийся к лету 1918 г. экономический кризис привел к массовому бегству рабочих из Донецкого бассейна. В Луганске рабочим самим приходилось «с мешками направляться в ближайшие села за мукой, на розыски которой тратится три-четыре дня в неделю». Многие рабочие просто ходили «с места на место в поисках работы на таких рудниках, где уплата заработка производится более-менее аккуратно» [11, л. 123].

Население быстро привыкло к реалиям гражданской войны. Магазины работали на всем протяжении трехнедельной осады Киева петлюровцами в декабре 1918 г., вплоть до самого взятия города [2, л. 89]. Не замечая гула орудий, «публика гуляла, смеялась, ходила в кинематографы, спекулировала, обедала, спала и вообще вела себя так, как будто бы ничего не происходило» [2, л. 89].

© Попов В.Ж., 2013

На рубеже 1918–1919 гг. положение городского населения ухудшилось. С настоящим голодом столкнулась Одесса. Люди мечтали «о сухом куске хлеба, сделавшимся недоступным даже для средних классов». Не хватало не только хлеба, но и «картофеля, кукурузной муки, бобов», а имевшиеся пищевые продукты продавались «по баснословным, совершенно недоступным для людей среднего достатка ценам». Полное отсутствие топлива и безработица дополняли картину [15, с. 38]. В. Кравченко, проживавший в это время в Екатеринославе, вспоминал, что деньги утратили свою стоимость, а полки магазинов покрылись пылью. Тысячи вещей, воспринимавшихся ранее как сами собой разумеющиеся – дворники, телефон, водопроводы, транспорт – стали трудностью, драгоценностью, проблемой. «Теперь мы дорожили каждой коркой хлеба» [7, с. 9].

Впрочем, харьковская газета «Южный край» высказала предположение, что «предел приспособляемости еще не перейден. В прошлом году показалось бы невероятным лишением ежевечернее сидение без света, и, тем более, отсутствие воды для чаепития и умывания. Теперь в квартирах мерцают «каганцы», а к немногочисленным колодцам тянутся вереницы женщин с ведрами в поисках драгоценной влаги» [14].

Второй приход в Украину большевиков, по воспоминаниям киевского адвоката А.А. Гольденвейзера, поначалу мало что изменил в повседневном существовании горожан. «Население еще не успело изголодаться и опуститься. Люди жили с запасов или со служб; жалований еще хватало на минимальные потребности, особенно если в семье было несколько служащих» [4, с. 254]. Киевская студентка в своем дневнике обратила внимание на массовую социальную мимикрию, попытку затеряться в толпе пролетариев. «Уменьшается число элегантных и даже опрятно одетых прохожих, особенно мужчин. Большинство ходит в солдатских шинелях или кожаных куртках и черных картузах. Многие дамы не носят шляп. Все стараются придать себе «демократический вид» [6, с. 211]. Ее знакомый Р. «заказал себе в швальне косоворотку; у него 10 костюмов, но он должен был заказать себе эту сатиновую рубаху, потому что ему сделали внушение за то, что он слишком элегантен» [6, с. 227]. Это явление отмечено и в воспоминаниях проживавшего в тот период в Киеве В.В. Корсака, будущего офицера Добровольческой армии: «Все мужчины были одеты однообразно: царствовали высокие сапоги и защитный цвет. Толпа была новая, непривычная. Походка у всех стала быстрая и решительная. В большинстве прохожих угадывались советские служащие – озабоченные, смиренные, голодные» [8, с. 145].

Едва сводя концы с концами, интеллигенция стремительно утрачивала признаки внешней культуры. Киевская студентка вспоминала, как семья знакомого доктора, заняв чужую квартиру, никогда ее не убирала, сушила белье в гостиной и на фасадном балконе, катала тесто и рубила котлеты на дубовых буфетах. «Зачем им отдельные умывальники? Можно мыться под краном. Зачем шкафы? Можно повесить платья на стене и завесить простыней. Зачем столовое белье? Можно есть на клеенке» [6, с. 220].

С приходом Добровольческой армии хлеба стало больше, его цена снизилась. «Но всех угнетало безденежье, никто ничего не покупал» [8, с. 214]. Масса людей, которые при большевиках служили в многочисленных учреждениях, оставшись в Киеве в надежде на лучшие времена и более дешевый хлеб, «скоро проела эвакуационные деньги, выданные большевиками. Работы же нигде нельзя было найти» [8, с. 214]. Рабочие в 1919 г. оказались на грани физического выживания, не получая жалованья месяцами [12, л. 135]. На одном из рудников на общем собрании было решено реквизировать запасы хлеба, превышавшие пять пудов, «для прокормления голодающих в столовой рудника» [12, л. 139]. Люди ходили в старых изорванных костюмах, «совершенно все босые, лица изможденные» [13, л. 16]. Продукты приходилось приобретать у спекулянтов. Местный продовольственный комитет только один раз за месяц выдал «по горсточке муки, кукурузы и гнилого картофеля» [13, л. 12]. Чтобы прокормиться, рабочие выезжали на уборку урожая в хлебородные губернии [13, л. 13]. Оставшиеся на заводах рабочие меняли на хлеб свое скудное имущество, спекулировали своими изделиями (зажигалками и прочим) [13, л. 22].

Относительно благополучно жили ремесленники. В.В. Корсак при отступлении из Киева посетил в Василькове домик сапожника. «Нас накормили жареной колбасой с картофелем и напоили чаем с сахаром. За всю эту роскошь с нас взяли по-божески» [8, с. 347]. На одной из больших станций по дороге в Одессу он остановился в квартире дорожного мастера. «Меня напоили чаем с лимоном, потом накормили холодной рыбой, яичницей, разными мазурками, тортами и снова напоили чаем. Везде были порядок и чистота» [8, с. 410]. С этим свидетельством совпадает мнение адвоката А.А. Гольденвейзера, утверждавшего, что в условиях гражданской войны сносно могли жить только лавочники и «самостоятельные ремесленники» – печники, стекольщики, сапожники, пильщики и т.п. Причем достаточного уровня благополучия достигали исключительно те мелкие предприниматели, которые работали «своими инструментами, и из своего сырья» [4, с. 287].

Окончательное возвращение большевиков в Украину поначалу не повлияло на положение основных категорий городского населения. Фабричные рабочие были деклассированны и разъехались

по деревням, занявшись мешочничеством. «Класс фабричных рабочих перестал существовать, так как в большинстве перестали работать фабрики и заводы, а продолжавшие работать не могли прокормить своих новых владельцев» [4, с. 287]. Школьный персонал и учащиеся перешли почти на полное самообслуживание. Они «пилили дрова для отопления школьного помещения, мыли там полы, а летом копались на маленьких школьных огородных участках» [9, с. 52].

При Советской власти стремительно эволюционировала частная торговля. Сначала частники объявили себя кооператорами, поскольку кооперативы были разрешены. Когда кооперативы закрылись, лавочники «оказались кустарями и начали выделывать бензиновые зажигалки и резиновые подошвы». Разрешение торговать только продовольствием привело к продаже остальных товаров с черного хода. Закрытие продовольственных лавок загнало всю торговлю на квартиры [4, с. 286].

Пайки были средством существования всего городского населения. Право на паек имели все состоящие на государственной службе, и члены профессиональных союзов. «Неспособные к труду получали пайки от комиссариата социального обеспечения. Остальным предоставлялось умирать» [3, л. 32]. Заменой пайкам служили общественные столовые. Полковник армии Врангеля вспоминал повара «лучшего феодосийского ресторана», работавшего при большевиках в такой столовой. «Он мог приготовить обед на 200–300 человек из воды, 2–3 луковиц, 5–10 фунтов крупы и одной селедки» [3, л. 52].

В то же время В. Кравченко сделал знаменательное наблюдение, в соответствии с которым, в невзгодах гражданской войны, в беспорядке и опасностях, обычная жизнь как-то шла своим чередом. Люди работали, учились, ели, спали, читали и смеялись, находили себе друзей и даже строили планы на будущее. «Жизнь как привычка к борьбе за существование была сильнее всякого насилия» [7, с. 11].

Таким образом, в условиях революции и гражданской войны 1917–1920 гг., политическая активность была присуща городскому населению Украины лишь в течение нескольких месяцев 1917 г. Увлечение митинговой демократией сменилось всеобщей апатией уже зимой 1917–1918 гг. В дальнейшем горожане были озабочены лишь собственным выживанием.

В большинстве промышленно развитых регионов, начиная с 1918 г., неуклонно сокращалось количество рабочих. На предприятиях месяцами не выплачивалась заработная плата, многие заводы и шахты закрылись. Профессиональные союзы были не в состоянии ни защитить право своих членов на труд, ни обеспечить их хотя бы минимальным количеством продуктов. Рабочие поселки и районы в городах пустели и приходили в упадок. Их обитатели уходили либо в села за продуктами и на заработки, либо на другие предприятия и рудники в поисках оплачиваемой работы. Лишь небольшой их части удавалось зарабатывать на хлеб мелким кустарным промыслом. Быт рабочих и их семей ухудшался даже в условиях власти большевиков, потому что разруха продолжала углубляться, а вместе с ней росла безработица.

Для городской интеллигенции – преподавателей, юристов, врачей, журналистов – период правления гетмана Скоропадского летом-осенью 1918 г. был последней попыткой вернуть прежний образ жизни – с театрами, кино, кафе, лекциями в университете. Утратив привилегированный статус в конце 1918 г., она либо кинулась продавать все накопленное в прежние времена, либо устремилась в советские учреждения, что давало право на паек и посещение общественной столовой. Впрочем, и содержимое пайка, и ассортимент в столовой с каждым месяцем становились все скуднее. Полноценное питание заменялось суррогатным. Люди умственного труда утрачивали внешний лоск. Пролетаризация коснулась и одежды, и быта. Физический труд, отказ от привычного образа жизни, вынужденное самоограничение прочно вошли в повседневный обиход.

Учителя общеобразовательных учебных заведений чем дальше, тем с большим трудом сводили концы с концами. Школы практически перешли на самообслуживание в ремонте, отоплении, уборке, обеспечении продуктами. Относительное благополучие себе могли обеспечить лишь ремесленники, предоставлявшие населению мелкие бытовые услуги.

Торговцы продемонстрировали высокую степень приспособляемости к любому политическому режиму. Большевистские запреты они ухитрялись обходить всеми возможными способами. Даже всеобщий дефицит не ставил их в тупик – шла бойкая комиссионная торговля, а порой сбывались совершенно бесполезные в обстановке гражданской войны товары. Впрочем, торговлю, в духе времени называвшуюся спекуляцией, как способ выживания взяли на вооружение представители всех социальных групп. В такой ситуации победившие в гражданском противостоянии большевики были вынуждены отказаться от идеологических догм, и ради спасения страны начали реализацию отдельных принципов рыночной экономики.

Библиографический список

1. В культурно-просветительной комиссии // Голос труда (Никополь). – 1918 г. – 15 февраля.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 232.

3. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 158.

4. *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 6. – С. 161–303.

5. *Гуммерус Г.* Україна в переломні часи. Шість місяців на чолі посольства у Києві / пер. з фін. – К.: ВПЦ «Київ. ун-т», 2004. – 188 с.

6. Дневник и воспоминания киевской студентки (1919–1920 гг.) // Архив русской революции. – Берлин, 1924 г. – Т. 15. – С. 209–253.

7. *Кравченко В.* Я вибрав волю. Особисте й політичне життя совєтського урядовця. – Торонто: Друкарня «Українського робітника», 1948 р. – 493 с.

8. Красная смута / сост. Р.Г. Гагкуев. – М.: Содружество «Посев», 2011. – 624 с.

9. *Мартынов А.* Мои украинские впечатления и размышления. – Москва-Петроград, Государственное издательство, 1923. – 75 с.

10. По городу // Одесский листок. – 1917 г. – 5(18) марта.

11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 428. – 442 л.

12. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 62. – 243 л.

13. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 207. – 23 л.

14. Накануне событий // Южный край (Харьков). – 1918 г. – 22 декабря.

15. *Якушкин Е.* Французская интервенция на Юге. 1918–1919. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929. – 80 с.

УДК 327

Сернецкий Олег Богданович

Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Киргизия
oleg_2001_s@mail.ru

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ТЕРРИТОРИЯ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

В связи с происходящими геополитическими процессами в Центральноазиатском регионе обосновывается необходимость политико-экономического присутствия России в Центральной Азии – зоне исторических интересов России .

Ключевые слова: *Центральная Азия, российское присутствие в Центральной Азии, военная безопасность, интеграционные процессы, государственные интересы России.*

Становление интересов России в Центральной Азии обусловлено, прежде всего, исторически, и это в значительной мере объясняет то, почему они не всегда определяются только соображениями непосредственной выгоды, т.е. эти интересы лишь отчасти можно рассматривать как практические. За более чем вековое присутствие России в Центральной Азии сложилась достаточно определенная близость между Россией и республиками региона в сфере политики, экономики, в военной сфере, в культуре, языке, общественной жизни и даже в идеологии. В результате в самой России сформировались особые представления, связанные с этими странами, что непосредственно сказывается и на осознании ею собственных интересов в Центральной Азии. Однако после развала Советского Союза Россия сосредоточила свои силы на решении внутренних проблем, в результате чего оставила данный регион без внимания и серьезно ослабила свои позиции в Центральной Азии. Новая российская элита во главе с Б. Ельциным стала решительно избавляться от политического и экономического наследия СССР, разрушая тем самым фундаментальные основы некогда единой советской системы. Поэтому до середины 90-х гг. говорить о наличии в России какой-либо особой политики в отношении постсоветского пространства, в том числе и Центральноазиатского региона, не приходится.

Поскольку сложные внутренние проблемы решали и новые независимые государства, занимаясь поиском надежного «плеча» на Западе, в экономику Центральноазиатских стран начали поступать иностранные, нероссийские капиталы, что привело к появлению предпосылок для серьезного смещения главных акцентов во внешней политике соседствующих с Россией государств не в ее пользу. Разработка адекватной концепции политико-экономического присутствия России в Центральной Азии связана с приходом к руководству В. Путина. За эти годы Россия наглядно продемонстрировала как партнерам, так и конкурентам, что считает пространство бывшего СССР зоной своих интересов. Эта позиция четко прослеживается уже в первых двух основополагающих внешнеполитических документах, появившихся при президенте В. Путине, – «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» и «Концепции внешней политики Российской Федерации» (обе – 2000 г.), в которых «обеспечение соответствия многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ задачам национальной безопасности» названо приоритетным направлением [1].

Начиная с 2000 г. присутствие в Центральной Азии начало давать первые результаты: началось развитие двусторонних и многосторонних взаимоотношений. В 2000 г. главы России, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана подписали соглашение о Евроазиатском экономическом сообществе (ЕврАзЭС), что четко обозначило начало процесса интеграции экономических систем стран. В мае 2001 г. страны ОДКБ, в том числе Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан достигли соглашения о формировании КСБР (кол-

© Сернецкий О.Б., 2013

лективных сил быстрого реагирования), что свидетельствовало о новом этапе развития сотрудничества в военной области. Большую роль в увеличении влияния России в регионе сыграла и Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), основанная в том же 2001 г. Таким образом, Россия, используя рычаги взаимной экономической выгоды и активного взаимовыгодного сотрудничества, побудила страны Центральной Азии вновь повернуться к ней лицом. Особое внимание было уделено Центральноазиатскому региону и в новой «Концепции внешней политики Российской Федерации» (12 июля 2008 г.). Основа российских интересов – стремление к сохранению особых отношений между Россией и Центральной Азией в политической, экономической, военной, культурной и даже языковой сферах. Конечная цель российской политики в регионе – интеграция в экономической, политической сферах и в области обеспечения безопасности.

Государственные интересы России здесь строятся на нескольких базовых позициях, главная из которых связана с вопросами безопасности, поскольку имеется серьезная угроза со стороны международного терроризма и религиозного экстремизма [10]. Центральная Азия – это один из каналов проникновения международного терроризма в Россию. Серьезную угрозу безопасности представляет контрабанда наркотиков в Россию из Центральной Азии, куда они проникают из Афганистана – крупнейшего наркопроизводящего региона мира. Проблема наркотиков в современном российском обществе уже стала одной из самых острых и продолжает усугубляться, поэтому Россия в настоящее время рассматривает ее как угрозу национальной безопасности. По данным Программы по контролю за наркотиками ООН, в Афганистане было произведено: в 2000 г. – 3300 тонн опия, в 2005 г. – 4100 тонн героина, в 2007 г. – 8200 тонн героина [2].

Наконец, Центральная Азия представляет собой регион, служащий для России своеобразным щитом от возможной геополитической стратегической угрозы ее интересам. После событий 11 сентября 2001 г. США, с согласия России, создали военные базы на территории Узбекистана (Карши-Ханабад) и Кыргызстана («Ганси», в а/п Манас), что в тех условиях способствовало уменьшению угрозы со стороны международного терроризма и соответствовало интересам государственной безопасности России. В октябре 2003 г. в Киргизии (г. Кант) была открыта военно-авиационная база ОДКБ, представленная авиационным подразделением ВВС России, что является свидетельством стремления укрепить геополитическое влияние в регионе и воспрепятствовать получению США стратегических преимуществ [4]. В последующем военное сотрудничество стран ЦА и России только наращивалось, оно имеет положительную тенденцию, как в многостороннем, так и в двусторонних форматах. В качестве важного компонента государственных интересов в Центральной Азии является и региональная стабильность. Новые независимые государства региона являются близкими соседями России. Эти страны имеют зачастую нестабильную государственную власть, сложное экономическое положение, большой социальный «разброс», пограничные и водные проблемы, что является благоприятным фактором для терроризма, экстремизма и может послужить дестабилизации всего региона.

Самым прагматическим компонентом национальных интересов России в ЦАР является экономика. Главным приоритетом России в этой сфере, прежде всего, является удержание экономик стран региона в русле российской экономической системы. После распада СССР экономические связи находились в состоянии застоя, и только начиная с 2004 г. их характер стал меняться в позитивную сторону. По итогам 2009 г. товарооборот России со странами Центральной Азии составил порядка 21 млрд. долларов, уменьшившись, правда, на 30% в результате последствий мирового финансово-экономического кризиса. Доля сырьевых ресурсов в товарообороте все еще высока – более 50%, в отличие от доли готовой продукции, составляющей немногим более 30%., что наглядно показывает дисбаланс в торговых отношениях [10, с. 102].

Важной сферой экономических интересов, прежде всего, является нефте- и газодобыча. Россия заинтересована в приобретении на долговременной основе и по льготным ценам природного газа, активов по добыче нефти и газа, в сохранении уровня транзитной привлекательности, что способствует повышению конкурентоспособности российских компаний, позволяет выстраивать перспективы их развития на более долгосрочный период. По прогнозам, объемы добычи нефти российскими компаниями только в Казахстане могут составить к 2015 г. 8–10 млн т., а к 2020 г. – от 14 до 36 млн т. в год [3, с. 104].

За последние годы значительно упрочились позиции России и в газовой сфере. Подписан ряд важных межгосударственных соглашений между Россией, Казахстаном и Туркменией; соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой сфере на 25 лет между «Газпромом» и «Узбекнефтегазом» и др [8]. Объемы добычи газа Россией в Узбекистане могут составить к 2020 г. 15–16 млрд куб. м,. Эксперты и аналитики подчеркивают, что из геополитических соображений Россия хотела бы сохранить собственное привилегированное положение и как посредника в поставках газа в Европу, а государства региона заинтересованы в инвестициях в освоение газовых месторождений, в использовании газотранспортной инфраструктуры России, т.е. налицо обоюдовыгодный интерес [5, с. 30].

В рамках Декларации президентов России, Туркмении и Казахстана от 12 мая, 20 декабря

2007 г. подписано соглашение «О сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода», реализация которого позволит в 2014 г. увеличить поток газа из Центральной Азии в Россию до 90 млрд куб. м в год, против 60 млрд в 2007 г. [7]. Прикаспийский проект отвечает интересам и Центральноазиатских партнеров. Реализация этого проекта может привести к созданию газового картеля, который сможет устанавливать согласованную цену на «голубое топливо» для европейских потребителей. Безусловно, государства Центральной Азии понимают свою привлекательность в этой сфере и все искуснее стараются использовать это обстоятельство в своих интересах, проводя многовекторную политику в сфере добычи и транспортировки углеводородов [5, с. 25].

Велики интересы России и в горнорудной промышленности региона. Наибольший интерес для России представляет доступ к месторождениям урановых руд. Государственный холдинг «Атомэнергопром» планирует замену в течение 20 лет оборудования на всех действующих в стране АЭС и существенное расширение зарубежной деятельности. Решение этих задач требует углубления сотрудничества со странами Центральной Азии, богатыми урановыми рудами [5, с. 32].

Для России представляет интерес и гидроэнергетический комплекс Таджикистана и Кыргызстана, от эффективности работы которого во многом зависит стабильность в регионе. Участие Российской Федерации в освоении энергетических ресурсов способствует, прежде всего, социально-политической стабильности республик и их экономическому развитию. Интересы России в энергетическом сотрудничестве с Душанбе и Бишкеком определяются и стремлением России укрепить свои геополитические позиции в регионе. Несмотря на наличие взаимной заинтересованности, есть ряд проблем ему препятствующих, в частности, высокая конкуренция на рынке со стороны других государств, существующие между странами региона противоречия. Существенные инвестиции в эту сферу обещают также Иран, Пакистан и Турция, однако пока все эти обещания активизируются только после конкретных действий России [6, с. 86].

Политика России в отношении Кыргызской Республики также существенно изменилась в позитивную сторону. Договорно-правовая основа для экономического сотрудничества была сформирована, в основном, к 2003 г. «Газпром» в 2003 г. заключил соглашения о сотрудничестве в газовой отрасли с Кыргызстаном, рассчитанные на 25 лет [7]. Это позволит России участвовать в разработке и инфраструктуре энергетического сектора республики. Что, в свою очередь, и определило активизацию торгово-экономических связей между двумя странами. Так, за период 2003–2008 гг. двусторонний товарооборот вырос почти в 6 раз – с 273 до 1635 млн долларов, немного, правда, уменьшившись в 2009 г. из-за негативного воздействия мирового кризиса – до 1,2 млрд долларов [9].

Аналитические материалы акцентируют внимание также на практически полной сырьевой ориентации Кыргызстана в торгово-экономических отношениях с Россией. В 2008 г. поставки из КР в РФ включали драгоценные металлы (около 29%), текстильное сырье (преимущественно кожевенное и шерсть – около 9%), минеральное сырье (около 30%). В свою очередь, ассортимент поставок из России включал машины и оборудование (около 11%), минеральное сырье, преимущественно нефть и нефтепродукты (примерно 11%), продовольствие (34%) [9]. Необходимо отметить и то, что российский «Газпром» в настоящее время близок к установлению практически полного контроля над ключевыми национальными компаниями и основными сегментами в нефтегазовой отрасли Кыргызстана, что позволяет формально считать позиции взаимодействия РФ в КР достаточно устойчивыми. Кроме того, электроэнергетический рынок весьма благоприятен, учитывая, что электроэнергия может быть реализована в Китай, Афганистан, Пакистан, Узбекистан, Казахстан [11]. Вместе с тем, гидроэнергетические проекты в силу своей масштабности и стратегической важности оказались более подвержены воздействию политической ситуации как внутри, так и вокруг самого Кыргызстана [9].

Таким образом, в стратегическом плане внешняя политика России в Центральноазиатском регионе будет направлена на достижение целей, определенных Концепцией внешней политики: а) недопущение создания в ЦА альтернативных систем безопасности без участия России и противодействие попыткам закрепления здесь военного присутствия третьих стран; б) расширение позиций российского капитала в ключевых отраслях экономики стран ЦА, в) всесторонняя защита прав и интересов российских граждан и соотечественников, укрепление позиций русского языка и культуры народов России; г) консолидация многосторонних структур с участием России, упрочение их ключевого значения в обеспечении стабильности и безопасности на южных границах.

Библиографический список

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/mid/vpcons.htm (дата обращения: 10.06.2011).

2. Всемирный доклад о наркотиках 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/drug2008.pdf (дата обращения: 12.03.2012).

3. *Годин Ю.* Геополитическая роль внешней торговли энергоресурсами для России // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 2.– С. 103–109.

4. *Князев А.А.* Киргизия и Россия: безопасность, сотрудничество и перспективы развития в центрально-азиатском контексте. Доклад на семинаре в Фонде «Наследие Евразии» 4 марта 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang= ru&nic=expert&pid=1458 (дата обращения 12.03.2011).

5. *Кузьмина Е.М.* Экономические интересы России в Центральной Азии // Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества: Сборник докладов – Институт международных исследований. – М.: МГИМО, 2010. – С. 25–32.

6. *Морозов Ю.* Россия, Запад и страны ШОС в энергетических проектах Центральной Евразии // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 5 (59).

7. О сотрудничестве в газовой отрасли: Соглашение от 15. 05. 03 г. // Новости стран СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mirtu.ru. (дата обращения (23.05.2011).

8. Об итогах визита в Республику Узбекистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazprom.ru/ news/2006/12/072150_21856.shtml (дата обращения: 03.06.2011).

9. Российско-кыргызское взаимодействие в отраслях ТЭК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.easttime.ru/analitic/1/4/837p.html (дата обращения: 11.07.2012).

10. *Тер-Погосян А.* Интересы и положение России в Центральной Азии. Ч. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details8048.html?id=88 (дата обращения: 12.03.2012).

11. *Фейгин В.Е.* Торговое и инвестиционное сотрудничество Российской Федерации и стран Центральной Азии как важнейший фактор экономической стабильности в регионе // Современная гуманитарная академия. Труды. Вып. 1–2. – М.: Издательство СГУ, 2013.

12. *Эсенбекова А.* Особенности торгово-экономических связей России с отдельными странами Центральной Азии (на примере Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана). Часть третья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.easttime.ru/ analytics/tsentralnaya-aziya. (дата обращения: 11.07.2012).

13. В Москве подписали соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода // «Lenta.ru». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lenta.ru/news/2007/12/20/tube/.(дата обращения: 29.05.2013).

14. Соглашение «О сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода» // «Lenta.ru». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1200957300 (дата обращения: 29.05.2013).

УДК 37.01

Соловьева Валерия Владимировна
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
gfvlgu@mail.ru

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ (на примере Владимирского государственного университета)

Автор статьи исследует социокультурную среду и образовательную инфраструктуру на примере реализации инновационной образовательной программы во Владимирском государственном университете имени Столетовых.

Ключевые слова: *социокультурная среда, образование, высшее учебное заведение, образовательная инфраструктура, инновационная программа, учебно-научный центр.*

Период последнего десятилетия XX века отмечен трансформацией социальных ориентиров общества в целом, в том числе, и в связи с развитием нового информационного пространства. Современное образование является основой человеческой жизни и деятельности, всеобъемлющей ценностью духовной культуры. Поэтому не случайно в научно-исследовательской литературе последнего времени часто можно встретить такие понятия, как «образовательная среда» «гуманитарная среда», «культурная среда», «социокультурная среда», это свидетельствует о растущем научном интересе к данным процессам.

Тот факт, что роль образования в современном мире значительно выросла, отмечают ученые историки, педагоги, философы, а также политические деятели в России и других странах. Знания, информация, культура проникают во все сферы человеческого существования, активно влияют на образовательные процессы. Образование становится постоянно продолжающейся системой формирования личности в ходе информационного обмена с окружающей социальной средой.

На становление личности молодого человека влияет вся социокультурная среда, включая и высшие учебные заведения. Структура общества непосредственно влияет на структуру системы образования и воспитания. С другой стороны, общественные, коллективные нормы, ценности находят преломление в процессе образования и осуществляют обратное влияние на общество. Одной из конечных целей образовательного процесса является объединение индивидов с коллективом и убеждение их в том, что объектом уваже-

 © Соловьева В.В., 2013

ния и преданности должно быть именно общество [4, с. 13].

Высшее учебное заведение, в определенном смысле, представляет собой место проживания молодого человека, студента, его «среду обитания», которая выдвигает перед ним определенные цели и снабжает его соответствующими умениями, навыками или компетенциями, то есть способами, которые помогают человеку достичь этих целей. Университетская среда создает соответствующие условия, позволяющие молодому человеку осуществлять свой выбор, устанавливать и развивать социальные контакты, но, в то же время, воздействует на формирование его личностного потенциала всей своей структурой или отдельными элементами. Это не противоречит современным положениям о том, что человек XXI века сам творит себя, сам контролирует свою личность [2, с. 278].

Период обучения в высшем учебном заведении, чаще всего, одновременен с установкой ценностных ориентиров молодых людей, их моральных и профессиональных основ, поэтому этот процесс является необходимым условием социокультурной адаптации и формирования личности студента. Социокультурную среду высших образовательных учреждений можно обозначить как пространственную сферу, в которой взаимодействуют, общаются, творят, и в этих процессах осваивают знания и культурный опыт человечества в целом, и человека в частности.

Анализируя социокультурную среду вузов Владимирской, Ивановской, Костромской областей, мы убеждаемся, что в основе их деятельности лежит установленный набор норм и ценностей, которые, в разной мере, становятся заметными во всех его структурах и элементах: в учебном процессе, в части осуществления учебных планов, программ, учебников, деятельности преподавателей, разноуровневых практик; в научной деятельности, реализуемой в конференциях, грантах, образовательных форумах с участием ведущих ученых, преподавателей, студентов; во внеучебной работе со студентами – организации конкретных мероприятий: посещение музеев и выставок, библиотек, театров и концертных залов. Количество таких мероприятий в год на уровне факультетов составляет десятки тысяч [5].

Для каждого высшего учебного заведения важным является приобщение молодых людей к той системе ценностей и норм, которая в нем существует. Имеется и другой фактор: чем больше студентов и преподавателей поддерживают данную ценностную систему, тем более стабильной является социокультурная среда вуза. Кроме того, такое положение дел свидетельствует о значительном влиянии вуза на членов коллектива. Модернизированная социокультурная среда вуза помогает студентам в развитии их социальных ресурсов, в установлении социальных сетей, которые позволят им чувствовать себя в обществе уверенно и помогают достичь равновесия, как с самим с собой, так и с окружающими. Современная ситуация развития образовательных процессов настоятельно требует создания новой социокультурной среды общества. Во всех высших учебных заведениях анализируемого региона в результате этих процессов сама среда вуза непрерывно модернизируется, перестраивается, наполняется новым содержанием [2, с. 279–280].

С 2005 года одним из направлений развития образовательной инфраструктуры стало участие высших учебных заведений во внедрении инновационных образовательных программ в рамках реализации одного из национальных проектов государства «Образование». Так Владимирский государственный университет в 2007 году стал участником одной из таких программ, рассчитанных на два года. Она называлась «Региональная технопарковая зона/технопарк на базе Владимирского государственного университета как площадка для внедрения инновационных образовательных программ». Объем финансирования программы составил 528 млн. руб. полученных бюджетных средств, 206,1 млн. руб. привлеченных внебюджетных средств в качестве софинансирования. Это позволило вузу сделать рывок вперед по основным направлениям своей профильной деятельности, определить стратегию развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу (в частности получение статуса научно-исследовательского университета). Произошла коренная трансформация деятельности всех профильных подразделений университета в аспекте практической реализации программы, появилась возможность обеспечить формирование объединенных научно-образовательных структур, в том числе, в социокультурной сфере [1, от 29.01.2009, л.1].

ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (ВлГУ) является ведущим и системообразующим в области высшего образования Владимирского региона. Он располагает высококвалифицированными научно-педагогическими кадрами: 70% педагогического состава имеют ученые степени, в университете работают 123 доктора наук, профессоров (172 доктора наук вместе с совместителями) и 620 кандидатов наук, доцентов (766 доцентов вместе с совместителями). По рейтингу 2011 года Министерства науки и образования РФ ВлГУ вышел на 28 место в России.

На сегодняшний день в 14 институтах университета в г. Владимире и его Муромском филиале, а также в филиале г. Гусь-Хрустальный находится более 30 тысяч студентов, обучающихся по различным формам обучения. Ведется обучение по 59 очным, 2 очно-заочным, 30 заочным направлениям подготовки бакалавров, 34 направлениям подготов-

ки магистров, 87 специальностям второго поколения, 1 специальности третьего поколения, 46 специальностям заочно, 8 средне-специальным. Как оказалось, изменение качества образования привело к тому, что выпускники вуза в настоящее время работают более чем в 36 странах мира. За последние годы значительно увеличилось число направлений магистратуры, в ней обучается более 25% от общего числа студентов- очников. В университете функционирует аспирантура по 42 специальностям. До мая 2012 года осуществляли работу 10 диссертационных советов по разным специальностям. В 2013 году 6 советов продолжают деятельность, а 4 совета в стадии переоформления документации. Однако их открытие зависит не столько от качества докторов наук в вузе, а от позиции государства.

Таким образом, университет является основным источником специалистов во Владимирской области, имеет развитую образовательную инфраструктуру, полностью соответствует высокому профессиональному уровню в условиях сегодняшнего объединения в единое целое университета и общероссийского образовательного, а также регионального и информационного сообщества.

Перечень работ по инновационной образовательной программе Владимирского государственного университета (ВлГУ) в 2007–2008 гг. был выполнен полностью по всем мероприятиям и закупкам, а также по показателям результативности программы в точном соответствии с заключенным государственным контрактом, который включал в себя 4 проекта, взаимоувязанных по задачам, мероприятиям, ожидаемым результатам, а также срокам, ресурсам и исполнителям.

Первый проект назывался «Развитие инновационной инфраструктуры университета на основе приобретения лабораторного оборудования, программного и методического обеспечения, модернизации материально-технической и учебной базы университета», он позволил создать материально-техническую базу, за счет приобретения лабораторного оборудования и программно-методического обеспечения, а также сформировать «точки роста» интегрированных научно-образовательных структур. Второй проект «Апробация типовых моделей функционирования образовательных научно-производственных центров по приоритетным направлениям развития науки, техники и критическим технологиям, как основы реализации инновационной образовательной программы университета по определенным отраслям деятельности» обеспечил создание учебно-научных стендов, информационно-аналитических обучающих экспертных систем, обучающих модулей для формирования профессиональных компетенций у выпускников в интересах Владимирского региона. Основные мероприятия в рамках этих программ были осуществлены в 2007 году.

В 2008 году во Владимирском государственном университете осуществлялись третий и четвертый проекты под названием: «Реализация многоуровневой системы подготовки (переподготовки) и повышения профессиональной квалификации специалистов в области инновационной деятельности…», «Пилотная реализация инновационных образовательных проектов, представленных в инновационной образовательной программе университета». Реализация этих программ позволила провести модернизацию учебного процесса, в рамках индивидуальной траектории обучения студентов и запустить проекты в рамках основной программы [1, от 26.04.2007, л.1, от 24.01.2008, л.1–2, от 26.06.2008, л.1–2].

В результате на базе Владимирского государственного университета был создан инновационный комплекс, объединяющий научные, образовательные, производственно-технологические, социальные и иные структуры с целью повышения его роли в социальном, образовательном, инновационном и культурном развитии Владимирской области. Этот опыт достоин распространения.

Одним из основных направлений реализации инновационной образовательной программы является создание и внедрение в образовательную практику новых и качественно усовершенствованных образовательных программ; внедрение прогрессивных форм организации образовательного процесса; обеспечение высокого качества обучения, что, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на образовательную среду университета. Особого внимания в этой связи заслуживает направление в рамках инновационной образовательной программы («человек-природа-культурное наследие»), направленной на обеспечение устойчивого социокультурного развития региона на базе университетского инновационного образовательного комплекса. Большое значение придавалось сохранению физического и духовного здоровья человека (в первую очередь, студента).

В его рамках было реализовано два проекта. Первый проект был направлен на развитие «Центра содействия укреплению здоровья студентов» созданного в 2001 году [6]. В рамках него предполагалась организация мониторинга физического здоровья студентов университета с использованием современных методик диагностики, создание паспортов здоровья студентов-первокурсников, открытие двух новых направлений подготовки («Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм», «Физическая культура и спорт»), защита 3 кандидатских диссертаций, 1 докторской диссертации по специальности 03.00.13 «Физиология», были налажены связи с Российским университетом Дружбы народов, Владимирской областной клинической больницей и другими организациями. Ожидаемые результаты в целом оказались достигнуты: на пе-

реоснащение Центра новейшим оборудованием потратили 1 миллион 391 тысяча рублей (для проведения лабораторных занятий по дисциплинам «Физиология», «Спортивная медицина»), было оказано содействие созданию информационной научно-образовательной среды факультетов и партнеров из сферы науки, образования и физической культуры; созданы базы данных уровня здоровья и функциональных резервов организма студентов Владимирского государственного университета; внедрена системы мониторинга физического здоровья студентов ВлГУ в учебный процесс по дисциплине «Физическая культура» [1, от 19.01.2009, л.1–1об.].

Второй проект («Золотое Кольцо России») предполагал развитие инфраструктуры и систем жизнеобеспечения образовательного научно-производственного комплекса университета для формирования профессиональных компетенций в области строительства, реставрации и экспертизы памятников архитектуры. В основу проекта легло внедрение в образовательную практику новых и качественно усовершенствованных технологий по совершенствованию воспитательной и социокультурной среды, формированию толерантности и гражданской позиции выпускников, экологическому просвещению, здоровому образу жизни, сохранению природных исторических и культурных памятников, на соответствующей материально-технической лабораторной базе в рамках деятельности университета.

В результате реализации данного проекта в 2007 году был создан учебно-научный центр «Владимирский край» [7], в его структуру вошли две лаборатории: «историко-культурный сервис и туризм», «археологическая лаборатория», которые были созданы для теоретической и практической апробации собранных материалов и разработанных методик, для привлечения студентов и молодых специалистов к научно-исследовательской деятельности и практической деятельности. В практическом аспекте это давало возможность ощутить связь с традицией (Владимирская область – уникальная в историко-культурном отношении территория) и увидеть тенденции развития региона, что, в свою очередь, способствовало формированию новой образовательной инфраструктуры, соответствующей требованиям времени.

Анализируя результативность программы и данного проекта, следует отметить его экономическую составляющую: было закуплено и установлено современное оборудование в лабораториях центра на сумму около 2 млн. рублей; за период 2007–2008 гг. изданы 9 учебно-методических пособий, в том числе с грифом УМО, 4 монографии, более 50 статей, подготовлено 8 учебных пособий с учетом возможностей нового оборудования; проведено более 8 конференций, открыты 2 магистерские программы (в течении 2009–2012 гг. еще 2), 7 новых направлений подготовки, среди которых «Реклама и связи с общественностью», «Искусствоведение», «Международные отношения», «Архивоведение и документооборот» и т.д.; разработаны и внедрены 3 программы по повышению квалификации преподавателей (одна из которых направлена на саморазвитие вуза «Оптимизация стандартов ФГОС 3 в высших учебных заведениях»); в 2010 году был выигран грант Президента РФ молодым ученым на сумму 600 тыс. рублей; выиграны гранты на прохождение двух стажировок в Германии, защищены 2 кандидатских диссертаций по специальности «Отечественная история» 07.00.02; налажено взаимодействие с 3 крупными музеями: Владимро-Суздальским музеем заповедником, музеем-усадьбой Н.Е. Жуковского (Владимирская область), Археологическим музеем-заповедником «Танаис» (Ростовская область) и т.д [1, от 14.04.2008, л. 1, 19.01.2009, л. 1-1об.].

Ежегодно с 2007 года оформляются заявки на грантовую деятельность в рамках Федеральных целевых программ, фондов РГНФ и РФФИ, иностранных фондов: DAAD, Тиссена, Американского совета гуманитарных исследований. Налажены связи с Институтом Археологии Российской академии наук, в рамках учебных практик и научно-исследовательской работы проводятся совместные археологические экспедиции: Нижнедонская международная археологическая экспедиция, Восточно-Крымская международная экспедиция, осуществляется сотрудничество с Везувианским международным институтом археологических и гуманитарных исследований – фонд RAS (Кастелламаре ди Стабия Италия). Вся эта деятельность предполагает активное включение в основные образовательные процессы студенчества, профессорско-преподавательского состава, научного сообщества на региональном, общероссийском, международном уровнях, что, в свою очередь, характеризует положительные интеграционные процессы в образовательной среде, а также показывает динамику образовательного инновационного развития в целом.

В то же время совершенно четко обозначились трудности в реализации инновационной образовательной программы: недостаточная развитость инновационной инфраструктуры вуза; неготовность ряда служб университета и отдельных преподавателей и сотрудников к реализации новых форм взаимодействия, включая инновационную деятельность и работу по направлению создания новых технологий и капитализации знаний; слабая активность, недостаточность развития межкафедрального, межфакультетского, межинститутского взаимодействия и межвузовского сотрудничества; трудность оценки результатов в аспекте их реального внедрения в образовательный процесс, в частности, реализации четкого плана-графика и регламен-

та работы; недостаточность системного подхода в аспекте дальнейших планов развития университета во взаимодействии и сотрудничестве с бизнес-сообществом в рамках партнерства государства и бизнеса [1, от 19.01.2009, л. 1.].

Анализ деятельности Владимирского государственного университета в 2005–2013 годах показывает значительные позитивные новации по изменению образовательной инфраструктуры и социокультурной среды. Таким образом, наиболее актуальными сегодня для изучения являются процессы развития личности в образовательной среде, влияния социокультурной среды на образовательную инфраструктуру, взаимодействия вузовской среды с общественными организациями различного уровня, а также возможность влияния инновационных программ на процессы, проходящие в социокультурной среде и образовательной инфраструктуре.

Библиографический список

1. Решения Ученого совета Владимирского государственного университета // Текущий архив (ТА ВлГУ). Фонд (Ф.) Ученый совет ВлГУ. 2007–2010, 2012 гг.

2. *Погорелая С.В., Соловьева В.В.* Влияние социокультурной среды на образовательную инфраструктуру // Проблемы модернизации социокультурной сферы региона. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2012. – С. 277–282.

3. *Никонова Я.И.* Инновационное развитие Российской системы образования: анализ трех поколений стандартов // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8. – С. 299.

4. *Лукашевич Н.П., Солодков В.Т.* Социология образования: конспект лекций. – Киев: Межрегион. акад. упр. персоналом, 1997. – С. 13.

5. Подсчитано автором по Текущим архивам вузов.

6. Приказ №319/3 от 11 декабря 2001 года.

7. Приказ №473/3 от 15 октября 2007 года.

УДК 271.2

Фабинский Михаил Владимирович
Российский государственный социальный университет
Ya.f-mihail@yandex.ru

БОРЬБА ПРИХОЖАН ПРОТИВ ЗАКРЫТИЯ БОГОЯВЛЕНСКОГО СОБОРА ГОРОДА КОСТРОМЫ В 1923 г. (по материалам Государственного Архива Российской Федерации)

В статье рассматриваются обстоятельства закрытия Богоявленского собора гор. Костромы в 1923 г. на основе документов Фонда А-353 (Народный Комиссариат Юстиции) Государственного Архива Российской Федерации. (г. Москва). Изучается состав данной приходской общины и методы ее противодействия антирелигиозной политики советской власти в данный период.

Ключевые слова: *церковно-приходская община верующих Богоявленского собора города Костромы, 5-й (ликвидационный) отдел НКЮ, Костромской губисполком, закрытие Богоявленского собора в 1923 г.*

1923 г. в отечественной историографии иногда называют «периодом церковного нэпа». Это связанно с некоторым ослаблением наступления на Церковь, смягчения гонений, освобождением из заключения Патриарха Тихона, изданием ряда благоприятных для верующих постановлений центральных органов. Однако далеко не всегда и не везде подобная политика находила свое применение. В ряде регионов местная власть наоборот усилила давление на верующих, продолжила различные антирелигиозные мероприятия, в том числе и компанию по закрытию храмов и монастырей. Именно в этом ряду стоит Кострома. Руководство данного города совершенно не было согласно с политикой Москвы и жаждало дальнейшего наступления на Церковь. Один из наиболее характерных случаев – закрытие Богоявленского собора – ныне главного храма Костромской епархии. В своем настырном желании уничтожить общину данной церкви Костромская власть пустилась даже на споры с центральной властью, не желая видеть «либеральных ноток» церковной политики. В Государственном Архиве Российской Федерации (Фонд А-353 наркомата юстиции) сохранились документы, отражающие историю борьбы верующих Богоявленского храма за свою святыню. Введение в оборот данных источников позволяет не только с достаточной точностью представить события 90-летней давности, происходящие на Костромской земле, но и устранить разногласия с официальной датой перехода данного собора от верующих в ведение государства.

После Октябрьской революции началось повсеместное наступление на храмы и монастыри с целью их ликвидации. Не стала исключением и Кострома. В 1919 г. был упразднен Богоявленский женский монастырь. Все монастырские здания кроме Богоявленского собора и Смоленской церкви перешли в ведение Советской власти и использовались по ее назначению. На территории монастыря разместился «Советский поселок №1», как бы в насмешку впоследствии получивший название «Безбожник». В феврале 1920 г. власти закрыли Смоленскую церковь данного монастыря [1, Фонд

 © Фабинский М.В., 2013

А-353. Оп. 3. Д. 792. Л. 71]. Верующие обратились в 5-й (ликвидационный) отдел (другое название: отдел отделения церкви от государства) Народного Комиссариата Юстиции (НКЮ) с коллективным заявлением против данного решения. Документ подписало 450 прихожан. Уже тогда они обращали внимание на различные «стеснения» от советской власти, в особенности от руководителя местного отдела отделения церкви от государства Н.П. Орлеанского [1, Ф. А-353. Оп. 3. Д. 792. Л. 71]. Отдельная жалоба была подана и от архиепископа Костромского Серафима (Мещерякова). Он также возмущался активной деятельностью этого чиновника, пытавшего заставить его работать писарем в одном из советских учреждений. Особенное презрение у верующих вызывал тот факт, что Н.П. Орлеанский был сыном дьякона и служил до революции сотрудником духовной консистории. Священническая карьера его не сложилась, так как он был выгнан из семинарии. Видимо, конфликт неудавшегося семинариста с верующими и стал основой данного противостояния в дальнейшем. Причем в своем противостоянии он начал склоняться даже к спору с руководителем 5-го отдела НКЮ П.А. Красиковым, теоретически являвшегося для него непосредственным руководителем из Москвы. Отдать Смоленский храм назад верующим руководство Костромы категорически отказалась, считая это требование центра «…совершенно невыполнимым и даже недопустимым с точки зрения завоеваний и интересов революции и престижа Советской власти, так как значило бы буквально «высечь себя…» [1, Ф. А-353. Оп. 3. Д. 792. Л. 118 об]. Данные события подробно исследованы в работе бывшего архиепископа Костромского, ныне митрополита Казахстанского Александра (Могилевского) «Костромская Одигитрия. Чудотворная Смоленская икона–фреска Божьей Матери) [3, с. 94–98.]. Однако Богоявленский собор пока был оставлен нетронутым, при нем продолжала действовать значительная группа верующих, которая продолжала совершать основные религиозные обряды.

Существование данной общины добавило значительной головной боли для местной власти, которая строила дальнейшие планы наступления на данную общину. Сложилась совершенно уникальная ситуация. У данной общины храм не отбирали, но при этом не регистрировали в течение долгого времени. С 1918 по 1923 г. советские учреждения и «незаконная» община сосуществовали друг с другом. Всякие попытки прихожан юридически оформить свое существование в Богоявленском храме встречали отказ «по причинам <…> неведомым и не объясненным» им со стороны Костромского отдела отделения Церкви от Государства [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 65].

Развязка подобных отношений наступила в 1923 г. С января этого года верующие в очередной раз возобновили свои попытки добиться регистрации общины, направив ходатайство в губисполком. Но, рассмотрев их дело на своем заседании 5 марта 1923 г., губисполком вновь им отказал. Не добившись справедливости у властей Костромы, верующие отправились искать правду в Москве. 23 апреля 1923 г. в 5-й ликвидационный отдел НКЮ поступила жалоба «Группы верующих при Богоявленском храме (бывшего Богоявленского монастыря) города Кострома» [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 65]. Жалоба была подписана 10 прихожанами собора. Уже на следующий день, 24 апреля 1923 г., оттуда в Костромской губисполком была выслана телеграмма с требованием объяснений «…по каким мотивам было отказано <…> общине в пользовании храмом, если судя по заявлению она им фактически пользовалась» [1, Ф. А-353. Оп. 7. Д. 19. Л. 67]. Проходивший 17–25 апреля 1923 года в Москве 12 съезд РКП (б) вынужден был принять специальную резолюцию, где осуждались грубые меры, применяемые в борьбе против религии [4, т. 2, с. 469–472]. Делегаты признали необходимым сдерживать усердие некоторых советских организаций в деле борьбы с религией, решительно высказываясь против «вульгарного попоедства», считая, что он не принесет успеха.

Однако на данный запрос в Костроме не спешили отвечать. Видимо, здесь продолжалось экстренное решение данного вопроса. Это выразилось в принятие 4 мая 1923 г. губисполкомом постановления об изъятии храма из ведения верующих и передаче его в ведение губмузея. Верующие, окончательно потерявшие надежду разрешить подобную проблему на месте, вновь обратились в центр. Представители общины отправились в Москву. Сохранилось удостоверение депутатов «Костромской Богоявленской Церковно-приходской общины» от 15 мая 1923 г., выписанное на трех человек: Дудкина Григория Николаевича (уполномоченного от рабочих), Потаповова Александра Зосимовича (уполномоченного от прихожан), Семенова Александра Семеновича (уполномоченного от граждан), которые должны были «…ходатайствовать об оставлении храма в пользовании группы верующих» [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 100.]. Данных представителей попросили написать официальное заявление в 5-й отдел НКЮ, где они еще раз обстоятельно изложили свою просьбу. «Мы граждане, <…> терпя обиды от местных властей, обратились с просьбой к высшей рабоче-крестьянской Советской власти, питая надежду на ея правоту» [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 109.]. Становятся ясны все обстоятельства борьбы за храм. Верующие неоднократно обращались с подобной просьбой к председателю Костромского губисполкома Н.А. Огибалову, но он отказал им в регистрации, ссылаясь на то, что «храм историческая ценность». (Огибалов Николай Александрович в 1923 г. занимал долж-

ность председателя Костромского губисполкома). Неоднократно прихожане ходили и к заведующему отделом отделением церкви от государства Н.П. Орлеанскому с просьбой о регистрации общины, «но он <…> всегда отказывал» [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 109 об.]. Между тем, рядом стоящий Смоленский храм, переоборудованный в архив, постепенно приходил в упадок, так как был заперт и не отапливался. В итоге, видя «…как разрушается наша святыня, …терпя обиды от местных властей, решили обратиться в высшею инстанцию», ввиду чего «…покорнейше просим удовлетворить нашу просьбу и оставить в неприкосновенности Богоявленский храм и вручить его прихожанам и группе трудящихся фабрично-рабочих и граждан города Костромы» [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л–109]. Они выражали надежду на благоприятный исход дела, что позволит не возбудить негодования и недовольства и ропота рабочих.

К заявлению прилагается список 269 прихожан Богоявленского храма на ул. Симановского в городе Костроме [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 111–120.]. Данный документ является уникальным источником, который по фамилиям освещает последний перед закрытием состав прихожан данной общины. В нем указывается возраст, должность, место жительства и работы, социальное положение каждого верующего человека. Эти данные показывают, что общее количество прихожан Богоявленской церкви было более 300 человек. Однако сам акт подписали только 269 человек. Вероятно, за время кто-то вышел из числа прихожан или поостерегся подписывать документ, за который в дальнейшем власти могли преследовать. Председателем общины являлся Косульников Александр Павлович, проживающий на Троицкой улице д. 21, бывший до выхода на пенсию служащим на фабрике [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 114.]. Интересен половой состав верующих: из 269 человек было 199 женщин и всего 70 мужчин, что в процентном отношении составляет чуть более четверти от общего количества прихожан. Среди верующих присутствовало много семейных пар (Колчины, Кувалины и др.). Особенно важно, когда в церковь приходили не только они, но и их дети. Например, семья Пикавых с детьми Николаем и Екатериной, Ширмановых с Натальей и Марией и др. Однако были семейства, где верующими оказывались только сестры (Елена, Наталья, Ольга Лучичы). Среди прихожан присутствовали верующие с трех десятков улиц и переулков Костромы, они имели различные названия, сохранившиеся еще с царских времен (Никольская, Власьевская, Вознесенская), так и новые, измененные после революции (Пролетарская, Ленина, Троцкого и Симановского) – все это говорит о том, насколько велика была география и представительность прихода.

Интересен анализ верующих по возрастному признаку. Самой пожилой прихожанкой храма значилась домохозяйка Жолобова Прасковья Ивановна, которой было 85 лет [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 111 об.]. Самыми молодыми, подписавшими документ, являлись несовершеннолетние, 16-летние граждане (например, Молодцова Мария была студенткой педагогического техникума) [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 114.]. Общий подсчет дает следующие результаты: прихожан до 20 лет было 17 человек, с 20 до 30 лет – 56 человек, с 30 до 40 лет – 67 человек, 40–50 лет – 58 человек. 50–60 лет – 49 человек. После 60 лет всего 18 человек. Некоторые верующие не обозначили свой возраст. Таким образом, вырисовывается картина, согласно которой большинство прихожан находились в социально активном возрасте.

Важнейшим фактором для властных структур являлось место работы прихожан. Большинство из них было рабочими на фабрике – 65 человек. Ряд верующих трудилось на заводе. Далее в списке присутствовали представители других «пролетарских» специальностей: ломовые извозчики (М.С. Капков, А.В. Рыбаков), сестры милосердия (О.С. Лучич, Е.Г. Мичурина, А.И. Соколова). Прихожанами состояли не только уборщицы в партшколе (М.М. Богданова, М.Н. Гаринина) и сторож партшколы (А.И. Попова), но и более высокопоставленные служащие данной организации, к примеру, А.К. Исакова. Удивительно, но в это время возможно было состоять в общине и являться служащим управленческих структур. Среди прихожан были сотрудники губисполкома (Е.Е. Колотилова), губфинотдела (Н.М. Шулепникова, Н.П. Караваев), губсобеса (Е.А. Днепрова), губернского телефонного управления (П.И. Белокрылин), коммунального отдела (Г.С. Солоделов), губсовнархоза (С.И. Варнавин, Е.А. Груздева, М.А. Лазарев), губрозыска (М.Н. Петров), архивариусом (Д.А. Новосельский).

Значительной частью верующих были интеллигентные люди. Врачами работали И.П. Кузнецов, В.Л. Скворцов. Много было педагогических сотрудников. Они представляли практически все образовательные учреждения города. В общину входили учительницы не только из обычных общеобразовательных школ города (Л.Н. Новосельская, Ю.Г. Кастальская, О.Н. Бенедиктова), но преподаватели из политехникума (В.Н. Вознесенский), педагогического техникума (Ю.В. Ермолина). Были также не только простые сотрудники педагогических учреждений, как воспитательница детского дома (О.П. Молодцова), но и первые лица ряда заведений, как директор детского санатория (В.И. Карцова) и заведующая училищем слепых (М.Я. Яблокова). Много было представителей творческих специальностей: музыкант (И.И. Кувалдин), художник (В.С. Травин), фотограф (М.И. Петров). Артистами в городском театре работали супруги Александр и Елизавета Малакены. Посещали храм и военные (Б.С. Суворов, С.В. Травин), причем

Н.П. Ягодин при этом состоял и в комсоставе 54-го полка. В милиции работала Е.П. Горячева. Значительная часть считала себя домохозяйками (52 человека). Ряд прихожан состояли на бирже труда. Так, например, официально была без работы секретарь общины Наталья Скворцова.

19 мая 1923 г. данный документ попал на стол П.А. Красикову, который наложил резолюцию о немедленном требовании разъяснений с Костромского губисполкома о причинах отказа в регистрации общины. В своем ответе №5540 от 21 мая 1923 г. местные власти отказывались отдавать монастырь верующим, «…ввиду крупной исторической и художественной ценности», какую представляет этот архитектурный ансамбль [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 69]. Однако далее Костромской губисполком высказал истинную причину отказа. С его точки зрения, которой он и рекомендовал в дальнейшем придерживаться и 5-му отделу НКЮ, никогда не следует «вставать на точку зрения культовых групп, всегда стремящихся навязать Советской власти принцип обязательности передачи верующим храмов, ставя разрешение вопросов в зависимость от того, желают или не желают верующие взять или нет тот или иной храм в свое ведение» [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27 Л. 69–69 об.]. Признание же подобного принципа государственной властью «противоречит всему революционногму построению нашей жизни» [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27 Л. 69–69 об.]. Немаловажно, по мнению антирелигиозников, было то обстоятельство, что в Костроме существует около тридцати церквей, которых будет достаточно для 50-ти тысячной Костромы. А передача «одного-двух исторически ценных храмов в введение музейных организаций ущерба верующим принести конечно не может» [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 69 об.]. Подобные случаи, когда местная власть начинала «учить» центральные органы, были в это время далеко не единичны. Однако настырность Костромских безбожников, похоже, удивила своей беспардонностью даже видавшего виды руководителя ликвидационного отдела П.А. Красикова. С одной стороны, это говорит о неком плюрализме мнений, имевших место быть в годы нэпа, с другой – о невысоком авторитете центральной власти, кидавшейся из одной крайности в другую. В качестве фактора, способствующего развитию подобных случаев, являлась и активная деятельность верующих. Во многих случаях «домогательства» верующих, выражающиеся во всевозможных жалобах, распускании различных слухов, раздражали местную власть до крайнего предела. Поэтому совершенно не удивительно, что в своем желании ликвидировать эти общины местная администрация не останавливалась ни перед чем, в том числе и перед спорами с центральным аппаратом. Подобные случаи серьезно обеспокоили центральные власти. 16 августа 1923 г. вышло, за подписью И.В. Сталина, циркулярное письмо ЦК РКП(б) №30 «Об отношениям к религиозным организациям». Здесь руководство РКП(б) предлагала всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных <…> в области отношений к верующим и их культам» [2, с. 414–415]. Документ призывал «…заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма» [2, с. 414–415]. Понимая, что они могут не успеть решить данный вопрос в необходимом для себя ключе, Костромские власти ускорили закрытие храма. 18 августа 1923 г. комиссия, состоявшая из представителей отдела отделения церкви от государства А.М. Спорного, представителя губмузея И.П. Пауля и милиционера Касторского, в присутствии администрации храма протоиерея В. Владимирова, прихожан А.П. Головцовой, М. Колодкиной, Н.А. Анохина, передала храм в ведение губмузея.[1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 175]. Интересны сведения о Голубцевой Анне Петровне, одной из подписавших документ о закрытии храма. Являясь прихожанкой храма, она была одновременно и работником коммунистического клуба [1, Ф. А-353. Оп. 6 Д. 27. Л. 118 об]. Проверка передаваемого имущества храма происходила по описи, сданной в губзакс 28 октября 1918 г. Все имущество, кроме изъятого в период компании по ликвидации церковных ценностей «оказалось налицо»[1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 175.]. Передача храма не ограничилась одним днем. Согласно особому постановлению отдела управления, Богоявленский собор был оставлен открытым и незапечатанным для службы на праздник Преображения Господня вечером 18-го и утром 19 августа. 20 августа передача имущества продолжилась. Проверялись библиотека, колокольня, инвентарь и общее состояние храма. Было отмечено, что здание «…с внешней стороны <...> особых повреждений не носит за исключением местами обсыпавшей штукатурки». Внутри храм имеет «…закопченный вид и требует промывки и ремонта», хотя «…повреждения живописи и фресок не имеется» [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 176.]. Сложенные в храме 3 голландские печи исправны. Таким образом, с 20 августа 1923 г. храм официально перешел со всем имуществом в ведение губмузея [1, Ф. А-353. Оп. 6. Д. 27. Л. 176.].

Так был закрыт один из самых известных храмов Костромской земли. Некоторое время верующим еще разрешали периодически проводить богослужения, но его судьба была решена. Вскоре здесь разместилось губернское архивное бюро, ставшее впоследствии областным архивом. Лишь в 1990 г. храм был возвращен Русской православной Церкви, реставрирован и стал кафедральным собором Костромской епархии.

Библиографический список

1. Государственный Архив Российской Федерации Фонд А-353 (НКЮ).
2. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. – М. 1997. – Т. 1.
3. Архиепископ Костромской и Галицкий Александр (Могилевский) «Костромская Одигитрия. Чудотворная Смоленская икона – фреска Божьей Матери). – Кострома, 2005.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1970. – Т. 2.

ЭКОНОМИКА

УДК 371

Блинов Михаил Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СВЕТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

В статье обосновывается позиция, согласно которой рассмотрение местного самоуправления в качестве института позволяет предложить новые подходы к определению приоритетов программ социально-экономического развития территорий России и методы оценки последствий их реализации, обосновать необходимость четкой формализации видов и форм организации управленческих отношений, а также разработать алгоритм формирования образовательной политики муниципального образования.

Ключевые слова: *местное самоуправление, институты, эффективность структуры публичной власти.*

Существующая в России структура публичной власти в настоящее время включает в себя два уровня: государственный (подразделяется на федеральный и региональный) и муниципальный, где действует местное самоуправление (МСУ). Неудачи, связанные с внедрением МСУ в России, на наш взгляд, обусловлены ошибками его проектирования, которое ограничивается единственной составляющей – организационной структурой. Институционально МСУ было оформлено в августе 1995 года принятием ФЗ № 154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Согласно Конституции Российской Федерации МСУ самостоятельно в пределах своих полномочий, а его органы не входят в систему органов государственной власти (ст. 12). В соответствии с действующим Федеральным законом от 06.10.03 г. № 131-ФЗ в каждом муниципальном образовании существует выборные органы власти и администрация. Муниципалитет имеет формально независимый местный бюджет и муниципальную собственность для реализации своих полномочий, в том числе, во всех поселениях.

В реальности система местного самоуправления оказалась очень слабой. Велика доля муниципалитетов, особенно среди городских и сельских поселений, имеющих дефициты бюджетов, которые покрываются за счет регионального финансирования. По данным Минфина России, в 2010 г. дотационность свыше 70% имели 53% всех местных бюджетов. Более того, реальная власть принадлежит не выборным органам (советам депутатов), а исполнительным (администрациям). Практика показывает, что население воспринимает местные органы власти как часть государства, не веря в то, что самостоятельно можно повлиять на принимаемые решения и сделать жизнь в своем городе более комфортной. Помимо этого реформа привела к увеличению числа служащих на муниципальном уровне. В результате вместо 11436 муниципальных образований их число достигло 24510. К 355 тыс. муниципальных служащих добавилось еще 150 тыс., большая часть которых приходится на сельские поселения. Кроме того, было избрано 56 тыс. депутатов муниципальных собраний, которые должны были разбираться в вопросах гражданского, бюджетного и налогового законодательства [1, с. 24]. Вследствие дефицита своих бюджетов местные власти оказались не в состоянии выполнять все функции, переданные на их уровень. Больше всего бросается в глаза плохое качество дорог, неблагоустроенные территории, плачевное состояние образовательных школ и детских садов.

Таким образом, нам представляется, что внедрение МСУ в нашей стране было основано на формальном копировании его атрибутов, включая изменения внутреннего законодательства и создание новой организационной структуры МСУ как независимого уровня власти. Подобного простого заимствования зарубежного опыта оказалось явно недостаточно.

В системе МСУ обычно отсутствуют:

– вовлечение населения в местное самоуправление;

– связи с общественностью коммуникации;

– открытая финансовая отчетность [2, с. 77].

В настоящее время разработано достаточное число теорий и подходов к МСУ. Не рассматривая детально каждую из них, кратко перечислим основные. До сих пор считаются актуальными теории свободной общины, а также государственная и дуалистическая теории.

Теория свободной общины образовалась еще в XIX веке, согласно ей наряду с тремя ветвями власти действовала и четвертая – общинная власть [3, с. 11]. Община должна иметь право на самостоятельное и независимое от центральной власти существование, при этом государство не создает, а лишь признает общину. Носителем власти в общине является народ. Недопустимо вмешательство в ее внутренние дела, должностные лица МСУ не являются государственными чиновниками. Интерес представляет также одна из разновидностей общественной теории – хозяйственная теория, согласно которой функции самоуправления строго хозяйственные; этим оправдывается самостоятель-

© Блинов М.В., 2013

ность общины (коммуны) и отсутствие государственного надзора за ее деятельностью.

Суть *государственной теории* заключается в том, что МСУ рассматривается как одна из форм организации государственного управления на местах [4, с. 25]. Все полномочия имеют источником государственную власть, при этом осуществляются не государственными органами, а местными жителями, заинтересованными в результатах МСУ.

Теория дуализма исходит из двойственного характера муниципального управления, которое сочетает в себе как самостоятельное решение местных вопросов, так и осуществление на местном уровне определенных государственных функций [4; с. 25]. Выходя за рамки вопросов МСУ, органы местной власти становятся инструментом государственного управления. Видным деятелем в области муниципального управления можно считать известного российского ученого, академика Л.А. Велихова. В книге «Основы городского хозяйства», изданной в 1928 г., он выдвигал генетическую теорию, в соответствии с которой не выбор модели МСУ влияет способность местной буржуазии противостоять государству. Идея предложенной им модели *муниципального социализма* состоит в том, что органы МСУ должны в основном самостоятельно обеспечивать финансовыми средствами свои общественные нужды за счет эффективной хозяйственной деятельности [3, с. 279].

Заслуживает внимания *инкорпоративная теория* управления местным сообществом, рассматриваемая в работах С.Б. Мельникова, С.Н. Мельниковой, К.Л. Жихарева, где проводится аналогия между процессами МСУ и системой управления коммерческой корпорацией, при этом жители города рассматриваются в качестве акционеров [5; 6].

Ввиду отсутствия единого мнения в данной области, некоторые авторы призывают к синтезу различных теорий, на основании чего можно будет производить дальнейшее действия [4, с. 25], другие указывают на недостатки теорий [3, с. 10–12]. Однако как показывает практика, ни перечисленные теории, ни их соединение не дают полного ответа на поставленные вопросы и не решают проблему развития МСУ в России.

Понятие «институт» используется в науке в разных смыслах. К. Беси и О. Фавро в работе «Институты и экономическая теория конвенций» приводят следующие определения: под институтами понимают конституционную систему страны (Д. Рише), любое легитимное общественное объединение (М. Дуглас), коллективное верование и способы поведения (Э. Дюркгейм), коллективный контроль индивидуального поведения (Дж. Коммонс), известные всем членам общества правила поведения, соблюдение которых обеспечивается личными интересами или внешней властью (Э. Шотлер), санкционированная обществом символическая сеть, составленная из функциональной и воображаемой частей (К. Касториадис), кодификация стратегий достижения эволюционного равновесия (М. Аоки), правила игры, где в роли игроков выступают организации и домашние хозяйства (Д. Норт) [7, с. 12].

Из всех определений для целей настоящего исследования больше всего подходит последнее, данное Д. Нортом. (Кстати, К. Беси и О. Фавро также придерживаются его [7, с. 14]. Д. Норт определил институты, как «правила игры» в обществе или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике [8, с. 17]. Для нашей страны это означает, что при проектировании МСУ большое внимание следует уделить вовлечению населения, его просвещению, поскольку одно лишь финансовое наполнение местных бюджетов не решит все проблемы локальной территории.

На наш взгляд, именно институциональная теория даёт ответ на вопрос, почему в России не удается копировать успешный зарубежный опыт МСУ.

Опираясь на институциональную теорию и теорию организационного проектирования М. Лукьяновой, предлагается новая модель МСУ, пригодная для построения института демократии в России [2].

Поскольку МСУ не входит в систему государственных органов власти, построенных по иерархическому принципу, т.е. на основе властных вертикальных взаимоотношений, население оказывается наверху пирамиды, как акционеры в инкорпоративной теории. Теперь они должны участвовать во всех начинаниях и инициативах, происходящих в муниципальном образовании (городе), будь то благоустройство территории, строительство дорог, перенос дорожных знаков, разработка генерального плана и т.д. Таким образом, жители выступают в нескольких ролях: как потребители муниципальных услуг (клиенты), как владельцы проектов (инициатив), как контролирующие органы. В первом случае мы имеем подобие функциональной организационной структуры, во втором – проектной организации, в третьем – штабной, но без иерархии. Но в отличие от проектной организации в этой системе иерархия уже не имеет приоритета.

Основой модели выступает сетевая форма организации, которой свойственны не иерархические, а горизонтальные сетевые типы взаимосвязей. Назовем ее матричной организацией, построенной на принципах сетевого горизонтального менеджмента, но включающей, тем не менее, элементы иерархической структуры. Выбор названия связан с внешним сходством данной структуры с матрицей, под которой часто понимают совокупность строк и столбцов, на пересечении которых находятся ее элемен-

ты. Следовательно, процесс модернизации системы МСУ есть ее трансформация от иерархической комбинированной модели (формально независимой, реально иерархической) к матричной. При этом население становится не объектом управления (управляемым), а субъектом (управляющим). Наличие иерархических элементов в модели обусловлено тем, что без воздействия сверху в нашей стране невозможно спроектировать эффективную систему управления на местном уровне.

В качестве организации выступает муниципальное образование (МО), под которым понимается округ или городское поселение. Сельские поселения и муниципальные районы, имеющие по российскому законодательству статус МО, на территории которых действует МСУ, в рамках данной статьи не рассматриваются.

Применяемая сегодня на практике модель вызывает нарушение функционирования МСУ. Так, зачастую стратегия (отвечает на вопрос «как?») заменяет конечную цель или результат (performance). Иными словами, происходит замена цели средствами ее достижения. В модели отсутствует население (люди). Нередко нарушается последовательность стратегического планирования, теряются значимые элементы организационного проектирования в управлении МО, существующая структура определяет стратегию организации.

Такие модели имеют линейный вид, в них (в нарушение стратегической логики) последовательно реализуются фазы «структура» – «результат» – «стратегия», или «стратегия» – «структура» – «результат». Люди выступают в качестве элементов бюрократической машины. Отличие предлагаемой М. Лукьяновой модели от существующих будет проявляться в различных результатах, к которым приведет построенное на их основе МСУ.

Практика показала, что организация МСУ в России во многих случаях оказалась малопродуктивной. И решение задачи повышения эффективности МСУ возможно при рассмотрении его как института, т.е. на основе использования положений институциональной теории.

Применение таких инструментов институциональной теории как иерархия потребностей, теория мотивации, матричный подход стратегического менеджмента, будет способствовать повышению качества развития территорий, позволяя оценивать и сопоставлять различные варианты.

Рассмотрение МСУ в качестве института позволяет предложить новые подходы к определению приоритетов программ социально-экономического развития территорий России и методы оценки последствий их реализации, обосновать необходимость четкой формализации видов и форм организации управленческих отношений, а также разработать алгоритм формирования образовательной политики муниципального образования.

Библиографический список

1. *Белов В.Г., Пищулин О.В.* Самоуправление в Москве: текущие проблемы и перспективы развития. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2001.

2. *Лукьянова М.* Проектирование местного самоуправления на основе институционализма // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – №4. – С. 74–82.

3. Система муниципального управления: Учеб. для вузов / Под ред. В.Б. Зотова. – СПб.: Лидер, 2005.

4. *Еникеева Д.Р.* К вопросу о концепциях (теориях) местного самоуправления // Юридическая наука. – 2001. – № 3.

5. *Жихарев К.Л., Мельников С.Б., Мельникова Н.С., Романова В.Ю.* Инкорпоративное социально-экономическое развитие территорий и регионов: теоретико-методологические основы. – М.: Муниципальный мир, 2007.

6. *Мельников С.Б.* Формирование корпоративного управления муниципальными образованиями России: Автореф. дис. … д-ра экон. наук. – М., 1997.

7. *Беси К., Фавро О.* Институты и экономическая теория конвенций // Вопросы экономики. – 2010. – № 7.

8. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. – М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.

9. *Гневко В.А.* Модернизация системы развития муниципального образования. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2012.

УДК 371.39(075.8)

Бочкарев Александр Иванович
доктор педагогических наук, профессор
Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти
tolaib@mail.ru

Чекмарев Василий Владимирович
доктор экономических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

ПОЧЕМУ «НЕ ВЕЗЕТ» ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННУЮ ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ?

В статье анализируются причины неудачных реформ отечественного образования, которые не способствуют формированию профессионалов для деятельности в инновационной экономике среды.

Ключевые слова: *мультидисциплинарный феномен культуры, мозаичность понимания, модель жизнедеятельности в синергетической среде.*

В последние годы возросла динамика инновационных процессов, происходящих в современном мире, основанном на взаимоотношении науки и общества в сфере образования. Однако понимание современной культуры как способа жизни не связано с тем, что мир изменчив и дисциплинарный подход к познанию мира по частям становится все более ущербным. На наш взгляд, ситуация заключена в синергетических закономерностях открытых неравновесных систем: общество, наука, образование, культура, атрибутом которых является мультидисциплинарный феномен, реализующий основания синергетики: «от полноты к целостности», «от бытия к становлению», «от существующего к возникающему» и др. [2–6]. Поэтому немудрено, что и в образовании затеяна долго текущая череда реформ с ошибками как методологического, так и практического плана из-за пренебрежения не только законами развития, самоорганизации, но здравого смысла [10].

Вынесенный в заглавие статьи тезис предполагает сочетание развития профессионального образования, которое по замыслу реформаторов должно выступать «двигателем» инновационной экономики.

Как известно, развитие это *закономерное, необратимое, направленное изменение* в системе, например, образования, экономики и др. [2–6]. Зависимость указанных процессов недостаточно изучена в науке. Целью данной работы является постановка вопроса о взаимодействии указанных процессов, изучение степени их взаимного влияния и нахождение причин неэффективности реформ в образовании, более того, тормозящих его развитие.

Если следовать формальной логике, то Министерство образования и науки и названо неверно. «Как вы яхту назовете, так она и поплывет», собирая по пути все беды в череде непрекращающихся реформ (ср. «резать по форме» не касаясь содержания). Как будто эти реформы придуманы врагами собственной страны, будущего поколения. Разве может быть приличное образование без науки (фундаментальной, прикладной)? Как минимум название должно отражать научное ядро образования, т.е. Министерство науки и образования.

Ту же участь постигла и компетентносная модель специалиста. Изначально в желании отойти от ЗУНов реформаторы от образования сделали правильный посыл в духе самоорганизации открытых систем «от бытия к становлению, от существующего к возникающему», дав простор для творчества масс. Первоначально компетенции так и выстраивались: «быть», «знать», «уметь», «владеть» с циклом и постоянным обращением к компоненту «быть». Видимо, творцы реформ изначально понимали (учились марксизму), что «бытие определяет сознание» и что без бытия невозможно достижения ни знаний, ни умений, ни владений.

Затем изначальные позиции компетенций вдруг приняли другие формы, как будто «письмо реформ писали» уже другие авторы, далекие не только от марксизма, но и от здравого смысла. Было потеряно слово «быть» – компонента компетенций, а ЗУНы превратились в ЗУВы, заменены слова-компоненты «навыки» на «владения». А это уже другие ориентиры, хотя в расшифровке компетенций часто пишут «владеть навыками…»

Вспоминая «железную дорогу» Н.А. Некрасова, когда мать, глядя в окно поезда, в воспитательных целях акцентирует внимание ребенка на землекопе, сопровождая словами «эту привычку к труду благородную, нам не мешало с тобой перенять». Навыки ассоциируются с неэффективным, непрофессиональным трудом, а «владение» с конкурентоспособностью во всем, во всех сферах жизнедеятельности. Это, видимо, главное отличие от ЗУНов с той лишь разницей, завладеть можно и силой и не только ума (хитростью, предприимчивостью, технологией «мертвых душ» по Н.В. Гоголю и др.). В результате вся подоплека реформ выразилась в том, что, по сути, поменялись приоритеты и ценности в образовании. На первое место поставлено достижение конкурентоспособности и не в связи с формированием профессионализма выпускника. А зачем нужно тратить современному молодому человеку свои силы, интеллект, овладевать (часто пута-

 © Бочкарев А.И., Чекмарев В.В., 2013

ют с «приобретать») знаниями, достигать успехов, если труд ученых, педагогов не престижен, а духовная, воспитательная сфера образования отнюдь не способствует развитию профессионализма, патриотизма, духовно-нравственного человека, обладающего культурой инновационной деятельности? Знания нельзя приобрести, купить, они не передаются ни по наследству, ни иным путем, как трактуют педагоги, они проходят процесс «интериоризиризации».

Даже если принять в компетенциях «владеть» как отличительную новизну и причину реформ, остается без ответа в связи с этим вопрос: «можно ли владеть, не обладая, или обладать, не владея?». Видимо, можно и то и другое, только анализ показывает, что это возможно для «наших людей», чтобы «нашим людям» было хорошо.

Поясним фразу «можно ли владеть, не обладая». Примеров этому великое множество, когда непрофессионалы, недоучки, или еще хуже достигают власти, то многим не позавидуешь – все будет плохо для «не наших людей»; те, кто владеет, не обладая для этого даже необходимыми знаниями, компетенциями, принимают некомпетентные решения, делая «хорошую мину при плохой игре». В этом их трудно переубедить, они «сильны» и наивны в своей некомпетентности, не теряют самообладание, видимо считая, что остальные «не их люди» совсем «д-УРА-ки».

В России, как известно, «две беды – дураки и дороги». Последнее время становится очевидным, что вместо дорог остались одни лишь направления, но это не может быть основанием считать, что в профессиональном образовании готовить нужно преимущественно «дураков» по направлениям…

Анализ другой части вопроса «обладать, не владея» показывает, что он относится к большей части «не наших людей» (с точки зрения властьдержащих), которые обладают высоким профессионализмом, интеллектом, духовно-нравственным потенциалом, не владеют (не наделены властью для принятия решений) тем, что могло бы многое изменить к лучшему в образовании, экономике, любой сфере, чтобы не объяснять людям, почему квартплата, больше чем зарплата, почему схема расчета за услуги ЖКХ экономически непонятны и др.

В современной России культура [7] потребления приобрела самостоятельное, отдельное от культуры труда значение, стала потреблением ради потребления. Высокие потребительские стандарты являются у нас слабым стимулом для зарабатывания денег посредством качественного производительного труда, образования, непрерывного повышения квалификации, совершенствования в профессии. Преобладание потребительских ценностей [8], потребительского отношения к жизни в условиях неактуализированной трудовой этики и низкотехнологичной экономики является одним из главных препятствий модернизации, предполагающей *приоритет культуры труда, науки и творчества над мотивами досуга и потребления.*

Понимание модернизации исключительно как технологического прорыва само по себе непродуктивно [7], поскольку игнорирует тот очевидный факт, что технологии могут успешно внедряться, использоваться и развиваться только в соответствующей высококультурной и мотивированной на труд и творчество общественной и профессиональной среде.

Несформированность такой инновационной творческой среды культуры [6] в современной России приводит к тому, что государство вынуждено не только инициировать, но и осуществлять модернизационные процессы [8] при незаинтересованном, безучастном созерцании и непонимании происходящего большинством граждан.

Известно, что технологии всегда, и современные инновационные технологии в особенности, производны от определенных форм социальной жизни, в основе которых лежат ценности культуры, образования, науки, труда, творчества, саморазвития, самореализации человека, общественного блага, прогресса, свободы.

Процесс социокультурной модернизации [7] направлен на формирование гражданского сообщества, объединенного системой базовых национальных ценностей, идеалов и приоритетов, среди которых важнейший – построение высокотехнологичного, инновационного российского общества. Не технологическое переоснащение как таковое является целью социокультурной модернизации, а развитие способности граждан, общества в целом создавать, совершенствовать передовые технологии и использовать их во благо.

Переход от традиционного общества, ориентированного на стабильность и неизменность условий жизни, к инновационному обществу, к человеку [9], для которого достижение все новых и новых горизонтов сознания, деятельности, жизни, мира является одним из важнейших приоритетов.

Главный субъект модернизации – человек, которому интересно жить, трудиться, творить в России, который испытывает страсть к новому [2, 6], заново открывает и переоткрывает мир в себе и непрерывно расширяет свои личностные границы в различных формах деятельности, в том числе, экономической и научно-технологической.

Известна двойственная природа педагогики. Она является и наукой, и искусством. При этом в ней значительную, если не ведущую роль играют категории, неподвластные науке, не поддающиеся логическому анализу, такие как ценности, идеалы, вера, духовность, добро, истина, красота, любовь и в значительной мере творчество. Эти категории отражают качества, играющие решающую роль в становлении человека, в его личностно-ин-

дивидуальном развитии, в становлении его как гармонической, свободной и творческой личности.

Желание поскорее достичь человеком успеха через формирование компетенций равнозначно желанию контролировать, а контроль обычно вызывает сопротивление. Что-то подобное иногда происходит с автоматическими дверями: если двери открываются слишком медленно, можно попытаться подтолкнуть их, но вскоре мы убеждаемся, что это ничего не дает. Нам просто не следует так торопиться, и двери откроются сами.

Из всех известных средств информационного взаимодействия наиболее важным для понимания является приятие. Мы – духовные существа, которые решили пережить определенный человеческий опыт, культуру в материальном мире. Все живое тянется к свету (ср. «культ Ур» – поклонение свету), и мы тоже хотим возвратиться к нему, а лучшим для этого средством на нашей планете является безусловная любовь. Любить – означает принимать, невзирая на все наши установки, заблуждения, пристрастия и др.

Любовь «сердцевина» слова чеЛОВЕк (love). Если ее вырезать из этого слова («ЛОВЕ»), получиться, что человек превращается в одномерное, бездуховное, экономическое существо под названием «ЧЕ…К». А как же интерпретировать герменевтически слово чеЛОВЕ-ЧЕСТво. Видимо, первый корень ясен, а второй, произнесенный мягко означает, то, что слышится – «честь». Таким образом, (это всем известно) основа человечества есть «любовь и честь», причем одно связано с другим и не имеет смысла одно без другого. Не бывает настоящей любви без чести, равно как отсутствие чести есть отсутствие любви. Если изъять эти корни из слова человечество, останется лишь вопрос «че…во», ответа на который нет. Это рассуждение послужит единственному: мы обретем любовь к себе и другим на основе чести. Нежелание принимать пережитый опыт, культуру, отказ от ответственности и недостаток любви, видимо, являются главными причинами нашего сопротивления и наших трудностей.

Недостаток, а, скорее, отсутствие в компетентностном подходе в образовании «любви», как сердцевины человека и человечества, не просто стратегическое упущение, а, может быть, и замысел реформаторов от образования, а дорога, ведущая в никуда, вследствие недостатка духовности, патриотизма, человеколюбия и др. замененные одним критерием – конкурентоспособностью выпускаемого на рынок (а не в жизнь) не до-профессионала, не до-инженера, не до-специалиста.

Принять и признать, что мы – существа ответственные и что всякая ситуация становится частью нашего образования и нашего личного развития, – этого достаточно, чтобы достичь целостного понимания. Это пример безусловного приятия.

Стихийное стремление к гармонии целого через мираж дополнения является свойством и человеческой психики. Действительно, не по той ли закономерности [2; 6] мы в истине хотим видеть добро и красоту, в любви обретаем надежду и веру, в правде чувствуем отблеск радости и пользы?

Природная тяга к целостности заставляет человека совершать поступки, труднообъяснимые с классических позиций. Тоскующая душа ищет выхода к гармонии, к счастью. Вырастая из прежней парадигмы, человечеству приходится преодолевать хронический рациональный уклон. Но как? Возможный путь таков [2; 3; 6]: отказ от метода отрицания. Отучиться отвергать с порога непонятное, отвыкнуть от подозрительности к новому, перестать видеть в инакомыслящем врага. Пора осваивать принцип приятия: *признание-сочувствие-доверие.*

В этой же связи и триаде по-нашему находятся слова, означающие *знание* → при*знание* → при*звание*. И действительно, знаниевая основа познания в образовании здесь очевидна, какие бы идеи по компетенциям в нем не внедрялись. Знания не приобретаются и не передаются по наследству, они интериоризируются в процессе познавательной инновационной деятельности. То есть, ими надо *овладевать* с тем, чтобы впоследствии *обладать*, не терять самообладания для достижения *признания* в жизнедеятельности и профессиональной самореализации и итоговой реализации своей природной миссии, т.е. *призвания*. В этом и заключается потеря компонента «быть» в компетенциях, что по определению недостижимо в настоящем образовании «бытия в становлении» и уж тем более формирование «инновационного человека», человека, владеющего культурой инновационной деятельности. В его компетенциях не предусмотрено самое главное «бытие», и как следствие отсутствия в результате «становления». Что оставляет молодого человека перед выбором между «плохо и очень плохо» со сформированной при этом мотивацией: а зачем стремиться к лучшему, новому, становиться профессионалом в своей профессии, если нет разницы.

В [6] установлено, что мультидисциплинарность не исключает, а дополняет традиционные подходы, переводит образование к нелинейному, эмерджентному отражению целостного и многомерного мира в виде интегративного организованного конструкта нового качества, способствующего целостному познанию природы на фундаментальном уровне, формированию качеств культуры личности и общества.

Динамика понятий «дисциплинарность», «междисциплинарность», «трансдисциплинарность», «мультидисциплинарность» в пространстве «энтропия-информация», используя аналогии со сходящейся вверх нелинейной спиралью развития, предложенной Р.Ф. Абдеевым [1], исследована в [5].

В [6] показано, что мультидисциплинарный феномен культуры перестает быть чем-то внешним для методологических запросов исследователя, он непосредственным образом включается в когнитивные и социальные факторы развития знания, в единое смысловое целое современной культуры и образования.

Для реализации возможностей модернизации профессионального образования необходимо формировать социально-педагогическую, инновационно-творческую среду развития человеческого потенциала и культуры в целом.

Библиографический список

1. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. – М.: Изд-во «Владос», 1994. – 335 с.

2. *Бочкарев А.И., Бочкарева Т.С., Бочкарева Р.А.* Формирование инновационной культуры в профессионально образовании. – Тольятти, 2009. – 324 с.

3. *Бочкарев А.И.* Мозаичность понимания в картине инновационного профессионального образования // Известия ЮФУ. Педагогические науки. – Ростов-на-Дону. – 2010. – №7. – С. 25–30.

4. *Бочкарева Т.С.* Инновационная культура личности в профессиональном образовании // Известия ЮФУ. Педагогические науки. – Ростов-на-Дону. – 2010. – №7. – С. 165–170.

5. *Бочкарев А.И.* Мультидисциплинарный феномен культуры // Экономика образования. – 2011. – № 5. – С. 76–81.

6. *Бочкарев А.И., Бочкарева Т.С.* Социокультурное проектирование инновационной творческой среды. – Тольятти, 2012. – 524 с.

7. *Данилюк А.Я., Кондаков А.М.* Развитие человеческого потенциала средствами воспитания и социализации в условиях модернизации России // Известия ЮФУ. Педагогические науки. – Ростов-на-Дону. – 2010. – № 9. – С. 25–30.

8. *Чекмарев В.В.* Е-мобиль… // Экономика образования. – 2011. – № 5. – С. 76–81.

9. Инновационная Россия-2020: стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. – М. : Минэкономразвитя России, 2010. –123 с.

10. *Субетто А.И.* Ноосферное смысловедение / Под науч. ред. проф. д.ф.н. Л.А. Зеленова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – 260 с.

УДК 331

Лаптева Анна Михайловна
кандидат экономических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Захарова Мария Александровна
кандидат экономических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова.

РОЛЬ НОРМИРОВАНИЯ В ЭФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Статья посвящена объяснению роли нормирования труда в системе управления стабильностью экономического, социального и технического развития предприятия любой организационно-правовой формы.

Ключевые слова: *труд, нормирование труда, организация труда, нормы труда.*

В настоящее время, характеризующееся переходом от централизованной экономики к рыночной, возрастает роль нормирования труда как элемента управления стабильностью экономического, социального и технического развития предприятия любой организационно-правовой формы – государственного, казенного, малого, акционерного и др. Это объясняется, прежде всего, повышением роли экономического фактора в складывающихся отношениях между работодателем (администратором, доверенным лицом: и т.д.) и работником в процессе производства материальных благ (оказания услуг), получения прибыли и их распределения, а также усилением социальной направленности современного менеджмента.

При организации работы по нормированию труда в настоящее время необходимо учитывать особенности рыночной экономики применительно к сфере трудовых отношений.

Прежде всего, в условиях действия разнообразных форм собственности, в том числе и на труд, у работодателя и работника повышается экономический интерес к установлению обоснованных затрат рабочего времени и его использования.

Работодатель как собственник средств производства (или их части) стремится извлечь максимальную прибыль от их применения посредством рационального использования труда работника с минимальными издержками, в т.ч. оптимальной численностью персонала, минимальными затратами рабочего времени при обеспечении высокого качества товара (услуг). Вот почему в странах с развитой рыночной экономикой на ряде фирм (их подразделений) создаются программы по нормированию труда, представляющие собой взаимоувязанные мероприятия, направленные на максимальное использование трудового потенциала всех работников путем расширения сферы нормирования, обеспечения высокого качества норм и нормативов,

© Лаптева А.М., Захарова М.А., 2013

поддерживая их на необходимом уровне, формирования высококвалифицированных кадров специалистов-нормировщиков и др. Достаточно новой тенденцией является усиление координирующей деятельности централизованной службы нормирования труда в рамках всей фирмы, что связано с возрастающей потребностью установления равнонапряженных норм времени на одни и те же виды работ (функций) и необходимостью создания единой автоматизированной нормативно-информационной базы. В то же время широкое развитие получают консультативные службы по вопросам нормирования труда, созданию соответствующей отчетности, документации и т.п. По мере развития рыночных отношений вопросы нормирования труда все в большей степени связываются с социально-экономическими и социально-психологическими аспектами управления, ибо проблема повышения эффективности использования труда персонала остается самой острой.

Нормирование труда оказывает существенное влияние на решение многообразных социально-экономических задач лишь в том случае, если на предприятии действуют прогрессивные нормы, учитывающие оптимальные организационно-технические, экономические, психофизиологические и социальные факторы. У работника, реализующего свои трудовые способности, повышается интерес в более эффективном использовании рабочего времени, и, в то же время, требования нормальных условий труда и оптимальной его напряженности, установленной на базе объективно рассчитанных затрат. Без нормативного регулирования рабочего времени по продолжительности, степени напряженности (интенсивности), организации рационального использования трудовых затрат не могут состояться рыночные отношения внутри предприятия любой формы собственности и структуры управления.

Полная экономическая самостоятельность или свобода предпринимательства, характерная для рыночной экономики, наряду с выбором номенклатуры продукции (услуг), организационно-правовых форм и структур управления, финансового планирования и решения других хозяйственно-производственных вопросов, предполагает самостоятельность в установлении численности персонала, подборе кадров, выборе форм и систем оплаты труда и методов ее организации, в решении вопросов замены и пересмотра норм и других задач нормирования. Это означает, что в современных условиях направление решения основных трудовых вопросов переносится на уровень предприятия. Для предпринимательства важны точный учет и контроль издержек производства, в том числе, на трудовые ресурсы, а также повышение производительности труда всех категорий работающих, прежде всего, за счет максимально рационального использования рабочего времени. Эти цели достигаются при помощи нормирования труда.

Зарубежные специалисты отмечают, что при внедрении нормирования труда предприниматели получали значительный эффект, выражающийся в увеличении объемов выпуска и повышения качества продукции (услуг) при неизменных производственных мощностях, в росте прибыли за счет сокращения издержек, а также – социальный эффект: снижение текучести кадров, уменьшение числа трудовых конфликтов и т.п. [2].

Трансформация отечественной экономики, начавшаяся в 1992 г., повлекла за собой разрушение системы государственного регулирования трудовой сферы. Службы, занимающиеся вопросами нормирования на предприятиях, ликвидировались или сокращались, повышение квалификации и подготовка специалистов по труду практически прекратились, центры НОТ и многие отраслевые институты, где проводились исследования в этой области, были ликвидированы.

В настоящее время целесообразно использовать имеющиеся методики, нормативную базу, специальную литературу по нормированию труда, монографии, переводы зарубежной печати по данному вопросу и т.п. Кроме того, предприятиям следует воспользоваться методической и нормативно-информационной помощью со стороны соответствующих структур управления трудом в форме консультативного обслуживания, проведения семинаров, курсов повышения квалификации, заключения договоров и пр.

В январе 2000 г. Ученым советом Института труда Министерства труда Российской Федерации была рассмотрена и одобрена концепция «Нормирование труда в рыночной экономике». По инициативе НИИ труда 11 мая 2000 г. в рамках «Круглого стола» было проведено совещание специалистов по проблемам труда с целью определения мер, которые целесообразно осуществлять со стороны государства в решении означенных вопросов, исходя из тенденции их развития в современных экономических условиях. В работе совещания приняли участие представители Министерства труда РФ, Министерства экономики РФ, Министерства путей сообщения РФ, профсоюзных органов, научно-исследовательских организаций различных отраслей, ВУЗов, предприятий и организаций [4, с. 19].

Анализ выступлений участников совещания свидетельствует о росте заинтересованности как со стороны предприятий, так и со стороны государственных органов и профсоюзных организаций в решении вопросов производительности, организации и нормирования труда в целях повышения эффективности использования трудового потенциала населения страны и на каждом предприятии в условиях развития современной экономики. Вместе с тем, в настоящее время отечественный опыт

рекомендуется шире использовать в целях развития экономики страны.

Сегодня речь должна идти не о возрождении или совершенствовании прежних институтов нормирования, а о качественном изменении его организации, отвечающем новым экономическим условиям и ориентированным на перспективу.

Для работников свобода предпринимательства в настоящее время в значительной мере выражается в самостоятельном выборе сферы приложения своих способностей путем оценки не только уровня квалификации, сложности труда и пр., но и учета продолжительности рабочего времени и степени интенсивности (напряженности) трудовой деятельности.

В то же время, рыночные отношения, предусматривающие конкуренцию, зависят от ценообразования, саморегулирования рынка с учетом спроса–предложения и т.п. Свободные цены, безусловно, не означают отсутствия учета затрат труда на единицу производственной продукции (услуги), что, в свою очередь, повышает необходимость установления обоснованных трудовых затрат при определении цены на нее, а, следовательно, экономическое значение нормирования. Интерес к нормированию трудовых процессов, установлению необходимых затрат рабочего времени и его рациональному использованию повышается также при определении стоимости (цены) рабочей силы на рынке труда, где в рыночные отношения вступают работодатель и работник. Эти отношения регулируются на всех стадиях общественного воспроизводства путем формирования трудового потенциала (рабочей силы) и его использования и определяются формой собственности на средства производства и предметы производства и самой рабочей силой. Цена рабочей силы связана со многими аспектами переходного периода в экономике и зависит от многих факторов. Вместе с тем, при установлении цены труда на каждого работника на конкретном предприятии, становится очевидной необходимость, наряду с оценкой его квалификации, сложности, условий, определении количества (продолжительности) рабочего времени, степени его напряженности, а также темпа работы, что не случайно является неотъемлемой частью оперативного нормирования на предприятиях (фирмах) стран с развитой рыночной экономикой [3, с. 60].

Приведенные выше аргументы подтверждают значение организации и совершенствования работы по нормированию труда на разных уровнях управления экономикой с учетом условий переходного периода. Однако, по мере перехода предприятий на новые формы управления, реорганизации и т.п., на многих из них имеет место негативное отношение к нормированию труда, отрицание его роли при решении производственно-хозяйственных задач, вопросов ценообразования и т.п., а также сокращение и ликвидация служб, занятых организацией и нормированием труда персонала, сокращение подготовки и повышения квалификации кадров специалистов по труду. Причины такого положения имеют и объективный и субъективный характер [1].

Таким образом, в настоящее время требуется создать условия для выполнения нормами затрат труда их основных функций: меры труда, меры вознаграждения за труд, эталона эффективности организации производства, труда и управления, критерия оценки уровня производительности труда, цены и качества продукции (услуги), с учетом особенностей современного этапа развития экономики. Функция нормы труда как меры труда в условиях централизованной экономики на практике не выполнялась, ибо нормы затрат рабочего времени выводились из меры вознаграждения за труд, из сложившегося или достигнутого уровня заработной платы без достаточной оценки необходимых затрат труда, без обоснованного учета явных и скрытых потерь рабочего времени и возможностей повышения производительности труда за счет лучшей его организации и нормирования. Это ослабляло значение роли данной функции нормы труда, приводило к уравниловке в оплате, снижало экономический интерес работника, порождало в ряде случаев повышенную текучесть кадров, а. следовательно, приводило к недостаточно эффективному использованию трудового потенциала работников. В современных условиях, как рассматривалось выше, повышается роль функции нормы труда как меры трудовой деятельности каждого работника, а также уровня его напряженности, темпа работы.

Функция нормирования труда как меры оплаты труда при переходе к рыночной экономике выходит за рамки государственного регулирования, становится функцией предприятия. Тариф не является ограничителем, а лишь государственной гарантией уровня оплаты работы определенной квалификации. Предприятие может изменять уровень тарифной ставки при соответствующих межразрядных соотношениях и базовой ставке первого разряда, определяемой прожиточным минимумом. Происходит переход от прямого регулирования индивидуальной или средней заработной платы к налоговому методу регулирования средств на оплату труда. Размер индивидуальной заработной платы должен определяться количеством труда работника и объемом заработанных предприятием средств на оплату труда. Норма времени становится средством распределения и стимулирования мотивации трудовой деятельности, в чем и проявляется ее экономическая значимость. Не имея прямой связи с заработком работника, норма времени по существу становится производственно-необходимым временем для выполнения технологического процесса при условии эффективного использования ма-

териальных и трудовых ресурсов и соблюдении качества продукции (услуг), т.е. призвана выполнять функцию регулятора производственного процесса (цикла) изготовления продукции (оказания услуг). В этом качестве целесообразно использовать нормы трудовых затрат) для оперативного управления производством, определения трудоемкости продукции (услуги), расчета роста производительности труда, сравнительного анализа и сопоставления результатов труда, оценки уровня техники и технологии, организации производства и труда и, в конечном счете, оценке уровня менеджмента данного предприятия (организации, фирмы) [5].

Основными задачами нормирования труда являются:

1) разработка и внедрение научно обоснованных норм и нормативов по труду;

2) выявление резервов роста производительности труда, потерь рабочего времени, недостатков в организации труда и производства, и на этой основе – разработка организационно-технических мероприятий по совершенствованию организации труда;

3) внедрение норм труда;

4) контроль за освоением норм труда и накоплением материалов для их пересмотра.

Задачи нормирования труда преследуют цели наилучшего использования средств производства при максимальной экономии и облегчении труда.

Важнейшим направлением совершенствования организации и нормирования труда является автоматизация и компьютеризация этой работы в едином цикле с автоматизированным проектированием технологических процессов и организации труда, как на стадии проектирования технологических процессов, так и в действующем производстве. В целях сохранения принятой в теории и практике нормирования терминологии, целесообразно рассматривать нормы затрат труда (времени, выработки, обслуживания, численность и др.), как синоним производственно необходимых затрат времени при условии соблюдения требований их точности, прогрессивности и качества.

Библиографический список

1. *Генкин Б.М.* Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях. – М.: Норма, 2005. – 448 с.

2. *Козырев В.М.* Основы современной экономики. – М., 2012. – С. 317–331.

3. *Колосова Р.П., Рощин С.Ю.* Экономика труда: от НОТ к теории социально трудовых отношений // Вестник Московского университета. – 1996. – №6 – С. 58–62.

4. *Мосейчук М.А.* Нормирование труда – понятие, виды и законодательное регулирование // Заработная плата. – 2004. – № 2. – С. 18–20.

5. *Пашуто В.П.* Организация, нормирование и оплата труда на предприятии. – М.: КНОРУС, 2005. – 320 с.

УДК 338.46

Логвин Нина Владимировна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nvlogvin@mail.ru

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье обосновывается положение о продуктивности определения инновационной деятельности как элемента качества управления модернизацией региональной системы образования.

Ключевые слова: *региональная система образования, инновационная деятельность, качество управления.*

Под инновационной деятельностью понимается комплекс принимаемых мер по обеспечению инновационных процессов на том или ином уровне системы образования (образовательного пространства) и сам процесс. Напомним, что инновационная деятельность является сегодня механизмом развития всей сферы образования. Однако любые механизмы функционируют в определенных средах. А для инновационных механизмов принципиально значимым является институциональная среда. Институциональная среда характеризуется, с одной стороны, высокой степенью изменчивости, с другой стороны – данностью своего существования. Поясним свою позицию.

Изменчивость институциональной среды определяется изменчивостью институтов, ее формирующих. Согласно дискурсной точки зрения, в экономической литературе под институтами понимается совокупность формальных и устойчивых неформальных норм. Данное определение достаточно общо и вбирает в себя множество характеристик института как феномена общественной жизни. Синтез подходов к определению понятия осуществлен путем группирования выявленных признаков с учетом логических связей. Для нашего исследования значимым является выделение из всей совокупности институтов только институтов экономических и социальных (в силу специфики сферы образования и ее места и роли в социально-эконо-

 © Логвин Н.В., 2013

мической жизни общества). Бытующие в литературе определения социальных институтов изначально многозначны настолько, что могут ввести в глубокое заблуждение. К институтам относят все: нормы и правила, организации и учреждения, органы и отношения, сообщества и статусы, рутины и ритуалы, обычай и традиции, образ мышления и поведения. При таком собирательном подходе понятие «социальный институт» теряет границы и масштабы собственного содержания, перестает быть тем особенным, которое есть результат взаимодействия всеобщего и единичного для определенного класса феноменов с качественно специфической информацией.

Стратегические процессы управления знаниями связаны с определением областей применения знаний и отбором источников знаний, использование которых нацелено на решение стратегических задач развития организации. В экономической литературе выделяются три основные области применения знаний [1; 9; 10; 11]:

– разработка новых и совершенствование старых товаров и услуг;

– реинжиниринг и совершенствование организации бизнес-процессов;

– быстрое реагирования на изменения во внешней среде, предполагающее проведение улучшений как продукции и услуг, так и адаптацию процессов.

Управление знаниями эффективно организуется в рамках проектов, в которых четко поставлены цели и задачи, выделены ресурсы на их осуществление. Причем инновационный проект как единое целое характеризуется стадией развития разработки (технический аспект) и способом организации инновационного процесса (организационный аспект [4, с. 57]. Для выявления перспективных проектов, требующих различных источников знаний, обычно строится сбалансированная система показателей, отражающая некоторую стратегию развития организации [7]. В этой системе цели создания и использования системы управления знаниями представляются на уровне обучения и роста, отображающем использование инновационных технологий и человеческого капитала в организации.

В технологии управления знаниями в региональной образовательной среде на тактическом уровне должны быть предусмотрены, с одной стороны, организация эффективного взаимодействия подразделений в процессе создания знаний через механизм образования гибких рабочих групп, а, с другой стороны, создания специализированных информационных служб, обеспечивающих процессы управления знаниями (сервисные функции). В связи с этим в управлении знаниями выделяют два класса процессов [12, с. 35]:

– основные процессы – использование знаний;

– вспомогательные процессы – обеспечение знаниями.

В основе модели развивающейся и трансформирующейся образовательной среды [5] и лежат знания о высшем учебном заведении и его внешней среде в их развитии и взаимосвязи.

В условиях обеспечения конкурентоспособности вуза одна из главных задач постановки процесса «управления знаниями» состоит в том, чтобы собрать, обработать и распределить (довести до практического использования) эти знания. Реинжиниринг образовательного процесса позволяет реализовать конкурентные преимущества на основе:

– понимания того, что происходит во внешней среде;

– использования активов знаний для изучения и обучения;

– осуществления инноваций в виде новых услуг, каналов их доставки, новых процессов;

– проведения быстрых видоизменений и оценок их результатов, и характеристик выполнения работы [3, с. 75].

Очевидно, что реинжиниринг в сфере образования тесно связан с процессами внедрения средств компьютерной техники, вычислительной техники, с процессами автоматизации систем принятия решений и других типов автоматизированных систем. Отметим, что переход от создания отдельных автоматизированных систем их интеграции в рамках вуза как современного компьютеризированного предприятия весьма затруднен или даже невозможен без системного использования архитектурного подхода, который является одним из главных инструментов стратегического и тактического управления информационными технологиями (ИТ) в организации.

Для обеспечения конкурентоспособности и эффективности экономики необходимо, по меньшей мере, ориентировать научно-техническую и инновационную политику на своевременную разработку, освоение и распространение поколений техники и технологий перспективного технологического уклада. Особое значение это имеет в сфере образования, где происходят значительные изменения, основанные на следующих базисных нововведениях [13, с. 358–360].

Во-первых, обновление содержания образования, включение в него в полном объеме формирующейся постиндустриальной парадигмы и сети частных парадигм отдельных отраслей знаний;

Во-вторых, происходит гуманизация и экологизация образования, приоритет приобретают общественные, гуманитарные и экологические дисциплины. Возрастает и политехнизация образования с учетом новых требований к технологиям.

В-третьих, утверждается креативная педагогика, делающая упор не на запоминание нормативного объема знаний и усвоение узкопрофильных навыков, а на развитие творческих способностей обучаемых; политехнизация образования с учетом новых требований к технологиям.

В-четвертых, происходит информатизация процесса обучения. Использование современных информационно-коммуникационных технологий позволяет соединить логический и образный методы освоения знаний, что многократно повышает продуктивность процесса обучения, позволяет индивидуализировать информационные потоки и методы обучения с учетом способностей и интересов обучающихся.

В-пятых, изменяется организация образования, укрепляется тенденция к формированию системы непрерывного образования. При этом используются возможности дистанционного обучения с применением современных информационных технологий, внедряется электронное обучение. Непрерывное образование укрепляет инновационный характер обучения, поскольку позволяет своевременно обновлять и пополнять полученный в школе и вузе багаж знаний, адаптироваться к переменам, находить пути инновационного решения возникающих проблем.

В связи с этим особый интерес представляет проблема образовательной квазиренты, требующая специальных исследований. Инвестиции в образование – не менее (а может быть, и более) эффективное вложение капитала, чем в основной капитал, в технологические инновации [13, с. 362]. Организации, которые обеспечивают высокий образовательный уровень своих работников, поставляют на рынок конкурентоспособную продукцию, более эффективно осваивают и распространяют инновации, получают сверхприбыль, важной составной частью которой является образовательная квазирента.

Организация инновационной деятельности в образовании требует системного подхода к исследованию ее качественных характеристик. В широком смысле системный подход – это методология исследования любых объектов посредством представления их как систем и анализа этих систем.

При рассмотрении инновационной деятельности как объекта управления необходимо исходить из характерных особенностей этой экономической категории. Важная особенность инновационной деятельности состоит в том, что она, с одной стороны, обладает способностью удовлетворять определенные потребности, а, с другой, несет в себе определенную сумму затрат, поскольку является продуктом труда. Таким образом, возникает необходимость рассматривать инновационную деятельность в образовании со стороны качества как *совокупность определяющих ее свойств, учитывая их взаимосвязь и взаимообусловленность с характером изменяющихся потребностей и экономическими возможностями образовательного учреждения*. При этом возрастает роль регулирования со стороны государства. По мнению С.Ю. Глазьева, снижение системного риска, «связанное с нововведениями в области научно-технического прогресса» – важнейшая функция государства [2, с. 6].

Системность качества раскрывается в единстве двух аспектов рассмотрения внешних и внутренних свойств инновационной деятельности.

Функциональный аспект выражает внешнюю обусловленность. Она определяется совокупностью внешних свойств, которыми должен обладать инновационный продукт при выполнении определенных функций (действий), вытекающих из его назначения и условий использования.

Внешние свойства инновационного продукта проявляются в системе отношений и связей между взаимодействующими с ним объектами и предметами окружающей среды. Раскрытие функционального аспекта инновационного продукта состоит в выявлении его функций и определения качества их выполнения.

Структурный аспект выражает внутреннюю обусловленность, которая определяется внутриструктурными свойствами инновационного продукта, проявляющимися во взаимодействии составляющих его частей (элементов). Здесь функция характеризует способность структурного элемента выполнять ту внутреннюю роль, которая определяется его местом в системе отношений между взаимодействующими элементами. Раскрытие структурного аспекта инновационного продукта состоит в выявлении взаимосвязи внутриструктурных свойств.

В системном исследовании функционального и структурного аспектов прослеживаются два подхода: структурно-функциональный подход (СФП) и функционально-структурный подход (ФСП) [6, с. 8].

СФП основан на представлении объекта в виде деком позиционного множества подсистем и элементов, т.е. на раскрытии морфологической структурности инновационного продукта. Каждому элементу инновационной деятельности ставится в соответствие функция, которую он самостоятельно выполняет в системе отношений с другими элементами. Выявленные элементы группируются по признакам их однородности в модули. Выполненная декомпозиция позволяет представить качество объекта инновационной деятельности в виде иерархически организованной структуры качества образовательных услуг.

При ФСП происходит расчленение цели объекта инновационной деятельности на составляющие ее функции различных уровней, т.е. на раскрытии функциональной структурности. На каждом шаге декомпозиции выявляются конструктивные элементы, реализующие эти функции или участвующие в их реализации. Здесь первичной является функциональная декомпозиция, а второй – объектная (морфологическая).

Применять функционально-структурный подход целесообразно при разработке нового инновационного продукта. Выбрать рациональный вариант можно, определив оптимальный уровень качества образовательных услуг на основе сопоставления

конкурентных преимуществ и экономических результатов инновационной деятельности. С этой целью применяется функционально-стоимостной анализ для выявления путей снижения затрат в процессе разработки проектируемого инновационного продукта, включающий подготовительный, информационный, аналитический, творческий, исследовательский и рекомендательный этапы.

Библиографический список

1. *Букович У., Уильмс Р.* Управление знаниями: руководство к действию. – М.: Инфра-М, 2002.

2. «Государство должно освоить функции развития». Интервью с С.Ю. Глазьевым // Инновации. – 2003. – № 6.

3. *Зиндер Е.З.* Современный архитектурный подход к организации предприятия в аспектах реинжиринга процессов и управления знаниями // Реинжиринг бизнес-процессов на основе современных информационных технологий системы управления знаниями. Сборник научных трудов. – М.: МЭСИ, 2005.

4. *Зинченко В.И.* Концепция и принципы разработки и применения методики комплексной оценки, и мониторинга инновационных проектов / В.И. Зинченко, Е.А. Монастырный, С.А. Погребняк, А.Б. Пушкаренко, Н.Е. Родионов, Г.И. Тюльков, А.А. Шапошников, Н. К. Шумихина // Инновации. – 2003. – № 6.

5. *Иванов В.С.* Концептуальные основы институционально-корпоративного реинжиринга региональной образовательной среды // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2004. – № 4.

6. *Калейчик М.М.* Квалиметрия. – М.: МГИУ, 2003.

7. *Каплан Р.С., Нортон Д.П.* Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Пер с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнс», 2004.

8. *Логвин Н.В.* Особенности методологических подходов в создании теории развития региональных систем образования // Экономика образования. – 2013. – № 2.

9. *Мильнер Б.З.* Управление знаниями. – М.: Инфра-М, 2003.

10. *Нонака И., Такеучи Х.* Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2003.

11. *Сенге П.* Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003.

12. *Тельнов Ю.Ф.* Технология процессов управления знаниями обучающейся организации // Реинжиниринг бизнес-процессов на основе современных информационных технологий системы управления. Сборник научных трудов. – М.: МЭСИ, 2005.

13. *Яковец Ю.В.* Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004.

УДК 364

Семенов Роман Олегович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

dieslow.longer@gmail.com

СНИЖЕНИЕ ПЕНСИОННОЙ НАГРУЗКИ НА БЮДЖЕТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В статье представлено авторское видение проблем пенсионного обеспечения граждан РФ с позиции экономической теории. Информационной базой явились материалы Минтруда, опубликованные на сайте министерства, а также публикация Р. Ахмитзянова.

Ключевые слова: *проблема пенсионного обеспечения, пенсионная нагрузка на бюджет, социальная защищенность, Парето-эффективность, экономика Эрроу-Ромера.*

Не так давно Минтруда представил расплывчатые очертания новой пенсионной системы. Не пенсионной формулы, как пытаются ввести нас в заблуждение «некоторые» лица, а всей системы трудовых пенсий. Все же стоит заметить, что снизить пенсионную нагрузку на бюджет чиновникам удалось.

Каждый желающий вникнуть в суть пенсионных предложений имеет возможность ознакомиться с файлом под названием «Справка по новой пенсионной формуле», располагающимся на сайте министерства. Этот небольшой документ, во-первых, рушит надежды занятого населения о сносном пенсионном обеспечении, а, во-вторых, предвещает крупные социальные волнения, которые могут произойти в недалеком будущем.

Рассмотрим основные положения данного документа.

«Трудовая пенсия трансформируется с разделением на три компоненты: базовую, страховую и накопительную». Возникает вопрос, насколько глубока предлагаемая «трансформация»? И многое ли изменится по сравнению с ситуацией 2002 года? Да, тогда базовая часть вошла в состав страховой, но в сущности ничего не изменилось: государство продолжало финансировать своеобразное пенсионное пособие. Заметим, что данная ситуация наблюдается во многих странах. К примеру, в ФРГ государственные субсидии пенсионной системе приближаются к четверти пенсионного бюджета.

Тариф страховых взносов в ПФР на страховую и накопительную пенсии – 22% + 10% с сумм, пре-

© Семенов Р.О., 2013

вышающих «потолок». Стоит заметить, что ставку все-таки не изменили. Вернувшись к событиям десятилетней давности можно вспомнить, что ПФР был профицитным, но и достигалась эта профицитность за счет повышенного тарифа (28% от фонда оплаты труда).

В связи с вышеотмеченным предложим теоретический подход к осмыслению практических предложений. Так, Р. Ахмитзянов в своей работе, посвященной пенсионному благосостоянию, рассматривает OLG-модель с двумя типами работников, отличающихся продуктивностью и PAYG-системой социальной защиты вкупе с предфондированием типа пенсионных схем с определенными взносами в условиях экономики Эрроу-Ромера. Исследуя вопросы Парето-эффективности и социально-экономические равновесные значения ставки социального налога, автор указывает на условия экономического роста и Парето-улучшений, а также актуарной адекватности пенсионного благосостояния в терминах индекса замещения.

Особо отметим, что социальная защищенность пожилых людей является основанием полисов во всех странах, использующих общественную пенсионную систему PAYGO [2]. В этом ракурсе пенсионные преобразования в России модифицировали чистую PAYGO-систему при помощи создания накопительных пенсионных схем, что является признаками схемы DC пенсий, которая становится все более популярной в мировой практике. Существует несколько форм PAYGO-систем смешанного типа, которые имеют желаемые характеристики программы по социальной защищенности пожилых людей, при этом увеличивая национальные накопления, защищая систему от демографических шоков и нивелируя необходимость в повышении сборов с пожилых в случае старения нации.

При этом заметим, что PAYGO-системы могут быть сравнительно равноценными при одних условиях на динамические потоки рабочей силы и неэквивалентными при других, как например, системы с определенными выплатами: при увеличении пропорции уходящих на пенсию (поэтому необходимо также одновременно рассматривать динамические потоки рабочей силы на рынке труда и оценивание их параметров) приходится выбирать одно из двух: либо оставлять доходы прежними, но увеличивать сборы, либо уменьшать доходы, оставляя прежними сборы (если, конечно, при этом не рассматривать возможностей новых форм высокодоходного инвестирования). Отметим возникающие экономические последствия в результате подобных действий: так увеличение национальных доходов за счет этих фондов снизит текущую стоимость предоставления пособий. Отклонение от линии возрастания будущих сборов также помогает избегать больших потерь так называемого «мертвого груза», обусловленного искажением эффектов маргинальных ставок сборов [2].

Возможным вопросом-продолжением предыдущего замечания является следующий: каковы опции формы социальной защиты, в которой протежируемый уровень доходов для каждого кластера будущей когорты пенсионеров не ниже уровня, на котором он находится в текущем состоянии и может быть достигнут без увеличения налоговых и других выплат, и каковы характеристики этих кластеров. Уровень благосостояния может быть подвергнут опасности снижения в результате международной конкуренции налоговых ставок, которые принесет с собой Глобализация, как показано в работах [7; 12].

При условии создания правительством добавочной части пенсионных выплат без обеспечения увеличения налоговых ставок образуется дефицит бюджета, т.е. подразумевается закрытие данного дефицита за счет будущих поколений. Евросоюзом принят Пакт о стабильности и развитии. По данному документу верхний предел целевого дефицита не должен превышать 60% от НД.

Но по прогнозам, например, к 2050 году, либо социальные налоги должны неимоверно возрасти, либо дефицит бюджета достигнет в Евросоюзе более 150% [8].

В большей части ожидаемые демографические изменения вызваны снижением уровня рождаемости. Данные тенденции напрямую влияют на стабильность пенсионных систем. Принято ожидать, что пенсионные системы распределительного типа ждет гибель, если те не проявят гибкость и не конфигурируются в нечто схожее по признакам с системами с накопительным принципом и приватизационными чертами.

Вопросы политической стабильности реформ при переходе к новым прогрессивным видам пенсионных схем обусловливаются в том числе структурой популяции – при преобладании молодых над пожилыми, но при устойчивой тенденции старения популяции, принятый уровень социального PAYGO-трансферта от молодых к пожилым может потерять политическую поддержку молодых (дальнейшие рассмотрения подобных взаимодействий приводят к необходимости исследования структурной толерантности [3], исследования работника как функционального актора [1], и, как следствие, к вопросам оптимальности [2; 4].

Рассмотрим модель Р. Ахмитзянова по улучшению пенсионного и общественного благосостояния без увеличения налоговой нагрузки на работающих.

В данной модели Р. Ахмитзяновым рассматривается стандартная двухпериодная OLG-модель, в которой каждое поколение проживает два периода: рабочий период, период трудоспособности и пенсионный период, период ретировки. И основываясь на работах [7; 8; 9; 10] рассматривается «стилизованная» экономика с двумя типами работников: продуктивных и малопродуктивных. Продук-

тивные работники на рынке труда предлагают (неэластично) свою одну единицу производительного труда в единицу рабочего времени. Малопродуктивные предлагают q единиц производительного труда в единицу рабочего времени, причем $q<1$. Налоги не меняют трудовых предложений работников.

Оба типа рабочей силы на рынке труда считаются взаимозаменяемыми. В первом периоде жизни работник владеет одной единицей рабочего времени и без специального обучения не имеет возможности стать продуктивным. Если работник прошел обучение, он становится продуктивным, а иначе, остается малопродуктивным. Во втором периоде индивидуум является пенсионером и его обеспечением занимается система Социальной Защиты.

Способность юного индивида любого поколения к обучению характеризуется собственным имплицитным параметром e, который полагается реализацией случайной величины со значениями в отрезке [0, 1] и имеющей вероятностное распределение G. Считается, что способности индивидов являются независимыми. Упомянутый параметр e представляет собой время, в течение которого работник будет проходить обучение, после которого он станет продуктивным, обладая полной единицей производительности, при этом у него остается времени для, собственно, зарабатывания. Менее способные индивидуумы не решаются инвестировать даже часть своего возможного времени заработка в обучение (которое предполагается не допускающим иных занятий для обучаемого), считая это занятие слишком обременительным в плане снижения доходов.

Если индивидуум, обладая приемлемой способностью к обучению, выбирает тернистый путь к знаниям, то его доход в первом периоде будет равен $(1-\tau-\delta)(1-e)w_t$, в ином случае он имеет возможность заработать $(1-\tau-\delta)qw_t$, где параметр τ представляет PAYGO-социальные налоги, δ – отчисления на индивидуальный пенсионный аккаунт, w_t – ставка заработной платы (полная ставка в первом периоде t). Следовательно, возникает естественный пороговый (постоянный) уровень отсеивания e^* после (правее) которого индивид с соответствующими способностями (т.е., у которого $e>e^*$) отказывается от уроков.

Пороговый уровень определяется из условия нейтральности к вопросам образования и в определенной мере отражает и неполную информированность и «миопию» взгляда индивида на свое будущее: $(1-\tau-\delta)(1-e^*)w_t=(1-\tau-\delta)qw_t$. Т.о., $q=1-e^*$. Прижизненная функция полезности индивидуума, рожденного в момент t, (и, поэтому, принадлежащего поколению t), задается как

$$u_t=u(c_t^y c_{t+1}^0), \qquad (1.1)$$

где c^y_t и c^o_{t+1} – потребления в «юности» и «старости». Числовая функция полезности имеет два аргумента и стандартные свойства гладкости, как-то: принадлежность к C^2, а также следующие соответствующие свойства монотонности, выпуклости и удовлетворяет условиям Инады:

$$u_{1,t}>0, u_{11,t}<0, u_{2,f}>0,$$
$$u_{22,t}<0, u_{1,t}(0,\bullet)=\infty, u_{2,t}(\bullet,0)=\infty$$

где $u_{i,t}$ обозначает соответствующие частные производные.

Бюджетные ограничения продуктивного работника поколения t (t-поколения):

$$c_t^y=(1-\tau-\delta)(1-e)w_t-s_t,$$
$$c_{t+1}^0=(1+r_{t+1})s_t+\pi_{t+11}+(1+r_{t+1})\delta(1-e)w_t \qquad (1.2)$$

Бюджетные ограничения малопродуктивного работника t-поколения:

$$\hat{c}_t^y=(1-\tau-\delta)qw_t-z_t,$$
$$\hat{c}_{t+1}^0=(1+r_{t+1})z_t+\pi_{t+1}+(1+r_{t+1})\delta qw_t \qquad (1.3)$$

где s_t, z_t – частные накопления в момент t, продуктивного и малопродуктивного работников, r_{t+1}, π_{t+1} – процентная ставка и распределительная PAYGO-пенсия t-поколения в момент $t+1$, $(1+r_{t+1})\delta qw_t, (1+r_{t+1})\delta(1-e)w_t$ – накопительная пенсия малопродуктивного и продуктивного работника.

Каждый индивид выбирает такие потребления в юности и старости, которые максимизируют его полезность по приватному накоплению (соответственно, по s_t или z_t:

$$u_{1,t}+(1+r_{t+1})\cdot u_{2,t}=0 \qquad (1.4)$$

(ограничения на неотрицательность потреблений учтены условиями Инады).

Таким образом, в силу теоремы о неявной функции продуктивный работник имеет гладкую функцию личных накоплений

$$s_t=s[(1-\tau)(1-e)w_t\cdot\pi_{t+1}\cdot r_{t+1})\delta(1-e)w_t] \qquad (1.5)$$

с частными производными

$$s_{1,t}=-1/D[-u_{11,t}+(1+r_{t+1})u_{12,t}]>0 \qquad (1.6)$$

$$s_{2,t}=-1/D[-u_{12,t}+(1+r_{t+1})u_{22,t}]<0 \qquad (1.7)$$

$$s_{3,t}=-1/D[-s_t u_{12,t}+u_{2,t}+(1+r_{t+1})s_t u_{22,t}] \qquad (1.8)$$

$$s_{4,t}=-1/D[u_{11,t}-2(1+r_{t+1})u_{12,t}+(1+r_{t+1})^2u_{22,t}]=-1 \qquad (1.9)$$

где $D=u_{11,t}-2(1+r_{t+1})u_{12,t}+(1+r_{t+1})^2u_{22,t}$ – вторая производная левой части (1.4) по s_t, а значит, D отрицательно (здесь и далее для простоты будем предполагать аддитивный вид функции полезности, для которого $u_{12,t}=0$. Неравенство $s_{2,t}<0$ связано с тем, что потребление в первом периоде является нормальным благом. Производная по процентной ставке $s_{3,t}$, вообще говоря, знакопеременна. Аналогичные свойства имеет и функция при-

ватных накоплений малопродуктивных работников:

$$z_t = z[(1-\tau)qw_t\pi_{t+1}r_{t+1})\delta qw_t] \quad (1.10)$$

$$z_{1,t} > 0, z_{2,t} < 0, z_{4,t} = -1.$$

Допустим, идентичные фирмы выпускают гомогенный продукт для потребления и инвестиций. Агрегированный выпуск в момент *t*:

$$Y_t = F(K_t \cdot A_t L_t)$$

где гладкая производственная функция *F* не зависит от масштаба, K_t – агрегированный капитал, A_t обозначает продуктивность труда в момент *t* и предполагается заданным. В силу закона больших чисел агрегированное предложение труда L_t считаем равным (т.к. $N_t >> 1$):

$$L_t = \sum_{j=I}^{N_t} I(e_j \le e^*) + q\sum_{j=1}^{N_t} I(e_j > e^*) \sim$$

$$\sim \mathrm{N_t}(P(e_j \le e^*) + qP(e_j > e^*)) \equiv N_t Y_q$$

где N_t есть численность *t*-поколения, e_j – имплицитная способность *j*-го индивида, *I(•)* – индикатор события.

Полная конкурентность повлечет стандартные равенства для стоимости предельного продукта:

$$r_t = f^{`}(k_t) \quad (1.11)$$

$$w_t = A_t[f(k_t) - k_t f^{`}(k_t)] \quad (1.12)$$

где $k_t = K_t / A_t L_t uf(k_t) = F(k_t - 1)$ [2]

Равенство, представленное ниже в соответствие с работами [5; 6; 10; 13], представляет собой подход Эрроу-Роумера:

$$A_t = 1/aK_t / L_t = 1/(aY_q)K_t / N_t \quad (1.13)$$

где *a* – положительный технологический параметр. Воспользовавшись равенством (1.13) для подстановки в (1.11) и (1.12), получаем:

$$r_t = r = f^{`}(aY_q\{P\}_q) \quad (1.14)$$

$$w_t = \omega K_t / N_t c\omega = [f(aY_q) - aY_q f^{`}(aY_q)]/(aY_q) \quad (1.15)$$

Следовательно $dY_t / dK_t = r + \omega$.

Также в своей модели Р. Ахмитзянов производит расчеты относительно распределительной PAYGO-пенсии. PAYGO-пенсия формируется на основе соответствующих отчислений по ставке *τ*, которым подвергаются работающие:

$$\pi_t N_{t-1} = \tau w_t \sum_{j=1}^{Nt} I(e_j \le e^*)(1-e) +$$

$$+ q\tau w_t \sum_{j=1}^{Nt} (e_j > e^*) \sim \tau w_t N_t [E(1-e)I(e_j \le e^*) +$$

$$+ q\sum_{j=1}^{Nt} P(e_j > e^*)$$

или, вводя показатель динамики численности населения $n_{t-1} = (N_t - N_{t-1}) / N_{t-1}$, можно получить, что

$$\pi_t = \tau w_t (1 + n_{t-1})[E(1-e)I(e_j \le e^*) +$$

$$+ qP(e > e^*)] \equiv \tau w_t (1 + n_{t-1}) \quad (1.16)$$

где математическое ожидание берется по распределению *G* случайной величины *e*.

Далее рассматривается вопрос пенсионной актуарной адекватности. Р. Ахмитзянов считает, что, несмотря на то, что темпы наращения приватных накоплений не отличаются от предфондированных пенсионных, введение накопительной части позволяет получение (до определенных пределов) актуарной адекватности полной пенсии. Для продуктивных работников *(t-1)*-поколения актуарную адекватность представим в следующем виде, приводя суммы к моменту *t:* $\delta w_{t-1}(1+r)(1-e) + \pi_t \sim \alpha w_{t-1}(1+r)$, что означает межвременную эквивалентность всех пенсионных выплат определенной части полученного прижизненного трудового дохода. Показатель замещения α варьируется от страны к стране – от 60% и выше в странах OECD и от 30% и ниже в России. Далее легко получить, используя (1.16), что условие актуарной адекватности превращается в $\delta(1+r)(1-e) + \tau w_t / w_{t-1}(1+n_{t-1}) \sim \alpha(1+r)$.

Следует отметить, что за неимением накопительной части негативная демографическая динамика будет наносить удар по пенсионному благосостоянию опирающегося на одни лишь пенсии распределительного типа. Наличие накопительной части обеспечивает величину индекса замещения на приемлемом уровне. Для пенсий с определенными выплатами характерно, что определенные риски берет на себя пенсионный фонд. Модель предфондируемых пенсий, используемая выше, построена по схеме DC-пенсий.

Завершая свою модель, Р. Ахмитзянов рассматривает условия равенства агрегированных инвестиций агрегированным накоплениям. Увенчивает построение модели уравнение рыночного клиринга, т.е. условие равенства агрегированных инвестиций агрегированным накоплениям:

$$\sum_{j=1}^{Nt} (s_t(e_j) + \delta(1-e_j)w_t)I(e_j \le e^*) +$$

$$+ (z_t + \delta qw_t)\sum_{j=I}^{Nt} I(e_j > e^*) = K_{t+1},$$

или, как и ранее, заменяя левую часть с применением закона больших чисел и деля на N_t:

$$Es_t(e)I(e \le e^*) + \delta w_t E(1-e)I(e \le e^*) +$$

$$+ (z_t + \delta qw_t)P(e > e^*) = K_{t+1} / N_t$$

получаем (см.(1.16))

$$Es_t(e)I(e \le e^*) + \delta w_t + z_t P(e > e^*) = K_{t+1} / N_t \quad (1.17)$$

Проанализируем модель Р. Ахмитзянова на основе рассмотрения изменения продуктивности в зависимости от движения налоговых ставок. Из (1.5), (1.14) и (1.17) следует, что

$$s_t = s[(1-\tau)(1-e)w_t(1+n_t)(1+g_t)\tau w_t r\delta(1-e)w_t] \quad (2.1)$$

а из (1.10), (1.14) и (1.16)

$$z_t = z[(1-\tau)qw_t(1+n_t)(1+g_t)\tau w_t r\delta qw_t] \quad (2.2)$$

где $g_t = (w_{t+1} - w_t) / w_t$ определяет ставку роста зарплаты, т.е. ставку роста трудовой продуктивности

в момент t. Из (1.15) и (1.17) получаем, что

$$Es_t(e)I(e \le e^*) + \delta w_t + z_t P(e > e^*) = \\ = 1/\omega(1+n_t)(1+g_t)w_t \qquad (2.3)$$

Три рассмотренных здесь уравнения (2.1), (2.2) и (2.3) дадут *уравнение зависимости* накоплений:

$$E\{s[(1-\tau)(1-e)w_t(1+n_t)(1+g_t)\tau w_t r\delta(1-e)w_t]I(e \le e^*) + \\ + \delta w_t + z[(1-\tau)qw_t(1+n_t)(1+g_t)\tau w_t \cdot \\ \cdot \delta qw_t]P(e > e^*) - 1/\omega(1+n_t)(1+g_t)w_t = 0 \qquad (2.4)$$

Естественно полагать, что w_t является константой в начале периода t. Для определенности считаем, что измененения налоговых ставок, которые будут рассматриваться далее, имеют постоянный характер: начавшись в определенный момент времени, они не отменяются на следующих за ним (но отмена может быть рассмотрена с тем же успехом).

Общеизвестно, что модель экономики Эрроу-Ромера не является эффективной по Парето, что обусловлено эффектом кумулятивного инвестирования на агрегированную продуктивность труда, не оцененного рынком, тем не менее, в работах [6; 13] отмечено, Парето-улучшения возможны при условии, что молодое поколение будет откладывать больше. При этом показано, что уменьшение ставки PAYGO к Парето-улучшению не приведет, т.к. дополнительные сбережения молодого поколения будут направляться на погашение дефицита связанного с недобором, что не приводит к эффективному повышению продуктивности. Но определенное субсидирование [13] может привести к Парето-улучшению. Рассмотрим возможность этого на модели Р. Ахмитзянова:

Пусть правительством в момент t объявляется новая реформа, состоящая в субсидировании накоплений (как приватных, так и находящихся на пенсионных аккаунтах) за счет дистрибутивной части пенсионных средств. Тогда бюджет получает следующее ограничение в момент $t+1$: долг t-поколению = поступлению средств от $(t+1)$-поколения, где долг есть (см. (1.16):

$$N_t\pi_{t+1} + \sigma(\sum_{j=I}^{Nt}(s_t(e_j) + \delta(1-e_j)w_t)I(e_j \le e^*) + \\ + \sum_{j=1}^{Nt}(z_t(e_j) + \delta qw_t)I(e_j > e^*) \sim \\ \sim N_t(\pi_{t+1} + [Es_t(e)I(e \le e^*) + \delta w + z_t P(e > e^*)])$$

Поступления таковы:

$$(\sum_{j=I}^{Nt+1}\tau w_{t+1}(1-e_j)I(e_j \le e^*) + \\ + (\sum_{j=1}^{Nt+1}\tau w_{t+1}qI(e > e^*) \sim \\ \sim N_{t+1}(\tau w_{t+1}[E(1-e)I(e \le e^*) + \\ + qP(e > e^*)]) = N_{t+1}\tau w_{t+1}\tau w_{t+1}$$

Последнее выражение равно $Nt(1+n_t)(1+g_t)\tau w_t$. Таким образом, баланс имеет вид

$$\pi_{i+1} + \sigma[Es_t(e)I(e \le e^*) + \delta w_t + z_t P(e > e^*)] = \\ = (1+n_t)(1+g_t)\tau w_t,$$

что с учетом уравнения зависимости (2.4) дает

$$\pi_{t+1} = 1/\omega(1+n_t)(1+g_t)w_t[\tau\omega - \sigma]. \qquad (3.1)$$

Но тогда возникает обновленное уравнение зависимости

$$E\{s[(1-\tau)(1-e)w_t(1+n_t)(1+g_t)w_t[\tau\omega - \sigma]r + \\ + \sigma\delta(1-e)w_t I(e \le e^*) + \delta w_t + z[(1-\tau)qw_t(1+n_t) \cdot \\ \cdot (1+g_t)w_t[\tau\omega - \sigma\}r + \sigma\delta qw_t]P(e > e^*) - \\ - 1/\omega(1+n_t)(1+g_t)w_t = 0 \qquad (3.2)$$

Рассмотрим последствия такого полиса субсидирования для благосостояния общества. Для этого обратим внимание на непрямые функции полезности

– для продуктивных индивидов:

$$h_t^{(e)}(\sigma) = u((1-\tau-\delta)w_t(1-e) - s_t \cdot (1+r+\sigma)s_t + \\ + \delta(1-e)w_t(1+r+\sigma) + \\ + 1/\omega(1+n_t)(1+g_t)w_t[\tau\omega - \sigma]$$

– для малопродуктивных индивидов:

$$h_t^{\wedge}(\sigma) = \hat{u}((1-\tau-\delta)qw_t - z_t(1+r+\sigma)z_t + \\ + \delta qw_t(1+r+\sigma) + 1/\omega(1+n_t)(1+g_t)w_t[\tau\omega - \sigma])$$

Дифференцирование с учетом (1.4) в обновленных условиях дает

$$dh_t^{(e)}(\sigma)/d\sigma = u_1(-1)ds_t/d\sigma + \\ + u_2[s_t + (1+r+\sigma)ds/d\sigma + d\pi_{t+1}/d\sigma + \delta(1-e)w_t] = \\ = u_2[s_t + d\pi_{t+1}/d\sigma + \delta(1-e)w_t] \qquad (3.3)$$

$$dh_t^{\wedge}(\sigma)/d\sigma = u_1(-1)dz_t/d\sigma + \\ + u_2[z_t + (1+r+\sigma)dz_t/d\sigma + d\pi_{t+1}/d\sigma + \delta qw_t] = \\ = u_2[z_t + d\pi_{n+1}/d\sigma + \delta qw_t] \qquad (3.4)$$

Тильды над h,u ставятся, чтоб обратить внимание на то, что эти функции связаны с малопродуктивными работниками. Формально их функциональная форма совпадает с h,u, хотя нигде в тексте это не используется. Укажем достаточные условия для того, чтобы полис субсидирования приводил к Парето-улучшению благосостояния общества.

В заключение хочется отметить, что, на наш взгляд, существуют достаточно перспективные модели обеспечения пенсионного благосостояния (например, рассмотренная нами модель Р. Ахмитзянова), которые не используются нашим правительством для решения проблем в данной сфере, что весьма прискорбно. Итогом проделанной работы может стать дискуссия с составителями законопроекта о преобразовании пенсионной системы, так как проблема пенсионного обеспечения слишком существенна для того, чтобы решать ее за закрытыми дверями.

Библиографический список

1. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 239 с.

2. *Ахмитзянов Р.* Пенсионное благосостояние в предфондируемой PAYGO-системе социальной защиты в условиях экономики Эрроу-Ромера и Парето-эффективность // Государственный университет-Высшая Школа Экономики.– 2010. – № 3. – С. 34–41.

3. *Дробижева Л.М., Хомяков М.Б.* Новые подходы в изучении и преподавании. – М.: МИОН, 2003. – С. 28–32.

4. *Полетаев А.В.* Эффективность функционирования российского рынка труда // Государственный университет-Высшая Школа Экономики. – 2003. – № 7. – С. 52–60.

5. *Grossman G.M., Yanagawa N.* Asset bubbles and endogenous growth // Journal of Monetary Economics. – 1993. – № 31. – P. 3–19.

6. *King I., Ferguson D.* Dynamic inefficiency, endogenous growth and Ponzi games // Journal of Monetary Economics. – 1993. – № 32. – P. 79–104.

7. *Razin A., Sadka E.* Resisting Migration: Wage Rigidity and Income Distribution // American Economic Review: Papers and Proceedings. – 1995. – P. 312–316.

8. *Razin A., Sadka E.* Privatizing Social Security under balanced-budget constraints, working paper, 2003.

9. *Razin A., Sadka E., Swagel P.* The Aging Population and the Size of the Welfare State // Journal of Political Economy. – 2002. – № 110(4). – P. 900–918.

10. *Saint-Paul G.* Fiscal policy in an endogenous growth model. Quarterly // Jounal of Economics. – 1992. – № 106. – P. 1243–1259.

11. *Saint-Paul G.* Unemployment, Wage Rigidity and Returns to Education//European Economic Review. – 1994. – № 38(3/4). – P. 535–544.

12. *Sinn H.W.* Tax Harmonization and Tax Competition in Europe // European Economic Review. – 1990. – № 34. – P. 489–504.

13. *Wigger B.U.* Productivity growth and economy of social security // Public Choice. – 2001. – № 106. – P. 53–76.

УДК 330

Скворцов Андрей Юрьевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

a.skvorcov44@mail.ru

ГЕНЕЗИС ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

В статье представлены элементы исторической ретроспективы категориального аппарата, применяемого в исследовании экономических интересов. Особенное внимание уделяется современному подходу к характеристике экономических интересов, в том числе рассмотрена позиция костромской научной школы, кроме того, предлагается авторская трактовка проблемных моментов в изучении экономических интересов и перспектив реализации экономических интересов в системе управления народным хозяйством.

Ключевые слова: *интерес, экономические интерес, онтология и гносеология экономических интересов.*

Динамика современной экономической жизни выражается не только в достижении определенных показателей экономического развития, но и в ускоренном темпе модернизации отраслей народного хозяйства. Разнонаправленность интересов субъектов в этих условиях часто приводит к явной или скрытой конфликтности, нерациональным издержкам, что суммарно выражается в виде снижения эффективности экономического развития. Объективный характер этих процессов ставит перед экономической наукой ряд новых теоретических и практических задач. Одной из них является выявление генезиса характеристики экономических интересов, поскольку, несмотря на богатое историческое наследие в данной проблеме [2; 4; 8], в настоящее время в науке не сформирован единый подход к определению сущности и природы экономических интересов. При наличии значительного количества работ, связанных с анализом различных аспектов экономических интересов, остается ряд спорных, а, следовательно, недостаточно исследованных теоретических вопросов. Среди них: историческая, гносеологическая и онтологическая природа экономического интереса; факторы, его определяющие; формы и условия реализации интересов в современных условиях; роль и место интересов в экономической системе общества; закономерности формирования, функционирования и развития системы экономических интересов; тенденции ее трансформации.

Отметим, что к определению сущности экономических интересов необходимо подходить, отталкиваясь от первопричины экономической деятельности субъекта экономических отношений, иначе говоря, от его главной объективной цели. Большинство учёных объясняют сущность категории «экономический интерес» двумя основными положениями. Во-первых, интересы отражают направленность субъектов на «самоутверждение», т.е. на сохранение или улучшение их собственного социально-экономического положения, достигаемого, в свою очередь, посредством оптимального удовлетворения потребностей. Во-вторых, интересы не-

© Скворцов А.Ю., 2013

посредственно обусловлены положением их носителей в системе социально-экономических отношений [6]. То есть, можно отметить многоплановость понятий «интерес» и «экономический интерес».

Обратимся к анализу исторической ретроспективы. Попытки классификации интересов можно встретить в работах К. Гельвеция [4]. В основе его подхода лежали отношения между человеком и высшим разумом. Он указывает, что если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса. На земле интерес есть всесильный волшебник, изменяющий в глазах всех существ вид всякого предмета. Исследования К. Гельвеция позволили ему вплотную подойти к мысли теснейшей взаимосвязи интересов личности и общественного производства, но уровень развития производительных сил общества в то время объективно не позволил ему сделать такое обобщение.

В конце XVIII века произошел качественный скачок в развитии общественного производства, что вызвало необходимость поднять теоретические проблемы, связанные с экономическими интересами, на новый уровень. Основатель классической экономической школы Адам Смит, рассматривая интересы через призму разделения труда и возникающей при этом необходимости обмена товарами, пришел к мысли, что в основе процесса производства товаров и их обмена лежат интересы людей: «...Ни один индивид <...> не будет думать об общественных интересах... Он будет стремиться лишь к своей личной выгоде, и в этом случае, как и во многих других, им будет руководить невидимая рука, которая приводит его к цели, не имеющей ничего общего с его намерениями» [8]. Однако взаимосвязь интересов с общественными отношениями А. Смиту раскрыть не удалось, прежде всего, потому, что он не рассматривал эту взаимосвязь с позиций общественного производства.

Определенную роль в развитии теории экономического интереса сыграл представитель классической немецкой философии Гегель [2], обосновавший несводимость интереса к естественной природе человека, то есть, люди добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не осознавалось ими и не входило в их намерения. В силу своего мировоззрения Гегель напрямую связывал интересы с мировым разумом, абсолютной идеей.

Долгое время вышеуказанные положения являлись основополагающими при определении сущности экономических интересов, как в отечественной, так и в зарубежной экономической мысли. В современных исследованиях не угасает внимание к анализу экономических интересов. Так, например, академик Л.И. Абалкин отмечает: «Недостаточное исследование механизма использования экономических законов в значительной мере связано с недооценкой экономической наукой проблемы интересов. Наши знания о них не проникают далее обыденных представлений, нам не известны в полной мере ни их структура, ни их соподчиненность» [1]. Это написано более тридцати лет назад, но положение с тех пор мало изменилось, проблема осталась. Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время проблема выявления сущности и характеристики экономических интересов выходит на качественно более высокий уровень.

Следует отметить, что представители костромской экономической школы неоднократно обращались к теме экономических интересов.

К примеру, профессор В.В. Чекмарёв отмечает, что экономические интересы как форма представления потребностей давно уже стали в анализе самодовлеющими. Большинство исследователей уже вообще не обращаются к рассмотрению потребностей человека во всем их разнообразии и не исследуют связь мотивации поведения с самим экономическим поведением [11]. Особо отметим, что проблему экономических интересов В.В. Чекмарев активно исследовал, начиная с 80-х годов XX века [10].

М.И. Скаржинский отмечал, что в системе экономических интересов, наряду с интересами государства и отдельных индивидов, возрастает сила интересов отдельных фирм. Их удовлетворение в перспективе должно привести к поддерживаемой экономической политикой государства заинтересованности фирм в создании собственных систем обучения и подготовки специалистов для своего производства [7, с. 626].

Таким образом, костромская научная школа вложила определенный вклад в разработку теории экономических интересов: научная школа В.В. Чекмарёва предлагает обращать особое внимание на экономические интересы в аргументации мотивации поведения; научная школа М.И. Скаржинского предлагает рассматривать экономические интересы не в статичном состоянии, а определяя их динамику.

Отметим, что в настоящее время во всей полноте стоит вопрос практического использования знаний, связанных с природой экономических интересов и их воздействием на общественное производство в реальной хозяйственной деятельности с целью повышения ее эффективности. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы, связанные с необходимостью измерения степени согласованности экономических интересов, их влияния на процессы, происходящие в хозяйственной системе. Отметим ряд категорий, лежащих в основе методологии вопроса согласованности экономических интересов и закреплённых в энциклопедической литературе [9]. Под интересом (от лат. interesse – иметь важное значение) будем понимать форму проявления потребности, осознанное стремление человека к ее удовлетворению. Экономичес-

кие интересы предлагается определить как осознанное стремление хозяйствующих субъектов к удовлетворению экономических потребностей, являющееся объективным побудительным мотивом их хозяйственной деятельности. По своей сущности экономические интересы объективны. Они отражают место и роль хозяйствующих субъектов в системе общественного разделения труда и экономических отношений. Вместе с тем экономические интересы являются субъективными и всегда имеют своих носителей – отдельных индивидов, домохозяйства, коллективы (группы) людей, общество в целом. При таком методологическом подходе объектами экономических интересов выступают экономические блага (вещественные товары, услуги, информация и т. п.).

Неоднозначна и классификационная составляющая экономических интересов. Разнообразие экономических потребностей порождает разнообразие экономических интересов, образующих сложную и динамическую систему, многомерную в фазах воспроизводства, в пространстве и времени, в статике и динамике. При изучении вопросов практической реализации согласования экономических интересов предлагается классификация, представленная П.А. Канапухиным: экономические интересы общества могут быть классифицированы по разным критериям, а именно: по субъектам: (личные; коллективные, групповые; общественные), по насущности, важности: (главные, первоочередные; второстепенные), по временным признакам: (текущие; перспективные), по объектам: (имущественные; финансовые; интеллектуальные и т. п.), по степени осознания: (действительные; кажущиеся, мнимые), в зависимости от возможностей реализации: (реальные; утопические), по территориальному признаку выделяют такие экономические интересы: (муниципальные; региональные; национальные; объединения государств; общечеловеческие (глобальные)) [5].

В качестве выводов представим собственные суждения о рассматриваемой проблеме. Во-первых, онтологическая и гносеологическая трактовка экономических интересов последовательно развивалась на основе практически всех концептуальных направлений экономической и философской мысли, начиная с античных времен. При этом общим моментом для всех этих направлений можно считать лишь обобщенное видение интересов как важнейшей детерминанты, экономического поведения тех или иных субъектов хозяйствования. Во- вторых, преобладающим является подход, тесно увязывающий экономические интересы и потребности их носителя. Во всём остальном взгляды сторонников различных концепций существенно расходятся. В-третьих, важнейшей методологической проблемой в теории интересов является вопрос об их гносеологической природе. В-четвёртых, в основании противоречивости интересов лежит весь спектр противоречий, свойственных экономическим отношениям, которые персонифицируются и проявляются именно на уровне системы интересов тех или иных субъектов. Причины и виды противоречий экономических интересов различны и многочисленны, однако все они произрастают из общей предпосылки – стремления каждого субъекта к самоутверждению в условиях ограниченности ресурсов.

Библиографический список

1. *Абалкин Л.И.* Избранные труды в 4 томах. Т. 1. Политическая экономия. Политическая экономия и экономическая политика. – М., 2006. – 800 с.

2. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. – СПб.: Наука, 2005. – 800 с.

3. *Гельвановский М.* Россия на пути к нормальной хозяйственной системе // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 56.

4. *Гельвеций К.А.* О человеке. Соч. в 2-х тт. Т. 2. // Сер. Философское наследие. – М.: Мысль, 1772. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3626809

5. *Канапухин П.А.* Проблемы современной экономики // Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2008. – № 3 (27). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.m-economy.ru

6. *Лисов В.И.* Формирование крупных интегрированных структур в российской экономике.– М.: МГУ, 2008. – 385 с.

7. *Скаржинский М.И.* Избранные труды. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – 752 с.

8. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

9. Современный экономический словарь. – М.: Инфра-М, 2010. – 512 с.

10. *Чекмарев В.В.* Роль экономических интересов производственного коллектива в совершенствовании формирования и использования его трудового потенциала: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – Ярославль, 1989. – 16 с.

11. *Чекмарев В.В.* Экономические интересы: политэкономический и пространственный подходы анализа // Актуальные проблемы современного хозяйственного развития: воспроизводственный аспект: сб. науч. тр. под ред. Б.Д. Бабаева. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – С. 82–100.

УДК 331.341

Сухинин Игорь Васильевич
кандидат экономических наук доцент
Государственный университет управления, Москва
ieguu@mail.ru

ЛОГИКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ

Представленные в статье аспекты понятий профессионального кластера и профессии могут послужить методологическими критериями профессиональной социальной кластеризации в экономике, проявляющейся в развитии профессиональных сообществ (профессий) и профессиональной структуры экономики, охватывающей совокупность социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: *социально-трудовые отношения, профессия, профессиональная структура, профессиональное сообщество, социальный кластер, профессиональный кластер.*

В рамках традиционных трактовок социально-трудовых отношений особое место занимает, во-первых, трактовка того, что это отношения, в первую очередь, по распределению и выполнению профессиональных, в том числе руководящих и исполнительных функций в производственном, трудовом процессе (автор ранее как раз и рассматривал социально-трудовые отношения с позиций данного подхода [9; 10]). Во-вторых, что это отношения по регулированию условий труда, определяющих качество трудовой жизни (данная позиция также ранее получила отражение у автора [8]). При этом условия труда складываются не только из совокупности факторов трудового процесса и окружающей производственной среды, но и определенной социальной среды.

Социально-трудовые отношения необходимо рассматривать, помимо традиционных трактовок, как отношения между экономическими агентами как представителями разных социальных групп с определенными социальными диспозициями и ролями. Эти отношения проявляются в профессиональных структурах экономики и соответственно в таких социальных группах как профессиональные сообщества (профессии), образующие профессиональные «социальные кластеры» (данное понятие не так давно получило свое развитие у В. Макарова). В этих отношениях (если их методологически отделить от категории «трудовых отношений») появляется третья сторона, осуществляющая регулирование и социальный контроль. Так, в условиях перехода к постиндустриальной экономике, традиционные двухсторонние трудовые отношения сменяются многосторонними отношениями в силу расширения практики заключения атипичных трудовых контрактов и атипичных форм занятости.

Зарождение институтов социально-трудовых отношений в европейской истории неразрывно связано с развитием цеховой системы, окончательно отделившей промышленность (ремесла) от земледелия, города от деревень. Средневековые цехи постепенно эволюционировали в корпорации, тред-юнионы, профессиональные союзы, ассоциации, объединения. Особую роль в постиндустриальной экономике будут играть самоуправляемые, в том числе «сетевые» профессиональные ассоциации, имеющие исторические корни в цеховой системе и отражающие эволюционный процесс не только институционализации и социализации социально-трудовых отношений, но и «корпоратизации труда». Поэтому логика развития социально-трудовых отношений в экономике заключается в их расширяющейся институционализации, социализации, корпоратизации.

Процесс социализации социально-трудовых отношений нашел отражение и в современном российском Трудовом кодексе, в котором упоминаются оба понятия. Но если трактовке трудовых отношений уделяется ст. 15 ТК РФ; то при упоминании социально-трудовых отношений в ряде статей кодекса их трактовка в тексте закона отсутствует.

Если вернуться к понятию профессии, то можно отметить, что в целом профессия выступает одним из основных стратификационных и сегментирующих факторов на рынке труда, определяющих социальный статус индивида и социальных групп и принадлежность их к конкретным профессиональным сообществам. Разделение труда приводит не только к появлению специализированных видов деятельности, структурируя их в зависимости от сфер общественного производства, но и располагает их в определенной иерархии внутри этой структуры. Те или иные профессии имеют свой достаточно определенный статус, закрепляемый конкретными социальными механизмами.

Содержание понятия «профессия» в современной экономике достаточно многогранно. Интересно отметить, что термин «профессия» трактовался Э. Дюркгеймом [3] в свое время как «корпорация», а М. Вебер, рассуждая о значениях термина социальная «функция», в одном из них рассматривал его фактически эквивалентом термина «профессия». Так, по Веберу, профессия есть «способ специализации, точного определения и сочетания функций индивида в той мере, в какой он представляет для него основу постоянной возможности заработка или прибыли». Как отмечает Р.Мертон, таково частое и на самом деле почти типичное употребление термина некоторыми экономистами, называющими «функциональным анализом группы»

© Сухинин И.В., 2013

сообщение о распределении профессий в этой группе [6].

Традиционно считается, что профессия – это вид трудовой деятельности и занятий человека, имеющий свои отличия в зависимости от их специфики и выполняемых работником функций. Во всех случаях профессия отражает род деятельности человека, требующей от него определенной подготовки, и одновременно представляет собой важный источник существования и развития. Поэтому профессия является одновременно характеристикой работника, процесса труда, рабочего места.

В технологическом аспекте профессия выступает набором определенных компетенций (знаний, умений, навыков, опыта, квалификации) работников и передаваемых технологий. При этом профессия является формой выражения человеческого капитала и продуктом интеллектуального воспроизводства.

Заметим, что компетентностный подход в управлении и образовании, считаемый сегодня новым, хотя это не совсем так (еще в 60-е гг. советские политэкономы критиковали так называемый «психологический профиль» профессии [1]), раскрывает также психологический аспект профессии. В данном аспекте профессия близка к таким понятиям, как призвание и самореализация (самоактуализация).

В экономическом аспекте профессия является специфической формой конкретного труда (в отличие от абстрактного труда, труда вообще), создающего потребительные стоимости. В данном случае категория «конкретного труда» из марксистской политэкономии близка, хотя методологически и некорректно их объединять, к категории «человеческого капитала» из неоклассической экономики (так же, как близки понятия «абстрактного труда» у Маркса и «чистого труда» у неоклассиков [8]). При этом профессия выступает как продукт, так и фактор общественного, профессионального разделения труда.

В институциональном аспекте любая профессия выступает как своеобразный институт, включающий в себя как профессиональные нормы поведения, отражающиеся нормами профессиональной этики, так и профессиональные структуры, выражающиеся в профессиональных сообществах, союзах, ассоциациях.

Профессия как социальный институт представляет собой систему внешних и внутренних связей, включающих антропологические, профессиональные и социальные компоненты, образующую статусно-ролевую подструктуру общества и направленную на удовлетворение общественных и личностных потребностей в социализации и гуманизации обучающегося [2]. Институт профессии обеспечивает воспроизводство единства профессиональных интересов, ценностных ориентаций, образцов поведения (профессиональной культуры) и всего образа жизни, присущих определенной профессиональной общности.

Любой специализированный вид деятельности для приобретения статуса профессии проходит процесс институционализации, который предполагает [7] наличие общественной потребности в специализации деятельности; формирование специальных требований, норм и стандартов; определение характера специальных способностей, знаний и навыков индивидов; появление методов и способов определения таких способностей и обучения специальным профессиональным знаниям, приемам и навыкам; выделение определенных профессиональных интересов, ценностей, норм, стилей и образцов поведения, профессиональных ролей, способствующих сплочению людей по признаку принадлежности к данной профессии и конкретной профессиональной общности; появление особых профессиональных организаций для защиты этих интересов и т.д. Завершение процесса институционализации профессии выражается в формировании профессиональных сообществ.

Таким образом, воспроизводство единства профессиональных интересов, ценностных ориентации, образцов поведения и всего образа жизни, присущих данной общности, обеспечивается институтом профессии. В целом, развитие профессий ведет к дальнейшей профессионализации общества и является важным фактором институционализации общества.

Отметим, что профессиональные ассоциации и союзы имеют общее происхождение – средневековые цехи, которые эволюционизировали в современные ассоциации и профсоюзы (тред-юнионы). Поэтому у них имеется общая черта: объединение своих членов по профессиональному признаку в целях их защиты и взаимодействия. Но если профсоюзы в основном занимаются вопросами контроля за выполнением условий трудовых контрактов наемных работников, то ассоциации, кроме защиты интересов своих членов, способствуют применению их навыков в профессиональной деятельности, а также выполняют роль фильтров между образовательными учреждениями и предприятиями в целях недопуска в свои ряды, а, следовательно, к профессиональной деятельности, нежелательных им по ряду причин социальных субъектов.

В социальном аспекте профессия, на наш взгляд, выступает одной из форм социального капитала и является, как ресурсом, так и продуктом социального воспроизводства. Вместе с тем, в данном аспекте профессия является важным фактором социальной стратификации и социальной мобильности общества.

Как и иные формы социального капитала, профессия в себя включает: профессиональные сети; профессиональные роли, титулы, статусы; отноше-

ния между представителями профессий как неких социальных ролей; институты как нормы поведения представителей различных профессий (профессиональных общностей) согласно социальной структуре и месту в ее иерархии; определенный совокупный образ жизни человека, диктуемый нормами профессиональной этики, включая стандарты заработка, отдыха, общения, и даже личного потребления; производственную и бытовую среду обитания.

Профессия выступает как один из основных стратификационных факторов, регулирующих отношения равенства-неравенства в обществе и определяющих социальный статус индивида и социальных групп и принадлежность их к конкретным профессиональным общностям. Разделение труда приводит не только к появлению специализированных видов деятельности, структурируя их в зависимости от сфер общественного производства, но и располагает их в определенной иерархии внутри этой структуры. Следовательно, профессии по своей природе не только дифференцированы, но и иерархичны по отношению друг к другу. Но иерархия профессий определяется не одними только требованиями производственно-технологического разделения труда, но и спецификой конкретного общества, традициями и стереотипами общественного сознания и т.п. Те или иные профессии имеют свой достаточно определенный статус, который закрепляется конкретными социальными механизмами (престиж, оплата труда, социальные гарантии, режим деятельности и т.д.). В силу этого выбор типа профессиональной деятельности определяет в значительной степени социальный статус индивида. Другая причина, превращающая дифференцированность профессий в стратификационный фактор, заключается в неравенстве способностей и возможностей людей. Кроме того, любая профессиональная деятельность основывается на определенном уровне профессионального мастерства и квалификации, что связано с характеристиками образования и процесса обучения.

В образовательном аспекте профессия является продуктом (критерием) системы образования, в том числе профессионального образования и воспитания. Поэтому профессия выступает одним из главных факторов подготовки и переподготовки кадров для отраслей народного хозяйства, в том числе, промышленности (здесь профессию и профессионализацию кадров можно рассматривать в качестве элемента промышленной политики).

С одной стороны, возникновение и развитие профессий и профессиональных общностей есть результат влияния целой совокупности факторов, среди которых особая роль принадлежит системе образования, прежде всего, профессионального образования, обеспечивающего подготовку профессионалов разного уровня квалификации, воспроизводство профессиональных кадров, без развития которых невозможна институционализация новых, сложных видов профессиональной деятельности. С другой стороны, само выделение профессионального образования в особый институт общества, а также тенденции его эволюции определяются потребностями, формирующимися под влиянием института профессии.

В историческом аспекте развитие профессий отражает эволюцию профессионального разделения труда. При этом в новой, постиндустриальной экономике (согласно «благоприятному сценарию», по выражению Дж. Ходжсона [12]) количество профессий неуклонно растет (сегодня их насчитывают в мире около 100 тыс. [11]). Отсюда неслучайно появление сегодня нового направления в науке – исторического профессиоведения, работы исследователей по составлению и развитию Международного исторического стандарта классификации профессий (HISCO) [4].

Таким образом, сегодня профессия представляется многоаспектным явлением и понятием, выходящим за рамки экономической науки, и является важнейшим атрибутом современного человека. Именно в профессии (в ремесле, в профессиональной общности, в профессиональной среде, профессиональном кластере) развивается и социализируется человек, реализует себя, творит историю и себя, находит поддержку и общение, выполняет свое предназначение для общества.

Подчеркнем, что для защиты прав работников, для подлинного социального равноправия, в целях социального контроля, необходимы третьи стороны, в том числе, государственные органы власти и объединения традиционных профессиональных союзов. Работник, подписывая договор, должен представлять определенную социальную организацию, социальную общность. Именно так будет реализована идея классика об обществе будущего – ассоциации свободных производителей.

Вместе с тем, представленные выше аспекты (пространства) понятия профессии и профессионального кластера могут в операциональном плане послужить теоретической базой и методологическими критериями профессиональной социальной кластеризации в экономике, проявляющейся в развитии профессиональных сообществ (профессий) и профессиональной структуры экономики, охватывающей совокупность социально-трудовых отношений.

Библиографический список

1. *Белкин В.Б.* Проблемы профессионального разделения труда и подготовка рабочих кадров в СССР: Автореф. дис. … д-ра экон. наук. – М., 1967.

2. *Введенский В.Н.* Развитие педагогической профессии как социального института: Автореф. дис. … д-ра пед. наук / РАО; ГНУ «Институт образования взрослых». – СПб., 2005.

3. *Дюркгейм Э.* Общественное разделение труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 590с.

4. Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа: сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леувена. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2008. – 256 с.

5. *Макаров В.Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. – М.: Бизнес Атлас, 2010. – 272 с.

6. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. – М.: Хранитель, 2006. – 880 с

7. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. – М.: Аспект-пресс, 1996. – С. 209–218.

8. *Сухинин И.В.* Историко-институциональный анализ социально-трудовых отношений в экономике. – М.: Государственный университет управления, 2011. – 299 с.

9. *Сухинин И.В.* Профессиональные структуры экономики // Вестник Государственного университета управления. – 2011. – № 3. – С. 101–108.

10. *Сухинин И.В.* Узловые проблемы общей экономической теории. Часть 2: Учебное пособие. – М.: Государственный университет управления, 2003. – 165 с.

11. *Сухомлин В.* Крутой уровнемер. Об итогах реформы высшей школы // Отечественные записки. – 2010. – № 17 (215), 2 сентября. – С. 7–8.

12. *Ходжсон Дж.* Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. – 2001. – № 8. – С. 21–35.

УДК 338 (47)

Чарушина Елена Ивановна
кандидат педагогических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vasilisa97@rambler.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОРОДОВ

В статье на конкретных примерах регионального маркетинга рассмотрены основные подходы к формированию имиджа городов.

Ключевые слова: *имидж, регион, брендинг территории, позиционирование города, региональный маркетинг.*

Регион как предмет изучения попал в поле зрения имиджеологии сравнительно недавно, однако сама по себе задача формирования имиджа региона далеко не новая. Ещё в советское время сформировались устойчивые стереотипы: Ростов – «ворота Кавказа», Урал – «опорный край державы», а ещё раньше Москва – «Третий Рим». Таким образом, идея сама по себе не новая, но именно сегодняшнее время делает её крайне актуальной, поскольку на современном этапе социально-экономического развития российских регионов одной из важнейших задач является управление конкурентоспособностью территории на основе реализации механизма регионального маркетинга. Под механизмом регионального маркетинга понимают упорядоченную последовательность, взаимную согласованность и обоснованность процедур, связанных с решением любой проблемы региона. Основным содержанием политики регионального маркетинга в рамках цикла являются правильное и оптимальное продвижение региона во внешней среде, его адекватное позиционирование среди других регионов, занятие им своей ниши для избежания конкуренции. В качестве основного средства такой политики выступает брендинг территории. Формирование бренда территории и управление его продвижением – это приоритетная задача экономического, социального и политического развития региона. Именно успешность бренда региона влияет на обеспечение устойчивого и привлекательного имиджа территории [4, с. 110].

Образ региона создают в большей мере его центральные города, поэтому речь идет именно об имидже городов. В России имиджем городов занимаются чрезвычайно мало. Отсюда их безликость и мнение о том, что представляют собой российские города довольно туманно и практически не сформировано. Имидж города можно представить как психологически формируемый его образ, ориентированный на определенные целевые группы. Исходя из теории виртуальных понятий, разработанной известным российским пиарщиком А. Вуйма, можно констатировать, что «имидж» тоже является виртуальным понятием. он не существует за пределами человеческого сознания, ибо не может быть опознан каким-либо органом человеческого восприятии [2, с. 35]. Чаще всего, это комплекс ассоциативных представлений, соотносимый индивидом с регионом (городом). Он близок к понятию социальный стереотип, но возникновение стереотипов, как правило, стихийно, главная же особенность имиджа – управляемость [5, с. 93].

Образ города может иметь как положительную, так и отрицательную окраску, либо вообще не иметь никакой, вследствие отсутствия какой-либо информации у целевых групп. Образ города формируется как целенаправленно, так и стихийно. В первом случае имидж всегда получается позитивным, так как в процессе конструирования имиджа создается идеальная модель, отражающая достоинства города, а отрицательные стереотипы нейтрализуются или делаются менее заметными. А вот во втором

© Чарушина Е.И., 2013

случае имидж может получиться какой угодно, в том числе и негативный. Однако при создании имиджа города нельзя не учитывать имеющийся имидж региона, так как новый образ должен коррелировать с сложившимся образом, иначе ожидания целевых групп не оправдаются, а это может навредить контактам. Имидж должен быть адекватным, оригинальным и отличаться от других образов. Он не должен устаревать, выходить из моды, но при этом должен не быть статичным, способным изменяясь, быть неизменным.

По мнению А. Панкрухина, имидж территории – это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта людей и слухов, влияющих на создание определенного образа [6, с. 130]. Таким образом, основой для формирования имиджа города является его территориальная индивидуальность. В мировой и даже отечественной практике уже есть много довольно успешных примеров формирования имиджа городов. Проанализировав данный опыт, можно условно выделить несколько направлений, в рамках которых формируется имидж города.

Первое направление связано с формированием имиджа, основанного на географическом расположении или особенностях самой территории. Например: Екатеринбург – ворота в Сибирь. Миссия города заключается в трансформации из исторически сложившегося индустриального города в современный многофункциональный центр с элементами мирового города, ядром которого станет научно-производственно-финансово-многофункциональный комплекс, способный интегрировать Екатеринбург в глобальную экономику и создать комфортную среду обитания для его жителей. Петрозаводск позиционирует себя как город, который объединяет Запад, русский Север и «столицы» РФ. Историческая миссия заключается в том, что из Петрозаводска издревле открывались пути на север России.

Второе направление черпает идеи имиджа в самом названии города. 14 июля 2012 года в небольшом городке Добрянка в Пермском крае с успехом прошла презентация бренда «Добрянка – столица доброты». Основная маркетинговая идея Мышкина также заимствована из его названия. В городе сначала был создан музей Мыши, а впоследствии горожане провозгласили свой город «Мировой столицей Мыши». Туристическая привлекательность города за 2–3 года выросла в несколько раз. Имиджевая концепция Амстердама основывается на обыгрывании в своем слогане английской грамматической конструкции I AM – «Я есть». Емкое и глубокое выражение указывает на то, что Амстердам – это люди, которые в нем есть.

Следующее направление для построения имиджа традиционно использует достопримечательности. Примером может служить город Рим. Сегодня, будучи символом древней империи и современной республики, Рим сочетает в себе величие прошедших тысячелетий и романтику современности. Это город шикарных ресторанов на просторных площадях и тенистых летних кафе на тесных и узких улочках старинных кварталов. В городе сохранились средневековые фонтаны и античные развалины. Или, например, Великий Устюг удачно использует идею резиденции Деда Мороза, благодаря чему в зимний сезон приток туристов в город быстро растет. Город Епифань, расположенный в тульской области вблизи от места Куликовской битвы, превращен в музей-заповедник «Куликово поле». В нем все подчинено воссозданию исторического образа, начиная от воспроизведения обстановки и обычаев до создания специфических проектов для местного населения и эксклюзивных проектов.

Есть города, которые не боятся использовать религиозные мотивы для позиционирования. Традиционно эту идею использует Ватикан, но не только. Казань представляется как неформальная столица тюркской и исламской цивилизации России, «межконфессиональный центр» и «российская Мекка». Сергиев Посад издавна считался духовным центром монашества.

Следующее направление можно охарактеризовать как «место отдыха». Здесь можно привести очень много примеров, причем зачастую бывает, что сами туристы начинают продвигать регион в этом направлении. Например, стратегия позиционирования Краснодарского края. По ряду объективных причин россияне в 90-е годы перестали рассматривать курорты этого региона как привлекательное место для отдыха. Но благодаря правильной рекламной кампании, региональной политике властей, направленной на повышение уровня сервиса, регулированию цен, строительство объектов туристического отдыха, Краснодарский край превратился в место круглогодичного отдыха россиян. Исключительные возможности и уникальные ресурсы Краснодарского края активно пропагандируются и разъясняются на международных туристических выставках. Правительство Туниса, заботясь о благосостоянии своих граждан, которое в значительной мере зависит от притока в страну иностранных туристов, организует во всех странах мира рекламную кампанию, ежегодный бюджет которой составляет 100 млн. долл. (Россия тратит в 100 раз меньше). В данной рекламе Тунис позиционируется как уникальное место для отдыха для туризма.

Регионы могут использовать в создании имиджа и событийный маркетинг, привлекая к себе яркими, повторяющимися событиями. Кэнтон – маленький городок, в котором живет чуть больше десяти тысяч человек, он находится в одном из самых отсталых в экономическом развитии штатов. Не имея внутренних источников развития, городские власти сдела-

ли ставку на привлечение ресурсов извне. В графстве дважды в год проходит фестиваль воздушных шаров, ежегодно организуется ярмарка ремесел. На эти мероприятия приезжают до двадцати тысяч человек, которые пользуются отелями, ресторанами и др. Таким же ярким примером может служить ежегодный карнавал в Рио-де-Жанейро.

Отличным основанием для создания имиджа города служит инвестиционная привлекательность места. Кембридж позиционирует себя как рай для предпринимателей. В регионе расположены несколько венчурных фондов и существует активное сотрудничество между частными фирмами и городскими чиновниками Кембриджа. Французский Лилль, благодаря инвестициям в 5,3 млрд. франков, позиционирует себя как «место, которое предлагает первоклассные условия для работы, связей и дистрибуции компаниям, нуждающимся в быстром доступе к рынкам северной части Европы». Немецкая земля Саар представляет в своем маркетинге административную эффективность: «В отличие от других немецких земель у нас нет прослойки чиновничества между общественностью и правительством земли. Это является залогом того, что деловая инициатива не увязнет в бюрократическом болоте». Коммерческая инфраструктура представляет собой важное ценностное предложение.

Некоторые города могут позволить себе позиционирование, основанное на особой уникальности, неповторимости. Например, Венеция – необычный город нашей планеты, где нет вообще никакого колесного транспорта, включая велосипеды. Город на воде – именно эта уникальная особенность отличает Венецию от всех известных городов мира, делает его необычным, неповторимым, особенным.

Таким образом, в мире уже накоплен большой опыт реализации стратегий формирования имиджа городов. Рассмотренные направления не исчерпывают всего многообразия идей для позиционирования регионов, но являются наиболее типичными. Каждый из примеров отличается своей спецификой в зависимости от целей и задач регионов. В результате непременно повышается привлекательность территории, как для проживания, так и для реализации деятельности коммерческого характера. В любом случае, алгоритм формирования имиджа города имеет сходные черты. Территориальный маркетинг всегда начинается с расширения информированности о регионе и предполагает финансовые затраты. Поэтому во многом результаты будут зависеть от качества рекламно-информационных материалов, от яркости и запоминаемости публичных мероприятий, регулярности маркетинговых усилий, а также готовности властей региона выделять средства из бюджета на эти цели.

Библиографический список

1. *Визгалов Д.* Маркетинг мест [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slon.ru/blogs/vizgalov/post/

2. *Вуйма А.Ю.* Черный PR Защита и нападение в бизнесе и не только. –СПб.: БХВ-Петербург, 2005. – 256 с.

4. *Ергунова О.Т.* Механизм влияния маркетинга на региональную экономику // Регионология. – 2010. – №4. – С. 107–110.

5. *Лапаев С.П.* Использование регионального маркетинга для повышения конкурентоспособности Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2003. –№4. – С. 93–95.

6. *Панкрухин А.П.* Маркетинг территорий. – СПб.: Питер, 2006. – 416 с.

7. Примеры активного маркетинга регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.municipal-sd.ru

8. Региональный маркетинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.granders.ru

УДК 338.24

Чекмарев Владимир Васильевич
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ: СТРУКТУРА ПРОБЛЕМЫ

В статье изложена авторская позиция взаимообусловленности процессов обеспечения экономической безопасности и экономической защищенности сферы образования в контексте двух взаимодополняющих тенденций формирования продукта, создающегося в названной сфере.

Ключевые слова: *экономическая безопасность сферы образования, экономическая защищенность сферы образования, продукт сферы высшего образования.*

В настоящей публикации решается задача осуществления структурирования проблемы взаимообусловленности процессов обеспечения экономической безопасности и экономической защищенности сферы образования. Логика изложения суждений предполагает исследование объекта защиты, в качестве которого выступает сфера образования, с позиции продукта ее производства, а также формулирование содержания понятий экономической безопасности (ЭБ) и экономической защищенности (ЭЗ) процесса создания продукта.

Теоретической базой нашего исследования явились взгляды авторов, изложенные в работах [3; 4; 7; 9; 14; 19; 46; 47;49; 59].

Методологический анализ обеспечивается использованием принципа традиционализма, торпедированием принципа прагматизма как все возрастающего материализма, и методами эволюционной теории.

Начнем свой анализ с изложения суждений по поводу продукта сферы высшего образования (СВО). Необходимость идентификации продукта СВО в контексте цели нашего исследования вызвана тем, что долгое время считалось, что вузы готовят специалистов. После того как непродуктивность таких взглядов стала очевидна, продуктом вузов стали называть образовательные услуги. Эти взгляды и поныне являются превалирующими среди экономистов-исследователей сферы образования. В обиход прочно вошла соответствующая терминология – образовательная услуга, рынок образовательных услуг, спрос и предложение на рынке образовательных услуг и т.п. [55]. Можно с большой долей уверенности утверждать, что это положение дел явилось следствием проникновения рыночного фундаментализма в сферу производства чистых общественных благ, некоей данью историческому процессу перехода от экономического материализма к социализации общественного производства. Здесь под экономическим материализмом мы понимаем идеологическую платформу, формировавшуюся в СВО в советский период, а под социализацией – процесс приспособления к так называемой рыночной экономике.

Однако сегодня появляется осознание понимания необходимости определения в качестве продукта СВО чего-то иного, чем специалист или образовательные услуги. Для нашего исследования это обстоятельство анализа взаимообусловленности ЭБ и ЭЗ.

Обоснуем свой взгляд на продукт СВО основываясь на взглядах, изложенных в работах [6; 13; 24; 28; 32; 38; 39; 42; 43; 54; 56].

Существующие оголтелые призывы превращения СВО в служанку рынка труда являются фундаментом явления, называемого социологами вещизмом [22]. Прагматический принцип формирования в СВО «винтика» общественного производства является, по сути, источником отрицания ценности человеческой жизни. И механизмы реализации «винтицизма» имеют изощренные превращенные формы типа ЕГЭ, тестирования и т.п. Эти механизмы ведут к атрофии интеллектуальных способностей. И здесь среди вопросов, традиционно присущих сфере образования – кого учить, кому учить, как учить – доминирующим для идентификации продукта СВО является вопрос «чему учить». Учить запоминанию имеющихся знаний или учить учиться? Наличие способностей усваивать готовые знания не есть наличие способностей развиваться. Но ведь источником инновационной деятельности способности использовать готовые знания быть не могут [37]. Это достаточно тривиальное утверждение и позиции ряда известных ученых позволяет нам определить в качестве продукта СВО формирование *интеллектуальной интуиции*.

«Интеллектуальная интуиция сверх-рассудочна, супер-рациональна» (Рене Геннон). Но почитатели «homo economicus», не зная в науке о мышлении никаких более высоких категорий, чем рассудок, рацио, даже, вероятно, не подозревают о существовании интеллектуальной интуиции [17; 18]. А ведь только она (наука о мышлении) рождает такой метод инновационной деятельности как фульгурация (озарение, вспышка молнии). Рационализм, формирующийся с помощью принципа прагматизма, есть явление, тесно связанное с индивидуализмом, отрицающим любые ценности сверх-индивидуального порядка [60]. Но ведь образование – это не

© Чекмарев В.В., 2013

просто общественное благо, это публичное благо [36; 44].

Итак, под *продуктом СВО следует понимать интеллектуальную интуицию, неизменную и непреходящую в самой себе и служащую отправной точкой для всякого действия, рождающего инновационную деятельность*.

Определив наше понимание продукта СВО, перейдем к формулированию содержания понятий ЭБ и ЭЗ.

Понятие экономической безопасности [16; 25; 26; 33; 45;58] имеет ряд черт, присущих в целом безопасности как универсальной категории природы и общества. По мнению В. Тамбовцева [49], потребность в безопасности, в защите от нежелательных внешних воздействий и внутренних изменений на жизнь отдельного человека, семьи, их имущества, различных объединенных людей, общества и государства относится к типу базовых, основополагающих потребностей.

Будем называть безопасностью такое состояние субъекта, которое означает, что вероятность нежелательного изменения каких-нибудь качеств субъекта, параметров принадлежащего ему имущества и затрагивающей его внешней среды невелика (меньше определенного предела). В зависимости от того, какое сочетание параметров жизнедеятельности субъекта является для него нежелательным, меняется и конкретное наполнение понятия «нежелательные изменения». В общем случае к таким изменениям относятся те, которые отдаляют субъект хозяйствования от его желаемого состояния.

Отражение ситуации с безопасностью в сознании субъекта определяет его оценки собственной безопасности. Очевидно, что последние могут существенно отличаться от объективных в зависимости от полноты и глубины знаний о ситуации, о формах и силе влияния изменений на состояние и т.п.

Оценки безопасности, которыми располагает субъект хозяйствования, т.е. его знания, полученные им либо самостоятельно на основе опыта и интуиции, либо специально вырабатываемые путем проведения специальных исследований ситуации, в том числе, с помощью специалистов, определяют его чувство безопасности (опасности). В свою очередь чувство безопасности или побуждает субъекта к поиску путей повышения безопасности, достижения ее приемлемого уровня, или позволяет переключить его активность и ресурсы на иные цели, если оценки безопасности велики, т.е. уровень опасности или тревоги низок.

Как общее понятие безопасность может быть конкретизирована, по меньшей мере, в трех аспектах: по типам хозяйственных субъектов, по сферам их жизнедеятельности, по конкретным предметам безопасности, т.е. по составным частям соответствующих сфер деятельности субъектов.

В рамках первого направления выделяют такие субъекты, как индивиды; различные организации; территориальные общности людей; государство; общество [1; 2; 3; 7; 8; 10].

В рамках второго направления конкретизации в качестве сфер жизнедеятельности общепринято рассматривать: физическое существование; социальные отношения; экономическую деятельность; взаимоотношения с внешней средой (экологию) [27; 29; 31].

Соответственно можно говорить о физической, социальной, экономической и экологической безопасностях или, точнее, сферах безопасности жизнедеятельности субъектов. При этом последние три термина имеют неоднозначный смысл. Так, экологическая безопасность – это, во-первых, безопасность функционирования окружающей среды, отсутствие значимых угроз для ее существования, а, во-вторых, отсутствие экологических угроз жизнедеятельности субъектов всех уровней. Экономическая безопасность рассматривается, с одних позиций, как низкий уровень вероятности угроз функционированию и развитию экономики страны, с других – как низкий уровень вероятности угроз развитию общества со стороны его экономической подсистемы, т.е. тех процессов, которые идут в народном хозяйстве.

Третье направление конкретизации понятия безопасности связано с выделением различных объектов или предметов безопасности. Ими могут быть:

– какие-то части перечисленных выше субъектов, например, различные структурные подразделения или группы сотрудников либо владельцев акций предприятия и т.п.;

– те или иные виды ресурсов или имущества, например, основные или оборотные фонды предприятия;

– качественные характеристики ресурсов или имущества, например, возраст основных фондов, показатели качества окружающей предприятие среды;

– отдельные виды деятельности и процессы, например, обновление основных фондов, формирование портфеля инвестиционных проектов, диверсификация производственной программы;

– качественные характеристики упомянутых выше видов деятельности, такие, как, например, скорость обновления основных фондов или темпы технологического развития.

Совмещение перечисленных классификационных разрезов определяет типологию многообразия безопасностей, каждое из которых может быть объектом специального анализа. Одновременно это типологическое многообразие позволяет вычленить конкретный предмет анализа данной концепции – экономическую безопасность образования, или, что более точно, ЭБ СВО. Детальное рассмотрение структуры последней будет проведено далее, здесь же охарактеризуем другие составляющие понятий-

ного аппарата изучения проблем безопасности: угрозы, ущербы и стратегии обеспечения безопасности.

Угрозой в общем случае будем называть такие изменения во внешней или внутренней среде, которые могут привести к нежелательным изменениям предмета безопасности [21]. Существует несколько классификаций угроз. Во-первых, по отношению к субъекту угрозы разделяются на внешние и внутренние. Во-вторых, на реальные, уже свершившиеся изменения, и потенциальные, – те, которые могут произойти по какой-либо причине. В-третьих, существенно различать угрозы, целенаправленно создаваемые каким-либо другим субъектом, и угрозы, стихийно возникающие, являющиеся незапланированными последствиями. В-четвертых, следует выделить угрозы непосредственные, т.е. прямо вызывающие негативные изменения предмета безопасности, и опосредованные, приводящие к таким изменениям лишь через промежуточные причинно-следственные механизмы, действующие только при некоторых дополнительных условиях и т.п. В-пятых, важно разграничивать угрозы актуальные, порождающие нежелательные изменения через короткие промежутки времени, и отдаленные (перспективные), негативные проявления которых наступят спустя достаточно длительный срок после возникновения угрозы, т.е. «материализации» соответствующего изменения в среде субъекта безопасности. В-шестых, по временному фактору угрозы можно подразделить на спорадические, возникающие через неопределенные промежуток времени, и регулярные, появляющиеся через определенные промежутки времени. Наконец, в-седьмых, угрозы могут быть классифицированы по содержанию соответствующих изменений на силовые (военные и криминальные), социальные, политические, экономические и экологические, а также комплексные, сочетающие в себе одновременно несколько из названных существенных свойств.

Определив наше понимание ЭБ СВО, перейдем к рассмотрению содержания понятия экономическая защищенность. И здесь необходимо учесть, что понятие ЭЗ редко используется экономистами-исследователями. Например, В.Л. Тамбовцев понятия ЭБ и ЭЗ рассматривает как синонимы [49, с. 3]. Несколько в ином контексте, но фактически синонимично с ЭБ, употребляет в своих работах понятие ЭЗ С. Казанцев [19; 20]. Для получения полного представления о содержании понятия ЭЗ обратимся к толкованию понятия «защищенность».

Как это ни странно, ни одно академическое издание (будь то словарь или энциклопедия) не содержит толкования понятия «экономическая защищенность». Можно по-разному оценивать это обстоятельство, но, в общем случае, можно полагать, что причина заключается в непонимании законов жизни, которые не обязательно на стороне человека. А есть ли возможность воспринять эти законы? Изучение позиций авторов, формирующих философию экономики [5; 23; 41; 51; 52], позволяет признать наличие положительного ответа на поставленный вопрос. Имеющиеся наработки по методологии экономической науки дают дополнительное подтверждение [48].

Не ставя задачей настоящей работы дать развернутую характеристику экономической защищенности (подробно она изложена в труде Чекмарева Вл. В. «Безопасность и защищенность: общее и особенное в методологии исследования»), отметим здесь лишь имеющиеся, на наш взгляд, отличия по предмету анализа. Безопасность есть собственно состояние экономической системы (процесса). Защищенность это характеристика состояния экономического процесса.

Предлагаемая трактовка содержания понятий ЭБ и ЭЗ может быть не столь очевидна для макроэкономического анализа. Но на мезоуровне при исследовании функционирования региональных экономических систем и процессов, в них протекающих, наш подход представляется продуктивным. Ибо имеющаяся весьма многочисленная литература по обеспечению экономической безопасности регионов не содержит достаточно полных ответов на практические вопросы [11; 12; 30; 34; 35; 50; 53; 57].

Итак, взаимообусловленность процессов обеспечения экономической безопасности и экономической защищенности сферы образования, в контексте формирование продукта СВО, обозначена. Очевидно, что в журнальной публикации это сделано весьма пунктирно, требует развернутой и жесткой системы доказательств. Более того, наша позиция весьма дискуссионна. И автор будет признателен любым откликам на настоящую публикацию.

Библиографический список

1. *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России. Угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – №12. – С. 4–13.

2. *Авдийский В.И., Дадалко В.А.* Теневая экономика и экономическая безопасность государства. – М.: Изд-во Альфа, 2010. – 234 с.

3. Актуальные вопросы управления экономической безопасностью организации: отечественный и зарубежный опыт. Межкафедральный сб. статей / под ред. Э.П. Теплова. – СПб.: изд-во СпбУЭФ, 1996. – 376 с.

4. *Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б.* Экономическая безопасность. Оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. – 1994. – №12 – С. 38–39.

5. *Афонцев С.А.* Национальная экономическая безопасность. На пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – №10. – С. 30–39.

6. *Базилевич В., Ильин В.* Философия экономики. История. – Киев: Знания; М.: Рыбари, 2011. – 927 с.

7. *Блинов А., Рудакова О.* Модернизация образования и безопасность государства // Экономист. – 2013. – №1. – С. 70–75.

8. *Богданов И.Я.* Экономическая безопасность России: теория и практика. – М., 2002. – 211с.

9. *Бухвальд Е., Гловацкая Н., Лазуренко С.* Макроаспекты экономической безопасности: факторы, критерии и показатели // Вопросы экономики. – 1994. – №12. – С. 25–35.

10. *Глазьев С.Ю.* Основы обеспечения экономической безопасности страны – альтернативнный реформационный курс // Российский экономический журнал. – 1997. – № 1.

11. *Глухов О.А., Кирьянчук В.Е., Эйнтингон В.Н.* Региональная социально-экономическая безопасность: индикаторы, угрозы, факторы // Тезисы докладов и сообщений 20-й международной конференции «Системное моделирование социально-экономических процессов». Часть 3. – Воронеж, 1998. – С. 12–14.

12. *Гордиенко Д.В.* Оценка уровня экономической безопасности восточных регионов России // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации инновационного и технологического развития / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Часть 1. – С. 44–52.

13. *Гришунин С.И.* Возможна ли современная наука без интуиции: Модели творческой интуиции в контексте науки, философии и прогнозирования. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 160с.

14. *Душина Т.В., Бокачев И.А.* Актуализация безопасности духовной культуры российского общества // Власть. – 2011. – № 1.

15. *Дэй Л.* Самоучитель по развитию интуиции. – М.: АСТ, 2005.

16. *Иванов С.А., Осип Е.Я.* Инновационный потенциал развития экономической безопасности хозяйственной системы // Вестник Санкт-Петербургского Университета ГПС МЧС России. – 2009. – № 2. – С. 120–133.

17. *Ильин В.В.* Философия богатства: человек в мире денег. – Киев: Знания, 2005. – 496с.

18. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2004. – 509 с.

19. *Казанцев С.В.* Экономическая безопасность России: Общий курс. – М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2009. – 699 с.

20. *Казанцев С.В.* Экономическая защищенность и конкурентноспособность субъектов РФ: факторы и оценки // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации инновационного и технологического развития / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Ч. 1. – С. 74–78.

21. *Каиль М.В.* Из истории становления университетского образования в советской провинции // Вопросы образования. – 2013. – №1. – С. 256–272.

22. *Каменецкий В.А., Патрикеев В.П.* Основы социальной экономики. – М.: ЗАО «Изд-во Экономика», 2010. – 951 с.

23. *Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. – 2003. – № 4.

24. *Кармин А.С.* Интуиция: Философские концепции и научное исследование. – СПб.: Наука, 2011. – 901с.

25. *Кийко М.* Угрозы национальной безопасности, их классификация и характеристики // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – №2. – С. 31–39.

26. *Кийко М.* Национальная безопасность государства: структурно логическая модель // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – №3. – С. 33–40.

27. *Козицын А.А.* Производственная интеграция как основа повышения экономической безопасности региона / Под ред А.И. Татаркина, А.А. Куклина. – Екатеринбург: Институт Экономики УрО РАН, 2006.

28. *Корнилова Т.В.* Интуиция и рациональность в уровневой регуляции вербальных прогнозов при принятии решений // Вопросы психологии. – 2006. – № 2. – С. 126–137.

29. *Куклин А.А., Белик И.С.* Влияние эколого-экономической безопасности на инвестиционную привлекательность региона // Экономика региона. – 2009. – № 4. – С. 155–158.

30. *Лукашин В.И.* Экономическая безопасность: учеб.-практ. пособие / Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики. – М.: МЭСИ, 1999. – 345 с.

31. *Лунев Р.С.* Механизм обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития регионального предпринимательства // Финансовый менеджмент. – 2013. – №1. – С. 52–61.

32. *Майерс Д.* Интуиция. – СПб.: Питер, 2004.

33. *Мингалёва Ж.А.* К вопросу об экономической безопасности национальной экономики // Формирование стратегии инновационного развития экономических систем. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – С. 234–247.

34. *Мингалёва Ж.А., Гершанок Г.А.* Устойчивое развитие региона: инноваций, экономическая безопасность, конкурентоспособность // Экономика региона. – 2012.– №3. – С. 68–75.

35. *Мингалёва Ж.А., Наумов А.В.* Подходы к определению понятия «экономическая безопасность территории» // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. – 2011. – № 125. – С. 210–213.

36. *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005. – 531с.

37. *Осипов Г.В., Степашин С.В.* Экономика и социология знания: практическое пособие. – М.: Наука, 2009. – 220 с.

38. *Ошо Багван Ш.Р.* Интуиция. Знание за пределами логики. – СПб., 2004.

39. *Пирс П.* Путь интуиции. – М.: АСТ, Астрель, 2007.

40. *Полосин А.В.* Региональные параметры национальной безопасности // Власть. – 2011. – №12.

41. *Рево В.В.* Человек: от кристалла к сознанию. – М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2002. – 302 с.

42. *Робинсон Л.А.* Доверяй своей интуиции. Как развить профессиональное чутье в бизнесе. – М.: Вершина, 2009.

43. *Робинсон Л.А.* Интуиция может все. – Минск, 1977.

44. *Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных преференций. Структура и эволюция общественного интереса. – СПб.: Алетейя, 2008. –560 с.

45. *Сенчагов В.К.* О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. – 1995. – №1.

46. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. – М.: Финстатинформ, 2005.

47. *Сергеев В.В.* О безопасности духовной культуры в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №4.

48. *Скаржинский М.И., Чекмарев В.В.* Методология экономической науки – Кострома, 2007. – 358 с.

49. *Тамбовцев В.Л.* Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура и проблемы // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. Серия 6. Экономика. – 1995. – №3. – С. 3–9.

50. *Татаркин А.И., Куклин А.А., Романова О.А., Черемных Л.Н., Яковлев В.И.* Нейтрализация угроз экономической безопасности региональной хозяйственной системы с переводом на «модель устойчивого развития» // Информационный бюллетень РФФИ. – 1997. – Т. 5. – № 6.

51. Философия экономики. Антология / под. ред Д. Хаусмана. – Изд. Института Гайдара, 2012. – 520 с.

52. *Хорева Н.В.* К вопросу об обосновании стратегии обеспечения устойчивости организации с учетом развития интеллектуального потенциала // Известия СпбУЭФ. – 2012. – №4. – С. 122–124.

53. *Цыбин Д.С.* Концептуальные основы экономической безопасности муниципального образования // Вологдинские чтения. – 2002. – № 6.

54. *Чуева И.П.* Критика идей интуитивизма в России. – М.; Л.: Наука, 1963.

55. *Шишкин С.В.* Экономика социальной сферы. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – 367 с.

56. *Шумаков В.А.* Эвристическая интуиция в свете общих методологических идей синергетики: Автореф. … дис. канд. филос. наук. – Челябинск, 2007.

57. Экономическая безопасность региона. Единство теории, методологии исследования и практики / Татаркин А.И., Куклин А.А. и др. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997.

58. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Дело, 2005.

59. Экономическая безопасность. Оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. – 1994. – №12. – С. 38–39.

60. *Эльстер Ю.* Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / пер. с англ. И.Кушнаревой. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2011. – 472 с.

УДК 378

Шаров Дмитрий Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
mr.sharov-44@yandex.ru

ИННОВАЦИОННОСТЬ В ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются проблемы новых экономических отношений в процессах реализации инновационной функции образования.

Ключевые слова: *инновационное образование, экономические отношения, модернизация ВПО.*

В настоящий момент главный акцент государственной политики связан с кардинальным решением проблем модернизации содержания и структуры образования, его управления, нового профессионализма современного педагога. Очевидно, что, как и в случае с реформами начала 90-х годов, решение проблем модернизации образования невозможно без углубления и расширения фронта научных исследований и комплексных инновационных разработок. Здесь важно, чтобы результаты исследовательской работы становились научным основанием для грамотно выстроенных и реализуемых образовательных проектов, а результаты проектных разработок оказывались источником новых научных идей и новых направлений исследования. В этом, на наш взгляд, подлинный смысл современной практико-ориентированной науки.

Современное образование является сложнейшей формой общественной практики, его место и роль на данном историческом этапе исключительны и уникальны. Сегодня образование оказывается самым масштабным и, может быть, единственным социальным институтом, через который осуществляется трансляция и воплощение базовых ценностей и целей развития российского общества. В условиях радикального изменения идеологических воззрений, социальных представлений, идеалов именно образование позволяет осуществить адаптацию к новым жизненным формам, поддержать процесс воспроизводства социального опыта, закрепить в общественном сознании и практике новые политические реалии и новые ориентиры развития.

Из простого фактора общественной и государственной жизни образование становится подлинным субъектом преобразований изменяющегося социума, порождает новые формы общественной жизни, создавая тем самым условия становления жизнеспособного общества. Образование обретает статус особого механизма общественного и культурного развития регионов, страны в целом, становится пространством личностного развития каждого человека [1].

Что же такое сегодня «инновационное образование»? Это такое образование, которое способно к саморазвитию и которое создает условия для полноценного развития всех своих участников; отсюда главный тезис: инновационное образование – это развивающее и развивающееся образование.

В соответствии с этим новым пониманием должно меняться и наше видение самой структуры сферы образования. В самом первом приближении оно начинает выступать перед нами в своих трех предметных проекциях: образовательная среда – как социокультурное содержание образования, образовательные институты – как соорганизованная система деятельностей субъектов образования, образовательные процессы – как содержание Встреч и конкретные способы совместно-распределенной деятельности субъектов образования. Необходимо также обозначить и два основных механизма обеспечения целостности этой структуры: образовательная политика, реализующая функцию самоопределения образования среди других общественных практик, и управление образованием, скрепляющее его как целостную сферу [2].

Этот новый образ развивающего, инновационного образования требует пересмотра наших устоявшихся представлений о нем. Главное, что образование не есть социальный тренинг и окультуривание «сырой», натуральной природы человека, не есть ее усовершенствование для целей социально-производственного потребления и использования на благо государства. Образование – это путь и форма становления целостного человека. Сущность и цель нового образования – это действительное развитие общих, родовых способностей человека, освоение им универсальных способов деятельности и мышления. Социальная практика показывает, что только инновации, имеющие в той или иной мере корни в образовательной системе, могут рассчитывать на устойчивое развитие, и только в этом случае не нарушается преемственность между старым и новым культурным пластами, а образование, сохраняя свои культурные корни, не теряет своей собственной логики развития.

Внимание к проблемам трансформации российской высшей школы, экономическим аспектам которой посвящено настоящее исследование, обусловлено возрастанием значимости системы образования для существования и развития национальных хозяйств.

В передовых странах мира формируется новое постиндустриальное общество, принципиально иная экономика, основанная на знаниях. В этой связи проблемы функционирования российской высшей школы, ее адаптации к изменяющимся эко-

© Шаров Д.В., 2013

номическим отношениям приобретают первостепенное значение для дальнейшего качественного развития страны [4]. Высшая школа страны в полной мере испытала и испытывает на себе влияние перемен, происходящих в нашем обществе и в национальной экономике. Можно выделить два основных вектора подобных изменений.

С одной стороны, изменились экономические отношения в стране, что вызвало, в частности, изменения в объеме и структуре спроса на услуги высшей школы. В этом же направлении повлиял и переход (во многом совпавший для нашей страны с переходом к рыночным отношениям) к постиндустриальному обществу.

С другой стороны, изменились (и продолжают меняться) экономические отношения в самой высшей школе. Государственное воздействие в сфере совершенствования образовательной системы должно строиться на основании национальной доктрины образования, т.е. на основе взаимосвязанных принципов, составляющих мировоззренческую основу и практические действия по формированию системы образования страны, стратегии ее инновационного развития в перспективе [3].

Библиографический список

1. *Антонович А.Я.* Курс государственного благоустройства (полицейского права). В 2 ч. – Киев: Оттиск из университетских «Известий» 1889 г. Напечатано по определению Совета университета Св. Владимира, 1890.

2. Альбом по экспериментальной и инновационной деятельности Департамента образования города Москвы, 2005.

3. *Бердашкевич А.П.* Объекты инновационной деятельности в образова-тельном процессе // Инновации. – 2005. – № 10 (87). – С. 81–85.

4. *Довженко Н.Н.* Новое дело – это допинг. Интервью с проректором СФУ, директором Института нефти и газа // Новая университетская жизнь. – 2010. – 23 декабря. – № 22 (84) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta.sfu-kras.ru/node/2573 (дата обращения: 14.09.2012).

5. Как в рамках национального проекта планируется развить инновационное образование // Совет при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов демографической политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rost.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 321

Зайцев Александр Владимирович
кандидат философских наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ДЖ. ГРЮНИГА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассказывается о возникновении диалогической модели связей с общественностью. При этом автор обращает внимание на необходимость рецепции диалогической интеракции для современной российской политической науки в сфере взаимодействия государства и гражданского общества современной России.

Ключевые слова: *связи с общественностью, диалог, диалоговая модель, взаимодействие, коммуникация, организация, общественность.*

Одна из фундаментальных основ для специалиста в сфере политических коммуникаций – организация грамотного и эффективного коммуникативного взаимодействия организации с ее аудиторией. Диалогические методы субъект-субъектного взаимодействия в политической сфере в целом и, в частности, в управлении политическими PR-коммуникациями, пока что используются крайне редко, неэффективно и осторожно, с большой долей подозрительности и недоверия к двухсторонним технологиям связей с общественностью. Симметрично-диалоговые коммуникации уже не раз подтвердили свою гораздо большую эффективность, по сравнению с монологическими субъект-объектными моделями дискурса власти. Нормативная модель делиберативного, то есть, по сути дела, диалогического дискурса, была разработана еще Ю. Хабермасом. Но диалогическую модель коммуникации власти и общества, в том числе в сфере связей с общественностью, разрабатывал не только этот получивший широкую известность мыслитель, но и ряд других, менее знаменитых авторов.

Целью данной статьи является репрезентация диалогической модели связей с общественностью, достаточно широко представленной в различных инвариантах в североамериканской и западноевропейской пиарологии, и, к сожалению, за небольшим исключением почти неизвестной большинству российских PR-теоретиков и практиков. Данное обстоятельство, естественно, сказывается на том, что в отечественной пиарологии продолжают доминировать неэффективные и морально устаревшие монологические подходы к общественно-политическим PR-коммуникациям. В том числе в сфере публичной политики и интеракции государства и гражданского общества, власти и оппозиции, что более чем наглядно было продемонстрировано в конце 2011 – начале 2012 года после завершения избирательных компаний по выборам депутатов Государственной Думы и Президента РФ.

Данная проблема актуальна не только с точки зрения PR-коммуникаций, но и в связи с институционализацией GR-коммуникаций, генетически родственных связям с общественностью. В первом российском учебном пособии по GR-связям дается такое определение связей с общественностью и связей с государством (правительством): «Связи с общественностью – это постоянно действующий диалог между организацией и ее общественностью с целью укрепления доверия между ними и получения взаимовыгодного результата. Связи с государством – это также постоянно действующий диалог между бизнесом или общественной организацией с государством также с целью укрепления доверия между ними и удовлетворения потребностей корпорации с помощью этого политического института» [5, с. 49]. Из этого следует, что проблемы доверия и диалогической коммуникации, особенно в сфере интеракции власти (государства) и гражданского общества, в современных общественно-политических условиях, связанных ростом гражданской активности населения России, приобретают особую актуальность.

Историки и теоретики российской пиарологии возникновение диалогической модели связей с общественностью относят к совместной работе Дж. Грюнига и Т. Ханта «Менеджмент связей с общественностью», вышедшей в 1984 году [6]. Впоследствии Дж. Грюниг не раз возвращался к этой же проблеме в своих многочисленных книгах и статьях. И в окончательном, наиболее подробном варианте, представил ее только к 2002 году [7]. Не углубляясь в детали, замечу, что Дж. Грюнигом действительно были детально разработаны и обоснованы четыре модели связей с общественностью: манипулятивная модель, информационная (журналистская) модель, двусторонняя асимметричная диалоговая модель и, собственно диалоговая, двусторонняя симметричная модель PR-коммуникации. Рассмотрим каждую из этих PR моделей.

Первая модель – «манипулятивная» (другие названия – «пропагандистская», «вещательная», «паблисити», «пресс-посредничества»). В этой коммуникативной модели главная цель отправителя

© Зайцев А.В., 2013

информации (адресанта) заключается в воздействии на сознание адресата и манипулировании его политическим поведением в нужном для инициатора коммуникации направлении. Обратная связь между источником информации и его аудиторией полностью отсутствует.

Эффект от использования такой односторонней (монологовой), а по сути пропагандистской коммуникации состоит в изменении сознания адресата (избирателей) и практического поведения без каких-либо изменений в отправителе (доноре, адресанте) информации. Ограничивая свободу выражения мнений и плюрализм политического дискурса, пропаганда способствует насаждению авторитарных порядков. Ряд исследователей относит развитие данной модели к концу XIX века, когда газетная индустрия стала приобретать все большее значение и начала оказывать все большее влияние на формирование общественного мнения. В XX веке пропаганда, как доминирующий способ политической коммуникации, имела место не только в фашистской Германии или в СССР, но также во многих странах Западной Европы и даже в США. Для пропагандистского типа политической коммуникации в целом характерны три основных черты:

1. Тщательный отбор информации и жесткий контроль за каналами и содержанием массовой коммуникации, отсечение всего, что не укладывается в «прокрустово ложе» официальной политической позиции.

2. Игнорирование запросов реципиентов (управляемого объекта, гражданского общества) в угоду интересам государства и правящей элиты как субъекта политического управления. Целенаправленное формирование пропагандисткими методами лояльно-конформисткой по отношению к действующей власти политической культуры общества.

3. Политический монологизм в виде информационного господства государства, стремление к политическому единству власти и общества, подавлению плюрализма, инакомыслия, оппонентов, оппозиции и всех независимых от власти гражданских активистов.

4. Использование любых средств для привлечения внимания общественности и для оказания давления на нее;

5. Информация, предназначенная общественности, не всегда правдива и объективна, этические аспекты в PR-деятельности игнорируются.

Ряд исследователей относят процветание данной модели к начальному периоду истории профессиональных PR. В США это конец XIX века, когда печатная индустрия стала приобретать все большее значение и начала оказывать существенное влияние на формирование общественного мнения. Однако И.А. Шелеп вполне резонно отмечает, что эта «коммуникативная стратегия, описываемая Дж. Грюнигом, вовсе не является историческим раритетом, она интенсивно используется и в современных условиях как *основная* стратегия решения многих задач» [4, с. 72].

Зарождение *второй* модели относят к началу XX века, а пика использования она достигает в 1920–1940-е годы в условиях жесткой конкурентной политической и экономической борьбы. В ней фиксируется необходимость правдивого, исключительно позитивного информирования правительства, общественных организаций и общественности для получения их поддержки. Основные характеристики второй, «информационной» модели (или модели «информирования общественности», «журналистской» модели) таковы:

1. Осознается необходимость регулярной работы со СМИ; более того, распространение информации об организации или личности является главной целью деятельности по взаимодействию с обществом.

2. Информация хотя и должна быть точной и правдивой, но только позитивной, негативные факты и события замалчиваются.

3. Как и первая модель, «информирование» относится к односторонним моделям, необходимость исследования адресатов передаваемых сообщений и обратной связи с ними не предполагается.

При одностороннем характере коммуникаций в качестве субъекта выступает организация. Именно интересы организации являются наиболее значимыми, и на достижение ее целей ориентировано общение. Общественность же воспринимается как объект воздействия и манипуляции. Такое общение сужает возможности взаимодействующих сторон в адекватном восприятии друг друга.

В рамках данной модели источник информации осуществляет «мягкое воздействие на сознание аудитории (получателя) через дозированную подачу информации» [4, с. 281]. Здесь цель прямого изменения поведения адресата информации ее отправителем уже не ставится, но в латентной форме эффект воздействия (воспитания) на сознание реципиента все равно присутствует.

Основное отличие модели информирования от пропагандистской модели в том, что «сообщения здесь не носят прямого манипулятивного характера, связанного с сознательным искажением фактов, подачей ложной, специально сконструированной или препарированной информации» [1, с. 283]. Но и здесь ожидаемый эффект от интеракции субъекта и объекта коммуникации ожидается в виде трансформации сознания и (политического) поведения аудитории. Использование такой схемы может привести только к кратковременному эффекту. Для достижения долгосрочных программ необходима корректировка действий коммуникатора в соответствии с изменениями самой общественности. Тем не менее, «сегодня это наиболее распространенная модель в правительственных структурах, общественных и политических организациях» [3, с. 9].

Третья коммуникативная PR-модель, двусторонняя асимметричная диалоговая коммуникация, отличается тем, что в ней впервые начинают широко использоваться исследовательские методы (поставляемые эмпирической социологией, бурно развивавшейся с 1920-х годов), в первую очередь для того, чтобы определить, какая информация вызовет позитивную реакцию общественности. Именно в этом смысле коммуникативная практика становится двусторонней, с наличием механизма обратной связи, то есть диалоговой. Тем не менее, процесс такого вида коммуникации является асимметричным.

По мнению Д. Грюнига, зарождение этой модели обычно связывают с именами А. Ли, Э. Бернейза, А. Пэйджа. В ней коммуникации обратная связь присутствует лишь в виде реакции аудитории на полученное сообщение. «Цель двусторонней асимметричной коммуникации – *управление аудиторией*. Такое управление в целом имеет субъект – объектную природу», – пишет Д.П. Гавра [1, с. 283]. Получатель информации в этой коммуникативной парадигме уже не является абсолютно пассивным объектом воздействия, но приобретает определенные, правда ограниченнее, качества субъекта. То есть это не полноценный актор дискура, а все тот же объект «с определенными ресурсами влияния» [1, с. 283].

По преимуществу именно в этом формате в настоящее время реализуется коммуникация государства и гражданского общества в современной России. Ведь главный ожидаемый эффект от такого общения власти с социумом заключается в мягком воздействии на сознание аудитории в процессе двухсторонней асимметричной коммуникации, правда уже без использования архаичных приемов политической пропаганды.

Четвертая модель – это симметричная диалоговая коммуникация, представляющая такой вид взаимодействия, «при котором каждый из его участников выступает в качестве полноправного субъекта, попеременно выполняя роль источника и получателя информации» [1, с. 283]. Именно такой симметричный информационный обмен представляет собой полноценный диалог. Эта модель предназначена для управления конфликтами и улучшения взаимоотношений с общественностью. Исследования Дж. Грюнинга свидетельствуют о том, что наиболее эффективная практика PR- коммуникаций связана с диалогичной моделью, получившей название «двусторонней симметричной коммуникации».

Данная коммуникативная «модель, по мнению Дж. Грюнига, зарождалась в корпоративной Америке 1970-е годы после мощных преобразовательных процессов бурных шестидесятых» [4, с. 72]. Укрепляет она свои позиции и в России, в первую очередь, в формате диалога между государством и гражданским обществом, сопровождаясь осторожным, избирательным и постепенным отказом от односторонних, асимметричных и манипулятивно-пропагандистских технологий воздействия власти на сознание социума. Дж. Грюниг полагал, что разработанная им модель симметричного диалога позволит избежать проблемы этического релятивизма, поскольку она определяет этику как процесс общественных отношений, а не результат. Поэтому модель симметричных связей с общественностью представляет собой открытый форум для диалога, обсуждения и дискурса по вопросам, по которым люди с разными мнениями пришли к различным выводам.

В своем стремлении разработать и обосновать диалогический подход в сфере коммуникации и связей с общественностью, Дж. Грюниг был не одинок. Наряду с ним, а также после него, то есть в настоящее время, над этой же проблемой работали и продолжают работать и другие зарубежные специалисты-пиарологи.

Некоторые из самых ранних суждений о роли диалога в PR-коммуникациях можно отнести к Р. Пирсону. Он одним из первых приступил к обсуждению диалогической коммуникации, утверждая, что в основе PR лежит «управление системами коммуникации», которые должны исходить из диалогического стандарта и основываться на нем, то есть «выводиться из идеи диалога» [10, p. 128]. Р. Пирсон позиционировал свою концепцию диалога как этическую основу для связей с общественностью. В соответствии с этой установкой, диалогическая модель коммуникации Р. Пирсона осуществима лишь под углом «этического императива связей с общественностью» («an ethical imperative for public relations») [10, p. 127]. По его мнению, «диалог является необходимым условием для любого легитимного корпоративного поведения, которое затрагивает общественность (public) этой организации» [10, p. 128]. Практика этических связей с общественностью, с точки зрения этого рано ушедшего из жизни автора, должна представлять собой диалогическую систему, а не политику монолога в осуществлении процесса коммуникативного взаимодействия организации и ее общественности [11, p. 206].

Спустя некоторое время после Р. Пирсона о диалоге заговорил К. Боцан, ныне здравствующий профессор коммуникавистики (стратегических коммуникаций) и связей с общественностью из Университета Джорджа Мейсона в штате Виргиния США. По его мнению, идея диалога является основой для расширения и совершенствования теории и практики современных связей с общественностью. К. Боцан пишет: «Традиционные подходы к связям с общественностью относят общественность на второй план, что делает ее инструментом для достижения организацией своих целей или маркетинго-

вых потребностей; …в то время как диалог поднимает общественность до состояния равноправной коммуникации с организацией» [8, с. 196]. К. Боцан рассматривает «общественность, как творца смысла и коммуникации. Эта точка зрения… фокусируется на отношениях между общественностью и организациями» в рамках симметричной модели диалоговой PR-коммуникации [9, p. 652].

К. Буркарт разработал теорию консенсус-ориентированных связей с общественностью (Consensus-oriented public relations или, сокращенно, COPR). В ней теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса применяется К. Буркартом к разработанной им консенсуально ориентированной диалогической модели связей с общественностью в виде симметричного дискурса заинтересованных сторон в сфере их символического социального и коммуникативного взаимодействия. COPR – это концепция планирования и оценки связей с общественностью в ситуации с высокой вероятностью возникновения конфликта, когда компании, организации необходимо представить общественности веские аргументы в пользу распространения своих интересов и идей. Здесь на первый план выходят проблемы открытости и способности общаться на равных, признания допущенных ошибок, решимости их исправления, достижения взаимопонимания и доверия, возникающих на основе партнерского диалога организации и ее общественности.

В 2012 году в Португалии на английском языке вышла коллективная монография под названием «Диалогический императив. Тренды и проблемы в стратегических организационных коммуникациях», обобщившая многочисленные исследования диалогической модели связей с общественностью. Один из авторов этой коллективной монографии (Sampaio da Silva), несмотря на признание критики со стороны Ю. Хабермаса связей с общественностью за использование манипулятивных технологий, утверждает, что теорию диалогической (именно диалогической, а не дискурсивной как у Ю. Хабермаса) этики можно использовать в современных PR-коммуникациях наряду с моделью симметричного диалога Дж. Грюнига и Т. Ханта, а также в соответствии с «диалогическим императивом» Р. Пирсона, приверженность взглядов которого была заявлена авторским коллективом уже в самом названии данной монографии [12].

Современная двусторонняя модель связей с общественностью представляет собой активное взаимодействие субъекта и объекта в целях достижения взаимопонимания. В современной концепции «связей с общественностью упор делается на установление обратной связи в ходе регулярного информирования общественности о деятельности отдельных личностей, организаций, коллективов». Наиболее актуальным остается коррекция и постоянный учет общественного мнения, экспертиза и консалтинг как «способ выработки рекомендаций для перестройки деятельности субъектов с целью выстраивания гармоничного коммуникативного пространства, организации взаимодействия на основе диалоговой, согласованной и взаимовыгодной коммуникации» [2, с. 47].

Несмотря на все еще довольно частое использование в практике связей с общественностью моделей однонаправленной коммуникации, они постепенно вытесняются двусторонними моделями, поскольку осуществление обратной связи в информационно-коммуникативном процессе является неотъемлемой частью построения эффективной коммуникации на основе диалогического взаимодействия. Данное положение особо актуально в публичной сфере взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества на основе партнерства, субъект – субъектной интеракции и симметричного диалога.

Библиографический список

1. *Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации: Учебное пособие. – СПб., 2011 – 288 с.

2. *Герасимова Г.И.* Связи с общественностью: объектно-предметная область исследования // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 4. – С. 41–47.

3. *Малькевич А.А.* Организация и проведение PR-кампаний. Краткий курс. – М: Питер, 2010. – 176 с.

4. *Шелеп И.А.* Утопия Джеймса Грюнига: к вопросу об эволюции PR-моделей в XX веке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевскоо. Серия: Социальные науки. – 2010. – №2. – С. 70-76.

5. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. Учебное пособие / Под ред. Л.В. Сморгунова и Л.И. Тимофеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. – 407 с.

6. *Grunig J. E., Hunt, T.* Managing public relations. – Holt, Rinehart & Winston: New York, 1984.

7. *Grunig, L., Grunig, J., Dozier, D.* Models of Public Relations // Grunig, L., Grunig J., Dozier D. Excellent public relations and effective organisations: A study of communication management in three countries Mahwah: new jersey. – Lawrence Erlbaum Associates, 2002, p. 306–383.

8. *Botan C.* Ethics in strategic communication campaigns: the case for a new approach to communication with the public // Journal of Business Communication. – 1997. – № 34.

9. *Botan C., Taylor M.* Public Relations: State of the Field // Journal of Communication. – 2004. – Vol. 54. – № 4. – P. 645–661.

10. *Pearson R.* Business ethics as communication ethics: Public relations practice and the idea of dialogue. In CH Botan & V. Hazleton, Jr. (Eds.), Public

relations theory (pp. 111–131). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum., 1989.

11. *Pearson R.* A theory of public relations ethics. Unpublished doctoral dissertation: Ohio University. 1989.

12. *Sampaio da Silva R.* Public relations and dialogical ethics // Gonзalves G (Org.) The Dialogue Imperative. Trends and challenges in strategic and organizational Communication. Lab Com Books, 2012. – P. 19–32.

УДК 316.37

Калустьянц Жанна Суреновна
кандидат философских наук
Северо-Кавказский горно-металлургический институт г. Владикавказ
linda543@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена рассмотрению выживания в новых динамичных социально-экономических условиях. Профессиональное становление, как превращение индивида в профессионала, сопровождается изменением представлений человека о себе, своем месте в профессиональном и социальном мире, т.е. обретением профессиональной идентичности, в более широком смысле, профессиональным самоопределением личности.

Ключевые слова: *мобильность, модернизированная реальность, человек и общество, профессиональная идентификация, самоопределение личности, маргинальность, социальное расслоение.*

Модернизированная реальность лишает альтернативности соотношения сословного устройства и классовой структуры. Они не альтернативны друг другу ни как теоретические конструкции, ни как их поведенческие реализации. Разумеется, и сословия, и классы трансформированы под воздействием модернизирующих факторов. Так, внешними признаками принадлежности к современному сословию часто является наличие у его членов разных символов сословности – удостоверений личности, особых украшений, наград и знаков различия, часов определенной марки, униформы или, напротив, дизайнерской одежды, причесок, способа передвижения (марки и номера автомобилей, в частности), места компактного обитания. Кроме того, для сословий характерны специфические правила поведения – сословная мораль (моральный кодекс) и институты контроля за соблюдением сословных норм.

Сложившийся в условиях модерна рынок потребовал изменения от индивида-профессионала. Рынок оказался «чем-то большим, нежели определенное место, совокупность участников рынка и движение цен… это место, …в котором сливаются его агенты, механизмы их действия и пространство осуществления сделок, сам он начинает наделяться особыми субъектными свойствами» [3, с. 118]. Рыночное поведение (не служение или обслуживание, а работа ради потребления) для членов такого общества выходит за границы их картины мира и воспринимается как маргинальное. В сословном обществе, согласно принципам его устройства, не может быть богатых и бедных (в современном смысле этих понятий), ведь ресурсы распределяются «по заслугам» перед сувереном или потому, что «так положено». Стремление к богатству (к наживе) или демонстрация благосостояния, не соответствующего сословному статусу, обычно считаются аморальными и негативно санкционируются, в отличие от самоограничения в потреблении, которое иногда культивируется как сословный идеал.

Само понятие труда ради заработка чуждо сословному устройству, в котором вместо рыночной оплаты по труду и доходов от бизнеса доминируют институты довольствия, жалования, сословной ренты, гонорара, пенсии, пайки и другие формы распределения ресурсов, сообразно сословной принадлежности и статусу в сословии. Чем выше статус сословия и статус человека в сословии, тем больше ресурсов ему «положено» (согласно принципам сословной социальной справедливости).

Продажа труда и получение дохода в ходе рыночных операций-спекуляций, в отличие от ренты с сословного статуса, не может считаться в сословном устройстве легитимным ресурсом, принадлежащим тому, кому он принадлежит по стечению обстоятельств или по результатам труда. Этим ресурсом «надо делиться» между всеми членами сословного общества, причем пропорции деления определяются критериями сословной (социальной) справедливости. Деление ресурсов составляет содержание общественной жизни в сословном обществе, в отличие от классового общества, экономика которого основана на конверсии ресурсов в капиталы и их расширенном воспроизводстве.

Люди, социализированные в сословном мироустройстве, но не желающие вписаться в классовые различения и не готовые работать ради более высокого уровня потребления, в классовом обществе обречены на маргинальность, если при этом не являются членами сословия, сохраняющего значимое место в социальной системе благодаря моно-

 © Калустьянц Ж.С., 2013

полии на ресурс. Персонажи, сохраняющие вопреки жизненным обстоятельствам сословную определенность, считают, что им как членам сословия (может быть уже не существующего) что-то «положено», но не предоставлено, и потому они прозябают. Их усилия часто направляются на отстаивание права своего сословия на ресурсы и иногда превращаются в политические действия, в борьбу за социальное равенство и справедливость при распределении ресурсов. Именно такие социальные акторы наиболее восприимчивы к марксистской и аналогичным социальным классификационным конструкциям.

Неоднозначность и многомерность социального расслоения стимулируют формирование собственно политических институтов и идеологий, необходимых для согласования интересов сословных и имущественных групп. Власть разделяется на ветви, возникают выборы как институт и различные конфликтующие идеологии. А государство, выступая в роли высшего института власти, должно вырабатывать оптимальные сочетания сословного устройства и классовой структуры, обеспечивающие рыночную динамику и политическую стабильность при минимально возможной аномии.

Во многом к функциональным останкам сословной стратификации можно отнести современный институт профессии и профессиональной общности. По мнению Т.Ю. Сидориной, изменение характера труда, прежде всего, динамичность производственной и обслуживающей сферы, создали условиях для кризиса профессиональной идентичности, потому что: «Если ничто не постоянно, нет ничего, о чем нужно заботиться, выращивать, ждать долгосрочного результата, все интересно только сегодня, сейчас, а завтра может быть другой город, другая работа, другой брак, другая машина – тогда зачем вкладывать душу, отдавать всего себя делу, которым только сейчас занимаешься». И далее она продолжает: «Никто уже не создаст “скрипки Страдивари”. На смену индивидуальному рукотворному творчеству (даже ремеслу) сначала пришло машинное производство, затем конвейер, а в перспективе – обезличенные автоматизированные производственные комплексы. Индивидуальность становится маргинальной – в науке, творчестве, политике, бизнесе» [4, с. 42].

Но на наш взгляд, кризис профессиональной идентичности, вызванный современной общественной динамикой, заключается в том, что особенности занятости в постсовременном обществе выдвинули новые требования к подготовке специалистов, которая должна быть качественной, гибкой и порой быстрой. Новые проблемы хозяйственного, экономического, политического и культурного плана постоянно подвергают проверке устоявшиеся критерии профессионального развития и стимулируют осмысление процесса профессионального самоопределения, профессионализации личности.

В практическом плане, чтобы выжить в новых динамичных социально-экономических условиях, выдержать конкуренцию, обеспечить благополучие и стабильность на будущее, профессионал должен быть способен к постоянному развитию, а также анализу своего места в социальной и профессиональной среде. Профессиональное становление, как превращение индивида в профессионала, сопровождается изменением представлений человека о себе, своем месте в профессиональном и социальном мире, т.е. обретением профессиональной идентичности, в более широком смысле, профессиональным самоопределением личности.

Профессиональное самосознание появляется в ходе профессионального развития, а в процессе карьерного роста может трансформироваться, что неизбежно приведет к более общей концептуальной идентичности (знание своего статусного и ролевого положения, обусловленного принадлежностью к профессии). Концептуальная идентичность и является той характеристикой, которая определяет движение по карьерной лестнице и степень вхождения в профессию.

На первый взгляд, возникает впечатление, что профессиональная идентичность носит сугубо личностный характер и не имеет социального контекста, так как в основе представлений о себе как профессионале лежит знание специфики деятельности, ее требований к человеку и своих возможностей, качеств (физических, интеллектуальных и т.п.), которые позволяют эффективно выполнять деятельность. Но на самом деле, процесс формирования профессиональной идентичности, по сути, выступает как соотнесение индивидуальных особенностей и социальных воздействий в ходе профессионализации, что позволяет человеку осуществлять профессиональную саморегуляцию.

Несомненно, что процессы модернизации могут выступать теми самыми социальными воздействиями, так как сопровождаются разрушением устоявшихся представлений о содержании деятельности и усложнением определенных нормативных требований. Чтобы преуспевать, профессионалу необходимо подстроиться под новые требования работы и профессионального окружения, оформившиеся в результате модернизационных процессов. При этом происходит трансформация прежней внутренней схемы представлений человека о том, каким он должен быть, что уметь делать и как вести себя в профессиональном сообществе для того, чтобы эффективно реализовать себя в профессии.

Все это свидетельствует о том, что профессиональная идентичность изменяется, так как зависит от контекста ситуации. Можно ли на этом основании утверждать, что у человека вообще нет зафиксированной, предопределенной идентичности: она подвижна, ее изменение зависит от контекста и от окружающих данного человека людей? Вряд ли, так

как даже признавая динамичность идентичности, ее следует представлять как стабильную характеристику. В каждый конкретный период времени под влиянием различных социальных и экономических ситуаций человек по-разному определяет себя и относит к различным социальным общностям. В то же время человек, порой, тяжело отказывается от прошлых определений.

Несомненно, профессиональная идентичность – это определенное эмоциональное состояние, которое возникает на основе отношения к профессиональной деятельности, профессионализации и к себе как профессионалу. Это объяснимо тем, что экономика в целом, как и производство в частности, есть совокупность «взаимодействующих субъектов, можно сказать, что для эффективного функционирования экономики необходимы четыре вида действий: организация (деятельности каждого субъекта); координация (деятельности каждого субъекта); гармонизация (состояния субъектов); диверсификация (обеспечение необходимого разнообразия субъектов). Первую функцию выполняют объектные системы, вторую – средовые, третью – процессные и четвертую – проектные» [1, с. 108]. Но есть еще и комплекс потребностей, интересов, установок, убеждений и других компонентов мотивационной сферы личности, которые реализуются и удовлетворяются в процессе профессионального пути. Важнейшей функцией профессиональной идентичности является стабилизирующая, которая заключается в обеспечении необходимой степени профессионального центризма и устойчивой профессионально-ментальной позиции, параметрами которой являются: константность (способность к сопротивлению изменениям), адаптивность (способность к разрушению неадекватных профессиональных стереотипов), дистантность (представление о месте профессии в семантическом, информационном и межкультурном профессиональном пространстве).

Но идентичными могут считаться только профессионалы, обладающие как стабилизирующей базой, так и преобразующим потенциалом. Преобразующая функция связана с направленностью на развитие, смену профессиональной позиции и зависит от 1) диапазона изменения профессионально важных качеств и степени идентификации себя с профессией – возможности адаптации выше у людей с широкой идентификацией; 2) дистанцирования образа своей профессии от других – профессиональная самоизоляция затрудняет адаптацию в изменившихся условиях и «наведение мостов» при переходе в иное профессиональное пространство; 3) системности или «рыхлости» структуры идентичности. Все эти факторы составляют преобразующий потенциал профессионала.

В результате исторической эволюции форм организации деятельности произошла смена доминантных регулятивов, вместе с которыми сменились адаптационные механизмы и начали доминировать диалоговые формы управления. Другими словами, глобальная социокультурная динамика вызвала глобальную профессиональную «революцию», спровоцировав трансформацию всех оставшихся от прежних эпох форм совместной деятельности. Моральные коллизии социокультурной динамики обеспечили противоречивый характер всему многообразию человеческой деятельности, придав если не деструктивную направленность, то, хотя бы, деструктивную окраску любому из профессиональных видов. Любая деятельность дает шансы для взаимного манипулирования. И, кроме того, на переходных фазах процесса профессионализации отчетливо проявился феномен дилетантизма.

Под предлогом формирования специалистов на основе их уникальных способностей, в профессию берутся дилетанты, которые сохраняют универсалистский взгляд на проблемы возникающей специальной области знания и стремятся сохранить в унифицируемых типах деятельности черты личностной уникальности. Формирование профессиональной контркультуры в автоматизируемых областях деятельности приводит к вытеснению специалистов и массовых работников. В результате появляются кластеры дилетантов-транспрофессионалов: манипуляторы символами, гибридные менеджеры, суперлидеры, которые на свой страх и риск осваивают все новые «сквозные компетенции», чтобы получить уникальные комбинации профессиональных компетентностей, либо ориентированы на глубинный трансдисциплинарный синтез.

Кризисы могут протекать кратковременно, бурно или постепенно, без ослепительно выраженных изменений профессионального поведения. В любом случае они порождают психическую напряженность, неудовлетворенность социально-профессиональной средой, собой. Часто кризисы протекают без ослепительно выраженных изменений профессионального поведения. Однако перестройка смысловых структур профессионального сознания, переориентация на новые цели, коррекция социально-профессиональной позиции подготавливают личность к изменению профессиональной биографии. Но, по мнению Д.А. Леонтьева, «идентичность не является проблемой для того, кто ощущает свое Я как внутренний центр помимо словесно формулируемой идентичности: он способен разрешать конфликт идентичностей, конструируя свое Я в соответствии со своими ценностями, а не наоборот» [2, с. 10].

Кризисы нельзя игнорировать, не примечать. Уход от них грозит человеку дезадаптацией, крушением надежд. Кризисные явления – неотъемлемый атрибут динамического процесса становления личности. Степень осознания личностью кризисов индивидуальна. Она зависит от способа протека-

ния кризисной ситуации, так как при благополучном ее прохождении человек редко осознает данное явление как кризис.

Наступление кризиса обусловлено целым рядом факторов: постепенными качественными изменениями способов выполнения деятельности, социально-профессиональной активностью личности, социально-экономическими условиями жизнедеятельности, возрастными психофизиологическими изменениями, а также полной поглощенностью профессиональной деятельностью. Однако на любой стадии профессионального становления в качестве фактора, детерминирующего появление кризиса, чаще выделяется социально-профессиональная активность. Именно чувство постоянной неудовлетворенности собой, поиск новых форм и способов самоосуществления в профессиональном труде, концентрация на вопросах профессионального развития личности неизбежно приводят человека к противоречию с реальностью, порождают конфликт с собой.

Библиографический список

1. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и экономическая политика (окончание) // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 108–111.

2. *Леонтьев Д.А.* Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. – 2009. – № 10. – С. 10–13.

3. *Радаев В.В.* Что такое рынок: экономико-социологический подход // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 118–121.

4. *Сидорина Т.Ю.* Человек и его работа: из прошлого в информационную эпоху // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 42.

УДК 1:316

Нартдинова Сания Сабирьяновна

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

snartdinova@mail.ru

ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В данной статье автор обращает внимание на зависимость бытия в мире от многочисленных факторов, которые изменчивы; стремится подтвердить, что толерантность, особенно межнациональные и конфессиональные отношения и воспитание молодежи в духе толерантности, являются главной проблемой современного общества.

Ключевые слова: *человечество, семья, этнос, религиозная толерантность, межнациональные и конфессиональные отношения.*

Вопрос о человеческой сущности относится к так называемым «вечным вопросам философии и культуры», т.е. к тем вопросам, которые человечество пытается решить всю свою историю, вновь и вновь обращаясь к ним при любом изменении общественных отношений. И каждый раз ответ на, казалось бы, очевидный вопрос звучит по-новому.

Античной философией проблема человеческой сущности рассматривалась как одна из центральных проблем. Разделив мироздание на микрокосм и макрокосм, бескрайний космос Вселенной и столь же безграничный космос человеческой души, древние греки усматривали сущность человека в отражении микрокосмом макрокосма. «На этом основании старейший софист Протагор провозгласил человека мерой всех вещей. Но эту характеристику назвать исчерпывающей нет оснований» [1, с. 53].

В то время как философия занималась высокими материями, а практическая деятельность человека требовала конкретных знаний, наука стала описывать как устроен и как развивается мир, претендовать на нишу, занятую религией и философией и вытеснять их из нее. В основе философии лежит логика, связывающая отдельные истины. Наука требует доказательства и основана на цепочке: факт, теория, эксперимент. Наука изначально рождалась фрагментарной. Отдельные, не связанные между собой знания, описывали и объясняли разные явления. Такая наука не могла конкурировать с религией и философией в описании картины мира в целом.

Религия основана на вере в догматы. По мере развития разума, человека перестал удовлетворять набор несвязанных и, как оказалось, противоречивых догм. Разум, овладевший более сложным инструментарием, индукцией и дедукцией, требовал приведения в систему этих догматов. Так появилась теософия, обосновывающая эти догматы и само существование Бога. Из теософии выросла и философия – мировоззрение, построенное на логике, пытающееся сконструировать непротиворечивую картину мира.

Тема человеческой природы неисчерпаема. Понимание бытия человека всегда, при любых обстоятельствах, в любых исследованиях относительно. Человек – единственное в известной нам части Вселенной живое существо, обитающее в двух мирах одновременно. С одной стороны, он – природное тело, подчиненное всем физическим, химичес-

© Нартдинова С.С., 2013

ким и биологическим законам, и вне природного мира его существование немыслимо. Но, с другой стороны, человек принадлежит миру вечности. Эта принадлежность человека «двум мирам» была почувствована им уже в глубокой древности. Поэтому он и делит окружающий его мир, противопоставляя мир земной (природный) – миру Божественному, мир преходящий – миру вечному.

1948 году ООН дала миру свою Всеобщую Декларацию о правах человека; хартию о том, какие человеческие права может отстаивать человек как основу своего человеческого достоинства. Статья 18 этой Декларации гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или веру и свободу одному или в сообществе с другими, публично или лично, проявлять свою религию или веру в обучении, практике, поклонении и соблюдении обычаев».

Анализ содержания понятия «толерантности» с позиции разных культур является своеобразным синонимом «терпимости»: лат. tolerantia – терпение, англ. – tolerance, tolerantion, нем. – toleranz, фран. – tolerance. В процессе историко-культурного развития категория «терпимости» («толерантность») претерпевала изменения, т.к. менялось само общество. Во главу угла в человеческих взаимоотношениях становились разные идеи.

В этнологическом словаре «Этнос, нация, общество» приводятся два определения понятия толерантности: «Толерантность» – 1) терпимость, снисходительность к кому или чему-либо; 2) в социальном аспекте, толерантность лежит в основе культурных измерений человеческой субъективности, является «барометром», который в той или иной мере позволяет определить уровень общественной зрелости людей, культуру участников социального общения, их готовность к общему поиску путей примирения, согласия и мира. Толерантность требует определенного самоограничения, бывает принципиальной, т.е. базируется на твердых убеждениях о ее необходимости или же прагматической, т.е. целесообразной (ситуационной) практикой отношений» [3, с. 148–149].

Проблема толерантности, затрагивающая интересы науки и религии, имеет глубокие исторические корни. Социально-философское и религиозное обоснование толерантности изучали многие ученые (Л.М. Дробижева, В.М. Золотухин, Г.У. Солдатова, П.М. Козырева, В.А. Лекторский, А.В. Перцев, Б.М. Хомяков, С. Хантингтон, И. Валлерстайн, А. Гжегорчик, К. Поппер, А. Токвиль, М. Уолцер, А. Этциони и др.), определившие три основные подхода к урегулированию конфликтов: предупреждение, улаживание, разрешение.

Конечно, религия несет и этические функции, и социальные. Они оказывают свое влияние на вектор развития религии, активное противодействие различным проявлениям нетерпимости. Последние десятилетия связаны с ростом этнического самосознания во всем мире. Интерес к своим корням, поиск уверенности в завтрашнем дне, стабильности и защиты связан с обращением к двум межпоколенным социальным группам – семье и этносу. Именно семья является первым и основным (а иногда единственным) источником знаний об этнических особенностях, свойственных тому или иному народу (старшее поколение является хранителем традиций). Наши предки прекрасно понимали четыре закона природы: всё связано со всем; всё должно куда-то деваться; ничто не дается даром, природа знает лучше и нам, современным людям, предстоит задача вернуться к истокам, духовным корням. Возврат к духовным корням не предполагает возврата в первобытное состояние. Наоборот, обращение к ним должно способствовать прогрессу современного общества. Академик Д.С. Лихачев, подчеркивая важность развития этнокультур, отметил: «Для жизни не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной сферы – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей среды. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его привязанности к родным местам; его дисциплины, социальности и толерантности» [6, с. 47].

Родители – основные воспитатели детей, их роль в воспитании толерантности у детей огромна. Семья дает ребенку опыт взаимодействия с людьми. В ней он учится общаться, уважать мнение других. В освоении толерантности большое значение имеет личный пример родителей. К сожалению, сегодня подрастающее поколение часто видит не лучшие образцы поведения в семьях. Насилие в семье и на экране телевизоров ведет к насилию, нетерпимости в жизни.

Воспитательные возможности ценностей религиозной культуры в светской школе состоят в том, что ими поддерживаются определенные аспекты общезначимого гражданского воспитания и развития личности детей с дошкольного возраста, молодежи, включающего и формирование толерантных установок в межличностных и социальных отношениях.

Таким образом, формирование культуры межнациональных и межличностных отношений требует, прежде всего, взаимодействия школы с семьей, с социальной средой. Воспитание культуры толерантности, на наш взгляд, должно осуществляться по формуле: «родители + дети + учитель». Воспитание в пространстве диалога культур способно создавать своеобразный духовный иммунитет против экстремизма у развивающейся личности.

Изучение проблемы взаимовлияние различных культур убеждает в том, что именно общность наилучшим образом подчеркивает самобытность куль-

тур разных народов. Существование различных этносов предопределяет возможность возникновения проблем во взаимоотношениях и необходимости толерантных отношений. Уникален пример взаимоотношений среди татар: христиане – крещенные татары и мусульмане-татары; при достаточно дружелюбных взаимоотношениях живет и развивается этот этнос в Татарстане и в Башкортостане; таких примеров немало в России. Этнический обзор народов России дает богатую информацию о нашей великой стране – веками находясь в дружеских отношениях, нации и народности взаимно обогащают друг друга этническими приобретениями, которые выясняют возможности старых обычаев в современных условиях и определяют целесообразность новых обычаев, содействующих воспитанию человека. Это позволит развить у подрастающего поколения комплекс качеств, столь необходимых современным детям, таких как вежливость, гостеприимство, уважение к старшим и друг другу, почитание родителей, т.е. толерантное отношение в обществе. Таким образом, этническое воспитание обращено лицом к человеку, к практике, оно служит ей, вооружая учителей педагогическими средствами, проверенными многовековой воспитательной практикой.

Вхождение российского образования в мировое образовательное пространство делает его открытым для различных педагогических систем, но и выводит на первый план проблему методологических основ этой деятельности; она должна соответствовать требованиям поливариативности, мозаичности, множественности. Поэтому современному педагогу необходимо формировать у себя особое мировоззрение, позволяющее синтезировать различные подходы к организации образовательного и воспитательного процесса [1, с. 53].

У истоков практически всех национальных культурных традиций лежит определенное мировоззрение, и практически для всех исторических цивилизаций и культур, включая и российскую цивилизацию и культуру, таким корневым основанием являются традиционные религии. В России формировались самосознание, обычаи, нравственные нормы, весь действующий в течение длительного исторического времени менталитет русского суперэтноса и русской (российской) нации как гражданско-политического сообщества. Религиями в значительной степени определялись базовые ценности российской цивилизации, да и сами эти ценности нередко формулировались на языке религиозной культуры, общности педагогических культур, которые объясняются многими факторами.

Сущность всех мировых религий заключается в формировании нравственной личности. Например, изучение Корана позволяет нам констатировать: ислам провозглашает приоритет общечеловеческих ценностей, заключающихся в принципах Жизни, Счастья и Свободы. Главными качествами мусульман в Коране считается спокойствие и достоинство. Причем они должны воспитать у себя такое самообладание, которое гарантировало бы совершенно адекватное восприятие издевательств и унижений со стороны неверных. Перечисленные черты характера личности можно взять в качестве примера для всех народов Земли. На основе терпимости, компромисса, уважения точки зрения оппонента они создали бы на Земле взаимоотношения добра и сотрудничества. Данная модель поведения содержит глубоко философский смысл, сокращенный вариант которого был высказан великим Сократом. Когда ему сказали, что недоброжелатели говорят о нем нехорошие вещи, он просто ответил: «Меня это не касается!». Мы это понимаем так: великая мудрость заключается в том, чтобы увидеть свои проблемы и недостатки, и тогда чужие слова, «несправедливое» отношение общества к тебе отойдут на второй план. Каждого касается только то, что есть у него самого: недостатки, ошибки, просчеты и проблемы. Если человек поймет это и начнет исправлять себя, то исправлять какую-либо часть или все общество будет уже незачем и некому [2, с. 63].

Эгоизм можно победить всем миром. Великие русские ученые Циолковский, Вернадский, Чижевский также отметили, что люди спасутся тогда, когда научатся жить вместе, когда они сплотятся и станут единым целым. Разрозненные люди – это легкая добыча для «нечистых сил» на Земле. «Каждый человек просто обязан навести вокруг себя порядок, справедливость и гармонию. Это его обязанность как человека, и как гражданина, и как члена семьи. Каждый из нас не имеет права терпеть нарушения принципов этики человеческих отношений; каждый обязан утверждать и в себе, и в своем окружении честность и неподкупность» [5, с. 179]. Таким образом, фундаментальные морально-этические требования вероучения мусульман – это терпимость к социально-экономическим невзгодам, представителям иных этносов и верований, общественным классам и слоям; нет оснований обвинить данную религию в разжигании экстремизма в какой-либо форме. Наоборот, священный Коран устанавливает, что ислам должен стать духовной альтернативой экстремизму и интолерантных отношений во всех его формах.

Формирование толерантной личности, способной к реализации личных и профессиональных компетенций в условиях современного полиэтнического пространства, становится объективным требованием времени. Понимание толерантности как неотъемлемого качества психологической зрелой личности ставит необходимой задачу ее активного формирования и развития.

Отдельными исследователями отмечается наличие парадокса толерантности: «неограниченная

терпимость должна привести к исчезновению терпимости <…>, во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимым к нетерпимым» (К. Поппер). Следовательно, толерантность – это не индеферентность, т.к. она предполагает активное противодействие различным проявлениям нетерпимости. С целью изучения межэтнической толерантности Т.Г. Стефаненко провел опрос в Московском психосоциальном институте 50 студентов 2–3 курсов. Опрос показал, что 72% опрошенных испытывают позитивные переживания, связанные со своей этнической идентичностью (они считают, что за границей им было бы приятно ощущать себя представителем именно своего народа). Чувство гордости за свою национальную принадлежность коррелировало с возможностью повторного выбора своей национальности, четким осознанием своих национальных корней, желанием, чтобы о россиянах всегда говорили с уважением. Кроме того, обнаружилась прямая зависимость между степенью уважения к своей национальности, с уважением к представителям других национальностей, 38% выразили сомнения в национальной самоидентификации, не выразили чувства гордости за свою национальную принадлежность.

Изучение соотношения таких компонентов этнической идентичности, как «россиянин» как и «русский» (армянин, чеченец и т.д.) показало, что для 55% опрошенных важнее ощущать себя гражданином России, а не представителем своего народа. Вместе с тем 53% респондентов не хотелось бы, чтобы все нации постепенно смешивались. Около 60% опрошенных верят, что конфликты между народами в нашем обществе в будущем прекратятся, что полное взаимопонимание между нациями достижимо. Эти результаты анкетирования подтверждают точку зрения большинства исследователей о том, что существует тесная связь между позитивной этнической идентичностью и межэтнической толерантностью.

В соответствии с Декларацией ЮНЕСКО о принципах терпимости «наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости является воспитание». Современные подходы к воспитанию в российской педагогической науке объединяет принцип опосредованного воздействия на воспитанника путем создания воспитательного пространства, предоставляющего условия для развития личности, становления системы ценностей человека. При этом позиция воспитателя в воспитательном процессе понимается как позиция равноправного в личностном плане партнёра, вступающего в диалог с воспитанником.

Образ человека, определяющий направленность педагогических усилий, должен предстать как образ свободной и гуманной личности, способной обретать свою духовную сущность, постигая культуру и творя её. Потому что именно через культуру такой личности человек естественно входит в социальную жизнь как активный гражданин.

Для педагога это означает, что ядро содержания воспитания должно составлять ценности всей мировой и национальной культуры, в том числе религиозной культуры. Для современного человека вхождение в общественное пространство своей и зарубежной страны невозможно без усвоения всего величия мировой цивилизации. Это позволит молодому человеку в представителях иных этносов, обществ, менталитетов и конфессий видеть равноправных и достойных уважения людей [4, с. 67].

Таким образом, толерантность – это активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этносами, социальными группами и сохранения мира на Земле. А это требует навыков налаживания позитивного взаимодействия между людьми разного пола, возраста, национальной и религиозной и социальной принадлежности, которые формируются через призму духовно-нравственного воспитания в семье, в школе, и культурного потенциала общества.

Библиографический список

1. *Асадуллин Р.М., Бенин В. Л.* Антропологические основания педагогического образования. – М.; Уфа: БашГПУ, 2000. – 96 с.

2. *Добаев И.П.* Механизмы социальной и политической мобилизации в радикальном исламе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Северокавказское обозрение. – Вып. №1 / Под ред. В.В. Черноуса. – Ростов-на-Дону, 2001.

3. *Козлов В.И.* Этнологический словарь. – М., 1996. – С. 148–149.

4. *Олейник В.С., Якупов М.Т.* Социальные детерминанты экстремизма. – Уфа: Баш ГПУ, 2011.

5. *Пеунова С.М.* Живи без эгоизма. – Самара: Изд. Дом Светланы Пеуновой, 2013. – 272 с.

6. Ценностные ориентации в подготовке специалистов. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: БГПИ, 1997. – С. 47.

УДК 111

Подзолкова Наталия Андреевна
Озёрский технологический институт (филиал)
Национального исследовательского ядерного университета МИФИ, г. Озёрск
natalynxy@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ХОЛАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕТОДОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ

В статье анализируется один из базовых приёмов логического мышления – классифицирование – с точки зрения холархической модели, предложенной американским философом К. Уилбером. Для этого постулируется идея уровневого развития, и выявляется механизм трансформации уровней. На примере классифицирования демонстрируется потенциал холархической модели как нового синтетического принципа в методологии.

Ключевые слова: *холархическая модель, механизм трансформации, классифицирование, методология, соотношение универсального и единичного.*

В общеисторическом введении к «Философским началам цельного знания» великий русский философ Владимир Соловьёв сформулировал основные законы и этапы развития [3, с. 140–145]. Во-первых, он отметил, что понятие «развитие» применимо только к органическому существу, т.е. к некоторой жизнеспособной целостности элементов. Во-вторых, выявил три необходимых стадии взаимодействия элементов внутри этой целостности. Первый этап – элементы находятся в неразличённом единообразии, второй этап – элементы обособляются и стремятся реализовать свой внутренний потенциал, третий этап – элементы приходят к взаимосогласованному единству. Владимир Соловьёв также утверждал, что эти принципы развития равно применимы как для мира биологической жизни, так и для истории человечества как некого сверхбиологического образования.

Спустя сто лет американский философ Кен Уилбер виртуозно продолжил органическое построение «цельного знания», используя в качестве базового элемента понятие «холон сознания». «Холистическая эволюция природы, повсюду производящая всё более высокие степени целостности, в человеческой психике проявляет себя как развитие и рост, – писал Уилбер. – Та же самая сила, сделавшая из амёбы человека, делает из детей взрослых» [5, с. 18]. Уилбер полагает, что взросление человеческой психики – это сжатый вариант эволюции космоса. Гипотеза заключается в том, что сама по себе методология мышления в свою очередь является сжатым вариантом эволюции психической жизни в целом, а, следовательно, для неё также применимы принципы холархического взаимодействия. Рассмотрим их несколько подробнее.

Понятие «холон» ввёл в 1967 году Артур Кёстлер. Он писал: «Организм нужно рассматривать как многоуровневую иерархию полуавтономных субцелостностей, разветвляющихся на субцелостности низшего порядка и т.д. Субцелостности на любом уровне иерархии называются холонами»[1, с. 1]. Концепция холона была введена, чтобы доказать относительность понятий «часть» и «целое» в области живого. Кен Уилбер дополнил понятие холона важными характеристиками. Каждый холон обладает следующими четырьмя способностями («импульсами»): «горизонтальными» – это 1) организация (поддержание своей автономии, целостность) и 2) взаимодействие (способность вписаться в среду, выполнение обязанностей части другого целого); «вертикальными» – это 3) самоопределение (движение на более высокий уровень, способность превзойти самого себя) и 4) самораспад (движение на более низкий уровень, разделение на подхолоны) [4, с. 51–55]. Именно «вертикальные импульсы» представляют наибольший интерес для исследования, они не просто раскрывают внутреннее содержание холона, но придают ему определённую глубину (кстати, в терминологии Уилбера понятия «глубина» и «сознание» тождественны).

Каким же образом Уилбер представляет себе холархическую модель развития? Мир удивительно разнообразен, в нём существует масса абсолютно не похожих друг на друга явлений, и сказать, например, что природа сознания тождественна природе биоты, было бы неправомерным выхолащиванием сути процессов. Тем не менее, существует нечто объединяющее это многообразие. Для любого явления есть свой порядок символических структур или форм, которые связаны между собой единым холархическим принципом: «на каждой стадии структура более высокого порядка – более сложная и потому более объединённая – возникает благодаря дифференциации предыдущего, менее упорядоченного уровня» [5, с. 129].

Если нечто развивается, оно должно последовательно отождествляться, а затем разотождествляться с жёстко заданными структурами, которые в своей совокупности и составляют само явление. Например, подсолнух, чтобы вырасти, необходимо должен отождествиться сначала с семечком, потом с ростком, разотождествив себя с семечком, потом с цветущим растением и т.д. А человеческая психика сначала отождествляет себя с миром, потом разотождествляется с ним и отождествляется с собственным телом, потом проделывает те же операции с сознанием и т.д. Форма каждого момента развития: разотождествление с более элементарной

© Подзолкова Н.А., 2013

стадией и отождествление с более сложной – остаётся одинаковой, независимо от природы объекта. Существенно, что этот процесс продолжается в обратном направлении, чтобы вновь прийти к отождествлению с неким первоначалом, но уже пройдя все стадии дифференциации (третий этап развития по В.С. Соловьёву).

Артур Кёстлер тоже зафиксировал «вертикальный» принцип взаимодействия холонов, обозначив его как иерархии вывода и ввода. «Иерархии вывода уточняют, конкретизируют, классифицируют. Иерархии ввода переваривают, абстрагируют, обобщают» [1]. Всё это позволяет шире взглянуть на природу живого, т.е. способного развиваться, избегая при этом механистичности системного подхода. Действительно, всё в мире можно представить как иерархию систем и подсистем, но не все такие иерархии являются холархиями.

Теперь можно вернуться к рассмотрению методологии мышления с точки зрения холархической модели. Вне этой модели мы могли говорить о мышлении только как об определённом модусе живого, о некотором свойстве организмов, не имея возможности рассмотреть мышление как развивающееся целое. Если мышление – это холон, значит, его развитие не спонтанно, оно подчиняется системе уровней собственной природы. Проблема в том, что в процессе своего развития мышление необходимо отождествляет себя с той или иной методологией и не может выйти за её пределы, прежде чем данная методология будет полностью освоена. Это справедливо как для индивидуального мышления, так и для общекультурных методологических открытий.

Можно проследить, как методология развивалась от силлогистики Аристотеля до индуктивных обобщений Бэкона, затем от дедуктивного метода Декарта до попыток всеобщего логического детерминизма Лейбница. И каждый новый уровень методологически преодолевал предыдущий, включая его в себя в качестве составной части. Но совершенно особое место в этом ряду, как это справедливо отмечено в работе Е.Л. Шершнёва [6, с. 41–43], занимает методология классифицирования.

Речь идёт о специальной формально-логической операции, раскрывающей объём понятия. Помимо того, что классификация занимает фиксированное место в системе знаний, в самой природе классифицирования заложен внесистемный универсальный потенциал. Мы бы назвали этот потенциал структурно-холархическим. Классификация строится по принципу «род-вид», а не «целое-часть», при этом процедура деления сохраняется. Таким образом, мы всегда получаем часть, которая тождественна целому – фактическое определение холона. Если проводить аналогии с математикой, то классификация напоминает фрактал, но такой, для которого всегда можно вычислить первоначальную функцию (мечта математиков!).

У мышления, как мы уже сказали, есть своя природа и, следовательно, своё назначение. Это назначение – прояснять смысл понятий, т.е. создавать поле взаимопонимания между разными субъектами мышления. Содержание понятия раскрывается операцией его определения. Известно, что это самая сложная формально-логическая операция. Поэтому давно замечено, что операция целенаправленного деления понятия (т.е. классифицирование) лучше раскрывает его содержание, несмотря на то, что работа с содержанием ведётся как бы опосредованно (через объём понятия). Возможно, попытка проанализировать процесс классифицирования с точки зрения холархического взаимодействия объяснит указанный феномен.

Для примера возьмем классификацию умозаключений, поскольку интуитивно понятно, что это такое, и все умеют строить умозаключения и делать какие-то выводы. Человек, который впервые серьёзно задумывается о природе умозаключений, находится в очень сложной ситуации. Он видит вокруг массу объектов, которые мог бы так назвать, но ни один этот объект не может послужить поводом для первоначального деления. Ведь нужно обнаружить природу любого умозаключения, а не этого конкретного. Что в этом конкретном справедливо для всех умозаключений, а что является индивидуальными особенностями. Так осознаётся первоначальная пустота и бессодержательность общих понятий. Для того чтобы начать делить умозаключения на виды, необходимо обнаружить признак, по которому это можно сделать, а признак – это уже показатель содержания (смысла). Если нам удалось, например, обнаружить, что одни умозаключения выводят частные следствия из общего правила, а другие, наоборот, из конкретных фактов выводят общую закономерность, то мы на время совсем забываем о первоначальном намерении понять природу любого умозаключения (происходит разотождествление с одним уровнем) и целиком погружаемся в процесс узнавания дедукции и индукции (отождествление мышления с другим уровнем). На этом этапе можно задержаться довольно долго. Затем, например, мы понимаем, что среди дедуктивных умозаключений есть такие, которые можно исчислять, подобно математическим примерам, отвлекаясь от сути самих высказываний, а есть такие, которые требуют осознания каждого отдельного понятия. И тогда кто-то навсегда остаётся в мире формул и знаков математической логики, а кто-то посвятит себя силлогистике (отождествление с новым уровнем). В подавляющем большинстве случаев мышление уже никогда не возвращается обратно к исходному общему понятию, ведь переход с одного уровня на другой – операция очень энергоёмкая, но именно она называется развитием с точки зрения холархического взаимодействия.

Если же мышлению удаётся освоить весь путь деления «вниз» до самых единичных и конкретных проявлений изучаемого объекта, то смысл этих единичных объектов несказанно обогащается. Ведь теперь мы узнаём в каждом объекте массу признаков, которых раньше не замечали. Мы помним, на каком этапе эти признаки появились, и значит, какое место это конкретное целое занимает в системе более глобального целого, а такой взгляд уже можно назвать пониманием.

Интересно, что формальная логика практически не рассматривает обратное движение по классификации – «вверх» к исходному понятию, в итоге, оно так и остаётся забытым и бессодержательным, но это неверно. Движение «вверх» к обратному собиранию целостности более крупного порядка – это наиболее сложный этап процесса развития. Именно ради его освоения в методологии мышления стоит применять холархическую модель. Владимир Соловьёв предложил в своё время противоположный формальной логике закон прямого отношения универсального и индивидуального [2, с. 289]. Смысл этой новации в мышлении становится понятен лишь сейчас в свете исследований А. Кёстлера и К. Уилбера.

Библиографический список

1. *Кёстлер А.* Общие свойства открытых иерархических систем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylib.ukrweb.net/books/koest01.htm (27.05.2013).

2. *Соловьёв В.С.* София // Логос. – 1993. – № 4. – С. 274–296.

3. *Соловьёв В.С.* Философские начала цельного знания // Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 139–288.

4. *Уилбер К.* Краткая история всего. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 467 с.

5. *Уилбер К.* Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. – 314 с.

6. *Шершнёв Е.Л.* Классифицирование как альтернатива lingua generalis // 10 юбилейная научно-практическая конференция «Дни науки 2010»: тезисы докладов. В 2-х т. Т. 1. – Озёрск: ОТИ НИЯУ МИФИ, 2010. – С. 41–43.

УДК 1(091)

Ращевская Елена Петровна
кандидат культурологи
Костромской государственный технологический университет
raschevskaya@mail.ru

КОСМИЗМ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА И РУССКИЙ КОСМОГОНИЧЕСКИЙ МИФ

В сравнительном анализе определяется место космизма Д. Андреева в поле русской культуры и философии. В традициях русской религиозной философии космизм Д. Андреева рассматривается как целостная концепция понимания Мира и Человека и как особое – софиологическое – мировосприятие. Выявляются корни космогонического мифа Д. Андреева в творчестве Вл. Соловьёва, Д.С. Мережковского, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина.

Ключевые слова: *космос, космизм, космогонический миф, София, софиология, Всеединство, Вселенская Церковь, творчество, свобода, природа, пространство, время, вечность, индивидуальность.*

Космизм Д. Андреева, вобравший в себя элементы религии и философии, поэзии и искусства, устремлённость к космическим безднам и способность к их постижению, сближает творчество поэта и мыслителя с культурой Серебряного века, с творчеством представителей русского космизма. В основе исследования обозначенной проблемы лежит сравнительный анализ текста Д. Андреева с трудами Вл. Соловьёва, с идеями Д.С. Мережковского, с которыми первый, несомненно, был хорошо знаком. Выявляемые параллели с размышлениями С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского основаны на презумпции возможности знакомства Д. Андреева с их работами, однако, скорее всего, представляют случайные, но весьма симптоматичные совпадения. По Д. Андрееву, космизм как мирочувствие даёт человеку видение цели своего космогонического пути – Бого-сотворчества. Мировоззрение Д. Андреева вполне созвучно и современному пониманию космизма, в определении В.Н. Дёмина, как «интегральной и синтетически целостной концепции постижения Мира и Человека» и как мировоззрения, как «отношения к космосу, особого прочувствования Вселенной – научно-осмысленного, эмоционально-личностного или философски-эвристического» [7, с. 3]. Стержневой принцип философского космизма – положение о единстве Вселенной и повторяющей её в своей организации личности, – обусловленный самой природой человека как планетного, космического существа [3, с. 40; 7, с. 5–6] ярко выражен в мировоззренческой позиции Д. Андреева.

Говоря о космизме Д. Андреева, необходимо сказать, что поэт не мыслил свою жизнь без общения с природой. Для этого он уезжал на лето в маленький городок Трубчевск, бывший уездный центр Орловской губернии [14]. Д. Андреев самозабвенно растворялся в природе, находя в ней живое, материнское начало, единый организм [6, с. 158]. Хождение босиком для Д. Андреева было элемен-

© Ращевская Е.П., 2013

том образа жизни. Он чувствовал, что силы самой Матери-Земли входят в него через босые ступни, о чём писал в цикле стихов «Босиком» и в письмах к родным [1, с. 26, 401, 463, 465–466].

Трубчевские друзья Д. Андреева вспоминают, что, гуляя по лесу, он никогда не срывал цветов, грибов и ягод, а только восхищался ими, что сопоставимо с правилами джайнистов [4, с. 95]. Даниил любил устраивать в лесу игру: перебегая от дерева к дереву, он на разные голоса произносил от их имени целые монологи [14, с. 42]. Небольшую речку Неруссу, которую поэтически рисовал в письме брату [6, с. 161], Даниил боготворил, живо контактируя с её душой-стихиалью.

Следует согласиться с мнением современных исследователей [17, с. 57; 15, с. 137–139], что космизму Д. Андреева, несомненно, присущи черты пантеизма, и отметить в этом сходство в мировоззрении В.С. Соловьёва и Д. Андреева. Здесь необходимо обозначить возникающую в современной науке проблему: многие исследователи воспринимают пантеистические положения русских религиозных философов и мыслителей как посягательство на основы христианской догматики [11, с. 191, 193, 196–197].

Думается, обозначенную проблему возможно решить, если учесть, что в русской культуре язычество и христианство не противоречат обоюдным устоям. К тому же язычество является той духовной основой, в которой укоренилось христианство, о чём писал Д.С. Мережковский [12, с. 78, 83, 85]. Д. Андреев, явно перекликаясь с Д.С. Мережковским, связывает историческую катастрофу России первой половины XX века именно с многовековым угнетением язычества. Это привело к угасанию в русской православной церкви духовности, в русской культуре – «элементов магических и мистериальных» [2, с. 404], в народе – национального самосознания. С учётом этого было бы целесообразным поддержать точку зрения исследователей (В. Дронов [8, с. 154; 13, с. 206], Б.Н. Романов [16, с. 62]), которые считают, что, имея в своём мироощущении элементы пантеизма, Д. Андреев всё-таки оставался верным христианской монотеистической догматике.

Возвращаясь к отмеченной пантеистическим мироощущением космогонии Д. Андреева, необходимо сказать, что автор «Розы Мира» особенно тепло воспринимает в природе женственные души рек. Блаженство жизни каждой реки сродни тайне Божественной вечности: оно заключается в способности отдавать свои воды, а вместе с ними силы и любовь большей реке или морю, радуясь и не оскудевая при этом. Эти качества речных душ в художественно-философском пространстве Д. Андреева выражают черты Божественной Женственности, то есть Софии, – её веселие и причастность к Божественной бесконечности.

Именно на реке Неруссе, приобщившись к выраженной в её душе Софии, Д. Андреев в июле 1931 г. пережил метаисторическое озарение (по Д. Андрееву, это один из этапов познания трансцендентного органическим мышлением художника), в котором ему открылись всемирная гармония и всеединство. Ощущая струение Неруссы сквозь собственную душу, постепенно включавшее в себя «всё, что было на земле, и всё, что могло быть на небе», поэт вошёл в состояние некоего транса, невыразимого блаженства. Д. Андреев, поэтизируя пережитое, писал, что он вдруг вместил в себя «стройные сферы», которые, «медлительно вращаясь, плыли во всемирном хороводе»; он разом вобрал в душу «древние леса и прозрачные реки», людей, спящих у костров, и «народы близких и дальних стран, утренние города и шумные улицы, храмы со священными изображениями, моря»… Знаменательна фраза, передающая суть происшедшего: «…действительно всё было во мне тою ночью, и я был во всём» [2, с. 85–86]. Это переживание является ключевым для обоснования близости Д. Андреева к творчеству русских мыслителей, разработавших концепцию Софийного Космоса – В.С. Соловьёва, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина.

Будучи на этом поприще последователем, прежде всего, В.С. Соловьёва, Д. Андреев категорию Всеединства – центральную в их системе – не отделяет от категории софийности. Иными словами, связь между Макрокосмом и Микрокосмом в системе Д. Андреева имеет софийную природу и реализуется через посредство Софии в её земных проявлениях. Д. Андреев воочию пережил на Неруссе через её женственное начало осуществление в себе Вселенского всеединства.

София у В.С. Соловьёва и Звента-Свентана, её воплощение в Небесной России, у Д. Андреева приобщают смертно-конечных человеческих индивидуумов во Вселенской Церкви к вечному человечеству – к Богочеловечеству, неотъемлемой части Вселенной. Сходно у В.С. Соловьёва и Д. Андреева ощущение космичности человеческой природы, осознание того, что человек в творческом постижении и осуществлении беспредельной полноты бытия «обнаруживается как центр всеобщего сознания природы, как душа мира, как осуществляющаяся потенция абсолютного всеединства» (В.С. Соловьёв) [18, с. 755]; что он заключает в своём сознании «положительное единство всего» как истину – образ Божий (Д. Андреев). И хотя в космизме В.С. Соловьёва и Д. Андреева сквозят традиции пантеизма и даже античного гностицизма (последние связанны с идеей Божественной полярности), Космос, воссозданный ими, – прежде всего, Русский Космос, ибо В.С. Соловьёв в Софии и Д. Андреев в Звенте-Свентане видят лучезарный дух возрождённого человечества и небесно-косми-

ческую сущность, которая является охранительницей России, так или иначе оказывается неотъемлемой частью истории русского народа.

Д. Андреев в традициях В.С. Соловьёва, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова видит абсолютную ценность личности в том, что она «содержит единоприродные с Божеством способности творчества и любви» [2, с. 34], Божественные глубину и свободу – свойства, «врождённые» [2, с. 101] ей, свидетельствующие о «сыновстве» человека по отношению к вселенской природе, его «отчему дому» [2, с. 79]. В учении С.Н. Булгакова автору «Розы Мира» близки мысли о «софиологическом» видении мира – единственном, по мнению философа, которое обеспечивает правильное постижение природы, человека и духа в их генетической целостности и взаимосвязи. Несмотря на известные религиозные опасения [5, с. 197], С.Н. Булгаков ощущает в красоте природы «частичное или предварительное преображение мира, явление его в Софии», что «поднимает человека в мир вечных идей». Природа способна «рассказать на языке небожественном о вещах божественных» [5, с. 199].

Д. Андреев не видит, в отличие от Булгакова, противоречия по отношению к догмату в призыве к софиологическому, «сквозящему», в его терминологии, созерцанию вещей, способному к постижению единства бытия, дающему «ощущение прозрачности физического слоя», видение «просвечивающих сквозь него слоёв трансфизики» [2, с. 76]. Такое «вселенское» прозрение в мир природы, по Д. Андрееву, сочетает «языческую жизнерадостность, монотеистическую одухотворённость и широту знаний научной эры, все эти элементы претворяя в высшее единство» религии итога [2, с. 77]; являет собой «прорыв космического сознания» [2, с. 84].

Тесно переплетаются размышления Д. Андреева и с софиологией П.А. Флоренского, в которой раскрывается роль Софии в организации Космоса как «многоединого существа». В «Розе Мира» есть мотивы, созвучные идее П.А. Флоренского о равнозначности Микро- и Макрокосма [19].

Д. Андреев идёт несколько дальше П.А. Флоренского, пробуя в буквальном смысле «прочитать» в человеческой духовной сфере содержание Космоса, например, при решении вопроса о примате бытия и сознания. Объективные факторы и живые космические сущности, определяющие сознание отдельной конкретной личности, Д. Андреев встраивает в некую структуру, моделирующую Макрокосм: их бытие, по мере восхождения по лестнице космической иерархии, всё более совпадает с сознанием, стремясь к единству бытия и сознания Бога-Отца.

Получается, что Д. Андреев в человеческом Микрокосме обнаруживает и прочитывает целостный строй Макрокосма [2, кн. 2. О метаисторическом и трансфизическом методах познания]. Так, в середине XX века русская космистская мысль в лице Д. Андреева возрождает в себе собственные истоки – народный космизм в духе Голубиной книги и древнеарийских представлений о единой Вселенской сущности, реализующей себя в мириадах конкретных индивидуальностей, зовёт к принципиально новому восприятию природы, космоса и общению с ним.

Поэтические воззрения на космическое всеединство Д. Андреева и Л.П. Карсавина в чём-то стихийно совпадали. Факт, что в размышлении о земной реализации Божественного всеединства во Вселенской церкви Л.П. Карсавин оспаривает термин «интернациональное сообщество», а Д. Андреев вводит в свою книгу понятие «интеррелигия», относится лишь к словоупотреблению и не является основанием для вывода о разнице в мироощущении мыслителей. Оба они понимали земную реализацию Вселенской церкви как «соборное единство» национальных церквей, взаимовосполняемых «в единстве любви Христовой» [10, с. 420]. Их труды, прежде всего, сближает понимание пространственности и временности как главных атрибутов космоса. Л.П. Карсавин из софийно понимаемого всеединства выводит понятие всевременности. Он открывает, что временная последовательность «прошлое – настоящее – будущее» есть частный случай целостной всеобщности – вечности. Мыслящий человек, погружаясь в себя, поднимается над временем, соединяет его цепочку в настоящем – «и то, что минуло, и то, что придёт», – личностно расширяется, чтобы в вечности стать «всеединым и всевременным», «сразу единым и многим» [9, с. 146–147].

Д. Андреев, исходя из понимания многослойности Вселенной и её непрестанного эволюционного развития, пишет, что материальность различных миров планетарного космоса отличается числом пространственных и временных координат. Высшие Божественные миры имеют не одно, как у нас, а несколько измерений времени: оно течёт «параллельными потоками различных темпов». Это даёт субъекту возможность воздействовать на категории, которые в земном времени и пространстве ему недоступны, – например, на прошлое. Д. Андреев терминологически перекликается с Л.П. Карсавиным, воспринимая подобное бытие как «симфоничное», в нём сущность обретает «вселенскую целостность», «полноту жизни», которую переживает как воистину софиологическое ощущение счастья [2, кн. 3. Структура Шаданакара. Миры восходящего ряда].

Так в середине XX века русская космистская мысль преодолевает трагическое мировосприятие личности рубежа XIX-XX веков, осознающей свою пространственно-временную связанность и конечность. Само пространство и время софийного Кос-

моса делают реальной возможность сохранения в вечности человеческой индивидуальности, о которой писал ещё В.С. Соловьёв. В ней – главный смысл космогонического пути человечества.

Библиографический список

1. *Андреев Д.Л.* // Собр. соч.: в 3 т., 4 кн. Т. 3, кн. 2. – М.: Редакция журн. «Урания», 1997. – 560 с.
2. *Андреев Д.Л.* Роза Мира / под ред. Б.Н. Романова; сост., подгот. текста А.А. Андреевой // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. – М.: Моск. рабочий: Присцельс, 1995. – 608 с. (Далее при ссылке на это издание при отсутствии точной цитаты в квадратных скобках указывается номер и название книги-раздела из «Розы Мира».)
3. *Афанасьев А.Н.* Дерево жизни. – М.: Современник, 1982. – 464 с.
4. *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. – М.: Наука, 1980. – 332 с.
5. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
6. Даниил и Вадим Андреевы: братья знакомятся. Письма Д. Андреева к родным // Звезда. – 1997. – № 4. – С. 153–163.
7. *Дёмин В.Н.* Русский космизм: от истоков – к взлёту // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 1996. – № 6. – С. 3–18.
8. *Дронов В.* «О пламенном хоре, которого нет на земле…». Даниил Андреев и православная традиция // Даниил Андреев в культуре XX века. – С. 151–155.
9. *Карсавин Л.П.* Noctes Petropolitanae // Карсавин Л.П. Малые сочинения. – СПб.: Алетейя, 1994. – С. 99–203.
10. *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство. – СПб.: Алетейя, 1994. – С. 414–446.
11. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьёв и его время. – М., 2000. – 613 с.
12. *Мережковский Д.С.* Тайна трёх. Египет – Вавилон. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Око, 2001. – 560 с.
13. «О пламенном хоре, которого нет на земле»: по материалам обсуждения за «круглым столом», посвящ. творчеству Д. Андреева // Новый мир. – 1996. – № 10. – С. 203–215.
14. *Павлова Г.* Трубчевск и трубчане в жизни и творчестве Даниила Андреева // Даниил Андреев в культуре XX века. – М.: Мир Урании, 2000. – С. 40–45.
15. *Розин В.М.* Учение Даниила Андреева «Роза Мира» // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 137–145.
16. *Романов Б.Н.* Святая Русь и Святая земля Даниила Андреева // Даниил Андреев в культуре XX века. – С. 58–72.
17. *Соина О.С.* «Роза Мира» Д. Андреева: антиномия морали и мистики // Человек. – 1997. – № 2. – С. 47–61.
18. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Спор о справедливости: сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – С. 744–802.
19. *Флоренский П.А.* Макрокосм и микрокосм // Оправдание Космоса. – СПб.: РХГИ, 1994. – С. 188–191.

УДК 111.1

Симаков Станислав Юрьевич
кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
simstan@mail.ru

ТЕЛО И МИР: РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с феноменологией телесного опыта. В противоположность классической теории интенциональности, полагающей сознание единственным источником символической активности, в статье анализируется феномен интенциональности тела, раскрывается роль человеческой телесности в конституировании образов мира.

Ключевые слова: *интенциональность, телесность, мир, схема тела, пространство, смысл, деятельность.*

Если верно, что философия начинается с удивления, то удивительным в свою очередь оказывается также и то, насколько, в сущности, редким событием в жизни человека является подобный акт: ведь повод для такого изумления что называется всегда «под рукой»: это наше собственное тело. Уже самая элементарная рефлексия способна разрушить привычный образ «тела наличного», внутри-мирного, которое всегда находится в конкретном «здесь-и-сейчас», и ввести в понятийный обиход нашего мышления образ тела «отсутствующего», лишенного всякого топоса, то есть различить «тело-объект» и «тело-субъект». Для этого достаточно обратить внимание на удивительную амбивалентность телесного опыта. Ведь тело – это то, что мы воспринимаем, и одновременно сам способ восприятия – чувствующее и чувствуемое, ощущающее и ощущаемое. В качестве средства восприятия наше тело поистине неуловимо, «бесплотно», идеально; являясь же частью мира, оно разделяет с другими сущими «плотность» и тяжесть бытия. Я смотрю на яблоко, кото-

© Симаков С.Ю., 2013

рое лежит передо мной, но я не в состоянии увидеть или каким-то другим образом «ухватить» сам акт видения; я беру яблоко в руку и ощущаю его твердость, но я совершенно не способен «поймать» процесс осязания его поверхности. Всякий раз в опыте восприятия сознание словно «проваливается» в объектность, качество вещи. Кажется, таким образом, что тело выступает лишь своеобразным медиумом сознания, вся роль которого сводится к тому, чтобы позволить явиться вещам мира, свидетельствовать об их присутствии. Но верно ли подобное описание нашего перцептивного опыта? Не является ли оно все еще кантианским, согласно которому наша чувственность – это априорное условие данности явлений (тогда как рассудок – условие их мыслимости)? Не зиждется ли мнимая убедительность такого описания на факте первичной, психологической рефлексии? Действительно, более основательные размышления позволяют не просто констатировать корреляцию тела и мира, но и «увидеть» саму «работу» нашей телесности, понять, каким образом наше тело «участвует» в конструировании конкретных образов мира, наделяет их значением. Нижеследующие рассуждения, таким образом, нацелены на то, чтобы еще раз обсудить, как смысл самого отношения тела и мира, так и эксплицировать некоторые формы данной корреляции.

Представление о том, что тело не только материя души, как было принято думать со времен Аристотеля [1, с. 395], но само обладает формой, получило широкое распространение в постклассической философии. Когда Ф. Ницше словами Заратустры восклицает: «Я тело и душа – так говорит ребенок. И почему не говорить как дети? Но пробудившийся, знающий, говорит: я – тело, только тело, и ничто больше; а душа есть только слово для чего-то в теле. Тело – это большой разум, множество с одним сознанием, война и мир, стадо и пастырь» [5, с. 24], – он не просто эпатирует ученую публику, переворачивая привычные ценностные отношения духовного и телесного, меняя «+» на «–». В действительности, Ницше кладет начало совершенно новому способу философского осмысления, которое все глубже и последовательнее начинает осознавать и учитывать роль телесных детерминаций при формировании различных картин мира: от обыденного мировоззрения до философских или научных построений. Правда, его собственную теорию и метафизику тела, опирающуюся частично на натуралистические и биологизирующие представления, частично использующую язык суггестии и мифа по этой причине едва ли можно считать философски релевантной. И все же именно ему принадлежит заслуга реабилитации «телесного». Импульс, который последующая философия, начиная с А. Шопенгауэра и заканчивая В. Дильтеем, А. Геленом и М. Шелером, получила от воззрений Ницше, стал выступать постоянной темой философских раздумий и проблематизаций, приобретя тем самым характер эвристической и творчески реализуемой исторической задачи. Вскоре на смену натуралистическим и аксиологическим интерпретациям тела пришли сначала отдельные дескриптивные, «технически» выверенные анализы телесного опыта (Э. Гуссерль, Л. Ландгребе), а затем и обширные феноменологические исследования, посвященные проблематике тела (Г. Марсель, М. Мерло-Понти). Именно в этих исследованиях и была представлена новая эпистемология и онтология телесности, которая всячески подчеркивала смыслообразующую роль телесного опыта. Сказанное, впрочем, требует определенного уточнения. Ведь традиционно способность к смыслополаганию в феноменологии связывалась с «интенциональностью», направленностью на объект, которая со времен Франца Брентано считается базовой характеристикой сознания. Что же тогда означает способность нашего тела наполнять мир смыслами, если как раз телесный опыт мы определяем чаще всего через его противоположность сознанию? Попробуем разобраться.

Для начала вспомним известное определение интенциональности, которое дает Брентано в «Психологии с эмпирической точки зрения», тем более что именно эта дефиниция стала впоследствии классической для многих штудий в области феноменологии: «Всякий психический феномен, – пишет Брентано, – характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета, и что мы, хотя и в несколько двусмысленных выражениях, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не должна пониматься реальность), или имманентной предметностью. Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любится, в ненависти – ненавидится и т.д.» [2, с. 33]. К сожалению, очень часто при объяснении «интенциональности» воспроизводилась лишь вторая часть брентановской формулировки, в которой речь идет об объективной направленности психических актов (феноменов). При этом видимо считалось, что достаточно указать на то, что «в любви нечто любится, а в восприятии – воспринимается», чтобы уже стало понятным, в чем заключается сущность интенции. Однако подобное «усеченное» изложение, как и приводимые примеры, провоцировали только ошибочные интерпретации. Такое описание интенциональности давало повод думать, что указанное свойство сознания можно эксплицировать вследствие перемещения внимания с мира «внешнего» на мир «внутренний» – на переживания, эмоции, представления и т.д. В результате осу-

ществления подобной процедуры, якобы и должно обнаружиться, что в нашей повседневной жизни мы постоянно обращены к вещам, событиям, другим людям: мы их ненавидим, боимся, судим о них и т.п. Именно в этом и состоит вроде бы фундаментальное свойство нашего сознания – направленность на объект.

Но в том-то и дело, что указанный опыт «рефлексии» как раз не проводит никакого различия между осознанием объекта и осознанием акта репрезентации данного объекта, между, например, воспринимаемой вещью и актом ее восприятия, иначе сказать – между актом и фактом. Определенность объекта сознания ошибочно выдается здесь за определенность самого сознания. Однако следует заметить, что в подобной психологической интроспекции сознание как раз ничего не знает о своей способности наделять вещи значением. Оно, напротив, полностью погружено в мир объектов – в их признаки, свойства, качества, – рассматривая их как некоторую принудительную данность. Все это способствует тому, что интенциональность ошибочно мыслится как отношение с вещами и явлениями мира, а не как внутреннее свойство сознания, которое сохранилось бы, даже если предположить небытие указанных вещей и явлений. Конечно же, подлинный смысл интенциональности совершенно иной. Достаточно обратить внимание на то, что у Брентано речь идет о ментальной, мыслимой (а не реальной) предметности. Другими словами, отношение к предмету понимается им не как событие в мире, а как указание на «работу» самого cogito, на специфическую активность сознания. Но в чем состоит указанная активность? Развернутый ответ на этот вопрос, впрочем, мы найдем не у Брентано, который ограничился дескрипцией актов сознания, а у Эдмунда Гуссерля. Не ставя перед собой задачи проследить всю эволюцию гуссерлева понятия «интенциональности», – начиная с эпохальных «Логических исследований» и заканчивая текстами, посвященными проблематике «жизненного мира», – остановимся только на тех аспектах, которые отвечают целям настоящей статьи.

В отличие от Брентано, Гуссерль сосредоточен на раскрытии взаимосвязи акта (ноэзиса) и смысла (ноэмы). Если Брентано был, прежде всего, занят исследованием ноэтических структур сознания, то для Гуссерля принципиально важным было эксплицировать саму смыслополагающую, эпистемологическую функцию cogito, ответить на вопрос, каким образом cogito участвует в конституировании смысла предметности. В «Картезианских размышлениях» мы находим ответ. Определенность сознания, в отличие от определенности предмета, раскрывается у Гуссерля как структурно организованное поле возможностей, в котором могут быть совершенны те или иные акты, отсылы или смысловые переходы. «В каждой актуальности, – пишет Гуссерль, – имплицитно содержатся ее потенциальности, которые представляют собой не пустые, но заранее очерченные в своем содержании возможности, а именно, возможности, интенционально намеченные в том или ином актуальном переживании, которые, к тому же, характеризуются тем, что осуществлять их может само Я» [3, с. 113]. Эти «интенционально намеченные возможности», о которых идет речь в тексте, как раз и являются совокупностью способов данности предметного смысла, – интенциональным горизонтом, в котором этот смысл конституируется. То, что «намечено» в актуальном переживании, таким образом, никогда не дается целиком и полностью в некоторой фактичности, но выявляется постепенно в ходе интенционального анализа или феноменологической рефлексии. А сам этот анализ, в свою очередь, следует за структурой взаимосвязанных между собой потенциальных актов сознания, или cogitationes. Тем самым совершается не просто переход от актуального к потенциальному, или от cogitatum к cogitationes, а показывается корреляция того и другого, эксплицируется смыслополагающая функция сознания. Таково вкратце феноменологическое понятие «интенциональности».

Попробуем теперь, учитывая вышеизложенное, распространить идею ноэтико-ноэматической корреляции на сферу телесного опыта. Мы укажем лишь на два взаимосвязанных измерения жизни нашего тела, которым могут быть поставлены в соответствие те или иные смысловые образы реальности. Первое из них связано с двигательной способностью тела, второе – со способностью влечений или желаний. Ближайшим образом телесные детерминации эксплицируются в области восприятия пространственной вещи. Уже Гуссерль заметил, а Ландгребе впоследствии дал этому наблюдению развернутое феноменологическое обоснование, что пространственность мира тесно взаимосвязана с двигательной активностью нашего тела. Не только такие пространственные отношения как «слева», «вверху», «рядом» и т.п. становятся осмысленными только по отношению к местоположению тела, но и сам пространственный образ той или иной вещи обусловлен способностью тела совершать определенные кинестетические акты. В опыте восприятия сознанию дана всегда лишь какая-то одна сторона явления, хотя мы и склонны утверждать, что видим дом или, например, книгу. Другие перспективы вещи даны потенциально, они, говоря феноменологическим языком, лишь антиципируются нашим сознанием. И, тем не менее, стоит нам только изменить позицию тела, как антиципируемые стороны явления станут актуальными, тогда как то, что воспринималось «вживую», напротив, перейдет в план потенциального существования. Таким образом, синтез пространственной вещи становится возможен только благодаря

согласованной кинестетической активности нашего тела. В этом смысле совокупность всех возможных кинестетических фигур человеческого тела можно рассматривать как своеобразный интенциональный горизонт, в котором раскрывается пространственность мира. Именно поэтому М. Шелер утверждал, что «весь этот мир исчез бы не только под взглядом Бога, но уже под взглядом конечного носителя познания, чья плоть была бы полностью редуцирована» [6, с. 222].

Иными словами, мы обретаем пространство, усваиваем смысл пространственных отношений не благодаря рассудку, а лишь в результате овладения нашей телесностью. Систему координат своего тела ребенок усваивает не «мыслительно», определяя всякий раз, какое расстояние пролегает между его рукой и этим блокнотом или кончиком носа, но интуитивно, манипулируя с внешними предметами и реализуя при этом вполне конкретные цели и желания. Следствие подобного манипулирования – формирование телесной схемы человека. Однако еще раз подчеркнем, что двигательная активность человека не является чем-то хаотичным, простой совокупностью случайных, бессмысленных действий. Будь это так, единство мира, по-видимому, пришлось бы ограничить исключительно пространственным измерением. Напротив, всякая телесная деятельность направляется присущей ей системой жизненных влечений, желаний, практических устремлений, даже если последние и не становятся предметом осознания. В «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти отмечает, что вопреки рецептивной теории ощущения интенции нашей телесности, наши рефлексы всегда «следуют смыслу ситуации, они выражают нашу направленность на среду поведения, а равно и воздействие «географической среды» на нас. Они намечают структуру объекта на расстоянии, не дожидаясь от него непосредственных возбуждений» [4, с. 115].

В этом отношении человеческое тело нельзя рассматривать только как «принимающую» инстанцию, как объект внешнего воздействия. Устремляясь в мир, тело становится источником конституирования смыслов, своеобразным субъектом, хотя и субъектом «неклассическим». То, что человеческая телесность «встроена» в систему целей и практических задач, которые представляют собой стиль нашего существования, иллюстрируют также различные патологии в области психического. Все тот же Мерло-Понти приводит пример больного с нарушением двигательной функции. Примечательно, что для такого больного оказывается практически невозможным совершить любое «абстрактное движение», не связанное с привычным образом действия. Просьбы врача указать на какую-либо часть тела или произвести отвлеченное действие (например, просто подвигать рукой) всякий раз заканчиваются неудачей. И наоборот, пациенту значительно легче удаются действия, укорененные в конкретной жизненной ситуации. Так, скажем, больной легко «находит» на своем теле место комариного укуса и выполняет любые задания, актуализирующие ситуативные жизненные контексты: требование причесаться, забить гвоздь и т.п. Все это подтверждает тот факт, что категориальное, или «тетическое», сознание, структуры которого в случае патологий разрушаются первыми, не является базисным. Двигательные расстройства, нарушения телесной схемы выявляют более глубокий пласт человеческого бытия, основу которого составляют привычные телесные действия, устремленные в мир и конституирующие этот мир сообразно структуре желаний и целей. Человеческое тело, таким образом, не есть субстрат, на котором паразитирует сознание. Наша телесность, повторим еще раз, сама обладает специфической смыслополагающей функцией, своей особой интенциональностью. И основу этой интенциональности составляет «я могу», а не «я мыслю». Тело, как говорит Мерло-Понти, «это наш общий способ обладания миром» [4, с. 196], оно – «то, что сообщает миру бытие, и обладать телом означает для живущего сращиваться с определенной средой, сливаться воедино с определенными проектами и непрерывно в них углубляться» [4, с. 118]. Когда больной с ампутированной конечностью – еще один пример из «Феноменологии восприятия» – по-прежнему продолжает ощущать эту конечность, и даже способен испытывать боль в том месте, которое уже не является частью его тела, он в действительности лишь пытается отстоять свое право на обладание миром. Он все еще цепляется за собственную хабитуальность, не соглашаясь смириться с увечьем.

В заключение сделаем несколько методологических замечаний. Феноменологические дескрипции телесности, как можно было убедиться, обнаруживают принципиальную парадоксальность телесного опыта. Сущность этой парадоксальности состоит в том, что тело, будучи частью мира, в то же время является условием бытия мира и его смысловых диспозиций. Решение указанного парадокса мы по примеру М. Шелера видим в утверждении трансцендентальной природы тела. Соответственно, по аналогии с трансцендентальным учением о сознании, следует также говорить и о трансцендентальном учении о теле. Такое решение, впрочем, не будет казаться чем-то необычным, если принять во внимание, что человеческое бытие изначально целостно, и вопреки любым картезианским трактовкам представляет собой сущностное единство телесного и сознательного (душевного). В равной мере справедливо говорить как об одушевленном теле, так и об отелесненном (воплощенном) сознании. Подобный взгляд на телесность можно обнаружить как в философско-антропологических построениях М. Шелера и А. Гелена, в феноменологии Г. Марсе-

ля и Мерло-Понти, так и в относительно современной синергийной антропологии У. Матураны, Ф. Варелы или у Ф. Капра. Все перечисленные учения не только открывают очередную страницу в западноевропейской «истории тела», но и намечают образы совершенно новой онтологии, которой одинаково удается избегать упреков как в наивном материализме, так и в идеализме чистого сознания.

Библиографический список

1. *Аристотель.* О душе. Соч. в 4-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 369–550.

2. *Брентано Ф.* Избранные работы. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – С. 7–172.

3. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 1998. – С. 5–315.

4. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб.: Наука, 1999. – С. 5–606.

5. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Соч. в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 6–237.

6. *Шелер М.* Феноменология и теория познания // Избранные сочинения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 195–259.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882.09

Андреева Валерия Геннадьевна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lanfra87@mail.ru

ИСТОРИЯ ДВОРЯНСТВА В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ В КНИГЕ С.Н. ТЕРПИГОРЕВА (С. АТАВЫ) «ОСКУДЕНИЕ»

В статье анализируются основные темы книги очерков С.Н. Терпигорева, приемы, использованные писателем для создания облика помещичьих хозяйств в пореформенное время.

Ключевые слова: *книга очерков, образ повествователя, повторы и обобщения, атавизм, дворянство, оскудение, семейная тема.*

Начиная с января 1880 года, в книжках журнала «Отечественные записки» публиковалось произведение С.Н. Терпигорева «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика», подписанное псевдонимом С. Атава. В шеститомном собрании сочинений автора, подготовку которого начал еще сам С.Н. Терпигорев, а завершил после его смерти С. Шубинский, это, по отзывам современников и критиков, самое крупное, значительное и мастерски написанное произведение, опубликовано под названием «Оскудение».

В предваряющем книгу авторском слове Терпигорев отрекается от звания писателя, художника: «Прежде всего, я вовсе не писатель. … Какой я художник?» и считает свои заметки ценными потому, что они являются картинками действительности, просмотренными многими художниками, но важными для понимания русской жизни пореформенного времени. Подзаголовок к произведению – «Благородные» – подчеркивает высказанное намерение автора поведать читателям не только о дворянском оскудении, но и об аналогичных процессах упадка в рамках других сословий. Свое намерение С.Н. Терпигорев не осуществил, однако его двухчастная история о высшем сословии чрезвычайно актуальна не только как совокупность интересных фактов. Важно то, что собрание очерков Терпигорева воспринимается сегодня как эстетическая ценность, читается как художественное произведение, значимое «в качестве свидетельства о преломленной в нем реальности, а также об авторе как индивиде с присущими ему воззрениями и интуициями, нравственными достоинствами, заблуждениями и ограниченностью, непоследовательностью и колебаниями и т.п.» [5, с. 100]. А история дворянства и масса поднимаемых автором духовно-нравственных проблем, характерных для жизни высшего света и его взаимоотношений с окружающими людьми, миром, позволяет нам провести сравнительно-типологические параллели «Оскудения» с произведениями русской литературы 1870–1880-х годов.

Говоря об образе повествователя в книге С.Н. Терпигорева, нельзя не вспомнить охотника из «Записок охотника» И.С. Тургенева, Батурина из «Записок Степняка» А.И. Эртеля. У Терпигорева образ повествователя также складывается в воображении читателя из отдельных черт и скрепляет все произведение. Мы не только знаем, что повествователь в «Оскудении» является помещиком, но встречаемся в очерках с его многочисленными родственниками, о количестве которых он не раз повторяет сам: «Мне уже приходилось говорить, что чем-нибудь другим Господь, может быть, и обделил меня, но только, во всяком случае, не родней – преобширнейшая» [3, т. 2, с. 330]. Читатель соотносит героев книги с образом повествователя, эпизоды и сведения из жизни которого он узнает по мере необходимости, то есть при разворачивании новых сопоставлений.

Примечательно, что в книге мы не встречаем фамилии главного героя, иногда сталкиваясь лишь с обращением к нему по имени и отчеству: «“Господа! – крикнул он, пропуская меня в дверь: – наш помещик, Сергей Николаевич!” Он назвал мою фамилию» [3, т. 1, с. 154]. В «Оскудении» отсутствие фамилий у многих описываемых помещиков подчеркивает типичность описываемых ситуаций, но с именем повествователя дело обстоит по-другому. Автор подспудно актуализирует внимание читателя на фамилии повествователя, которой мы не знаем, и, таким образом, и на своем псевдониме – Атава, отождествляющим для нас и так идейно близких рассказчика и писателя. Напоминающий биологический термин «атавизм», которым обозначается появление у взрослых организмов свойств и признаков их предков, данный псевдоним, по-видимому, образован от латинского слова «atavi» – предки. Повествователь у Терпигорева не только рассказывает историю отцов, старшего поколения, определяет причину оскудения их хозяйств, поместий, он, в отличие от многочисленных представителей нового поколения, юность которых пришлась на конец 50-х – начало 60-х годов, как и Константин Левин у Л.Н. Толстого, осоз-

© Андреева В.Г., 2013

нает свою связь с родителями, бабушками и дедушками, анализируя плюсы и минусы их жизни.

Уже в первом очерке книги, в «Увертюре», читатель сталкивается с семейной темой и видит прекрасно показанную Терпигоревым картину растаскивания дворянского гнезда его же «птенцом», Петенькой, который, раскритиковав родителей, не занявшихся рациональным хозяйством, начинает свою работу по разорению: хозяйственные постройки, липовая аллея, старый сад, оклады икон – все продается Петенькой. Он не имеет ничего святого, не дорожит и родителями, печально созерцающими происходящее: «Ведь это он все высматривает, чтобы продать что-нибудь! – говорила маменька. – И в кого это он у нас уродился такой ненасытный и жестокий!» [3, т. 1, с. 33]. В «Увертюре», как в оркестровом вступлении ко всей книге, перекликаются различные стороны, аспекты жизни и неудач помещиков. Здесь автор отмечает и неспособность большинства помещиков к труду, которая будет проиллюстрирована после многочисленными примерами, и отсутствие у них понимания своего дела: «Мужики пашут, купцы торгуют, духовные молятся, а что делали помещики?» [3, т. 1, с. 5], и панический страх перед реформами, и чрезвычайно важную проблему воспитания. В отличие от Петеньки и подобных ему наследников: Леонида в очерке «Кукушка», Эспера в очерке «Шалая», повествователь, если и не становится рачительным хозяином, то хотя бы остается почтительным сыном. Вспомним, как на просьбу священника Онисима продать ему понравившегося меринка, герой, подразумевая, что владение имением находится в руках отца, отвечает: «Это уж не по моей части. Я в это не вмешиваюсь» [3, т. 2, с. 238].

Семейная тема, обозначенная Л.Н. Толстым как центральная в «Анне Карениной», занимающая важное место в «Господах Головлевых» М.Е. Салтыкова-Щедрина, является одной из главных и в «Оскудении», поскольку сам процесс разрушения дворянских гнезд, по мнению Терпигорева, происходит не в последнюю очередь из-за беспечного отношения родителей к своим потомкам и их воспитанию. В «Увертюре» мы видим общую модель, бездумно реализуемую помещиками-родителями: они, в погоне за красотой мундира, отправляют детей в училища, стремясь, чтобы те сидели поближе к детям видных сановников, а дворянские отпрыски научаются тратить деньги и бездельничать. Кстати, граф Вронский в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», как мы можем предположить, выбирает военную карьеру по желанию матушки, которая, в свою очередь, за ним бдительно следит. Терпигорев удивляется поразительной слепоте дворян, которые, не раз отмечая свои и чужие ошибки в использовании денежных средств, осознавая никчемность получаемых их детьми знаний, все-таки поступают по-прежнему: тратят бессмысленно в третий-четвертый раз (уже перезаложив все, что можно) добытые средства, отправляют детей в чиновники.

Наряду с вырубанием рощ, разрушением и разбором барских домов, увяданием и исчезновением безрассудных хозяев, автор говорит еще и о безвозвратном уходе лучших представителей дворянского сословия. Умирает поистине светлая личность – дядя повествователя; сын и жена, семейные прихоти и раздоры сводят на нет хозяйство влюбленного в свою землю, в старый сад труженика князя Ивана Павловича Кундашева; умирает от оспы дворянский заседатель Гутаперчев, по счастливой случайности ставший помещиком, но со своей неутомимостью способный на благие дела. Если в романе Толстого Левин предупреждал Стиву Облонского о наступающем главенстве Рябининых, а сам всеми силами противостоял ему, занимаясь хозяйством, то в книге Терпигорева, на фоне процветания купцов, мелких чиновников, «на плаву» оказываются множество подлецов, или урвавших состояние умершего дяди, или обогатившихся на обмане остальных помещиков.

Для правильного понимания «Оскудения» необходимо большое читательское внимание, которое только и позволяет увидеть целостность художественного мира книги, ведь автор, по его словам, «начал с отдаленных времен и рядом фактов, иногда, по-видимому, разнородных, но, в сущности, имеющих внутреннюю связь, воспроизвел перед читателем это грандиозное и вместе печальное событие» [3, т. 1, с. 7]. Большую роль в книге Терпигорева играют повторы и авторские обобщения. Повествователь у Терпигорева – это не столько помещик, сколько охотник, все лето путешествующий со своим другом Яшкой Бердебой, после долгих лет службы дворовым оставшимся не у дел, без средств и определенной профессии, жизнь которого в пореформенное время напоминает нам продолженную судьбу Сучка из «Записок охотника» И.С. Тургенева. Если бы не встреча с повествователем и последующие охотничьи экспедиции, неизвестно, выжил ли бы Бердеба. Терпигорев представляет читателям казусы, изображая, как нежелающие и не умеющие трудиться дворяне парализовывали крепостных, как потерянная ими способность самодурством и грубостью издеваться над зависимыми людьми трансформируется в них в безумную ласку и потворство похотям своих детей.

С позиции стороннего наблюдателя, странствующего охотника оценивается в «Оскудении» все происходящее, вне зависимости от того, где находится повествователь: в ресторане у Дюссо, гостиной княжеского дома или отдыхает на краю дороги у леса в одной из деревень. Рассказчик у Терпигорева – человек уравновешенный, однако и он не выдерживает безмолвного созерцания глупости, и у него невольно вырываются разоблачающие его

отношение к происходящему фразы. «Ах, опять начинается эта канцелярия!» [3, т. 1, с. 71] – восклицает он, слыша, что на результаты испытания каждой сельскохозяйственной машины составляется отдельный протокол. Встречаем мы и пример того, как Сергей Николаевич в три дня «сделался раздражительным и нервным до неприличия» [3, т. 1, с. 466], насмотревшись на то, как дочь и внуки ждут смерти дедушки, а отец устраивает судопроизводство и очные ставки, на которых его дети, родные братья, обвиняют и уличают друг друга.

Однако имеют значение в книге и внутренние связи компонентов изобразительности. Показывая не только материальное, но и духовно-нравственное оскудение дворян, Терпигорев изображает разгул страстей, захвативший помещиков, культ денег, время неразумного стяжательства и накопительства за счет несчастий других. Единый художественный мир книги помогают нам целостно воспринять повторяющиеся детали, антитезы различного уровня и масштаба (в рамках всей книги и отдельных очерков), вариативное изображение «смеси глупости, наивности и в то же время вожделений, самых корыстолюбивых, грязненьких…» [3, т. 2, с. 295]. Приведем лишь несколько примеров. Во многих очерках мы встречаемся с описаниями домов, в которых проживали бывшие помещики, а в очерке «Шалая» читатель сопоставляет княжеский дом, жилище попа Онисима и квартиру, снятую князем для семьи и уже заранее чувствует, что Кундашевы уже не в состоянии устроить семейный уют не только из-за материального оскудения, но и из-за отсутствия необходимой для хозяев сметливости и внимания. Их огромная квартира кажется повествователю пустоватой: «Ни картин, ни бронзы. Какая-то странная – ничего семейного, оседлого. Ни одного теплого, уютного уголка…» [3, т. 2, с. 241]. Зато ранее он удивляется, увидев не избу, а именно дом Онисима: «Везде “городская” мебель, лампы, картины, кое-где ковры на полу…» [3, т. 2, с. 201]. В этом же очерке мы встречаем и пространное рассуждение автора о старых и новых дворянских усадьбах, их положении, архитектуре. А в «Оскудении» несколько раз видим разбор барских усадеб.

Терпигорев подчеркивает, что им изображается ситуация всеобщего смешения, переворота, помутнения; примечательно, что в «Оскудении», как и во многих произведениях тех лет, неоднократно встречается мотив сумасшествия. В первой части оскудения автор приводит массу примеров разнообразных «подвигов общего и обязательного сумасшествия» и «личной, индивидуальной глупости» [3, т. 1, с. 75]. Так, помещики Дмитрий Павлович и Василий Михайлович находятся на разных стадиях бесполезного внедрения в свое хозяйство машинного труда, которым они решили в один день заменить работу мужиков, а сосед повествователя Павел Семеныч Чирухин отлавливает в своем имении огромное количество зайцев на разведение, которые благополучно съедают за зиму у него все зерно.

Вспоминая хозяев-помещиков у Л.Н. Толстого, мы вынуждены признать, что в «Анне Карениной» автор рисует отнюдь не мажорную и отчасти соотносимую с изображенной в «Оскудении» картину *помещичьих хозяйств*. А.П. Могилянский считает, что Терпигорев «сознательно дезориентирует читателя, без каких-либо оговорок пишет об “оскудении целого сословия”» [2, с. 264]. Но указанное сгущение красок у писателя и вопросы воспитания рассматриваются А.П. Могилянским на фоне эволюции Терпигорева вправо, отхода от демократических позиций. Литературовед признает, что «четыре пятых всех частновладельческих земель Российской империи являлись собственностью этих якобы совершенно оскудевших дворян» [2, с. 265] и делает вывод о крайностях Терпигорева. Обратимся еще раз к роману «Анна Каренина». Счастливый семьянин Левин устраивает хозяйство по новому образцу, однако читатели видят, что это дело стоит ему больших сил и терпения. В отличие от нуворишей, Левин-дворянин, помещик не может варварски относиться к оставленному ему имению, он живет по закону, который не позволяет ему наживаться на истощении земель и найме на работу батраков. Именно поэтому, несмотря на постоянный труд, в пореформенное время Левин не оказывается первым богачом, и на вопрос о том, как идут дела в хозяйстве, говорит: «Да нехорошо. Процентов пять» [4, с. 233]. В разговоре с помещиком в одной из зал собрания, где проходят дворянские выборы, Левин указывает своему собеседнику на новое поколение дворянства, на что разговаривающий с ним знакомый возражает: «Новое-то новое. Но не дворянство. Это землевладельцы, а мы помещики. Они как дворяне налагают сами на себя руки» [4, с. 232]. Так и С.Н. Терпигорев изображает именно дворянский, помещичий кризис, а не кризис землевладельцев.

Мастерски выдерживая логику повествования, Терпигорев проводит перед читателями ряд героев в разных стадиях оскудения, словно иллюстрирует почти афоризм Л.Н. Толстого о несчастливых семьях: по мере продвижения к финалу первой части «Оскудения» мы сталкиваемся все с большим количеством отдельных, частных историй. Не оставляя связывающих книгу рассуждений и классификаций (Терпигорев выделяет оскудевших с фантазией и без нее), в очерке «Тихие пристани» автор подробно останавливается на драме семьи Михаила Михайловича, вынужденного переселиться с женой и дочерьми в город и там жить на зарабатываемые ими копейки; на материальном и моральном оскудении Стратона Алексеича Бубнова, различными способами развлекающего публику маленького города; на «вертопрашестве» уже до-

жившего до седин Чемезова, устраивавшего у себя в имении и зоологический сад, и цирк, и водолечебницу, принявшего магометанство. Еще больше несчастных героев оказывается в очерке «Бродячие».

Семейная тема отражается и в построении книги «Оскудение», первая часть которой имеет подзаголовок «Отцы», а вторая – «Матери». Обе части книги гармонично дополняют друг друга, причем последний очерк первой и первый очерк второй книги объединены не только благодаря родственным связям повествователя с упоминаемыми в них героями, но и с помощью изображения конфликтов беспечных и невнимательных к воспитанию родителей и извращенных пороками детей. В финале первой части повествователь подводит своеобразный итог смены поколений в соответственно названном очерке «Итого», изображая, как дочь и зять с семьей заживо сводят в могилу его дядю. Дядя, как и многие герои «Оскудения», удивляется подлости детей, своих внуков, по его словам, подобных «язве египетской» – достойных сыновей своего небогатого, незнатного, но очень хитрого и опасного отца, Алексея Евлампиевича Передкова. В начале второй части в очерке «Бабушка» автор вновь поднимает проблему воспитания: «Вопрос, что сделать с детьми, неотвязный, и он стоял с одинаковой загадкой как для покойников дедушки с бабушкой, так точно стоит до сих пор перед нами» [3, т. 2, с. 11]. Результатом того, что детей дома не воспитывали (отец мог подать пример им лишь в том, что «в рассуждении женского пола был неразборчив и подобен бессмысленной скотине» [3, т. 2, с. 9]), а определяли наугад в учебные заведения, стала последующая кончина матери в день их общего приезда в родительское гнездо.

Если мужская неверность в первой части лишь сопровождает процесс оскудения, то во второй части – «Матери» – мы видим неверных жен и бросающих своих детей матерей, которые активно пользуются свободой пореформенного времени. Они не только теряют честь и достоинство, не только разрушают свои семьи, дома, но и утрачивают человеческий облик. Не случайно автор использует прием зоологизации: финальный очерк называется «Овца» – его главная героиня напоминает повествователю глупую стриженую овцу. Читателю «Записок Степняка» приходится сталкиваться и с «кукушкой», после смерти брата и принятия опеки над его детьми оставшейся в имении с французом-гувернером.

Как и Достоевский, Толстой, Салтыков-Щедрин, Писемский, Тургенев, Терпигорев показывает, что семейные драмы в пореформенное время, в эпоху смешения, отсутствия ориентиров становятся поистине страшными и приобретают огромные размеры. В положении, когда семья может быть единственной опорой и в состоянии удержать человека от материального и нравственного оскудения, многие «матери» изнутри разрушают свои гнезда. Княгиня Кундашева, нисколько не вникая в дела и проблемы семьи, настаивает на постоянных поездках за границу и способствует деградации своего сына, отдаляя для него сроки экзаменов и требуя от мужа приема содержанки для «мальчика». «Отец тут ни при чем. Отец невинный человек. Это все мать-с. Совсем шалая…», – замечает живущий рядом с господами поп Онисим [3, т. 2, с. 203].

Распадающейся, обнищавшей семье Кундашевых, которые в финале очерка «Шалая» оказываются разобщенными, отдельно существующими в разных углах, противопоставлено обогащение и объединение семьи попа-кулака Онисима, покупающего имение Кундашевых. В книге, повествующей об оскудении дворян, читатель, тем не менее, видит и нравственное оскудение героев других сословий, например, Онисима, который, оправдывая себя тяжелым временем и необходимостью отлучек по вопросам покупок и продаж, нанимает для проведения части служб «заштатного попика».

В очерках «Неутолимая» и «Овца» автор показывает, как дворянки и бывшие помещицы превращались в содержанок, теряли всякий стыд. Как и в очерке «Кукушка», в котором мать оставляет своих детей и уезжает веселиться за границу, в «Неутолимой» и «Овце» от распутной жизни матерей страдают дети. К Варваре Разлимоновой, в несообразно открытом костюме пьющей в мужской кампании шампанское стакан за стаканом подходит пятилетний сынок, и мать, прося его быть молодцом, дает ему целый стакан ледяного шампанского. Как не вспомнить тут картинку из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского за июль-август 1877 года, где отец вместе с восьмилетним сыном каждые четверть часа выкуривают по папироске.

Достоевский пишет о случайных семействах, которых и у Терпигорева изображено немало. Разумеется, Терпигорев не говорит о превращении всех дворянских семей в случайные. Его цель была иной – показать оскудение, а факты и примеры подбирались автором именно для освещения указанного процесса. Конечно, широта оскудения, которое охватывает огромное количество помещиков, вызывает у читателя некоторое недоумение, однако Терпигорев не стремится дать обзор помещичьей жизни в пореформенное время во всей его полноте; он, скорее, проводит не горизонтальное, а вертикальное сопоставление, наблюдая, как оскудение нарастало и зрело в течение жизни трех последних поколений помещиков (не случайно Онисим говорит, что «прежде-то люди духом сильнее нынешних были» [3, т. 2, с. 208]).

П.В. Быков в предисловии к книге Терпигорева, как современник автора, отмечает: «Когда окончилось “Оскудение” и получилась довольно цельная картина жизни деревни, старой и новой, до и после реформы, оно произвело в обществе на-

стоящую сенсацию, как вещь безусловно талантливая, отвечающая интересу дня…» [1, с. 24].

Как мы уже отметили, немалое значение уделяет Терпигорев женскому вопросу. Удивительно проясняет смысл его скрытое сопоставление между жизнью крестьян и помещиков. Еще в самом начале очерка «Неутолимая» звучит шутка предводителя, пытающегося усмирить волнующихся мужиков, не понимающих, что такое «постоянное пользование». Узнавая, что у одного, второго, третьего мужика есть жена, он говорит: «Хорошо. Чья же она?.. Ведь ты ее ни заложить, ни продать не можешь, а пользоваться ею можешь постоянно. Так вот и теперь сделано вам и с землей» [3, т. 2, с. 272]. Шутка эта быстро забывается, пока мы прочитываем похождения Вареньки, а после – Варвары Разлимоновой, которая, объехав с разными мужчинами половину России, бежит в Париж, а после с кафром на мыс Доброй Надежды. Но при сопоставлении судьбы этой женщины и шутки, которое, несомненно, проведет вдумчивый читатель, с новой остротой и силой пробуждается мысль об оскудении дворян, которые женами своими «пользоваться не могут», и уже заложили и распродали все земли.

Таким образом, уже в двух книгах Терпигорева, посвященных дворянскому оскудению, мы видим элементы оскудения всеобщего – эти яркие примеры, скорее всего, должны были стать композиционными скрепами между написанными книгами и планировавшимися Терпигоревым последующими историями, может быть, о мещанах, купцах, крестьянах… Особенную притягательность книгам Терпигорева придает способность автора создавать картины жизни частных людей, семей, причем автор с глубоким смыслом чередует минутные зарисовки с картинками, имеющими долгую историю. Терпигорев мастерски вовлекает нас в путешествие по России, а притягивающий читателя и несколько загадочный образ повествователя способствует созданию целостности художественного мира.

Библиографический список

1. *Быков П.В.* С.Н. Терпигорев. Биографический очерк // Терпигорев С.Н. (С. Атава). Собр. соч. в 6 тт. Т. 1. – СПб.: издан. А.Ф. Маркса, Б.г. – 496 с.

2. *Могилянский А.П.* Терпигорев // История русской литературы. Т. 9. Ч. 2. – М.; Л.: Акад. наук, 1956.

3. *Терпигорев С.Н.* (С. Атава). Собр. соч. в 6 тт. – СПб.: издан. А.Ф. Маркса, Б.г.

4. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 19. – М.: Худ. лит., 1935. – 528 с.

5. *Хализев В.Е.* Теория литературы. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.

УДК 82.161.1

Баталова Тамара Павловна
кандидат филологических наук
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
slava964964@mail.ru

ИСТОРИОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 1866–1872 гг.

Автор предлагаемой статьи на основании исследования писем Ф.М. Достоевского 1866–1872 гг. пытается показать, как повлияла сложившаяся историческая обстановка на взгляды писателя.

Ключевые слова: *Достоевский, письмо, западник, славянофил, Пётр I.*

Период 1866–1872 гг. ограничен значительными событиями – покушением Д.В. Каракозова (4 апреля 1866 г.) и арестом С.Г. Нечаева, судом над ним (1872 г.). Эти события свидетельствовали об усилении в России позитивизма, «нигилизма», социализма. В общественном сознании той поры распространение этих теорий связывалось с западничеством. В свете изучения историософских взглядов Ф.М. Достоевского важно знать, изменились ли они в этой ситуации и как именно.

25 апреля 1866 г., обсуждая происходящие события, Достоевский, в частности, пишет М.Н. Каткову: «Откровенно говорю, что я был и, кажется, навсегда останусь по убеждениям настоящим славянофилом, кроме крошечных разногласий, а, следовательно, никогда не могу согласиться вполне с “Московскими ведомостями” в иных пунктах» [1, т. 28., кн. 2, с. 154]. Как понимать эту характеристику: «настоящий славянофил, кроме крошечных разногласий»? Вероятно, здесь надо учитывать и тактический момент: возможность сотрудничества в «Русском вестнике» при несогласии «вполне с “Московскими ведомостями” в иных пунктах». Это предположение подтверждается и письмом Достоевского к А.П. Сусловой от 23 апреля (5 мая) 1867 г.: «Я с самого начала объявил Каткову, что я славянофил и с некоторыми мнениями его не согласен. Это улучшило и весьма облегчило наши отношения. Как частный же человек это наиблагороднейший человек на свете. Я совершенно не знал его прежде. Необъятное самолюбие его ужасно вредит ему. Но у кого же не необъятное самолюбие?» [1, т. 28, кн. 2, с. 183].

Рассматриваемая формулировка, безусловно, говорит и о своеобразии позиции писателя этого

© Баталова Т.П., 2013

периода. В чём оно заключалось? Заметим здесь, что публицистических выступлений писателя в это время (в основном – пребывания за границей) не было. Достоевский выражал свои мысли о происходящих событиях только в письмах. С интересующей нас точки зрения они ещё не рассматривались. Поэтому именно они и являются предметом нашего исследования. Но, анализируя их, необходимо иметь в виду, что в них встречаются слова, «попавшие под перо» в минуты острых, ещё не отлежавшихся, впечатлений, т.е. то, что при работе над статьёй обычно уходит. В то же время, эти документы интересны тем, что в них отражён взгляд на Россию со стороны, лишённый мелких частностей, сосредоточенный на главном. «Россия тоже отсюда выпуклее кажется нашему брату», – пишет он А.Н. Майкову 16 (28) августа 1867 г. [1, т. 28, кн. 2, с. 206]. Очевидно, осмысление происходящих событий привело к тому, что у Достоевского усиливаются монархические настроения. В его историософской системе – народ, власть, общество – на первый план выдвигаются взаимоотношения народа и самодержца. «Здесь я за границей окончательно стал для России – совершенным монархистом, – признаётся он. – У нас если сделал кто что-нибудь, то, конечно, один только он (да и не за это одно, а просто потому, что он царь, возлюбленный народом русским, и лично, потому что царь. У нас народ всякому царю нашему отдавал и отдаёт любовь свою и в него единственно окончательно верит)» [1, кн. 28, т. 2, с. 281].

Писатель делает вывод и о закономерности существующего государственного строя России: «<...> наша конституция есть взаимная любовь монарха к народу и народа к монарху. Да, любовное, а не завоевательное начало государства нашего (которое открыли, кажется, первые славянофилы) есть величайшая мысль, на которой много созиждется [1, т. 28, кн. 2, с. 280].

Достоевский заключает, что эта особенность России формировалась всей историей страны. «<...> Мы в это время, – размышляет он, – великую нацию составляли, Азию навеки остановили, перенесли бесконечность страданий, СУМЕЛИ перенести, не потеряли русской мысли, которая мир обновит, а укрепили её, наконец, немцев перенесли, и всё-таки наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее, способнее и полон другой, высочайшей христианкой мысли, которую и не понимает Европа <...>» [1, т. 28, кн. 2, с. 243]. Заметим, что здесь подчёркивается взаимосвязь тяжести испытаний и высоты русского христианства.

Писатель, как и прежде, православие противопоставляет позитивизму: «У нас непосредственная и благородная вера в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте» [1, т. 28, кн. 2, с. 230].

На этом основании Достоевский утверждает онтологическую сущность «русского призвания»: «Окончательная сущность русского призвания» состоит в «разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. По-моему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия» [1, т. 29, кн. 1, с. 30].

Писатель связывает свои пророчества о всемирной роли России с её мессианством: «Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием, Вы правы), – соглашается он с Майковым, – и это совершится в какое-нибудь столетие – вот моя страстная вера. Но чтоб это великое дело совершилось, надобно чтоб ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРАВО и первенство великорусского племени над всем славянским миром совершилось окончательно и уже бесспорно» [1, т. 28, кн. 2, с. 260].

Таким образом, монархизм, православие и вера в «русское призвание» сближают Достоевского со славянофилами. Заметим, что эти убеждения были характерны для Достоевского и прежде; теперь они лишь получили свою завершённость. Но в его мировоззрении в это время сохраняются и черты западничества. Так, он, как и ранее, принимает послепетровский период. Положительно отзываясь о рассказах Майкова из русской истории, он настаивает: «<...> Я уверен, что рассказы из истории послепетровской, с здравой русской точки зрения, выйдут ещё занимательнее и, ГЛАВНОЕ, ПОЛЕЗНЕЕ <...> книга могла бы быть прочтена целиком и укрепить навеки ясные и здравые мысли в молодом уме школьника ли гимназиста» [1, т. 29, кн. 1, с. 74–75].

Отметим, очевидно, важное уточнение: «с здравой русской точки зрения». По всей вероятности, оно подразумевает и необходимость преодоления тяжёлых последствий петровских преобразований. Не случайно Достоевский особенно пристально следит за совершающимися реформами, отмечает влияние этого великого перелома на положение народа: «Необыкновенный факт состоятельности и неожиданной зрелости русского народа при встрече всех наших реформ <...> чувствуется, что русский народ, благодаря своему благодетелю и его реформам, стал, наконец, мало-помалу в такое положение, что поневоле приучится к деловитости, к самонаблюдению, а в этом-то вся и штука. Ей-Богу, время теперь по перелому и реформам чуть ли не важнее петровского. А что дороги? Поскорее бы на юг; поскорее как можно; в этом вся штука. К тому времени везде ПРАВЫЙ СУД, и тогда что за великое обновление! (Обо всём об этом здесь думается, мечтается, от всего этого сердце бьётся)» [1, т. 28, кн. 2, с. 206].

Значение этого времени осознаётся писателем

не только теоретически, но и как жизненное обстоятельство в условиях назревания европейской войны. Он беспокоится: «Приготовимся ли? Настроим ли дорог и крепостей? Заведём ли ещё хоть миллион штук оружия? Станем ли твёрдо на окраинах, и решатся ли у нас на реформу в подушном налоге и рекрутчине?» [1, т. 29, кн. 1, с. 146].

Следовательно, «здравая русская точка зрения» не совпадает ни с западничеством, ни со славянофильством. Это говорит об укреплении прежних позиций писателя в данном вопросе. Но, вместе с тем, отметим и дальнейшее развитие его убеждений. «Идея Петра», о которой Достоевский писал и в «Петербургской летописи», и в последующих статьях, и положение о мессианстве России получили взаимосвязь и обоснование благодаря мысли о великой роли Петра I в славянском мире. «Мне нравится Ваша мысль о всеславянском значении Петра. Я первый раз в жизни эту идею услыхал, и она совершенно верная», – [1, т. 28, кн. 2, с. 281], – соглашается Достоевский с Майковым.

Он даже сам задумывает былины, связывая историю православия с Петром I: «<...> взятие Константинополя я причёл ко всей русской истории <...>» Писатель отмечает, что в этом факте заключена «великая идея о всеправославном значении России, и полагается первый камень о будущем главенстве на Востоке, раскрывается круг русской будущности, полагается мысль не только великого государства, но и целого нового мира, которому суждено обновить христианство всеславянской православной идеей и внести в человечество новую мысль, когда загниёт Запад <...> в горячей мысли моей я думал даже, что не надо кончать былины на Петре, например, об котором непременно нужно особенное хорошее слово и хорошая поэма-былина с смелым и ОТКРОВЕННЫМ взглядом, НАШИМ ВЗГЛЯДОМ» [1, т. 29, кн. 1, с. 40–41]. Здесь вновь подчёркивается особенность исторического подхода Достоевского и Майкова – «с нашим взглядом».

Достоевский отмечает, как теоретическое славянофильство корректируется самой жизнью. Размышляя о новом журнале – «Заря» – с редакторством Н.Н. Страхова, он делится с Майковым своими сомнениями (20 октября / 7 ноября 1868): «Желательно бы очень, чтобы журнал был непременно РУССКОГО ДУХА, как мы с Вами это понимаем, хотя, положим, и не чисто славянофильский. (По-моему, друг мой, нам СЛИШКОМ гоняться за славянством, право, не надо, то есть слишком. Надо, чтоб они сами к нам пришли). После славянского съезда в Москве некоторые из славян же, возвратясь к себе, подшучивали свысока над русскими за то, что “руководствовать других взялись и как бы импонировать славянам, а у самих-то ещё что и какое малое самосознание” и т.д. и т.д. И поверьте, что многие из славян, в Праге например, судят нас совершенно с западных точек зрения, с немецкой, с французской, и даже, может быть, удивляются, что у нас славянофилы, например, мало заботятся об общепринятых формах западной цивилизации. Так что нам, например, гоняться-то бы подождать за славянами. Изучать их – дело другое; помочь тоже можно; но брататься лезть не надо, но только лезть, потому что братьями их считать и как с братьями поступать с ними, несомненно, должно» [1, т. 28, кн. 2, с. 322–323].

Таким образом, с точки зрения Достоевского, хотя первенство России в славянском мире ещё «не окончательное», оно закономерно («всеславянское значение Петра I»), поэтому русским необходимо повысить чувство собственного достоинства (не надо «слишком гоняться за славянами», «лезть брататься»). Следовательно, разногласия Достоевского со славянофилами в 1866–1872 гг. – не такие уж «крошечные».

В рассматриваемый период Достоевский резко отрицательно относится к либеральному западничеству: именно с ним писатель связывал распространение в России позитивизма, «нигилизма» и социализма. Эти явления он называет болезнью, т.к. они вызывают преступления типа Каракозова и Нечаева. Всё это противоречит русскому духу, особому почитанию Святого Николая: «<...> Николай-Чудотворец, – утверждает он, – есть русский дух и русское единство». Достоевский подчёркивает: «<...> в случае – не то что русской беды, а просто больших русских хлопот, – самая нерусская часть России, то есть какой-нибудь либерал – петербургский чиновник или студент, и те русскими становятся, русскими себя начинают чувствовать, хотя и стыдятся признаться в том <...>». Это и порождает общественную болезнь: «<...> болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали» [1, т. 29, кн. 1, с. 144–145].

«Одно извинение – в неизбежности этого явления» [1, т. 29, кн. 1, с. 214], – констатирует писатель.

Таким образом, по мнению Достоевского, эта «болезнь» есть следствие западничества, начиная с 1840-х годов.

Посылая роман «Бесы» наследнику А.А. Романову, он пишет 10 февраля 1873 г: «Это – почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не случайность, не единичны, а потому и в романе моём нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. <...> А между тем главнейшие проповедники нашей национальной несамобытности с ужасом и первые отвернулись бы от нечаевского дела. Наши Белинские и Гранов-

ские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развившейся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моём. Далеко не успел, но работал совестливо» [1, т. 29, кн. 1, с. 260].

Писатель считает, что русские либералы недооценивают зло, приносимое «нигилизмом». Он замечает Каткову: «Мне случалось слышать мнение, что “Московские ведомости” слишком мало придают значения нигилизму; что, конечно, центр и начало зла не тут, а вне» [1, т. 28, кн. 2, с. 154].

Достоевский теперь саркастически относится к русскому «образованному обществу»: либеральная часть его, по его мнению, осталась на позициях 40-х гг., оторвалась от почвы, потеряла связь с Россией: «<...> русского либерала никак нельзя считать чем-нибудь иначе, как застарелым и ретроградным. Это – так называемое раньше “образованное общество”, сбор всего отрешившегося от России, непонимающего её и офранцузившегося – вот что либерал русский, а стало быть, ретроград» [1, т. 28, кн. 2, с. 261].

Писатель убеждён: «<...> кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога» [1, т. 29, кн. 1, с. 144–145].

Отсюда и связь либерализма с атеизмом, «нигилизмом» и – социализмом: «Все нигилисты суть социалисты» [1, т. 28, кн. 2, с. 154], – замечает Достоевский.

Вместе с тем, он признаёт и особенности русского социализма: «У наших же у русских бедненьких, беззащитных мальчиков и девочек, есть ещё свой, вечно пребывающий основной пункт, на котором ещё долго будет зиждеться социализм, а именно, энтузиазм к добру и чистота их сердца. Мошенников и пакостников между ними бездна» [1, т. 28, кн. 2, с. 154].

Однако русский социализм, по Достоевскому, восходит к западному, (позитивизму, учению Руссо), что подчёркивает его несостоятельность. «Во весь Х1Х век это движение или мечтает о рае на земле (начиная с фаланстеры), или, чуть до дела (48 год, 49 – теперь) – высказывает унизительное бессилие сказать хоть что-нибудь положительное. В сущности всё тот же Руссо и мечта пересоздать вновь мир разумом и опытом (позитивизм). Ведь уж, кажется, достаточно фактов, что их бессилие сказать новое слово – явление не случайное. Они рубят головы – почему? Единственно потому, что это всего легче. Сказать что-нибудь несравненно труднее. Желание чего-нибудь не есть достижение. Они желают счастия человека и остаются при определениях слова “счастие” Руссо, то есть на фантазии, не оправданной даже опытом» [1, т. 29, кн. 1, с. 214].

Достоевский раскрывает бесперспективность и моральных принципов этих теоретиков: «Нравственное основание общества (взятое из позитивизма) не только не даёт результатов, но и не может само определить себя, путается в желаниях и идеалах. Неужели, наконец, мало теперь фактов для доказательства, что не так создаётся общество, не те пути ведут к счастью и не оттуда происходят они, как до сих пор думали» [1, т. 29, кн. 1, с. 214].

Взаимосвязь этого учения с потерей Веры («Христа потеряли!») приводит, по мысли Достоевского, к «падению Запада»: «Напишут много книг, а главное упустят: на Западе Христа потеряли (по вине католицизма), и оттого Запад падает, единственно оттого» [1, т. 29, кн. 1. с. 214].

Но Достоевский уверен в торжестве «здравой науки» в будущем, хотя и не в скором: «Здравая наука, разумеется, всё искоренит, Но когда ещё она будет? Сколько жертв поглотит социализм до того времени? И наконец: здравая наука, хоть и укрепится, не так скоро истребит плевела, потому что здравая наука – всё ещё только наука, а не непосредственный вид гражданской и общественной деятельности» [1, т. 28, кн. 2, с. 154].

Из предложенного исследования можно сделать некоторые выводы. В 1866–1872 гг. оригинальность историософской позиции Достоевского укрепилась. Он, как и прежде, принимает послепетровский период, но признаёт необходимость реформ, ликвидирующих последствия преобразований первого русского императора, тормозящих развитие страны (рекрутчину, «неправый суд», бюрократию и др.). Вместе с тем, углубилась, соединившись с мессианством России, «идея Петра» («общеславянское значение Петра»). Но отношение к славянам уточнилось: не надо «слишком» «гоняться за славянами», но относиться к ним «как к братьям, несомненно, должно».

Теперь Достоевский резко негативно относится к либеральному западничеству, считает выдающихся представителей этого движения 1840-х годов «отцами» современных русских «нигилистов» и социалистов. Как и ранее, писатель противопоставляет православную Россию католическому Западу, с которым связывает атеизм и социализм. Всё это способствовало усилению монархистских настроений Достоевского («стал окончательным монархистом»).

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. – Л., 1972–1990.

УДК 808.2

Голубев Николай Аркадьевич
Ивановский государственный университет
NickGol@yandex.ru

ФАБРИЧНАЯ ТРУБА КАК ПРОПИСНАЯ БУКВА ИВАНОВСКОГО ТЕКСТА. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛАНДШАФТОВ

Статья посвящена архетипическому образу ивановского текста: его смыслам и истокам. Рассмотрены вопросы взаимодействия природного и антропогенного ландшафтов, их влияние на культуру и бытие локуса.

Ключевые слова: *ивановский текст, фабричная труба, ландшафт, пролетарская поэзия.*

В современной науке вопросы формирования и взаимодействия природного (естественного, географического) и культурного ландшафтов являются смежными для литературоведения, культурологии, философии, географии, дизайна. Большая часть исследователей в словосочетании «культурный ландшафт» акцентируют свое внимание на первом слове, считая, что культура (человек) доминирует над природой. Мы же настаиваем, что именно естественный ландшафт во многом предопределяет развитие культуры – и как следствие, формирует особый менталитет местного населения. Рассмотрим это на примере ивановского текста культуры. (Термин «текст» мы используем в рамках семиотического понимания Ю.М. Лотмана и М.Б. Гаспарова).

Самобытность Ивановского региона во многом связана с развитием текстильной промышленности. Ее истоки надо искать в ландшафте географическом. Ивановская почва настолько малоплодородная, что сельское хозяйство оказалось на этой земле практически невозможным, и «с момента возникновения Иваново являлось одним из крупнейших центров ремесла, мелкотоварного производства и торговли» [8, с. 5], «естественно-географические условия <…> содействовали широкому развитию крестьянских промыслов» [16, с. 23].

Текстильная промышленность изначально задала интертекстуальность ивановскому тексту: он восприимчив к другим культурам, заинтересован в них. Первые «капиталистые» крестьяне Иванова, перед тем как начать собственное дело, нанимались на Шлиссельбургскую мануфактуру Лимана, работавшую «на уровне западно-европейской техники» [16, с. 51], чтоб выведать технологии отделки и крашения тканей. Значительное влияние на развитие ивановских промыслов, по мнению П.М. Экземплярского, оказало соседство с иконописными селами и слободами. Иконопись, в свою очередь, несла глубинную связь с западной цивилизацией. В то же время «в первой половине XVIII века ивановцы имели торговые связи с Астраханью, <…> через которую совершался обмен с Востоком (Индия, Персия), – поэтому некоторое влияние на развитие набойного дела могло идти и оттуда» [16, с. 32]. Восток и Азия с начала XIX века становятся значительным рынком сбыта – ивановские мануфактуры не могли не учитывать специфику спроса: на ситцах появляются «восточные огурцы», специфические орнаменты. Этот факт примечателен в контексте слов Д.С. Лихачева: «В своей культуре Россия имела чрезвычайно мало собственно восточного. Восточного влияния нет в нашей живописи. В русской литературе присутствует несколько заимствованных восточных сюжетов, но и эти восточные сюжеты, как это ни странно, пришли к нам из Европы» [7].

Во второй половине XIX века в Иванове начинается строительство крупных индустриальных комплексов. Их расположение учитывает естественный природный ландшафт: производство располагается по берегам реки Уводь. Но промышленность изменила естественную среду и отчасти попыталась подменить ее объекты. Развитие отделочного производства превратило Уводь в «радужный сплав / Из жидкой и липкой нефти. / А в речке ни рыб, ни трав» (Е. Вихрев) [5, с. 348]. Если в 1830-е годы Иваново и Вознесенский посад стояли, «окруженные со всех сторон дремучими лесами» [4, с. 11–12], то в связи с развитием фабричного дела началась их вырубка на топливо. За 50 лет лес был практически полностью сведен, зато в центре города выросли каменные «деревья» – фабричные трубы. Природный ландшафт подменяется индустриальным (культурным): «В этом городе гари фабричной / И кирпичного леса труб…» (Д. Семеновский) [5, с. 144].

Иваново конца 1870-х описывалось современниками следующим образом: «На переднем плане река, по берегам которой в виде гирлянды тянется ряд фабрик, над ними постепенно поднимается город, блестя золочёными главами церквей и выставляя местами высокие фабричные трубы вперемешку с крышами домов» [4, с. 5–6]. Показательно, что фабричные трубы в Иваново-Вознесенске выше церковных куполов. Духовное в ивановском пространстве всегда было ниже материального. Если купол православного храма призван символизировать пламя свечи, постоянное горение, то фабричная труба – прямое воплощение этого образа. Хотя можно интерпретировать его иначе: черный дым, который был присущ трубам мануфактур, скорее «олицетворяет» темные силы.

Религиозным символом становится фабричный дымоход в раннем, ивановском творчестве Анны Барковой: «Перестаньте верить в деревни. / Поле-

© Голубев Н.А., 2013

вая правда мертва; / Эта фабрика с дымом вечерним / О грядущем вещает слова» (1921 г.) [5, с. 354]. Спустя десять лет, уже в Москве, Баркова откажется от новой советской веры и ее иконы: «Веду классовую борьбу, / Молюсь на фабричную трубу / Б-б-бу-бу-бу. / Я уже давно в бреду…» [1, с. 34]. В конце стихотворения Баркова обращается к Господу: «Сделай, чтоб были люди», а не трубы.

В русской поэзии с середины XIX века сложился негативный образ фабричной трубы – это образ опасности, надвигающейся на город: «Где, как черные змеи, летят / Клубы дыма из труб колоссальных, / Где сплошными огнями горят / Красных фабрик громадные стены, / окаймляя столицу кругом, – / Начинаются мрачные сцены» (Н. Некрасов, «Кому холодно, кому жарко», 1858–1865) [11, с. 78]. Примечательно, что спустя полвека сравнение со змеей относительно текстильной фабрики применил иваново-вознесенский поэт Михаил Артамонов (вряд ли здесь его можно обвинить в подражательстве): «Шумит, гремит и охает / И стонет меж полей / На горе нам построенный / Стоокий корпус-змей...» [Цит. по: 3, с. 217]. И абсолютно идентична некрасовской метафора Анны Барковой в уже упомянутом стихотворении «Грядущее»: «Неизведанно злую опасность / Нам сулит дымовая змея».

Поэтический цикл Александра Блока «Город» (1904–1908 гг.) построен на синонимичных антитезах: солнце – мрак, город – природа, свобода – несвобода. На стороне темноты, ужаса, «пьяного красного карлика» выступает фабричная труба в стихотворении «Обман» (1904): «Девушке страшно. Закрылась платочком. / Темный вечер ближе. Солнце за трубой. / <…> Красное солнце село за строенье / Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь» [2, с. 107].

Преобразить «пыльный город» (постоянный образ стихотворного цикла) может лишь «огневой переменчивый круг», луч света: «Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, – / Наши гимны, и песни, и сны – без числа!..» (Гимн, 1904) [2, с. 116]. Но лучу солнца противостоит фабричная труба, откидывающая постоянно тень и порождающая мрак (как физический, так и метафизический): «Вот – всем телом прижат под фабричной трубой / Незнакомый с весельем разгульных часов...». Для Блока город с фабричными гарью и трубами – растлитель, чуть ли ни насильник. Единственное спасение, предлагаемое поэтом, – побег: «Здесь недоступны неба своды / Сквозь дым и прах! / Бежим, бежим, дитя природы, / Простор – в полях!» («Бежим, бежим, дитя свободы», 1900) [2, с. 25].

Именно на фоне солнца и неба антитезой природе возникают образы фабричных труб в ивановской поэзии начиная с конца XIX века: «Манчестера русского трубы дымят, – / И дым пеленою тяжелой / Скрывает усталого солнца закат / За близкою рощей сосновой» (С. Рыскин, 1890-е гг.) [13]; «В Иваново-Вознесенске / Возносятся зевы труб / Деревьев и зданий выше, / А рев их горяч и груб. / В Иваново-Вознесенске / И солнце глядит с небес, / Чахоточное как будто, / Сквозь ластик дымных завес» (Е. Вихрев, 1924 г.) [5, с. 348]; «Мне в фабричном пейзаже не хватает простора: / Что белесый ствол неба, грозовой тучи клок?» (А. Мякишев, 1990-е гг.) [9, с. 60].

Александр Воронский, свидетель литературного процесса в Иванове 1920-х, так объясняет эту постоянную антитезу: «На Севере ткач наполовину еще связан с деревней, живет в деревне, и город и каменные корпуса с особой жестокостью давят недавних деревенских парней. <…> Особенности молодых поэтов северного рабочего края бросаются в глаза при сравнении их творчества с творчеством поэтов тяжелой металлургии. Здесь преобладает рабочий, уже давно порвавший с деревней, забывший о ней; он уже весь городской» [3, с. 217].

Примечательно, что свою статью о поэтах «северного рабочего края» (пожалуй, лучший обзор в ивановской литературе, показавший ее специфику) А.К. Воронский начинает именно с описания ландшафта: «Среди русских северных равнин, пересекаемых лесами, стоит город, в котором много старинных церквей и часовен, но еще больше фабричных труб. Древний посад – и рядом гнезда фабричных корпусов вдоль небольшой и неимоверно загрязненной речонки Уводи». Именно через окружающий пейзаж объясняет Воронский формирование обособленной школы ивановских поэтов: «Это большой поэтический выводок, вскормленный полями, рабочей околицей и гулом фабрик».

По мнению современного исследователя ландшафта Ю.Г. Тютюнника, восприятие образа фабричной трубы менялось со временем в зависимости от социокультурного контекста: «На рубеже XX в. “готические” трубы мрачных промзон символизировали трагизм и отчужденность общественного бытия. <…> В технотронном космизме футуристов дымы, валящие из труб, видятся “канатами”, связывающими небо и землю (Ф.Т. Маринетти). В период социалистической индустриализации техницистский авангардизм футуристов перерастает в особую “поэзию дымящих труб” социалистического реализма. Индустриальные пейзажи с дымовыми трубами становятся жизнеутверждающими, воспевающими созидательный труд советского человека. <...> Начиная с 1970-х годов, отношение к трубам опять меняется – в худшую сторону. На этот раз причиной является так называемая экология» [14, с. 102]. Стоит отметить, что в художественных текстах ивановцев образ трубы никогда не выступал в положительной роли, и обращались к нему не часто. Видимо, фабричные трубы являлись настолько привычным элементом ландшафта, что не «сакрализировались»; в сознании тек-

стильщиков они не ассоциировались напрямую с повседневной работой в отличие от станков, тканной материи, цеха, – постоянных образов поэтов текстильного края.

Зато с изменением социокультурной конъюнктуры менялось идеологическое «наполнение» фабричной архитектуры. «Наиболее строги и аскетичны фабричные постройки времен промышленного подъема, наступившего в России вслед за реформами 1860–1870 годов. В то же время кирпичные параллелепипеды цехов не кажутся массивными – их протяженные фасады по вертикали членятся плоскими лопатками, по горизонтали – зубчатыми карнизами. Весь "декоративный" минимум выполняется в технике фигурной кирпичной кладки. <...> Особое внимание проектировщики промышленных объектов прошлого уделяли вертикальным доминантам: каждая фабричная труба, каждая водонапорная башня обретает неповторимый кирпичный рисунок, особый декор» [6].

Под это описание подходит и стоящий на берегу Уводи, в самом центре города, ивановский «кремль», напоминающий готический замок, – Большая ивановская мануфактура, бывшая куваевская фабрика. Метафизическое воздействие архитектуры на сознание горожан можно иллюстрировать строками И.А. Бродского: «Готический стиль победит, как школа, / как способность торчать, избежав укола».

В послереволюционную эпоху фабричная архитектура становится отображением идеологии. Примечательна монография «Город и завод» (1933 г.) архитектора И.С. Николаева, в которой он отмечает: «Главным становится не дворец правителя, не храм, но завод – он подчиняет себе город. Промышленная архитектура становится основой архитектуры вообще» [12, с. 87] (Иван Николаев – профессор архитектуры, ученик братьев Весниных, кандидатскую диссертацию защитил на основе реализованного в 1927 году архитектурного проекта – фабрики «Красная Талка» в Иванове).

С развитием технологий во второй половине XX века потребность в больших дымовых трубах на ткацких фабриках исчезла. К концу столетия в Иванове стали закрываться и сами текстильные производства. Река Уводь самоочистилась – естественный ландшафт всегда стремится и способен к регенерации. Корпуса фабрик приспособили под торговые центры, обособленные дымоходы, бесцельно занимавшие место, в большинстве случаев снесли. Но они по-прежнему и навсегда остаются объектами культурного ландшафта – ивановского текста, для элементов которого не имеет значения материальное отображение.

В современном городском пейзаже еще выделяется основательная краснокирпичная дымовая труба Большой ивановской мануфактуры. Перекликаются с ней, построенные неподалеку и чем-то похожие на фабричные трубы две жилые высотки – новые доминанты ивановского пейзажа. Продолжают «коптить» небо массивные трубы трех ТЭЦ, окружающих город. Таким образом, дымовые трубы по-прежнему видны из любой точки бывшего «красного Манчестера».

В контексте этой статьи было бы логично рассмотреть образ фабричной трубы как фаллического символа. Однако оставим эту задачу психоанализу, а не литературоведению. Заметим только, что фаллические символы не вписываются в традиционную парадигму архетипа города. В мифологии и в литературе город традиционно представляется в качестве женских персонажей и образов: «Мировоззрение земледельческого периода создало образ земли в виде родящей женщины, в виде матери. <…> Поэтому в древних языках, в том числе и еврейском и в греческом, город – женского рода» [15]. «Города в произведениях фольклора уподобляются невестам, вдовам и матерям, женятся и выходят замуж, а невесту осаждают и берут, как город; все это отражено в соответствующих обрядах и в текстах устной словесности» [10]. Наиболее широко эта тема освещена, на наш взгляд, в статье С.Ю. Неклюдова «Тело Москвы. К вопросу об образе "женщины-города" в русской литературе».

Природный ландшафт изначально подталкивает человечество к деятельности. Возможно, именно он является двигателем прогресса: без пустынь не появились бы ирригационные системы; на плодородной земле не зародилась бы текстильная промышленность. Человек сначала приспосабливает ландшафт под себя, а затем стремится к его коренным изменениям. На какое-то время это удается, но природа всегда стремится к регенерации, к начальному состоянию. И всегда, так или иначе, побеждает. Но мы не стираем ни один из элементов культурного ландшафта локуса. Ивановский «крест» – пересечение культурного и природного ландшафта – текстильная промышленность. Невозможно игнорировать этот факт, бесперспективна попытка противодействия ему. Фабричная труба – архетип текстильной промышленности и ивановского текста, неразделимо связанного с ней.

Библиографический список

1. *Баркова А.А.* Избранное: Из гулаговского архива. – Иваново: ИвГУ, 1992. – 300 с.

2. *Блок А.А.* Сочинения в двух томах. – М.: Худ. лит., 1955. – Т. 1. – 816 с.

3. *Воронский А.К.* Песни северного рабочего края // Красная новь. – 1926. – № 2. – С. 215–221.

4. *Гарелин Я.П.* Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад: В 2 ч. Ч. 1. – Шуя: Лито-Типография Я.И. Борисоглебского, 1884. – 226 с.

5. Дмитрий Семеновский и поэты его круга: сборник. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 432 с.

6. *Дмитриева И.* Промышленный секондхенд. Старые стены под новое дело // Технологии строительства. – 2007. – №6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tdrems.ru/tech_info/promyshlennyy-sekond-khend-2-starye-steny-pod-novoe-delo (дата обращения: 29.04.2013).

7. *Лихачев Д.С.* Культура как целостная среда // Новый мир. – 1994. – №8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/8/lihach.html (дата обращения: 29.04.2013).

8. *Мокров К.И.* Художники текстильного края. – Л.: Художник РСФСР, 1986. – 168 с.

9. *Мякишев А.Л.* Сад живых и мертвых. – Иваново, 1999. – 256 с.

10. *Неклюдов С.Ю.* Тело Москвы. К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov20.htm (дата обращения: 29.04.2013).

11. *Некрасов Н.А.* Избранные произведения. – М.: Художественная литература, 1985. – 511 с.

12. *Николаев И.С.* Завод и город // Проблемы архитектуры. – 1937. – Т. 2. – С. 285–312.

13. *Рыскин С.Ф.* Современная баллада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://muzeypiscowa.ucoz.ru/load/tvorchestvo_s_f_ryskina/stikhi/ii_ballady_poehmy_glavy/27-1-0-58 (дата обращения: 29.04.2013).

14. *Титюнник Ю.Г.* Объекты индустриальной культуры и ландшафт. – Киев: Издательско-печатный комплекс Университета «Украина», 2007. – 152 с.

15. *Фрейденберг О.М.* Въезд в Иерусалим на осле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/f/Freidenberg_ass.html (дата обращения: 29.04.2013).

16. *Экземплярский П.М.* История города Иванова (Часть 1). –Иваново: Ивановское книжное издательство, 1958. – 396 с.

УДК 882.09

Козленков Виталий Александрович
Институт Международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, г. Москва
v.kozlenkov@yandex.ru

ПОЭТИКА АГИТАЦИОННОГО ПЛАКАТА: ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В «ОКНАХ РОСТА» ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Статья посвящена использованию фольклорных элементов Владимиром Маяковским в серии сатирических пропагандистских плакатов «Окна РОСТА». С целью понимания этих плакатов каждым жителем Советского государства Маяковский использовал в них пословицы, детские песни, частушки, разговорные слова, зачастую намеренно в неправильных «уличных» формах.

Ключевые слова: *фольклор, пропаганда, советская поэзия, советский плакат, разговорная речь, суггестивность.*

Критики и литературоведы нередко называют В.В. Маяковского «поэтом улиц». Его близость к народу во всех его категориях (гражданам Советского государства, рабочим отдельного завода, солдатам на фронте гражданской войны, крестьянам конкретного совхоза, докторам, выступающим за гигиену пр.) заметна в каждом стихе, особенно в его рекламно-пропагандистских произведениях и, конкретно, в «Окнах РОСТА». Маяковский разговаривал с народом на «ты», использовал знакомую каждому лексику, нередко обращался к мифологии и фольклору. Поэзия Маяковского была не просто элементом поддержания политических идей в государстве, но и настоящим локомотивом, движущим за собой всю систему Советской пропаганды.

С первых лет существования Советской власти в России стала образовываться новая система информирования населения, фактически, полноценная машина пропаганды. Одним из главных элементов ее стал несложный в подготовке и легко поддающийся тиражированию, но при этом крайне эффективный по своим суггестивным свойствам плакат. Формат плаката подразумевает «сведенное в четкую визуальную формулу сообщение, предназначенное для вывода и конкретных действий» [19, с. 32]. Задачам, привнесенным новым политическим строем, была необходима поддержка средств массовой информации и культуры. Именно эти задачи выполняли «Окна РОСТА», в создании которых самое активное участие принимал Владимир Маяковский.

Незадолго до выхода первого сатирического «Окна» в сентябре 1918 года в газете «Правда» была опубликована статья В.И. Ленина «О характере наших газет», положения ее относились ко всему агитационному искусству. Ленин писал: «Почему бы, вместо 200–400 строк, не говорить в 20–10 строках о таких простых, общеизвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях, как подлое предательство меньшевиков, лакеев буржуазии, как англо-японское нашествие ради восстановления священных прав капитала, как лязганье зубами американских миллиардеров против Германии и т.д. и т.п.? Говорить об этом надо, каждый новый факт в этой области отмечать надо, но не статьи писать, не рассуждения повторять, а в нескольких строках, «в телеграфном

 © Козленков В.А., 2013

стиле» клеймить новые проявления старой, уже известной, уже оцененной политики» [11, с. 78].

Перед создателями плакатов, работающих в РОСТА, стояла задача донесения информации до всех слоёв населения, в том числе до малообразованных рабочих и солдат на фронте. В связи с этим стояла задача не просто выбора понятных каждому ярких форм, но и использования легкодоступного языка и художественных средств. При этом нужно было не забывать про высокий темп работы, так как речь шла об актуальных и «горячих» темах.

В докладе о художественной пропаганде на Первом Всероссийском съезде работников РОСТА (Российского телеграфного агентства), прошедшем в мае 1920 года, Маяковский говорил: «Следовательно, необходимо все силы, работающие в нашей прессе, устремить на изобретение способа, при котором ударность наших идей и не ослаблялась бы туманностью и запутанностью формы» [10, с. 16].

При создании «Окон РОСТА» главным инструментом стало использование народных (фольклорных) элементов, понятных и близких многим, вызывающих доверие. По замыслу художника М.М. Черемных, «Окна РОСТА» должны были представлять собой как бы увеличенную страницу сатирического журнала. Исследователь Б. Земенков заметил: «В “Окнах РОСТА” можно ещё проследить признаки передовой, фельетона, подвала: материал членится по колонкам, под “шапкой” названия, на правой колонке – неизменная карикатура» [9, с. 20].

В «Окнах» использовались традиции лубка, известного уже на протяжении нескольких веков вида народного творчества, и раёшника, уличного театра, состоящего из небольших размеров ящика с увеличительными стёклами для обзора. Обращения именно к этим традициям, по замыслу авторов, должны были добавить информации оптимистического характера и вызвать больший интерес у читателя. Маяковский в своей статье «Россия. Искусство. Мы», вышедшей ещё в 1914 году, указывает на особые свойства «лубка», описывая его особую жизнерадостность [13, с. 318].

Известный исследователь творчества Маяковского В.Д. Дувакин приписывает «Окнам РОСТА» традиции и других фольклорных жанров, таких, как площадной театр («балаган») и кукольный театр «Петрушка» [7, с. 239].

Помимо очевидных художественных элементов фольклора, в «Окнах РОСТА» также активно использовались литературные фольклорные элементы, ставшие частью новой формы существования стиха. В.Д. Дувакин так описывает процесс формирования литературной составляющей плакатов РОСТА: «Новый характер взаимоотношений между поэтом и народом, новые (советские) формы культурного строительства, новое в самом процессе создания поэтического произведения и особенно безграничное расширение читательской аудитории – всё это диктовало, в частности, и поиски новых форм бытования стиха» [8, с. 218].

В тот момент, когда, как выражались современники, «интеллигенция выработала свой особый язык литературы, <…> который, несмотря на русский шрифт, был непонятен даже грамотному крестьянину или рабочему» [12, с. 3], Маяковский решил обратиться к языку народа, к фольклору. Через фольклорные формы Маяковский-агитатор доходчиво разъяснял задачи, стоящие перед народом всего государства и, в том числе, вводил в обиход новые слова, пришедшие вместе с новым политическим строем, пока народу непонятные.

Он не просто использовал фольклорные элементы, он кроил тексты, внедряя в них особые архетипичные структуры, на основе уже привычных фраз, которые знает каждый с самого детства. Маяковский намеренно деформировал и перефразировал пословицы и поговорки, в результате чего отдельные семантические компоненты получали своё собственное значение и звучание. Например, в «Окне» про Вильсона, едущего в отпуск, он изменил известную пословицу «Тише едешь – дальше будешь», придав ей новую форму: «Дальше едешь – тише будешь» [15, с. 97], а в плакате со спекулянтом в камере он перефразировал пословицу «В тесноте, да не в обиде», изменив её на «В тесноте, да не обедал» [15, с. 97].

Более того, Маяковский считал народное творчество и фольклор подлинным и первичным искусством. В своих заметках «Моё открытие Америки» поэт писал, указывая на особые задачи истинно народного искусства: «Уже мексиканский посол в Париже, г-н Рейес, известный новеллист Мексики, предупреждал меня, что сегодняшняя идея мексиканского искусства – это исход из древнего, пестрого, грубого народного индейского искусства, а не из эпигонски-эклектических форм, завезенных сюда из Европы. Эта идея – часть, может, еще и не осознанная часть, идеи борьбы и освобождения колониальных рабов» [14, с. 275].

Попробуем выделить наиболее характерные фольклорные элементы, на которые опирался Маяковский, работая над стихами «Окон РОСТА».

1. Пословицы и поговорки. Маяковский использует их в трёх различных вариантах: цитируя в первичном виде, перефразируя и придавая новый смысл и, в третьем случае, лишь обращаясь к ним, намекая читателю. Первый вариант использования пословиц и поговорок встречается реже других (Например, в «Окне №5» про борьбу красноармейцев и буржуазии используется почти неизменная пословица «Железо куй пока горячее» [16, с. 5]). Чаще всего Маяковский, как мастер слова и автор броских и запоминающихся фраз, предпочитает употреблять пословицы и поговорки, как основу,

используя их на службу собственных посылов и идей (Например, измененная пословица «Русь свинье не товарищ» [15, с. 97] в «Окне» про Деникина и Россию). Отсылку к пословице можно заметить, например, в «Окне №70», призывающем без паники отправляться на фронт: «Но и востро держать ухо, чтоб из слона не сделать муху» [16, с. 6].

2. Зазывы. Ещё одним характерным элементом фольклора, используемым чаще всего в разговорном жанре, являются зазывы. Стоит отметить, что они получили своё распространение в те годы не только в плакатах, но как отдельная форма. Дело в том, что наряду с развитием плакатной формы, в период 1918–1920 гг. особое распространение получил ярмарочный фольклор: заклички, прибаутки, уговоры. В «Окнах РОСТА» Маяковский часто использовал этот фольклорный приём, побуждая народ к немедленным действиям («А вот, а вот, собирайся народ…», «Товарищи крестьяне!» и т.д.)

3. Частушки. Сходство с частушками определяется формой (чаще всего «Окна РОСТА» представлялись в виде четырёх блоков, а, следовательно, четырёх строф). И даже тот факт, что большинство четверостиший «Окон РОСТА» писалось ямбом, а не свойственным классическим частушкам хореем, не смущает многих исследователей творчества Маяковского, выделяющих частушки как фольклорный элемент «Окон РОСТА»: делает это В.Д. Дувакин [8, с. 257], П.С. Выходцев [5, с. 54], Б.П. Верёвкин [4, с. 19] и другие.

4. Детские песни и сказки. В «Окнах РОСТА» Маяковский опирается и на традицию детских народных песен и сказок. В. Бакинский выделял этому приёму особое место. «Значение приёма, – подчеркивает он, – состояло в том, что он, напоминая знакомый мотив, интонацию, слово, оживлял стих, помогал запоминать строки, усиливал комическое впечатление, получаемое зрителем-читателем от плаката» [1, с. 64]. Например, вот как поэт использует детскую песенку:

Тили-бом, тили-бом,
Стал гореть Вильсонов дом… [14, с. 53]

Или:

Динь, динь, дон, динь, динь, дон,
день ужасных похорон. [14, с. 54]

А вот использование фразы из сказки «Серенький козлик»:

Кадет по неважной пошёл дорожке,
остались бабушке рожки да ножки. [14, с. 50]

5. Загадки. Обращения к этому метафорическому выражению, являющемуся по своей форме фольклорным, Маяковский использовал не так часто, как другие, но сам принцип построения загадок, пожалуй, даже больше поговорок и пословиц присущ «Окнам РОСТА», в сути которых взаимодействие рисунка и текста. Подобно принципам загадки, текст в «Окнах», зачастую, хранил в себе вторичный, метафорический смысл, в то время как рисунок нёс в себе основное прямое значение и служил своего рода отгадкой.

Помимо прямого использования фольклорных элементов для придания своего рода семантического оживления тексту, Маяковский, как поэт, использует также и другие приёмы, свойственные фольклору. Одним из таких самых распространённых приёмов является использование слов из разговорной речи и просторечий, что свойственно фольклору, который является преимущественно устным творчеством. Известный литературовед М.М. Бахтин в начале 20-х годов писал, что для футуристов, и в частности Маяковского, «…все слова хороши. <…> Футуристы <…> раз и навсегда порвали с лексической чистотой: преобладает у них уличный жаргон» [2, с. 117].

Вместе с разговорными словами Маяковский вводит в стихи «Окон РОСТА» и вульгаризмы, зачастую даже очень резкие («морда», «отваливай» и др.). Кроме того, Маяковский при создании «Окон РОСТА» намеренно использует неправильные формы слов, делая их более «народными» («нашу противопоставить ихней силе» [16, с. 15]) и обращается к приёму по переводу множественного числа в единственное, и наоборот («на русскую деньгу» [16, с. 12], «304 вагона сельдей» [16, с. 63]). Делает он это, по мнению Б.П. Гончарова, помимо прочего и в иронических целях [6, с. 180].

Используя фольклор в стихах «Окон», Маяковский опирался на текстовые коды народного творчества, доступные каждому советскому гражданину. Он «обнажал скрытый в словах конкретный (социально-исторический, предметный, психологический) смысл, либо включал их в совершенно конкретную новую ситуацию, тем самым освежая привычные понятия» [5, с. 54] и стремился «выявить полузабытое первичное значение слов» [17, с. 272].

Обращения к фольклору и мифологии является эффективным приёмом для усиления суггестивной составляющей агитации, потому что читатель воспринимает такие обращения как что-то неоспоримое и само собой разумеющееся. Так, Ф.В.Й. Шеллинг писал, что мифологические представления разумеются «как истина, и притом как вся, как полная истина» [18, с. 214]. В.С. Библер, высказываясь о специфике культуры XX века, высоко оценивал использование фольклора («докультурного хаоса») в произведениях: «Будь ли это конкретная музыка <…> или звуковая и смысловая заумь в стихе – везде и всегда докультурный хаос оказывается особенно значимым. В структуре произведения он не исчезает, а сохраняется в своей до- и вне- культурности» [3, с. 54].

Как бы не воздействовало употребление фольклорных элементов в литературных дискурсах, приёмы, используемые Маяковским при создании «Окон РОСТА», позволили информации, несущей в себе мощный агитационный посыл, стать ближе

к народу, понятнее ему. С этим в то время не всегда справлялись официальные органы печати. Так, в 1923 году советский журналист Я. Шафир провёл масштабное исследование деревенских газет по заказу партии, которая в тот момент взялась за реформирование работы советской прессы. Исследователь заметил, что основной проблемой газет было то, что их язык был труден, его зачастую не понимал обычный крестьянский народ. Ради эксперимента Шафир попробовал дать прочитать крестьянину один из агитстихов Маяковского. «К моему изумлению, они Маяковского понимают, – писал он. Я спрашиваю, что значит – “В мозгах вывих”. Ответ – “Вроде дурака”» [20, с. 51].

Приёмы, которые использовал Маяковский, его обращения к фольклору и мифологии, стали основой его литературного новаторства, закрепив за ним звание народного поэта. Язык поэзии Маяковского был понятен каждому, даже малообразованному гражданину, и, благодаря своим суггестивным свойствам, его стихи эффективно работали, решая политические задачи молодого Советского государства.

Библиографический список

1. *Бакинский В.* Маяковский в борьбе за социалистический реализм. – Л.: Советский писатель, 1952. – 258 с.

2. *Бахтин М.* Язык Маяковского // Собеседник. Литературно-критический еженедельник. – М., 1984. – Вып. 5. – С. 115–121.

3. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.

4. *Верёвкин Б.П.* Маяковский в газете. – М.: Мысль, 1980. – 156 с.

5. *Выходцев П.С.* Маяковский как национальный поэт // В. Маяковский в современном мире. – Л.: Наука, 1984. – 384 с.

6. *Гончаров Б.П.* Поэтика Маяковского. – М.: Наука, 1983. – 351 с.

7. *Дувакин В.Д.* Поэтика «Окон РОСТА» // Маяковский и современность: Вып. 2. – М.: Современник, 1984. – 336 с.

8. *Дувакин В.Д.* Радость мастером кованная. – М.: Советский писатель, 1964. – 443 с.

9. *Земенков Б.С.* Ударное искусство Окон сатиры. – М.: Художественное издательство, 1930.

10. *Катанян В.А.* Неизданные выступления Маяковского (1920–1930 гг.) // Лит. наследство. – М., 1958. – Т. 65. – С. 9–98.

11. *Ленин В.И.* Сочинения. Т. 28. – М.: Политиздат, 1962. – 535 с.

12. *Любаш С.* Литература грядущего дня // Вестник литературы. – 1919. – № 6. – С. 3–14.

13. *Маяковкий В.В.* Россия. Искусство. Мы // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 тт. Т. 13. – М.: Гослитиздат, 1961. – 628 с.

14. *Маяковский В.В.* Мое открытие Америки // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 тт. Т. 7. – М.: Гослитиздат, 1957. – 535 с.

15. *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: в 13 тт. Т. 4. – М.: Гослитиздат, 1957. – 452 с.

16. *Морозов А.* Маяковский. Окна РОСТА и ГлавПолитПросвета. 1919–1921. – М.: Контакт-культура, 2010. – 96 с.

17. *Тимофеева В.В.* Язык поэта и время. Поэтический язык Маяковского. – Л.: АН СССР, 1962. – 381 с.

18. *Шеллинг Ф.В.Й.* Введение в философию мифологии // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1989. – 636 с.

19. *Штудинка Ф.* Коллекция плакатов музея дизайна в Цюрихе // Как. – М., 2001. – №2. – С. 20–29.

20. *Шафир Я.* Газета и деревня. – М.; Л.: Красная Новь, 1923. – 400 с.

УДК 882.09

Морозов Николай Георгиевич
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

РЕЦЕПЦИЯ А.П. ЧЕХОВА, ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА И Л.Н. ТОЛСТОГО В РАССКАЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ЧЕРНЫЕ ВЕТРЫ»: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ ТЕМЫ СКИФОВ И МЫСЛИ О ТОРЖЕСТВЕ ХРИСТИАНСКОГО ГУМАНИЗМА

В статье рассматриваются особенности рецепции Б.К. Зайцевым прозы А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, И. Брянчанинова в рассказе «Черные ветры». Писатель обличает проявления насилия, социальной и этнической нетерпимости, утверждает торжество идеи гуманизма и согласия в общественной жизни России 1905–1906 гг.

Ключевые слова: *рецепция, «скиф», древняя история, гуманизм, согласие.*

Е.А. Колтановская в своё время высказала справедливое и точное суждение, касающееся философской доминанты творческого сознания Б.К. Зайцева, определившейся уже в ранних его произведениях: «Обнаружился в ранних рассказах и особенный философский, синтетический склад Зайцева как художника. Он улавливает общее прежде частного, жизнь стихии, а не отдельных индивидуальностей. От стихии природы он перешёл к стихии человеческой жизни». В то же время эти рассказы, по мнению Е.А. Колтановской, «конкретны, связаны с бытом, пропитаны запахами земли» [3, с. 212]. Эти наблюдения справедливы не только в отношении рассказа «Священник Кронид» и повести «Аграфена». Особенно ярко чуткая прислушливость раннего Зайцева к проявлениям подземных, стихийных начал в сознании людей из народа, захваченных разрушительными страстями, выразилась в рассказе «Черные ветры», впервые опубликованном в шестом номере журнала «Современная жизнь» за 1906 год. Пожалуй, ни в каком другом рассказе Б.К. Зайцева 1900-х гг. столь сильно не дает о себе знать блоковское ощущение стихии мятежа в духе Пугачева и Разина. Не случайно в этом рассказе не обнаруживается сочувственного отношения не только к черносотенной массе, но и к организованным, казалось бы, в колонну рабочим, движущимся навстречу беснующемуся сборищу погромщиков с какой-то мрачной, сосредоточенной решимостью. По мысли Зайцева, обе противоборствующие массы людей в равной мере лишены памяти о своём культурном прошлом, о христианском долге братолюбия и милосердия перед Богом и людьми. Зайцев с самого начала, доискиваясь до глубинных причин братоубийственной розни в одном из провинциальных городков России, приходит к мысли о годами копившейся в этом и других, таких же унылых городках, бездуховности, лжи, фальши. Многолетним нравственным кризисом, неблагополучием всей этой провинциальной скуки веет с первых же строк рассказа. В самом начале повествования вниманию читателя предлагается описание привокзального пространства, серенького, дождливого и слякотного. Каким-то беспросветным унынием, тоской веет от этой пейзажной картины. Что-то чеховское ощущается в зайцевской картине провинциального вокзальчика: «Холодно, слякоть. От дождя всё стемнело. На площади стальные лужи, и сумерки кружат, веют темной птицей. На вокзальной площади кольцо мясных лавок. В них висят свежие туши, рубят мясники и кое-где огромные подвешенные рыбы – как жирные плавни. Посреди площади, у водокачки, сбились кучей ломовики – громадные, в белой муке; красные глаза у них сверкают» [2, т. 1, с. 89]. О точечной интертекстуальности, связанной с определенным художественным текстом А.П. Чехова, в этом отрывке вряд ли приходится говорить, но вот короткий, быстрый приступ к теме, детали городского провинциального ландшафта, создающие у читателя впечатление дикости и варварства, царящих в этом уголке России, – всё это взято Зайцевым от Чехова. Вспомним прямое и точное описание места действия в рассказе «Хамелеон», полицейского надзирателя Очумелова в новой шинели и с благоприобретённым крыжовником, дровяной склад, золотых дел мастера Хрюкина и мгновенно создавшуюся картину быта и нравов общества, где совесть давно не объявлялась, а вместо закона господствует право сильного. И в начале повествования холод и слякоть не только показывают читателю на время года, наступившую осеннюю непогоду. Они напоминают о чеховском рассказе «Человек в футляре», где на похоронах Беликова лил дождь, и все учителя гимназии были в калошах с зонтиками. Следовательно, ненастье в рассказе Чехова подчеркивает унылое, беспросветное существование провинциальных интеллигентов и всей России. Вот и в рассказе Зайцева «Черные ветры» холод и слякоть навевают ощущение жизни не только бескрылой, но ещё и жестокой, в которой утвердились нравы людей бессердечных, забывших о любви к ближнему. Не случайно в лужах на привокзальной площади не дождевая влага, но субстанция, блеском напоминающая сталь. На фоне такого многозначительного пейзажа лавки мясников с большими, едва ли не в рост человека, тушами животных и рыб, предвещают события кровавые, в духе времён из древнейшей истории народов.

Есть, однако, в этом пейзажном зачине «Черных ветров» символический подтекст, нуждающийся в более обстоятельном комментарии. Построен-

 © Морозов Н.Г., 2013

ная по принципу градации мрачная группа символических примет – «кольцо» лавок, мясные «туши», «красные глаза» – все эти знаки неизбежного кровопролития, агрессии, зла. Вряд ли можно считать их только изобразительными подробностями. В коллективном и достаточно скупом портрете «ломовиков» ясно просматривается художественная манера раннего Зайцева, на которую обратила внимание Е. Колтоновская в цитированном нами исследовании 1916 года. Красные глаза ломовиков и есть художественное воплощение уже сложившихся в творческом сознании писателя символико-философского представления о российской действительности времён кровавой смуты 1905–1907 годов. Эти символико-философские представления Зайцева о действительности выступают на первый план, подчиняя себе конкретные реалии предметного мира. И здесь во внешнем облике ломовиков символическое и реально-конкретное причудливо сплетаются, соединяясь в некий стилистический узор, обусловленный логикой авторской мысли. В результате достигается удивительный эффект соединения примет мира естественного, земного, и сверхъестественного, где обитают бесплотные силы добра и зла. Сознание читателя вначале может объяснить элемент необычного в облике ломовиков, например, белизну фигур – бытовыми обстоятельствами, условиями профессиональной деятельности людей, перевозящих муку и другие товары. Но «красные глаза» у погромщиков, оказавшихся к случаю в некоем подобии белых одежд, – подробность не случайная. Эта художественная деталь выступает на поверхность сюжетной канвы из каких-то смысловых глубин, каких-то иных текстов, на которые мог опираться в творческих раздумьях о происходящем автор. В этих неестественного цвета глазах заключается разгадка еще одной рецепции в тексте «Черных ветров». Зайцев предлагает внимательному читателю всмотреться попристальней в городскую среду, вслушаться в звуки, издаваемые пространством. Дело в том, что до начала повествования в провинциальном городке произошли катастрофические, с точки зрения автора, перемены в духовном и нравственно-психологическом состоянии всех обывателей, без исключения.

Существа в белом с красными глазами, встретившие только что прибывшего в городок героя-повествователя – опасные социальные мутанты, первые вестники эпидемии насилия и братоубийственной розни, поразившей уездный город. И потому конкретная, бытовая подробность, которая раньше, быть может, осталась бы в пределах художественных возможностей реалистического искусства XIX века, теряет изобразительную устойчивость, её лексико-стилистическая фактура становится плавкой, перетекает к символико-стилистическому полюсу, спрятанному в глубине художественного текста всего рассказа. Здесь настает время ответить на существенный для понимания истоков этой символики вопрос: что именно побудило Б.К. Зайцева усилить, выделить именно эту, а не какую-либо другую колористическую деталь в облике ломовиков-погромщиков? Таким образом, в данном фрагменте рассказа «Черные ветры» обнаруживаются признаки рецептивно-интертекстуального мышления писателя. В этом случае исходным текстом или претекстом оказывается одно из произведений хорошо известного в богословской и религиозно-философской среде рубежа XIX–XX веков христианского писателя Игнатия Брянчанинова. В этом произведении содержится объяснение причин столь необычного, странного цвета глаз некоторых мирян. Вряд ли можно сомневаться в том, что автор рассказов «Тихие зори», «Священник Кронид», повести «Аграфена» не был знаком с сочинениями Игнатия Брянчанинова, издававшимися в России с 1890-х годов.

Среди работ св. Игнатия, опубликованных в начале 1890-х годов, есть сочинения, касающиеся опыта иноческой и церковной жизни в первые десятилетия нашей эры в Египте. В частности, Игнатий приводит любопытные свидетельства одного из древних иерархов восточной христианской церкви, касающиеся внешних проявлений вторжения демонического начала в души людей. Речь идет об одном из епископов, который заметил, что внешний вид прихожан во время и после причастия претерпевает изменения. Он получил от ангела исчерпывающее объяснение этого необыкновенного явления: «...После Божественного страшного жертвоприношения, когда присутствовавшие приступали один за другим к принятию святых тайн, епископ видел на лице каждого состояние души его, каким она подвержена грехам. Лица грешных мужей видел он черными, как бы выгоревшими от зноя; глаза у них были красные, кровавые. У других людей были лица светлые, а одежды яркой белизны. Тело Господа одних, принимавших его, сожигало и опаляло; других просвещало, соделывало подобными свету: входя в уста, оно разливало свет по всему телу. <...> Снова обратился епископ к молитве, умоляя Бога об объяснении показанного ему в откровении. Ему предстал ангел Господень <...> Епископ … сказал ангелу: “Прошу тебя, объясни мне и значение различных видов, которые принимаются лицами согрешающих различно, чтоб я, узнав это, вполне освободился от неведения”. Ангел сказал ему: “Те, у которых глаза были красными и кровавыми, живут в злобе и неправде, любят обманывать, лукавствовать, хулители и человекоубийцы. – Ангел присовокупил: – Помогай тем, которым желаешь спасения…”» [5, с. 487–489]. Необходимость в столь обширном цитировании вызвана тем, что именно этот фрагмент из собранных Игнатием Брянчаниновым изречений и пове-

стей древних подвижников более всего обладает признаками претекста и стал источником реминисценции в рассказе Б.К. Зайцева «Черные ветры». Данный текст из сочинений Игнатия Брянчанинова оказался в такой степени созвучен мыслям Б.К. Зайцева о роковой податливости народных масс к насилию, склонности предать забвению евангельские заповеди, что стал предметом рецепции, дал творческий импульс развитию сюжета, всей образной системы произведения и даже обусловил выбор писателем следующего рецептивного фрагмента. Здесь же определилась специфика рецептивно-интертекстуального мышления писателя, допускавшего гибкую, пластичную корректировку исходного текста, позволяющую органично включать его в свою, оригинальную, художественную систему. Зайцев применяет точечную интертекстуальность избирательного характера. Так, сохраняя эпитет «красные», он устраняет другой, в духе натурализма, эпитет «кровавые». Следуя духу текста Игнатия Брянчанинова, Зайцев меняет структуру буквы его, так как то, что уместно в откровении, где дается избранному свидетелю сразу и всё, не годится в рассказе, где символы и приметы готовой пролиться крови реализуются в сюжете. Зайцев избегает намёков на какое-либо разъяснение ужасной приметы зла и тьмы, укрепившихся в душах ломовиков, допуская тем самым расширительное толкование символики красного цвета. Это цвет крови, но ещё такого же цвета флаги, поднимаемые организованными в стройную колонну рабочими. Отблески красного цвета замечаются и в черных тучах, надвинувшихся на уездный город. Но при этом Зайцев полностью солидарен с тем объяснением красноглазия грешников, которое даётся в цитированном фрагменте «Избранных сочинений» Игнатия Брянчанинова.

Более сложной оказалась судьба словосочетания «белые одежды». В тексте Игнатия они связаны с символикой света и обусловлены известным евангельским мотивом, касающимся убеления одежд праведников, достойных последователей учения Христа. В рассказе «Черные ветры» праведников нет, зато грешники – в изобилии, их время настало. Поэтому и мотив убелённых одежд овеян горькой иронией автора. Случайно запачкавшиеся в муке ломовые извозчики, сверкающие налитыми кровью от ненависти глазами – это ли не страшная карикатура на благочестие и праведность во времена братоубийственной смуты? Есть в этой маскировочной белизне страшного облика погромщиков и доля гневной публицистичности Зайцева, наблюдавшего попытки черносотенцев рядиться в своеобразные «футляры» из обрывков церковнославянизмов. Довольно широкий спектр художественных способов нового использования интертекста в рассказе «Черные ветры» показывает чуткую прислушливость Зайцева к лексико-стилистическим обертонам исходного текста, умение писателя улавливать и выражать в собственном тексте эстетические следы возникающих образно-символических созвучий.

Мысль Игнатия Брянчанинова о таящихся в душах людей с древнейших времён и по сию пору опасных свойствах поддаться демоническим стихиям и менять облик христианский на личину сатанинскую обусловил обращение писателя к роману-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир». Как уже отмечалось выше, русская литература XIX века оказала огромное влияние на творчество раннего Зайцева. К наследию А.П. Чехова и Л.Н. Толстого Зайцев особенно прислушивался. «Куча», в которую сбились погромщики в рассказе «Черные ветры» живо напомнила писателю те страницы романа-эпопеи, в которых изображается «толпа», одержимая низменными инстинктами, освободившаяся от тысячелетнего духовного и культурного наследия. В рассказе «Черные ветры» есть символическая подробность в изображении небесного свода над городом, где вот-вот прольётся кровь: «…Мрачная кровяная туча стелется по земле, ползет, как тяжелый пар» [2, т. 1, с. 89]. Таков небесный свод, которого удостаивается толпа, одержимая низменными, звериными инстинктами: «А-А, сволочь! Мы им покажем! <…> Ломовики свирепо кричат. Их лошади грызутся, дыбятся, и по временам возчики жестоко бьют их кнутовищами в морды; и все эти белые гиганты, железный грохот телег, кулаки, драные одежды и распухшие веки – всё сливается в одних злобных, земляных духов» [2, т. 1, с. 89].

В этих фрагментах наблюдается сразу две рецепции: Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Во-первых, мотив крови, которая неизбежно прольется в неправедной, братоубийственной схватке людей, умы и души которых помрачены темными страстями, восходит к отрывку из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Речь идёт о пейзаже накануне Аустерлицкого сражения: «Было девять часов утра. Туман сплошным морем расстилался понизу, но при деревне Шлапанице, на высоте, на которой стоял Наполеон, окруженный своими маршалами, было совершенно светло. Над ним было ясное голубое небо, и огромный шар солнца, как огромный пустотелый багровый поплавок, колыхался на поверхности молочного моря тумана» [6, с. 346]. Символика этого пейзажа обусловлена мыслью Л.Н. Толстого о темных силах, сопутствующих Наполеону. Эти силы бесплотны, но властвуют над обезбоженными душами честолюбивых эгоцентристов, предводителей агрессивных воинственных толп грабителей. Над всем этим морем людским, оказавшемся во власти темных страстей и дум, вместо утреннего ласкового солнца колышется «багровый… поплавок» невидимой гигантской удочки, заброшенной в это море тем, кто главным заняти-

ем полагает ловлю душ человеческих, кто питается кровью невинных жертв. Махину этого человекоубийства организовал и направил не Наполеон, не предводители армий, выступивших против него. Мысль автора «Войны и мира» о скрытом виновнике масштабного человекоубийства вложена в уста простого русского «солдатика», сердечно пожалевшего Николая Ростова. Точно так же согреет теплом сердечного сострадания Платон Каратаев несчастного Пьера Безухова.

В рассказе Б.К. Зайцева 1906 года речь идет о трагедии братоубийственного столкновения настроенных в черносотенном духе толпы с «бунтовщиками» [2, т. 1, с. 89], в такой же мере ожесточившимися и готовыми к насилию со всеми, кто препятствует их агрессивным, разрушительным протестным действиям. И эти люди в такой же мере поражены религиозно-нравственной амнезией, они забыли о духовных традициях и, следовательно, стали добычей темной стихии: «Вдруг из-за станции движется что-то; глухо чернеющей лентой тянутся рабочие; поют, вверх летят шапки; эта горячая волна ближе, ближе [2, т. 1, с. 89].

Поражает созвучие пейзажных деталей символического характера: в описании небосвода оба автора включают мотив крови, как грозную примету будущего кровопролития. Это призрак войны, знак торжества сил тьмы. Специфика рецептивного мышления Б. Зайцева состоит в том, что исторический момент в жизни современной ему России, по мнению автора, более драматичен, чем в романе-эпопее Л.Н. Толстого. На этот раз состояние «войны» и «толпы» охватывает глубинку России, сотрясает национальное ядро русской жизни. Для выражения всей огромности и серьёзности этой беды Зайцев вводит в текст рассказа «Черные ветры» рецепцию Ф.М. Достоевского. В романе «Преступление и наказание» в страшном сне Раскольникова человек из народа хлещет бедную лошаденку по глазам. В рассказе Б. Зайцева люди из народа остервенело бьют кнутовищами своих лошадей «по мордам» [2, т. 1, с. 89]. Кошмарный сон из романа Достоевского о единичном пока случае жестокости и садизма со стороны народа в рассказе Зайцева становится зарисовкой с натуры, характеризующей эпидемию неподконтрольной сознанию жестокости, садистской злобы. Обе указанные рецепции усиливают эпическое начало в рассказе «Черные ветры».

Гуманистическая мысль автора «Войны мира», осудившего преступления людей, оказавшихся в состоянии толпы, войны всех со всеми, воплотилась в рассказе Б. Зайцева в эпизоде массового побоища ломовиков и участников манифестации: «Черный поток всё виднее. Ломовики бурлят; наскоро выламывают слеги, появилось дубьё, бегут приказчики. Взмётывают батоги, и как орда скифских зверей рушатся они на противников. Тусклый ветер кружит над площадью, сумрак реет <…>; точно огненная буря охватила всех, гигантская масса воет, бьет, кромсает <…> Красная мгла застилает глаза. Хочется бить друг друга, бьют своих, себя» [2, т. 1, с. 89–90]. Эпитеты «черный» и «красный», являясь смысловыми точечными интертекстами на основе определившейся в начале рассказа рецепции Игнатия Брянчанинова, поддерживают жанровую основу поучения в сюжете рассказа. Фразеологический оборот «Красная мгла застилает глаза» в этом контексте имеет отношение к двум рецепциям одновременно: Игнатия Брянчанинова и Л.Н. Толстого. В результате рецептивного синтеза достигается особая символическая многогранность повествования, еще более усиливается жанровый ореол видения, открывавшегося герою-повествователю. Все оттенки красного цвета, ассоциируясь с кровью, нарастают по принципу градации (от кровавой тучи до «красной мглы», затмевающей глаза). Духовная слепота погромщиков оборачивается особым зрительным помутнением, вследствие кровавой мглы, окутавшей город: «бьют своих, бьют друг друга» [2, т. 1, с. 90]. Сравнение «как орда скифских зверей» [2, т. 1, с. 89] напоминает читателю о временах античности. Задолго до стихотворения А. Блока «Скифы» Б.К. Зайцев разглядел в русском народе глубоко спрятанный на дне души звериный облик скифа-варвара, разрушителя, к которому народы античных государств относились с известной долей опасения. Представление о том, что такое скифы, Б.К. Зайцев мог получить из достаточно известного в кругах образованных людей В.В. Латышева [4].

Можно только предполагать, какие именно свойства скифов побудили Б.К. Зайцева надолго позиционировать этот народ с «ордой» да ещё и «звериной». Видимо, на писателя оказали сильное воздействие свидетельства греческих философов и историков: Солона, Платона, Геродота. В этих свидетельствах скиф изображался в крайне непривлекательном виде варвара, кровожадного и весьма жестокого, собственноручно изготовлявшего скальпы убитых им врагов для доказательства своей воинской доблести. Эти скальпы затем использовались как кожаные мешки, а из черепов изготовлялись чаши. Отмечалась и склонность к неумеренному винопитию, буйному поведению во время пиров. Археологические раскопки, сведения о которых могли доходить до современников Зайцева, свидетельствуют о случаях людоедства у скифов [1, с. 92–94]. Точно установить, какие именно античные авторы способствовали отрицательному отношению Б. Зайцева к слову «скиф» вряд ли удастся исследователям, но важнее другое. К 1906 году, оказавшись свидетелем кровавых эксцессов первой русской революции 1905–1907 гг., Зайцев сделал для себя однозначный и горький вывод: в нем самом и его соотечественниках есть опасный ген скифства, который может однажды заявить о себе внезапной

смутой, разрушением государственной и культурной жизни, гибелью России. В этой мысли Зайцев укрепился особенно после посещения Флоренции, этой своеобразной культурной Мекки русских деятелей культуры и литераторов еще с XIX века. Значение понятия «скиф» Б.К. Зайцев в определенной мере раскрывает в 1907 году, на следующий год после создания рассказа «Черные ветры». Отрывок из этого эссе с содержательным комментарием приводит в своей глубокой книге Алексей Алексеевич Кара-Мурза: «Но устала голова и отказываешься воспринимать: куда тебе, бедному скифу, которого дома ждут хляби и мрак, вынести сразу всю роскошь! Пей хоть глотками. И скиф идёт на отдых в ristorante. Это опять в простонародной части города, но тут премило <…> Здесь, в стране с золотистым виноградом, колонами, возделывающими те же участки, что столетия назад кормили Данте и этрусков, римлян, – здесь неплохо было бы лечь всем этим итальянцам в отрогах тех гор голубых, в тени яблонь, обвитых гирляндами, – и пусть Беноццо Гоццоли пишет «Уборку винограда», солнце целует и дух бессмертия и вечной красоты царит…» [7, с. 176–177]. Не столь трудно подметить слагаемые историко-культурного хронотопа, очерченного в этой картине итальянского Эдема. Автор приехал в благодатную страну ласкового солнца, голубых гор и золотистого винограда из мрачной и убогой Скифии, страны «хлябей» кровавых и «мрака» варварского. Флоренция с её красотами для Зайцева, как и вся Италия, а за ней и вся Европа, – солнечная половина земного мира, в котором царят вечная красота и гармоничность античной цивилизации. Оттого древние этруски, Данте и римляне оказываются в представленной Зайцевым картине флорентийского изобилия и счастья гражданами единого пространства-времени, все они, включая и самого повествователя, являются обитателями страны, где смерть не властна над земными человеками, иначе говоря – в земном Раю. С 1908 года, как отмечает Кара-Мурз, и вплоть до Первой Мировой войны Зайцев очень частый гость флорентийской Аркадии, где дышится легко, где светло и счастливо живётся, не то что в России, чреватой скифством, где «хляби» не сулят ничего иного, кроме кровавой мглы. С 1907 года в сознании Б.К. Зайцева укрепляется образ Запада как наследника Античности и страны Божественного Данте. Отсюда растёт в творчестве Зайцева мысль о соединении всего лучшего в Восточном и Западном христианстве, которая своеобразно выразится в рассказе «Студент Бенедиктов».

В «Черных ветрах» мотив скифов тесно связан с образом-символом мглы, инфернальной стихии, несущей смерть и разрушение миру людей. Поэтому в самой значительной по объему, третьей части рассказа демоническому натиску противопоставлен образ православного храма в день светлого праздника, но силы тьмы проникают в души священников и даже иноков, – настолько глубоким оказывается религиозный и нравственный кризис всей России. С амвона «попы» возглашают не призывы любить ближнего и смиряться, но пугают мирян перспективами поругания храмов Божиих и разжигают в сердцах прихожан ненависть в бунтующим против Бога и церкви. Исступление и торопливая суета («монахи шныряют») вокруг храма знаменуют запустение душ иереев и иноков. В четвертой, заключительной части рассказа, определяется евангельская рецепция, связанная с сотериологическим значением образа Богородицы, скорбный лик которой проступает в темном, с красными проблесками, небе над «избитым» «звериной ордой» городом.

Завершается рассказ «Черные ветры» символическим образом коня с налитыми кровью глазами: «Утром, в хмури рассвета, на площади у вокзала снова копошатся: ломовые поят лошадей <…> и как дикие предутренние существа ржут лошади, их страшный рык идёт из хлябей облаков, земли…» [2, т. 1, с. 92–93]. Тёмная сила не отступала, но затаилась, явления предметного мира всё ещё находятся во власти невидимых, враждебных людям стихий. Поэтому обзорная панорама города, хранящего страшные следы недавнего кровавого буйства толпы, содержит рецепцию «Повести о разорении Рязани Батыем»: «Пробуждается избитый город, кровоточа раной в сердце, <…> валяются трупы изнасилованных; тлеют сожженные кварталы» [2, т. 1, с. 93]. Эпитет «избитый» в приложении к некоему безымянному городу, снимает пелену эпох, смыкая пространство «избитого» ордами степняков древнего города с пространством современного автору города, разгромленного «звериной ордой» новых скифов. Примечательно, что в заключительном фрагменте акцент с мира людей переносится на мир звериный, животный. Люди перестают интересовать автора, а на первый план выступает ломовой конь, «битюг»: «По временам свирепый битюг косит окровавленным глазом на мучнистого хозяина, и ему отвечает сверлящий взор и сбоку кнут. Сверху, снизу наползает муть» [2, т. 1, с. 93]. В этом фрагменте едва заметно просвечивают следы предыдущих рецепций Игнатия Брянчанинов, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Налитый кровью глаз битюга и сверлящий взор хозяина, в котором, по-видимому, ещё сохраняется кровавый блеск, что привлёк внимание повествователя в начале рассказа, – точечные интертексты «Отечника» Игнатия Брянчанинова. Кнутовище у глаз битюга заставляет читателя вспомнить о том, как ломовики били своих лошадей кнутовищами по мордам. И за этим фрагментом всплывает воспоминание о претексте – сне Раскольникова. Следы этих рецепций усиливают ассоциативную лабильность читательского сознания в направлении ещё одно рецепции – Л.Н. Толстого. Она реализуется в символическом образе кровавой мглы.

В результате соединения в рамках единого художественного текста рецепций святоотеческих произведений, относящихся к событиям первых десятилетий христианства, и рецепций русской литературы XIX века, автором достигается эффект смыкания историко-культурных хронотопов. Следствием данного эффекта является усиление прогностической содержательности произведения и развенчанию идей насилия и нетерпимости.

Библиографический список

1. *Алексеев С.* Скифы. Исчезнувшие владыки степей. – М.: Вече, 2010.

2. *Зайцев Б.К.* Сочинения: в 3 т. – М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993.

3. *Колтоновская Е.А.* Борис Зайцев // Русская литература XX в.: 1890–1910. Т. 3. Кн. 8. – М., 1916.

4. *Латышев В.В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Первое издание. Т. 1–2. – СПб., 1893–1904.

5. Отечник / сост. свт. Игнатием (Брянчаниновым). – Минск: Лучи Софии, 2007. – С. 487–489.

6. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1958.

7. *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские во Флоренции. – М.: Независимая газета, 2001.

УДК 882.09

Ненарокова Мария Равильевна
кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
maria.nenarokova@yandex.ru

ЯЗЫК ЦВЕТОВ: ФИАЛКА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.*

Статья посвящена русскому языку цветов, важному культурному явлению первой половины XIX в. Фиалка часто упоминается в русской поэзии указанного периода. В значениях, приписываемых фиалке, отразилось влияние как французской, так и немецкой традиций языка цветов.

Ключевые слова: *язык цветов, фиалка, Европа, Франция, Германия, Россия, русская поэзия XVIII–XIX вв., русская литература, символика.*

Язык цветов, по определению Л. Леневё, «относится почти исключительно к области любви и дружбы» [24, p. 9]. Цветы и растения выполняют в нем роль слов, так что, зная ту или иную традицию языка цветов, можно составлять и читать букеты-послания. Толчком к возникновению европейского языка цветов послужили «Турецкие письма» леди Мэри Уортли Монтагю, жены британского посла в Турции, опубликованные в 1763 г. Она описала турецкую игру под названием «селам», то есть «приветствие», которая состояла в том, что цветам, листьям, травам, жемчугу, пряностям соответствовали короткие стихи, зная которые, участники игры составляли своеобразные послания и читали их, передавая их друг другу. Кроме леди Мэри, были и другие авторы, в основном, купцы и дипломаты, упоминавшие об этой игре, но именно ее книга приобрела наибольшую известность в салонах Европы.

У европейского языка цветов были и свои источники, например, символика растений, наследие античности, определившее сходство всех вариантов языка цветов независимо от того, в какой европейской стране он складывался. Большую роль сыграли и барочная традиция эмблематики, корни которой уходят в христианское средневековье, и местные народные традиции.

Одним из элементов европейского языка цветов является фиалка. За фиалкой закрепилось значение, сформулированное еще в сборниках эмблем XVII в.: «Эмблема скромности, которая живет неотделимо от сельских кровель» [23, p. 189]. Это отмечает и мадам Жанлис в своей книге «Историческая и литературная ботаника»: «скромная простота» [22, p. 227]. Она же приводит как пример некую «милую и духовно развитую женщину, имеющую застенчивый и замкнутый характер» [22, p. 227], которая выбрала своей эмблемой фиалку и девиз: «Меня следует искать» [22, p. 227]. Французский язык цветов знает несколько видов фиалок, из которых самой распространенной является фиалка «простая» [20, p. 155], то есть «светло-фиолетовая» [16, pp. 85–86]. Значение «простой» фиалки не меняется на протяжении XVII–XIX вв.: «скромность, простота, стыдливость», «целомудрие, застенчивость» [20, p. 155; 19, p. 117].

В немецком языке цветов, во многом формировавшемся под влиянием французской традиции, символика фиалки оказалась гораздо более сложной. Значения, приписываемые этому цветку, можно разделить на несколько групп, причем одну группу с общим значением «скромность» можно найти и в других европейских вариантах языка цветов – в уже упоминавшемся французском, в английском, а также и в его американской разновидности. Эта группа объединяет такие значения, как «скромность» [27, p. 101], «смирение» [19, p. 905], «скромность при тайных заслугах» [19, p. 46], «любовь

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 12-06-00087-а «Изучение усвоения и трансформации античных естественных наук в Средние века и Новое время в контексте социокультурной динамики общества».

© Ненарокова М.Р., 2013

к уединению и скромность» [18, p. 182]. Отдельную группу составляют значения «стыдливость» [19, p. 882], «целомудрие» [21, p. 149], «непорочность» [21, p. 149]. Фиалка может символизировать и любовь, но в удалении от светского общества («Истинная любовь цветет только в тихом уединении» [25, p. 65]) или же чувство, которое приходится скрывать («Только тайная любовь счастлива; будь молчалив» [17, p. 30]). При этом любовь остается верной («постоянство» [19, p. 905]). Довольно неожиданна связь фиалки и смерти: «презрение к смерти ради любви» [19, p. 905], «смерть от любви» [19, p. 905], однако эти значения приписываются темной фиалке.

В России язык цветов как явление культуры появился на рубеже XVIII–XIX вв. Его можно найти и в изобразительном искусстве, и в литературе, особенно в поэзии. Обращениями к языку цветов отмечен весь XIX в. Наибольшее влияние на формирование русского языка цветов оказали французская и немецкая традиция.

Несмотря на то, что в европейском языке цветов есть несколько видов фиалок, отличающихся друг от друга цветом, в русской поэзии упоминается лишь цвет обычной, лилово-голубой, фиалки: «В фиалках… / Синеет лучше цвет небесный» (С.С. Бобров) [10, с. 152], «Как нежно листочков лазурных блистанье» (П.П. Шкляревский) [11, с. 152].

Основные, наиболее часто встречающиеся значения фиалки относятся к группам «скромность» и «невинность». Значения обеих этих групп реализованы в стихотворении Рындовского «Моя фиалка». Поэт «скромность милую любил от юных лет» [13, с. 228], и именно «скромная» [13, с. 228] фиалка, отличающаяся «невинностью кроткой» [13, с. 228] и «стыдливой красотою» [13, с. 229] восхищает его. Красота фиалки неброская, но она не остается незамеченной: «Фиялки милы взор пленяют, / Цветущие у ручейков» [12, с. 167] (С. Рассказов). «Скромность» фиалок подчеркивается еще и тем, что они цветут в укромных местах: не «средь луга» [4, с. 30], а в траве, в тени ветвей: «Где гибкий орешник сплетается с ивой, / Фиалка под сенью ветвей / Цветет, помрачая красою стыдливой / Цветы и садов и полей» [11, с. 478], у ручьев: «Под фиалкою журчит / Здесь ручей сребристый, / С ранним днем ее живит / Он струею чистой» [5, с. 91]. Д. Глебов отмечает «милый скромный цвет», «святую скромность» [4, с. 29–30] фиалки. В русской прозе начала XIX в. фиалка также означает «скромность»: «Не для той ли причины любима всеми фиялка, что есть эмблема скромности?» [8, с. 51].

Значение «любовь к уединению и скромность» не раз встречается в поэзии первой половины XIX в. Д. Глебов завершает свое стихотворение «К фиалке» восклицанием: «Счастлив, кто может от людей / Скрывать во мраке добродетель!» [4, с. 30]. Все стихотворение «Репейник и фиалка» И.И. Дмитриева является иллюстрацией этого значения: «Между репейником и розовым кустом / Фиалочка себя от зависти скрывала; / Безвестною была, но горести не знала. – / Тот счастлив, кто своим доволен уголком» [6, с. 153]. С развитием значения «любовь к уединению и скромность» фиалка становится символом «безвестного таланта»: «В тени фиалка, притаясь, / Зовет к себе талант безвестный» (П.А. Вяземский «Цветы») [3, с. 112].

«Стыдливая красота» фиалки делает ее метафорой «юной девушки»: «Я смотрела на стены, в которых росла моя Адина, подобно фиялке, истинной ее эмблеме, без похвал, без рукоплесканий, ибо немногие взоры способны предвидеть, чем некогда будет смиренный цветочек, любимый Флорою» [1, с. 22]. В поэзии первой половины XIX в. сад часто становится аллегорией высшего света, где цветы символизируют прекрасных женщин, а мотылек или бабочка – ветреного кавалера. Так, в неподписанном стихотворении «Цветы и мотылек» светское общество изображается, как «один из тех садов, / Где трон свой утвердила Флора, / Где тысячи куртин сокровища цветов / Рассыпали для взора» [2, с. 206]. Цветы – светские красавицы, среди которых есть и фиалки, – пытаются привлечь внимание мотылька: «Тут гостя милого встречая, / Приветствуют гряды фиалок, роз, лилей, / Семья прелестных дочерей / Весны и пламенного Мая, / И каждая наперерыв / Листочки развернув и стебель распрямив, / Та красками цветет, а та благоуханьем / Стараются привлечь красавчика вниманьем» [2, с. 207]. Фиалки здесь означают молодых, неопытных девушек (мотылек «Летит к фиалкам молодым» [2, с. 207]). Роза, блистательная красавица, конечно, затмевает все цветы, включая и фиалки: «пышною своей блистая красотой, / Тюльпаны, лилии, фиалки помрачала» [15, с. 195], но красота «пышных роз и блещущих лилей» [13, с. 228] пленяет ненадолго: «все очарованье / Скрывалось, на сердце не делая следов, / И даже самое об нем воспоминанье / Скользило по душе, как призрак темных снов» [13, с. 228], тогда как фиалка становится символом верной любви вдали от треволнений светской жизни: «Теперь, в безвестности, доволен я судьбою, / Имея скромную фиалку под рукой» [13, с. 228].

Фиалка как символ невинности и чистоты начинает ассоциироваться с пасторальным миром, что может быть отражением еще барочной связи фиалки и сельской простоты [23, p. 189]. В стихотворении Б. Федорова «К пастушке, просившей фиалки» герой обращается к пастушке («Прекрасная, как светлая весна, / Невинная пастушка» [14, с. 273]), говоря, что хотел бы подарить ей фиалки, достойные ее целомудренной красоты, но не мог найти их. Однако он уверен, что там, где пройдет его возлюбленная, эти символы скромности и чистоты вырастут сами: «коль в венок тебе фиалочка нуж-

на, / Поди туда, где в дол ручей сбегает / И травку ветерок, резвясь, перевевает – / Под ножкою твоей там вырастет она» [14, с. 273–274].

Встречается в русской поэзии и редкое значение фиалки «меланхолия, грусть, задумчивость» [16, p. 86]. В стихотворении Ф.Ф. Иванова «Меланхолия» фиалка становится не только символом печали, но и помогает создать образ горюющей молодой девушки: «Как между цветов в моем саду / Всех фиалка заунывнее, / Так между подруг печальных я / Всех грустнее, всех несчастнее» [10, с. 336].

Для немецкого языка цветов характерна связь фиалки со смертью и ночью. Так, букет фиалок является символом полночи [18, p. 67], то есть символически отмечает конец суток. Оба эти значения реализуются в стихотворении П.А. Вяземского «Человек и мотылек». Герой смеется над мотыльком, жизнь которого, вероятно, продолжается всего один день: «Мгновенье – вот твой век! / И мотыльку могила – куст фиалок!» [3, с. 123]. При том, что в поэзии первой половины XIX в. мотылек обычно означает непостоянство в любви, здесь можно вспомнить значение, приписываемое фиалке темного цвета, – «смерть от любви» [19, p. 905].

Фиалка встречается в сочетаниях с другими цветами. Как символ смирения фиалку находим в одном контексте с величественным кедром: «колоссальные *кедры* и скрытые в траве *фиялки*» [7, с. 20].

В приведенных выше примерах фиалка, символизируя скромную и милую девушку, противопоставляется «гордым, прелестным розам» [4, с. 30] и «блещущим лилеям» [13, с. 228], холодным светским красавицам. Однако отношения розы и фиалки оказываются сложнее. В стихотворении А.А. Дельвига «Тленность» оба цветка равноправны, ибо оба они становятся символами быстротечности не только красоты: «Юноша, весна пройдет, / И фиалка опадет» [5, с. 90], «Скоро лету пролететь, / Розе скоро не алеть» [5, с. 90], но и самой жизни: «Кто фиалку с розой пел / В радостны досуги / И всегда любить умел / Вас, мои подруги, – / Скоро молодой певец / Набредет на свой конец!» [5, с. 91].

С другой стороны, и фиалка, и роза имеют объединяющие их значения – «любовь» и «молодая девушка». Герой идиллии в прозе «Букет цветов» соединяет вместе розу и фиалки: «…Сия распускающаяся роза возбуждает во мне чистейшее удовольствие, нежели все отрады их чертогов. Скромные фиялки, благоухающие под тенью на дерне душистом! Сильнее бьется в груди моей сердце, когда я срываю вас. Какой-то неизъяснимый трепет объемлет весь состав мой, когда я связываю вас в один букет» [9, с. 186]. Букет, упавший к ногам возлюбленной, и выражает чувства героя, и в то же время является символическим портретом юной скромной девушки.

Как видно из вышеизложенного, значения, придаваемые в русском языке цветов фиалке, представляют собой сложное, но гармоничное соединение французского и немецкого материала, однако комплекс значений не остается неизменным. К нему прибавляются новые значения, обусловленные реалиями русской культуры.

Библиографический список

1. [Анон.]. Письмо от Юлии к Адине. Из Тулы // Аглая. – 1808. – Ч. 3. – Кн. 1. – С. 20–28.

2. [Анон.]. Цветы и мотылек // Благонамеренный. – 1822. – № 33. – С. 206–208.

3. *Вяземский П.А.* Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 542.

4. *Глебов Д.* К фиалке // Аглая. – 1810. – Ч. 9. – Кн. 1. – С. 29–30.

5. *Дельвиг А.А, Кюхельбекер В.К.* Избранное. – М.: Правда, 1987. – С. 639.

6. *Дмитриев И.И.* Сочинения. – М.: Правда, 1986. – С. 589.

7. *К-в В.* Мои воспоминания. Продолжение // Аглая. – 1812. – Ч. 14. – Кн. 2. – С. 18–23.

8. *Лож-в И.* Мысли // Аглая. – 1810. – Ч. 9. – Кн. 1. – С. 50–53.

9. *П.Ш.* Букет цветов // Благонамеренный. – 1825. – № 19. – С. 185–186.

10. Поэты 1790–1810-х годов. Библиотека поэта Большая серия / сост. Ю. Лотман, М. Альтшуллер. – Л.: Советский писатель, 1971. – С. 912.

11. Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта Большая серия / сост. В.Э. Вацуро. Т. 1. – Л.: Советский писатель, 1972. – С. 792.

12. *Рассказов С.* Весна // Благонамеренный. – 1825. – № 31/32. – С. 166–168.

13. *Рындовский Ф.* Моя фиалка // Благонамеренный. – 1825. – № 20. – С. 228–229.

14. *Федоров Б.* К пастушке, просившей фиалки // Благонамеренный. – 1825. – № 8. – С. 273–274.

15. *Цертелев Н.А.* Роза // Благонамеренный. – 1820. – № 15. – С. 195–196.

16. L'Ancien et nouveau langage des fleurs. – Paris: Le Bailly, [1850]. – P. 108.

17. Die Blumensprache oder Bedeutung der Blumen nach orientalischen Art. En Toilettengeschenk. Achte vermehrte Auflage. – Berlin: In commission in der Enslischen Buchhandlung, 1823. – P. 32.

18. *Brann J.M.* Taschenbuch der Blumensprache oder Deutscher Selam. – Stuttgart: Franz Heinrich Röhler, 1843. – P. 302.

19. *Breysig A.* Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und belehrende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen. – Leipzig: bei Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1830. – P. 972.

20. *Delachénaye B.* Abécedaire de Flore ou language des fleurs. – Paris: de l'Imprimerie de P. Didot l'Ainé, 1811. – P. 162.

21. *Dierbach J.H.* Flora Mythologica oder Pflanzenkunde in Bezug auf Mythologie und Symbolik

der Griechen und Roemer. – Frankfurt am Main: bei Johann David Sauerlaender, 1833. – P. 218.

22. *Genlis, Mme de.* La Botanique Historique et Litteraire. – Paris: Maradan, 1810. – P. VIII, 359, (1).

23. La Guirlande de Julie. ed.I.Frain. – Paris: France Loisirs, 1991. – P. 198.

24. *Leneveux L.* Les Fleurs Emblematiques ou leur Historie, leur Symble, leur Langage. Nouvelle Edition. – Paris: Libraire Encyclopedique de Roret, 1855. – P. 346.

25. Neueste Blumensprache oder Blumendeutungen der Liebe und Freunschaft. – Augsburg: zu George Jaquet's Verlagsbuchhandlung, 1860. – P. 80.

26. *Reinhold G.* Die neueste Blumensprache, nebst der bisherigen orientalischen. 2. Aufl. – Leipzig: S. Schlichter, 1838. – P. 64.

27. *Voigt C.* Wörterbuch der Blumensprache fuer Verzierungsmahler und Stickerinnen. – Leipzig: bei Ludwig Herbig, 1822. – P. 248.

28. *Zaccone P.* Nouveau langage des fleurs, avec la nomenclature des sentiments dont chaque fleur est le symbole et leur emploi pour l'expression des pensées, précédé d'une introduction par Pierre Zaccone. – Paris: Librairie Hachette, 1871. – P. 174.

УДК 821.161.1-1

Павловская Ольга Алексеевна
кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет
Pavlovskaya32@yandex.ru

ПОЭМА К. РОМАНОВА «СЕВАСТИАН-МУЧЕНИК»: ПОЭТИКА ЛИРИКО-ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

На примере поэмы К. Романова «Севастиан-мученик» рассматривается вопрос о генезисе лирико-драматических форм, характерных для русской поэзии 1880–1890-х годов, а также исследуется индивидуально-авторская интерпретация христианских мотивов и образов.

Ключевые слова: *романтизм, воинская лирика, иконографическая традиция, театральная фарсовость.*

Ситуация духовного перепутья, драматического противостояния веры и безверия, проявившаяся в русской поэзии 1880–1890-х годов, обретает в творчестве К. Романова особую остроту звучания и масштабность художественного преломления, прежде всего, благодаря сюжетам и образам из христианской истории. На закате «золотого века» русской поэзии К. Романов, сохранивший в условиях духовных сомнений глубину христианского мироощущения, актуализирует основы христианского вероисповедания, возвращается к началу христианской истории. Поэт черпает в ее анналах образы духовного подвижничества и стойкости, способные в силу особой синергийности увлечь и читателей последней трети XIX века. В раннехристианском сюжете о мученической смерти за веру Христову и чудесном исцелении воина Севастьяна сосредоточено несколько смысловых для переходной эпохи 1880–1890-х годов моментов, в частности: поиски поэтического идеала, столкновение традиционных культурно-исторических устоев и личностного духовного опыта, драматическое противостояние языческой разобщенности и христианской соборности, противопоставление глубины переживания христианского подвига – зрелищности языческого обряда. Исследователи творчества К. Романова закономерно соотносят поэму «Севастиан-мученик» с воинской лирикой автора, обнаруживая творческое единство в воплощении мотивного и образного комплекса христианского служения. При этом доминирующей формой воинской лирики К.Р. является сонет [5]. Поэт, подчиняясь законам «твердой формы», творчески использует ее возможности и открывает перипетии воинских переживаний. Поэмная форма, открытая монументальным творческим замыслам, как известно, вызывала определенные трудности у автора. «Эпические произведения даются мне с большим трудом, не то что мелкие лирические» [1, с. 630], – сетовал августейший поэт в письме от 30 июня 1887 года к своему учителю А.А. Фету. Именно эпическая форма сопротивлялась реализации такого творческого совета учителя, как стремление к «лирической одноцентренности». Объемный материал неизбежно дробился, вызывал путаницу, возникали повторения…

Лирическая доминанта будущей поэмы «Севастин-мученик» проступала уже на этапе возникновения творческого замысла: «Я глядел на картину св. Севастиана. Мне было грустно, старые огорчения зароились на дне души <…>. Вид моей любимой картины постепенно меня успокоил; я сочинил начало стихотворения о мучении св. Севастиана» [1, с. 631]. Умиротворенность, испытанная Великим князем от визуального общения с одним из своих любимых святых, стала источником поэтического вдохновения. Благоговейное отношение к Святому Севастьяну, возникшее еще в детстве, (известно, что картина Пьетро Перуджино «Святой Себастьян» (1495) находилась в личных покоях Великого Князя) наполняет творческий замысел поэта духовным смыслом. Поэмное пространство насыщено глубоко личными христианскими переживаниями автора, благодаря чему произведе-

 © Павловская О.А., 2013

ние включается в контекст его лирических песнопений. При этом художественное воздействие картинного полотна на поэтическую интуицию К. Романова неоднократно проявится в тексте через визуальные приемы создания образов. Один из первых читателей и критиков этого произведения – И.А. Гончаров – указывал на «картинность» отдельных сцен, что подтвердилось и авторской рефлексией в письме от 18 сентября 1887 года: «Я совершенно согласен с Вами, что, описывая мучение Севастиана, я более чем бы следовало, увлекся картиной, тогда как надо бы было изобразить внутреннюю борьбу духа над истощенной плотью» [4, с. 132].

Дробность формы, неизбежно отражающая поэтическое мировосприятие автора, согласуется с драматическим искусством. Более того, христианское мироощущение, драматичное по своей сути, вызывает драматические элементы и включает их в художественную ткань поэмы. Исследовательница Л.П. Щенникова [6] небезосновательно установила близость поэмы К. Романова с жанром средневековой мистерии. Однако, на наш взгляд, эта генетическая связь трансформируется под воздействием традиции романтической поэмы – лирико-драматической в своей основе, что усложняет жанровую природу произведения. Одним из первых почувствовал проявление романтической традиции в поэме К. Романова И.А. Гончаров: «Поэма, по форме и по сюжету, принадлежит прошлому, к эпохе Байрона, Шиллера, к ранним произведениям наших – Пушкина, Лермонтова и их тогдашних подражателей» [4, с. 130].

Основания для драматизации заложены в сюжетной ситуации. Завязка действия происходит на фоне пышного праздника в Риме. Хаотичное заполнение сценической площадки бутафорскими предметами предваряет священнодействие римского правителя и подчеркивает театральность поведения его и жрецов:

Совершая жертвоприношенье,
Цезарь сам стоял пред алтарем,
И жрецы в немом благоговенье
С утварью теснилися кругом [3, с. 117].

Священное жертвоприношенье, совершаемое в храме в честь богини Венеры, открывает сущность всех участников торжества: идолопоклонство Максимиана, окруженного толпой, и христолюбивость Севастиана и порождает конфликтные отношения в стане римского правителя. При этом преклоненная поза цезаря, соответствующая священнодействию, мгновенно сменяется маской гнева:

Засверкала цезаревы очи
И зловещим вспыхнули огнем,
Вне себя он стал мрачнее ночи
Искаженным ярость лицом… [3, с. 118].

В подобном поведении героя, зафиксированном театральными способами, поэт травестирует его внутренний мир. И наоборот, отсутствие визуальных признаков психологического состояния Севастиана является знаком его духовной силы, внутренней гармонии.

Конфликтное противостояние героев получает и словесное воплощение, не обретая при этом диалогической формы. Именно непререкаемость позиции цезаря и аргументированная убежденность Севастиана не допускают диалогического состязания. Более того, словесная редуцированность выступления первого и монологическая развернутость второго также свидетельствуют о внутреннем состоянии героев-оппонентов.

Важной характерологической деталью в поэме К. Романова является соотношение слова и жеста. Их нарочитая неспаянность, разобщенность и даже взаимозаменяемость в характеристике героя выполняют травестирующую функцию. Так монолог-проповедь Севастиана, подобно удару грома, парализует цезаря, лишает его словесного самовыражения и оставляет место лишь диктаторским жестам:

Обезумел цезарь, злобы полный,
Ярый гнев уста его сковал,
И смятенным ликторам безмолвно
Он трибуна указал [3, с. 119].

Антиномичность поэтического мышления, свойственная многим авторам-восьмидесятникам (С. Надсон, К. Случевский, А. Апухтин и др.), в художественном мире К. Романова проявилась через контрапункт. В рассматриваемом произведении этот принцип доминирует на разных уровнях. Так в двухчастной композиции поэмы контрапункт воплощается на зеркальной основе: мы наблюдаем не только за устойчивыми элементами сюжетной линии (исходная ситуация – праздник в Риме; сценическая площадка массового действия – храм в честь богини Венеры или Колизей; театрально обставленное присутствие римского правителя; встреча героев-оппонентов), но за зеркальной трансформацией мистериального сюжета, представленного через судьбу Севастиана-мученика, в первой части уподобляющегося Христу на кресте и во второй части получившему исцеление за веру.

В образной ткани произведения принцип контрапункта определяет бинарные оппозиции: цезарь, поклоняющийся языческим божествам, и Севастиан, исповедник веры Христовой; Храм – место священного жертвоприношения, и Колизей, в котором убийство превращается в зрелище; «этот гордый, пышный Рим…» и умиротворяющая, примиряющая со своей судьбой природа др. И даже изначально противопоставленные слово и молчание в художественном тексте дробятся на оппозиционные пары. Так слово цезаря звучит как угроза, приговор; оно является продолжением стихии шумного города, величественного и могущественного Рима. Неслучайно во второй части поэмы речь цезаря восстанавливает праздничное действие:

В колоннадах снова песнь раздалась,
Свищут флейты, и гудит труба,

Плясуны вновь пляшут по ступеням,
Вновь грохочут бубны и кимвал… [3, с. 137].

Речевая манера цезаря, вписанная в былинную стилизацию художественного текста, способствует дальнейшему травестированию образа. Через речевые обороты, ориентированные на былинную традицию, автор достигает гиперболизации угрозы и беспощадности римского правителя. Но подобная масштабность зла лишь подчеркивает силу духовного сопротивления героя-оппонента.

Слово Севастиана логосно и исповедально. Оно пронизано сердечной убежденностью в Творце мироздания. Именно эту аргументацию герой использует для представления своей позиции. В отличие от цезаря, Севастиан – герой не жеста, а слова. Он искренен в своем речевом высказывании, что противоречит театральности окружающей жизни и вызывает молчание не только придворных, но и «сковывает уста» правителя:

Неподвижно, в трепетном молчанье,
Царедворцы робкою толпой
Роковое слушали признанье,
Изумляясь дерзости такой [3, с. 119].

Мотив жертвенности, органично связанный с подвигом первых христиан, в образе Севастиана получает психологическую интерпретацию. Благодаря этому сам образ мученика оказывается в пограничной лирико-драматической зоне. Так лирическая составляющая образа проявляется в тесном общении с миром природы. Эстетическая органика природной жизни в поэме К. Романова раскрывается как контраст по отношению к Риму. При этом именно ночь является концептом натурфилософской позиции К. Романова. Эстетизация охватывает и пограничные природные процессы – угасание и рассвет, закат и восход дня. Однако именно ночью метафизический смысл природной жизни проступает в очерченных линиях и цветовых доминантах:

Просияла полночь; мрак редеет,
Всюду розлит серебристый свет,
И земля волшебным блеском рдеет
Небу чистому в ответ [3, с. 123].

Под покровом ночи совершается таинство взаимопроникновения земного и небесного; мир земной, дольний преображается по законам небесного, приобретает вертикальные очертания и озаряется небесным, горним светом. Чудо ночного преображения является знаком восстановления высшей гармонии, включающей соединение, примирение разных ипостасей – земной и небесной, городской и природной, а также воссоздания гармонии внутри человека – примирения его с самим собой. Благодаря совершившемуся чуду знаки и предметы римской культуры наполняются новым смыслом, выстраиваются в гармоничное соответствие с природой:

Там белеет храм Капитолийский,
Древний форум стелется под ним;
Здесь колонны, арки, обелиски
Облиты сияньем голубым;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали, извилистой каймой
Тибра мутные струятся волны
За Тарпейскою скалой [3, с. 123].

Свидетелем, да и соучастником природных изменений является узник Севастиан. Именно ему, с детства приобщенному к природным таинствам и основам христианской жизни, открывается метафизический смысл природных свершений. «Любуясь дивною картиной», Севастиан оказывается во власти природного преображения и сам духовно совершенствуется. Заточение становится духовным испытанием даже для такого стойкого подвижника веры, как Севастиан. Так, уподобление своей участи судьбе первых христиан обрекает героя на горькие размышления:

Посреди арены умирали
Пред ликующей они толпой.
Нет, в душе их не было кручины,
Погибать отрадней было им:
В Колизее славной их кончины
Был свидетель целый Рим [3, с. 122].

Официоз римской власти, театральность публичного поведения, пристрастие к зрелищности прорастают унынием и греховными помыслами в герое. Так внешний драматический конфликт – столкновение язычества и христианства – получает психологическое воплощение в образе Севастиана-мученика, что подчеркивает еще одну – драматическую доминанту характера. И лишь природная сопричастность героя, способность сердцем воспринять гармонию природных изменений освобождает его от мучительного недуга, примиряет с «темною судьбой»:

Уж теперь не горем, не кручиной, –
Сердце полно сладкой тишиной.
Приутихло жгучее страданье,
И в душе сомненье улеглось:
Этой ночи кроткое сиянье
Словно в грудь ему влилось [3, с. 123].

Гармонизация личности героя, прежде всего, благодаря природному воздействию, является отражением духовных исканий самого автора и соотносится с его поэтическим идеалом. Повествование героя о себе также нравоучительно, ибо открывает истоки характера и его судьбоносные проявления. Русификация героя-христианина, столь важная для читательского восприятия, достигается во многом благодаря опоре на национально-культурные архетипы, в частности, архетипы детства и воинского служения. Такие культурно-значимые доминанты образа детства, как связь с северной природой и духовные узы с матерью, имеют и автобиографический подтекст. Образ родного дома, окруженного тенистым садом и рощами, восходит к русскому усадебному мирообразу, творческую интерпретацию которого находим в усадебной лирике К. Романова (цикл «Элегии»). Однако духовная стойкость лирического героя, проекцией которого

выступает и Севастиан, определяется не только колоритом северной природы, но и христианским заветом матери:

От нее услышал он впервые
Про Того, Кто в мир тоски и слез
Нам любви учения святые
И грехов прощения принес…[3, с. 124].

В философской концепции К. Романова мать закладывает идеал христианского терпения и одновременно предрекает мученическую стезю своему сыну. Если в поэзии Н.А. Некрасова, А.Н. Апухтина образ матери сопровождает героя в Иной мир, то в поэме К. Романова антропологическая стадиальность возвращает этот образ в соприродный период детства.

Воинский архетип в образе Севастиана обусловлен и автобиографическими реалиями, и соотносится с национально-патриотическим идеалом автора. Воинское служение видится герою как единственный способ исполнения гражданского и патриотического долга. При этом такие традиционные для архетипного образа качества как сила и мужество воина уже не исчерпываются физическим проявлением, а получают духовную трактовку как воплощение христианских добродетелей. Доблестная отвага на поле брани, да и лавры победителя не тяготят Севастиана. Сформированное христианское мироощущение позволяет герою обрести свое предназначение:

И властям всегда во всем послушный,
Он жалел подвластных и щадил;
С ними он, доступный, благодушный,
И печаль, и радости делил [3, с. 125].

Толчком для драматических переживаний Севастиана оказывается Рим, вырвавший центуриона из семейного окружения «доблестной дружины» и противоречащий духовной сути героя:

Но душе его прямой и нежной
Чужд был этот гордый, пышный Рим,
Этот Рим порочный и мятежный,
С ханжеством, с безверием своим… [3, с. 127].

Драматизм мироощущения узника способствует травестированию и образа Рима: из пышного великолепия город превращается в «удушливую темницу». Но подобная литота еще раз подчеркивает силу духа Севастиана, внутренне его мобилизует на мученическую смерть.

Во второй части поэмы отчетливо проступает оппозиция театральной фарсовости – в образе римского правителя – и Богоподобной святости – в образе христианского мученика. Колизей как место действия настраивает на зрелищность и сценическую условность происходящего. Особой церемониальностью, граничащей с сакрализацией, сопровождается начало торжества – выход цезаря. Тонкое владение дворцовым этикетом, посвященность в церемониальную жизнь Императорского Дома позволили К. Романову передать колорит, настроение, размах этого театрального действия. В его сценарии отражаются красота и сила римской власти; праздник по законам театрального искусства должен впечатлить зрителей и вселить в них верноподданнический страх. В театральном действии мы наблюдаем за последовательной сменой шествия «дев прекрасных», воинских дружин, музыкантов, певцов. Кульминационный выход правителя исполнен в живописной манере. Портретное представление цезаря насыщено визуальными акцентами:

Горделиво цезарь выступает,
Облеченный в пурпур и виссон.
Скиптр его из драгоценной кости
И орлом украшен золотым;
Дорогой венец на длинной трости
Черный раб несет над ним [3, с. 133].

В портретной обрисовке правителя предмет, символизирующий власть, доминирует над человеком, обнажая безжизненность и духовную пустоту власти. Портрет цезаря становится личиной властолюбия и гордости. Контраргументом этому становится образное представление исцеленного Севастиана, выполненное в иконографической традиции:

Красотой небесной, бесподобной
Ясный взор его сиял.
Волоса на плечи упадали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткий лик, исполненный печали,
Выражал величье и покой;
Бледны были впалые ланиты,
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Как печаль на нем легла [3, с. 133–134].

Визуализации подлежат признаки святости героя: ясный, сияющий взор; бледные, впалые ланиты; нимб, образующийся золотым отливом волос. При этом иконографические черты одухотворены и выражают внутреннее состояние Севастиана – печаль, «величье и покой», что свидетельствует об обретении духовного идеала и достижении Высшей гармонии. Так, в образном представлении Севастиана обнаруживается лик святого, что и составляет оппозицию личинному портрету цезаря. Художественные открытия К. Романова расширяют представление о творческих воплощениях бинарной оппозиции «лик – личина» в русской литературе. В частности, можно говорить, что у истоков творческой разработки этих образных контрапунктов стоял не только Д.С. Мережковский (точка зрения С.Г. Исаева [2]), но и К.К. Романов.

Поэтика лирико-драматической формы позволяет соединить визуальную доминанту образа с драматическими способами самопрезентации. Так оппозиция «лик – личина» преломляются в словесно-драматическом агоне. Слово каждого героя-оппонента тождественно его сути. Одухотворенность и свет, которые источает лик Севастиана, проявляются в высокой эмоциональности, торжественности его слова:

Посреди молчанья гробового
Он, вздохнув, отверз уста свои;

Полилось восторженное слово,
Как потока вешние струи… [3, с. 134].

Вопреки канону, слово святого разнообразно по своей эмоциональной палитре: высокая скорбь сочетается с гневом, глубокое сострадание с восторженным поклонением. Такая эмоциональная широта свидетельствует о высвобождении героя из мирских оков, о его духовной свободе и твердости христианского выбора. Слово становится единственным орудием в руках христианского защитника, поэтому риторичность слова соразмерна силе врага. С помощью слова Севастиан-мученик сражается, проповедует и поднимает войско Христово. На этом фоне слово цезаря, продиктованное духом гордости, сводится лишь к гиперболизированным угрозам. Словесные образы, направляемые цезарем для устрашения противника, обличают его языческие представления и придают фарсовый характер речевому поведению:

Надо мной ты смеешь издеваться,
Или мнишь, что кары ты избег!
Червь со львом дерзает ли тягаться,
Или с Зевсом смертный человек? [3 с. 136]

Итак, в поэме К. Романова «Севастиан-мученик» отразились драматические переживания автора, вызванные ситуацией духовного надлома, пошатнувшейся веры, утраты и поисков идеалов поколения 80–90-х годов XIX века. В сюжетах раннехристианской истории поэт с христианским мироощущением открывает те образцы стойкости духа и веры, которые могли бы духовно укрепить и современное поколение. Лирико-драматическая форма, представляющая опыт взаимодействия родовых признаков литературы, способствует, с одной стороны, драматизации лирического песнопения, расширению его эмоционального диапазона, с другой стороны, переводит драматический сюжет в лирическое пространство, окрашивает его индивидуально-авторской интонацией, что усиливает и читательское восприятие.

Библиографический список

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН. – 2011. – 1038 с.

2. *Исаев С.Г.* Литературно-художественные маски: теория и поэтика. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012.– 336 с.

3. К.Р. (Константин Романов) Избранное: Стихотворения, переводы, драма / Сост и авт. предисл. Е.И. Осетров. – М.: Сов. Россия, 1991. – 336 с.

4. К.Р. Избранная переписка / Сост. и авт. предисл. Л.И. Кузьмина. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – 528 с.

5. *Павловская О.А*. «Солдатские сонеты» К. Романова: поэзия армейской службы // Духовно-нравственные основы русской литературы: Сб. материалов Третьей международной научной конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы». – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 336 с.

6. *Щенникова Л.П.* Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен. – Екатеринбург: Уральский университет, 2002. – 456 с.

УДК 882.09

Сизых Оксана Васильевна
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Амосова
г. Якутск, Республика Саха (Якутия)
777ruslit@mail.ru

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА РАССКАЗА А.А. КАБАКОВА «СТРАННИК»

В статье выявляется корпус тематических мотивов московской сказки А.А. Кабакова, включающий ее в текст культуры. Рассказ «Странник» как малая эпическая форма позволяет скрупулезно проанализировать его мотивную структуру, ядром которой оказывается бытийно-философская коллизия. Мифологизм повествования реализует глубинный конфликт героя с миром и сообщает выявленным мотивам расширенную семантику.

Ключевые слова: *сюжет, тема, мотив, мотивная структура, Кабаков.*

В последние годы интерес к выявлению и исследованию мотивной структуры прозаического произведения не ослабевает. Работы А.К. Степаненко [9], М.В. Никитиной [8] обращают внимание на присутствие в художественной системе писателя мотивов, выполняющих значимые для понимания авторской идеи функции. В 2011 году О.М. Близняк [1] представляет анализ системных характеристик мотивного комплекса в современной отечественной литературе, и, в частности, его сюжетную реализацию. В свое время, исследуя проблему сюжета литературного произведения, Ю.М. Лотман обращался к вопросу о смысловом наполнении термина «событие»: «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля... Ни одно описание некоторого факта или действия в их отношении к реальному денотату или семантической системе естественного языка не может быть определено как событие или несобытие до того, как не решен вопрос о месте его во вторичном структурном семантическом поле, определяемом типом культуры… Наряду с общей семантической упорядоченностью текста, имеют ме-

 © Сизых О.В., 2013

сто и локальные, каждая из которых имеет свою понятийную границу, событие может реализоваться как иерархия событий более частных планов, как цепь событий – сюжет. В этом смысле то, что на уровне текста культуры представляет собой одно событие, в том или ином реальном тексте может быть развернуто в сюжет. Причем один и тот же инвариантный конструкт события может быть развернут в ряд сюжетов на разных уровнях» [6]. В процитированном фрагменте представлено определение мотива и, собственно, описано порождение мотивной структуры авторского текста через культурный контекст, что ценно для анализа структуры современного постмодернистского рассказа.

В московской сказке А.А. Кабакова «Странник» [4] «конструкт события» – тема – реализован в конкретных сюжетных звеньях событийной цепи. Важнейшие темы «Странника» классифицируются по трем группам: социальные (права человека, соотношение жизни личной и государственной), нравственные (человеческое достоинство, гуманность) и философские (свобода, гармония, счастье). Философская тематика и проблематика в рассказе доминируют. В одном из интервью А.А. Кабаков говорит об интересующем его феномене свободы человека: «Надо признать, что ностальгия по советскому времени востребована людьми, которых свобода обременяет. Свобода действительно тяжела и раздражающа» [3]. В рассказе А.А. Кабаков показывает мнимую географическую независимость главного героя – Ильи Кузнецова – и раскрывает его фактическую неволю – вынужденное переселение из одного города в другой. Названные темы реализуются через набор мотивов.

Ведущие мотивы в произведении связаны с сюжетными положениями и соответствуют перемещению персонажа в пространстве: от Краснобельска (школа) – Электроугли (школа) – Москва (университет) – Кривой Рог (школа) – Электроугли (школа) – Ростов-на-Дону (пивная) – Ленинград (серые дома, Литейный) – Киев (вареничная, Крещатик) – … – Москва (улица Архипова, Колпачный переулок) – Вена (собор) – Иерусалим (окраинная улица) – Нью-Йорк (мексиканская забегаловка) – Мельбурн (город искусств, бульвар Сэнт-Килд-роуд) – Париж (аэропорт Руасси) – до Москвы (аэропорт Шереметьево).

Центральным мотивом рассказа становится изгнание откуда бы то ни было главного героя, жаждущего мира и единения народов, отражающее душевное одиночество персонажа. Сопутствующие теме изгнания мотивы (варианты лейтмотива), которые мы будем называть «обстоятельственными», выявляются по топонимическим «остановкам» (указаны в скобках выше) путешествия Кузнецова. Сюжетная ситуация изгнания имеет для персонажа перманентный характер, повторяясь на протяжении всего повествования.

Детство героя соотносится с мотивом унижения и физического насилия: «С тех пор как Профосов появился в классе, он постоянно задавал всем какие-то вопросы, ответить на которые словами было невозможно, а обязательно приходилось с ним драться» [4, с. 80]. Обида школьника на малолетнего хулигана Петьку Профосова проистекает из ненависти последнего к национальной принадлежности Кузнецова.

Идеологический стержень рассказа, на который нанизаны «обстоятельственные» мотивы, – еврейский вопрос: «Когда Кузнецову исполнилось десять лет, он узнал о себе самое главное» [4, с. 78]. При очередном оскорблении Кузнецов ранит обидчика (Профосова) ножом, из-за чего попадает в поселок Электроугли. Заметим: расправа мальчика с недругом, уничижающим обучающихся в краснобельской школе, напоминает о поступке библейского Моисея, убившего египетского надсмотрщика, который избивал его соплеменника [7], и внедряет в текст повествования мотив спасения.

Изображая неотвратимый отъезд семьи Кузнецовых из города на поезде «Челябинск-Москва», А.А. Кабаков через подробное описание пейзажа за окном вагона подходит к мысли о начале долгого драматичного жизненного путешествия героя, вводящего в рассказ мотивы изгнания и странствия: «За окном мчалась пустая степь, а Кузнецов не то заснул стоя, не то наяву ему примерещилось, но увидел он вдруг вместо серо-зеленой полынной степи красно-желтую песчаную пустыню» [4, с. 84]. Метаморфоза степи в пустыню вновь отсылает читателя к легенде о ветхозаветном пророке Моисее, который вел свой народ в Землю Обетованную. Однако главный герой А.А. Кабакова ищет не просто дом, а духовное пристанище. Неслучайно в сновидческом состоянии Кузнецов видит, как он идет по «пустыне под огненным ветром, чувствуя ногами набивавшийся в сандалии песок, путаясь коленями в длинной холщовой одежде, опираясь на высокий посох, и усталый маленький осёл шел за ним, оглашая сверкающее пространство рыданиями… и изгнание его вело прочь из земли его» [4, с. 84]. По библейскому сказанию, посох в руках Моисея Бог превращает в змия и обратно. У А.А. Кабакова библейские детали обмирщены: палица лишена чудесного преображения, а священный столб огня меняется на огненный ветер. Названные перемены закономерны. Перед читателем обычный человек, которого Бог оставил: «Ты избрал народ, – думал Кузнецов… зачем же отдан избранный народ в унижение и бесприютность?» [4, с. 92]. Опыт общения Кузнецова с реальностью обнажает экзистенциальную проблему трагического одиночества человека среди людей и господство рока. Основная тональность бытия Кузнецова – ожидание наказания за национальную принадлежность. Невозможность противостояния

разрушительной силе не только государства, но и людей, а, в конечном счете, бытия формирует кочевой образ жизни персонажа. Пустыня, посох, осёл как намеки на библейские атрибуты становятся лишь символами присутствия чего-то высшего, напоминая о божественном провидении. Писателю важно добиться внутреннего прозрения людей.

Автор рассказа настойчиво описывает критическое положение еврейского народа в 1950–1960-е годы, фиксируя соответствующее время: «Давно это было, еще в пятьдесят четвертом году прошлого, ушедшего в непоправимую историю века» или «зато летом шестидесятого года, в котором мы снова находим нашего героя…» [4, с. 83, 85]. А.А. Кабаков обращается к историческому документу, пытаясь осмыслить его драматическое значение для людей, избранных властью: «Да, существовало закрытое инструктивное письмо… рекомендовавшее проявлять особый подход при приеме на учебу и работу лиц тех национальностей, которые «имеют свои государства в мире»… А возможно, что такого письма не было никогда» [4, с. 89]. Писателя возмущает «особое» отношение советского государства к еврейскому населению. А.А. Кабаков нарочито выявляет и отмечает откровенные антисемитские тенденции в будничной жизни героя, иронизируя над «справедливостью» государства в духе писателей-шестидесятников. Следует отметить, что интерес прозаика к истории обусловлен его пристальным вниманием к проблеме человека того времени. Именно в 60-е годы состоялся судебный процесс против известных писателей А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля. Герой рассказа «Странник» передает мировоззрение шестидесятников, доминанту которого В.В. Ерофеев определяет как «тепло добра» [2]. Тема шестидесятников воскрешает диссидентский мотив насилия, в центре которого – конфликт между правами, свободой личности и произволом власти.

Образ «мужчины средних лет», появляющийся в рассказе, создан по принципу социальной типизации. Более семи раз в «Страннике» «мужчина средних лет» вмешивается в жизнь главного героя, разрушая ее. Прообраз данного типа человека Кузнецов видит во враге детства – Петьке Профосове. Отметим соотнесенность фамилии героя со словом «профос», обозначающим во многих языках полкового палача или солдата, убирающего нечистоты. Этимология и семантика слова «praepositum» (лат.) сообщает рассказу философское звучание. Наделяя персонажа говорящей фамилией, автор демонстрирует свою (и героя) несовместимость с тоталитарной государственной идеологией, намечая мотив рока как инвариант мотивов изгнания и неприятия мира.

Мучительные впечатления Кузнецова, вынесенные им с заседаний педсовета, приемной комиссии московского университета, комиссии по распределению выпускников педагогического института, совета по обсуждению и назначению директоров школ, порождают его нежелание жить в политизированном обществе, находиться среди людей, воинственно настроенных по отношению друг к другу. Бегство героя от реальности в мир хиппи с целью обрести себя и разрешить противоречия с людьми, возможно, примириться с идеологией, запечатлевают мотивы одиночества, сиротства (родители героя к тому времени умерли) и диссидентского поиска смысла жизни. Но ничего не выходит: социальный тип «мужчины средних лет» присутствует везде. Кузнецов живет среди людей, подобных этому типу: «И повсюду средних лет мужчины сталкивались с ним в уличной толпе…» [4, с. 95]. Ощущение тоски перерастает у Кузнецова в желание обрести душевное равновесие, обратившись к молитве, без которой выжить сложно. Атмосферу времени 60-х годов автор рисует как период небытия.

Имя героя рассказа – Илья – русская форма древнееврейского имени «Илия», что значит «сила божья». Персонаж А.А. Кабакова ощущает влияние на судьбу дискуссий по вопросу «безродных космополитов». Положение еврейского народа в то время было неоднозначным, что удается передать А.А. Кабакову. По мысли исследователя Р. Сэмюэлса, начало шестидесятых характеризуется «резким усилением гонений на еврейскую религию. Под выдуманными предлогами закрывали синагоги» [10]. Антисемитистский круговорот событий реализуется в сюжетном лейтмотиве изгнания Кузнецова из школы, университета, с работы. После скитаний по России герой оказывается в Москве на улице Архипова «перед ампирным желто-белым фасадом, среди других людей, топчущихся, как и он, без очевидной цели» [4, с. 96]. В 1960 году архитектурной доминантой улицы выступала Московская хоральная синагога, построенная в середине XVIII века для евреев, поселившихся в Зарядье у Кремля. Прихожан синагоги герой рассказа «Странник» встречает и в другом месте, недалеко от дома Архипова: «А немного позже Кузнецов обнаруживается нами уже в Колпачном переулке, в каком-то казенном здании с узкими коридорами, в которых не протолкнуться от народу. Не то с Архипова все эти люди сюда перебрались, не то другие такие же набились» [4, с. 96]. Пережитое Кузнецовым воспринимается читателем не столько как индивидуальный опыт героя, сколько как судьба целого народа. Именно поэтому А.А. Кабаков прибегает к упоминанию московских молельных домов – локусов, объединяющих людей, разбросанных по миру.

Дом (как помещение для религиозных служб и свое жилье) герой А.А. Кабакова воспринимает как глубинное основание своего бытия. Автор подчеркивает это восприятие героя косвенными и явными отсылками к библейским преданиям, в контексте которых слышится звучание мотива жерт-

вы, переплетающегося с кризисным мотивом поиска утраченного, усиливающегося в период эмиграции персонажа, и переходящего в мотив гибели (инвариант мотива рока): «Нет конца дороге, ноги в кровь сбиты, стучит за рощей, как молоток взбесившегося плотника, пулемет… и надо бежать… но куда ж бежать в поле, да и зачем бежать, если избавленье скачет навстречу, посвистывая шашкой в опущенной руке, поднимая драгунку для меткого выстрела с ходу… Но не наступит сейчас избавленье, не мечтай, несчастный, и иди путем, назначенным тебе» [4, с. 96]. Мотив рока, соединяя жизненные неудачи героя воедино, объясняет их через вневременное пространство библейских сказаний. Автор сосредотачивает внимание на общечеловеческом – поиске героем своего дома. Отсюда мотив рассеянности еврейского народа, скитающегося по миру.

Структура лейтмотива изгнания обнаруживает его варианты, раскрывающие, во-первых, его внутреннюю эволюцию, во-вторых, суть мучительных исканий главного героя, в-третьих, проблематику рассказа: 1) занимательное путешествие (согласно детскому восприятию героя), 2) бесконечное блуждание или скитание (в понимании повзрослевшего юноши), 3) рок (разочарование в смысле жизни человека зрелого возраста).

Доминирующий в рассказе мотив изгнания составляют обстоятельственные мотивы странствия (путешествия, блуждания) и рока, которые сменяют мотивы возвращения в Россию и видимого завершения духовного поиска героя. Финальная авторская фраза рассказа «И Агасфер пошел выпивать» указывает на неразрешимость бытийно-философской коллизии героя с окружающим его миром. Образ библейского Агасфера вновь актуализирует тему пути и мотив дороги, который, занимая значимое место в рассказе, выступает метафорой странничества Кузнецова, его стремления избавиться от наказания и вечных мук на пути к Богу. Данный мотив характерен для мифологии шестидесятников [5, с. 10]. Главный герой утрачивает атрибуты злодеяния иудея Ahasverusa. Кузнецов-Агасфер, становясь символом кочующего человечества, приобретает национальное звучание.

Мотив является структурной составляющей московской сказки А.А. Кабакова «Странник» и обладает двумя признаками: репрезентативностью и концептуальностью. Мотивная структура, построенная по тематическому принципу, обеспечивает рассказу внутреннюю цельность за счет наличия семантического стержня.

Библиографический список

1. *Близняк О.М.* Мотивные комплексы как системная характеристика современной русской литературы: Дис. … канд. филол. наук. – Армавир, 2001. – 176 с.

2. *Ерофеев В.В.* Русские цветы зла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litmir.net/br/?b=59144 (дата обращения: 12.05.2013 г.).

3. *Кабаков А.А.* Рассуждения об экзистенциальном состоянии культуры и человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sinergia-lib.ru/www.newizv.ru (дата обращения: 16.05.2013 г.).

4. *Кабаков А.А.* Московские сказки. – М.: Вагриус, 2006. – 301 с.

5. *Куприянова А.И.* Мотив пути В.П. Аксенова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 28 с.

6. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПБ, 1998. – С. 14–285. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_15.php (дата обращения: 20.04.2013 г.).

7. *Моисей* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/MOISE.html (дата обращения: 12.05.2013 г.).

8. *Никитина М.В.* Мотивная структура пространственно-временной организации «Окаянных дней» и «Странствий» И.А. Бунина: Дис. … канд. филол. наук. – Архангельск, 2006. – 200 с.

9. *Степаненко А.К.* Сюжетно-композиционная структура романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: Дис. … канд. филол. наук. – Махачкала, 2005. – 172 с.

10. *Сэмюэлс Р.* По тропам еврейской истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rmvoz.ru/lib/sam/sam42.html (дата обращения: 12.05.2013 г.).

УДК 882. 09

Тихомиров Владимир Васильевич
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
vtihom@mail.ru

«МОСКОВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И УЧЁНЫЕ СБОРНИКИ» (1846 и 1847 гг.) В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И ЖУРНАЛИСТИКИ 1840-х ГОДОВ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Автор анализирует специфику эстетической и литературной позиции двух выпусков «Московского литературного и учёного сборника», изданных славянофилами в 1846 и 1847 годах и ещё недостаточно изученных в отечественном литературоведении.

Ключевые слова: *эстетика и литературная критика славянофилов, конфронтация художественных систем.*

Второй выпуск «Московского литературного учёного сборника» 1847 года построен по принципу первого: в нём тоже перемежаются научные статьи с публицистикой и художественными текстами в стихах и прозе. Интригой книги стала публикация древнеиндийской драмы «Торжество светлой мысли» в переводе востоковеда К.А. Коссовича с многочисленными цитатами из подлинника и обширным предисловием переводчика. Этот факт вызвал позднейшую ироническую реплику А.А. Григорьева, относившуюся к славянофильским сборникам в целом: «Славянофильство хоронило лучшую свою деятельность, именно хоронило, ибо специальные издания, в которых вместо литературы помещались переводы санскритских драм, оставались тайною и для публики, испокон века презираемой гордым и замкнутым направлением, и для народа, любовь к которому до сих пор ещё хочет оно обратить в свою монополию» [3].

Суждение А. Григорьева, может быть, излишне категорично, хотя некоторые основания для подобного мнения были. Публикацию индийской драмы, видимо, можно объяснить стремлением издателей сборника придать книге более солидный научный характер. В сборнике 1847 г. помещены и интересные статьи, содержащие важные для понимания эстетических и литературных взглядов славянофилов наблюдения. Так, в публицистических «Письмах из Вены» активного панслависта и даже украинофила обрусевшего немца Н.А. Ригельмана высказаны интересные мысли о перспективах русского национального театра: «Наша драма должна быть национальною, следовательно племенною, чтобы она получила художественное значение» <…>. Нужно знать глубже жизнь своего народа, нужно «историческое самосознание», без чего «не может возникнуть у нас самобытная драма, которая всегда была самым зрелым плодом, самым гармоничным выражением творческих сил народа» [4, с. 212, 213]. И далее: «Комический отдел её (драмы – *В.Т.*) для нас возможнее, во-первых, потому, что наше общество и его условия изобилуют самыми странными противоречиями; во-вторых, что эти искусственные формы с их нелепостями в полной мере достойны подвергнуться разрушительному молоту насмешки <…>, чтобы определить отрицательную сторону, чтобы заметить её оттенки, чтобы они получили для нас значение смешного, надо стать сочинителю на точку, откуда он увидит окружающее его не в том свете, как видят его обыкновенно; на ту точку, куда бы следовало возвыситься нашему обществу» [4, с. 213].

Суждения Ригельмана о национальном театре и национальной драме очень близки представлениям, высказанным А.Н. Островским через некоторое время, после успеха комедии «Свои люди – сочтёмся», в известном письме М.П. Погодину. Это свидетельствует о близости художественных принципов создателя русского национального театра с идеологией славянофильства. Их взгляды подпитывались общим пониманием необходимости развития национальной культуры на основе народных традиций и духовных ценностей.

Основным теоретическим трудом по вопросам искусства, как и в первом московском сборнике, явилась статья А.С. Хомякова «О возможности русской художественной школы». Проблематику этой статьи нужно рассматривать в связи с другими философско-эстетическими работами теоретика славянофильства, как это сделал, например, В.А. Кошелев в исследовании «Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы». Но в контексте «Московского литературного и учёного сборника» 1847 года статья приобретает особый смысл.

Главное, что интересует автора статьи в современном искусстве (включая литературу), – проблема духовности, понимаемой как целостность «внутренней жизни» народа, порождающей «цвет духа живого, восходящего до сознания», формирующей «образ самосознающейся жизни» [5, с. 138]. Народность – основа всякого искусства, «духовная сила народа творит в художнике» [5, с. 137–138]. Очевидны романтические истоки подобных представлений об искусстве, так же как и убеждения в религиозной его основе. В дальнейших рассуждениях Хомякова снова проявляется категоричность

 © Тихомиров В.В., 2013

и нетерпимость. Он исходит из славянофильского постулата о том, что в Европе религия находится в упадке, а без неё нет и не может быть настоящего искусства. Хомяков утверждает, что на Западе имеет место «отрицательная односторонность свободы» личности «в разномыслии <…>. В нашем же духовном начале тождество свободы и единства (свобода в единстве и единство в свободе), а наше народное начало» является «вследствие своего внутреннего единства» (соборности) [5, с. 144]. Автор статьи возражает против возможности принять лучшее на Западе и приспособить его к русской жизни. В этом случае «русское является <…> не как жизненное начало, подчиняющее себе <…> всякую другую мысль и всякую личность, но как бесхарактерный материал, годный только для переделывания и перелаживания» [5, с. 145]. Хомяков уверен, что «русская народная стихия разовьётся и принесёт во всех отраслях знания и деятельности человеческой огромный вклад, которым пополнится большая часть прежних недостатков <…>. Высокое начало единства, которое лежит основою всей нашей мысли и всей нашей народной силы, восторжествует над нашим мысленным и бытовым раздвоением» [5, с. 145].

По мнению автора статьи, ложное европейское просвещение много навредило нашей литературе тем, что напитало «умственною мертвенностью» Запада его сторонников, даже Пушкина, кроме последних лет его творчества, и особенно Лермонтова, в творчестве которого Хомяков отмечает «следствие отчуждения от родной своей почвы» [5, с. 146]. Он считает, что «невозможно создать для своего обихода какое-то эклектическое русско-западное существование», что и без того «жизненное начало утрачено нами (образованным сословием – *В.Т.*) <…>, принявшими ложное полузнание по ложным путям». Однако это жизненное начало ещё «цело, крепко и неприкосновенно в нашей великой Руси», в нашем народе. Россия ещё может возродиться, если мы, русские, полюбим «искреннею любовью» всё русское [5, с. 150, 151].

Патриотические суждения Хомякова о развитии русского национального искусства высказываются с не менее патриотическим пафосом: «Только в <…> безыскусственной простоте может пробудиться возможность искусства, науки и разумного быта; ибо только в живом общении с народом выходит человек из мертвенного одиночества эгоистического существования и получает значение живого органа в великом организме» [5, с. 158]. Пафос идеолога славянофильства понятен, однако категоричность его суждений по отношению к западной культуре и инославному христианству значительно снижают убедительность его литературной и эстетической программы.

Ф.В. Чижов в статье «Прощание с Франциею и Женева» (эта статья, так же как опубликованное ранее в первом сборнике письмо о русских художниках в Риме, являлась частью цикла статей – путешествий автора по Европе) высказывает суждения об искусстве, близкие славянофилам. Однако его позиция не столь категорична, как у Хомякова. Во-первых, Чижов дифференцирует европейские государства и, соответственно, уровень их духовных и культурных ценностей, в частности, Франции и Италии (хотя это в равной мере католические страны). Во Франции преобладает жизнь внешняя, материальная, гражданская, в Италии – более консервативное, патриархальное общество. Не случайно Н.В. Гоголь категорически противопоставлял Париж и Рим. Это, кстати, напоминает распространённую в России антиномию Петербург – Москва. По мнению Чижова, во французской живописи преобладает показная красота, поскольку во Франции «ход жизни в вечной вражде с художеством» [6, с. 502], в общественной жизни господствуют рационализм и бездуховность. В то же время «один тихий, отживший Рим в состоянии ввести душу в прошедшее». Пример Италии показывает, что «искусство тогда на месте, когда жизнь сама в нём сосредоточивается» [6, с. 505]. В отличие от Хомякова, Чижов склонен признать достижения европейской цивилизации, например, проявляющееся во всём уважение ко всякому человеку, прогресс в науке. Плохо то, что в Европе наука заменила религию и вся цивилизация основана на борьбе разума и чувства. Русские же «остались во всей простоте <…> неразвития», в смирении, «покорности Провидению» – таково «внутреннее, непосредственное требование религии», то есть православия. Человечество не выиграло от прогресса, «потому что одна исключительность только лишь заменилась другою» [6, с. 523, 524]. Русские при всех внешних влияниях «сохранили силу и неразложимость нашей первобытной природы <…>, неприкосновенность религии» [6, с. 526]. Поэтому в России «истинной образованности предстоит один путь, это развитие народных сил» [6, с. 532].

В общих выводах Чижова, как и других славянофилов, концы с концами не сходятся: с одной стороны, прогресс необходим, но европейский путь прогресса неприемлем, следовательно, необходимо во всём торить собственный путь вперёд, гордо пренебрегая достижениями других народов? Из этого порочного круга славянофилы, при всём их горячем патриотизме и желании добра России, не смогли выбраться.

Ф.В. Чижов продолжил свои рассуждения об отличиях между европейской и русской церковной историей в опубликованных в сборнике 1847 г. рецензиях на «Римские письма» (Анонима) и книгу И. Снегирёва «Памятники московской древности». Но основной напечатанной в этом сборнике критической работой был обширный цикл «Три критические статьи г-на Имрек» (К.С. Аксакова). Пер-

вая их них посвящена характеристике литературного сборника «Вчера и сегодня», изданного В.А. Соллогубом (СПб, 1845). Основное внимание критик уделил повести В.Ф. Одоевского «Сиротинка», в которой Аксаков справедливо заметил фальшивую картину народной жизни и народных характеров, снисходительно-аристократические суждения о народе. Славянофилы тоже не чужды были идеализации русского народа, однако не допускали такого слащаво-сентиментального к нему отношения, какое проявилось в повести Одоевского. Критические суждения рецензента об этой повести вполне справедливы.

О других публикациях сборника «Вчера и сегодня» К. Аксаков отзывается более доброжелательно, в частности, о стихотворениях В.А. Жуковского и даже М.Ю. Лермонтова, к творчеству которого славянофилы относились негативно. В то же время поэзию Жуковского, особенно характерные для позднего её периода религиозные мотивы, неизменно приветствовали. Как пример хорошего художественного чутья К. Аксакова можно привести оценку стихотворения В.Г. Бенедиктова «Ревность», в котором критик заметил «искажение эстетического вкуса» [1, с. 174]. В подобном же духе оценивал творчество этого поэта Белинский.

К.С. Аксаков дал волю своему негодованию и категоричному неприятию литературной позиции одного из постоянных оппонентов русских славянофилов А.В. Никитенко в рецензии на его «Опыт истории русской литературы» (СПб., 1845). Мало того, что рецензент не принимает проевропейские идеи автора книги, он вообще не находит в ней никакого серьёзного содержания («остаётся одна пустота, *ничто*!» Обстоятельный анализ подобной книги невозможен, «сочинитель» даже «не определяет сферы изящного, его идеи» [1, с. 175, 176], – делает вывод рецензент. Некоторые основания для такой оценки труда профессора Никитенко у Аксакова были: книга действительно написана отвлечёнными, обтекаемыми, пафосными фразами, и автор рецензии не упустил возможности разбить своего идейного противника в прах, не учитывая при этом, что имеет дело лишь с теоретическим вступлением к предполагаемой историко-литературной работе. Аксаков завершает свою рецензию выводом: «Не то желали бы мы встретить, не так желали бы отозваться» [1, с. 183].

Негативно оценивая «Опыт истории русской литературы» А.В. Никитенко, К.С. Аксаков мог косвенно полемизировать со своим главным оппонентом в литературной критике – В.Г. Белинским, который ранее дал в целом положительную оценку этой книге. В рецензии на «Опыт истории…» («Отечественные записки», 1845, № 7) Белинский оговаривается, что это лишь теоретическое введение в будущую обширную научную работу, в котором рассматриваются предмет, источники, методология изучения, периодизация истории русской литературы. Критик воспользовался книгой Никитенко для изложения собственных представлений о литературе как искусстве, о соотношении литературы и науки, следовательно, его статья выходила за рамки рецензии. Всё это и могло усилить негативную реакцию К. Аксакова на работу Никитенко.

Самой проблемной критической статьёй К.С. Аксакова в сборнике 1847 г. была рецензия на «Петербургский сборник» Н. Некрасова 1846 г. Так же, как его статья о предыдущем сборнике Н. Некрасова «Физиология Петербурга» («Москвитянин», 1845, № 5–6), она отличается предвзятым подходом и иронической тональностью. С самого начала критик заявляет: «Петербургские литераторы сочли за нужное избавиться от тяжести мысли и труда, сбросили её и быстро, налегке помчались по поприщу литературы» [1, с. 184]. Больше всего от рецензента досталось роману Ф.М. Достоевского «Бедные люди», в котором критика не удовлетворяет всё: и форма переписки (ни одно лицо «никогда бы не написало так, как говорит») – во всём виден сочинитель [1, с. 184]; и подражание Гоголю, за которым Аксаков не видит самостоятельного творчества автора «Бедных людей»; и открытое преобладание авторской тенденции. Достоевский, по мнению рецензента, не справился с задачей принять мысль «в свою душу», чтобы «она сделалась частью <…> духовного бытия». Поэтому роман «оставляет впечатление тяжёлое, чего никогда не может быть при создании истинно художественном» [1, с. 185].

К.С. Аксаков попутно высказывает интересные, хотя и небесспорные суждения о природе художественного творчества. Он справедливо утверждает, что «вопрос художественный есть вопрос исполнения, воплощения мысли; если этого нет, то как бы ни было прекрасно по мысли произведение, оно останется не художественным» [1, с. 185]. Художник «производит на вас *общее* впечатление <…>, он истребляет самый зародыш зла; он перерождает вас. Такова «Шинель» Гоголя, способная переродить человека <…>, глубокая примиряющая красота художественного произведения обняла и внесла <…> в вашу душу новую жизнь, новое начало <…>. Такое творчество – удел немногих <…>. Для истинного художника необходима полная преданность искусству, полная искренность, полное беспристрастие» [1, с. 185, 186]. В романе Достоевского критик не находит «этого бесцельного творчества», в нём преобладает «филантропическая» тенденция, которая, по мнению критика, проявляется и в отношении героя «Бедных людей» к герою «Шинели». Лишь в отдельных местах романа, «истинно прекрасных», критик находит проблески художественного таланта писателя (например, в характерах Вареньки и студента Покровского). Мысль о «беспристрастном» творчестве явно противоре-

чит общим представлениям славянофилов о природе искусства, да и сам К. Аксаков в оценках литературных произведений был не чужд идеологии.

Из остальных опубликованных в «Петербургском сборнике» произведений рецензент одобрительно оценил только статью Искандера (А.И. Герцена) «Капризы и раздумье», которую он отнёс «к числу умных, замечательных». Стихотворение Н.А. Некрасова «В дороге» было бы хорошо, если бы не масса «подделок под русскую речь» [1, с. 191]. Всё остальное или «вздор», или «шутка над читателем», вызывающая «неприятное и грустное чувство» [1, с. 191]. К статье А.В. Никитенко «О характере народности в древнем и новейшем искусстве» Аксаков отнёсся так же отрицательно, как ранее к его «Опыту истории русской литературы»: он нашел в ней главным образом враждебное славянофильской доктрине отрицание исключительной идеи народности в искусстве. В статье Белинского «Мысли и заметки о русской литературе» критик нашёл лишь повторение того, о чём автор писал ранее [1, с. 195].

Завершает публикации «Московского литературного и учёного сборника» 1847 г. драма (в прозе и стихах) И.С. Аксакова «Зимняя дорога», представляющая собой пародию на повесть В.А. Соллогуба «Тарантас». Это диалог двух путешественников: Архипова, русского «почвенного» дворянина, и Ящерина, просвещённого европейца, ругающего всё русское. Беспомощная в художественном отношении, эта драма отнюдь не украшает страницы сборника и лишь демонстрирует стремление славянофильской партии всеми возможными средствами, вплоть до публицистики и пародии, противостоять своим оппонентам, прежде всего Белинскому и его сторонникам.

Из откликов на «Московский литературный и учёный сборник» 1847 г. самым обстоятельным и убедительным был отзыв В.Г. Белинского («Современник», 1847, № 6). Его рецензия имеет открыто полемический характер и направлена на опровержение общественно-исторической и литературной доктрины славянофилов. Отсюда ироничный тон, преобладающий в рецензии, что особенно относится к откровенно тенденциозным публикациям сборника, таким, как статьи Ригельмана и особенно Хомякова. По мнению Белинского, «мы до сих пор не можем понять, что такое славянофильство и на что оно нужно». Из самой природы человека «вытекает и любовь к отечеству, как более сильная, нежели ко всякой другой стране, ко всякому другому народу. И с этой точки зрения космополитизм есть чувство ложное и даже подозрительное» [2, с. 267]. В славянофильстве Белинский видит «что-то книжное, литературное, поддельное, искусственное <…>. Изучение славянских племён может иметь для нас интерес чисто учёный и литературный, важный преимущественно в филологическом отношении» [2, с. 268].

Критик упрекает Хомякова в излишнем самомнении и в отсутствии «истинного понимания искусства» [2, с. 270]. По его мнению, сами основания славянофилов ложны, потому что «разрыв общества с народом у нас больше внешний, кажущийся, нежели внутренний, существенный. Когда образование проникнет в народ, разрыва не будет. Но г. Хомякову хочется, во что бы то ни стало, общество нагнуть к народу, а не народ поднять до общества <…>; самые хлопоты о народности показывают, что в понятиях г. Хомякова народность что-то искусственное, мёртвое <…>, что-то такое, что можно потерять или найти». Хомяков «утверждает, что стоит только сделаться славянофилом, чтобы сделаться русским национальным художником» [2, с. 272].

Логика Белинского – это логика просветителя, верящего в силу разума и общность законов цивилизации. Его представления о путях достижения прогресса в России, связанного с прогрессом всего человечества, не могли быть близки романтической национальной идее славянофилов.

Иронично оценил Белинский и критические статьи К.С. Аксакова (г-на Имрек), опубликованные во втором московском сборнике. Он не полемизирует с конкретными оценками литературных явлений, а лишь придирается к отдельным формулировкам и уличает К. Аксакова в непоследовательности суждений (особенно по отношению к творчеству Н.А. Некрасова и И.С. Тургенева). Белинский считает литературную критику славянофилов откровенно тенденциозной: они «не могут и не хотят отделить талант автора от направления его произведений. Не нравится им направление автора: автор бездарен, книга никуда не годится, – и наоборот». Поэтому К. Аксаков и его единомышленники часто объявляли «хорошие книги бездарными, а бездарные – превосходными <…> Если за неблагоприятным направлением трудно увидеть достоинства произведения, то за благоприятным ещё труднее увидеть его недостатки» [2, с. 277]. Поэтому много плохих произведений появлялось и в «Москвитянине», и в московских сборниках, например, лирика П.А. Вяземского, по мнению рецензента, «изысканная и приторная» «подделка под народность» [4, с. 278].

Общий вывод, который делает Белинский по отношению к критическим статьям К.С. Аксакова, достаточно категоричен: «Не всякого рода избыток внутренней деятельности может выгодно и приятно отразиться на внешней: *полнота* иногда *хуже пустоты*» [2, с. 279]. Под «избытком внутренней деятельности» Белинский, очевидно, имеет в виду идеологию славянофилов, которую они всеми силами продвигали в общественное сознание. Справедливости ради следует признать, что сам Белинский в своих литературных суждениях тоже был далеко не беспристрастен.

Противостояние между национально-романтической и социальной программами художественного творчества демонстрирует идеологический антагонизм двух общественных и литературных группировок в России в 1840-е годы. При всём различии идеологии между ними были и точки соприкосновения, прежде всего в представлении об активной общественной роли искусства. У каждой из группировок была своя правда, но ни одна из них не могла претендовать на абсолютную истину – об этом свидетельствует дальнейший ход развития русской литературы.

Библиографический список

1. *Аксаков К.С.* Три критические статьи г-на Имрек // Аксаков И.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1881.

2. *Белинский В.Г.* Московский литературный и учёный сборник на 1847 год // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 тт. Т. 8. – М.: Худож. лит., 1982.

3. *Григорьев А.А.* Наши литературные направления с 1848 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http//smalt.karelia.ru~filolog/vremja/1863/febr/naprav/htm (дата обращения 20 февр. 2013 г.)

4. *Ригельман Н.А.* Письма из Вены // Московский литературный и учёный сборник на 1847 год. – М., 1847.

5. *Хомяков А.С.* О возможности русской художественной школы // Хомяков А.С. О старом и новом. – М.: Современник, 1988.

6. *Чижов Ф.В.* Письмо о работах русских художников в Риме // Московский литературный и учёный сборник. – М., 1846.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 808.53:811.161.1

Гаврилова Екатерина Сергеевна
кандидат филологических наук
Орловский государственный аграрный университет
ka_bul82@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается антитеза как одна из самых распространенных фигур контраста. Анализируются классификации антитез на основании грамматического / неграмматического противопоставления элементов; противопоставления одной / нескольких пар антонимов; на основании семантического деления. В качестве итога предлагается оригинальный ряд классификаций антитез.

Ключевые слова: *антитеза, фигуры контраста, функция противопоставления.*

Антитеза как фигура контраста

Среди рассмотренных нами фигур контраста наиболее употребительной является антитеза. «Антитеза (греч.) – стилистическая фигура контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п., которая усиливает эмоциональность, подчёркивает мысль автора» [19, с. 7; 2, с. 116], «антитеза – это риторическая фигура, в которой для усиления выразительности речи резко противопоставляются явления, понятия и признаки» [8, с. 141; 7, с. 349].

По мнению ряда исследователей, антитеза – это «фигура, состоящая в сопоставлении логически противоположных понятий или образов, подчинённых одной общей идее или единой точке зрения» [10, с. 50] (Аристотель [1, с. 141–142], И.С. Рижский [12, с. 58], Я.В. Толмачёв [16, с. 111–112], Н.Ф. Кошанский [6, с. 119], В.В. Одинцов [11, с. 20–21], Н.А. Власова [2, с. 116], П. Сергеич [13, с. 56], Е.В. Клюев [4, с. 200–201], С.И. Кормилов [5, с. 38], М.И. Панов [14, с. 400], А.В. Щербаков [18, с. 49], Ж. Дюбуа и ученые Льежского университета [3, с. 246–248].

Классификации антитез

Риторической науке известны многочисленные классификации антитез:

I. Классификация антитез на основании грамматического / неграмматического противопоставления элементов:

1) «Антитеза грамматическая – разновидность антитезы, характеризуемая тем, что её компоненты – словоформы одной лексемы, противопоставленные лишь грамматическими значениями (лицо, время, вид и т.д.): *Бывало так меня чужие жёны ждали, теперь я жду жены своей* (М.Ю. Лермонтов, Маскарад).

2) Антитеза квазиологическая (квазиантитеза) – разновидность каламбура, высказывание, формально сохраняющее структуру антитезы, интонацию противопоставления, союзы, но не поддерживающее её антонимическими отношениями компонентов, которые вообще не связаны по смыслу: *В огороде бузина, а в Киеве – дядька*» [2, с. 116].

II. Классификация антитез на основании противопоставления одной / нескольких пар антонимов:

1) простая антитеза – антитеза, состоящая из одной пары антонимов [18, с. 49; 9, с. 249];

2) сложная антитеза – антитеза, основанная на употреблении ряда антонимических пар. Сложная антитеза используется при развёрнутой, контрастной характеристике двух объектов и парном противопоставлении нескольких объектов [18, с 49; 9, с. 249].

III. Классификация на основании семантического деления:

1) акротеза – сопоставление путём выделения с целью нагляднее представить один из признаков;

2) амфитеза – сопоставление с целью характеристики каждого компонента как крайнего проявления целого множества явлений для более ясного представления всего множества;

3) диатеза – сопоставление с целью более чёткого изображения промежуточных звеньев множества;

4) парадиастола – сопоставление компонентов, связанных синонимическими отношениями;

5) аллойоза – сопоставление несхожих компонентов, определённых предварительно, как схожие;

6) антитеза – сопоставление компонентов с переносным значением [17, с. 206–207; 18, с. 48–49].

На основании проанализированного материала мы можем сделать вывод о том, что антитезы в речах Ф.Н. Плевако удивительно разнообразны. В нашем исследовании мы предлагаем следующий ряд классификаций антитез:

а) по количеству объектов сопоставления:

1) простая антитеза – антитеза, где два объекта сопоставления: «не оскорблять чести свидетелей, призванных дать суду материал для дела, призванных **свидетельствовать**, **а не защищаться** от неожиданных обвинений» (РФ осложнёна экзергацией и наклонением) [15, с. 254]. Схема: ¤ - ¤.

2) Двойная антитеза – антитеза, где в рамках сопоставления двух объектов происходит их дополнительное сравнивание по тому или иному призна-

© Гаврилова Е.С., 2013

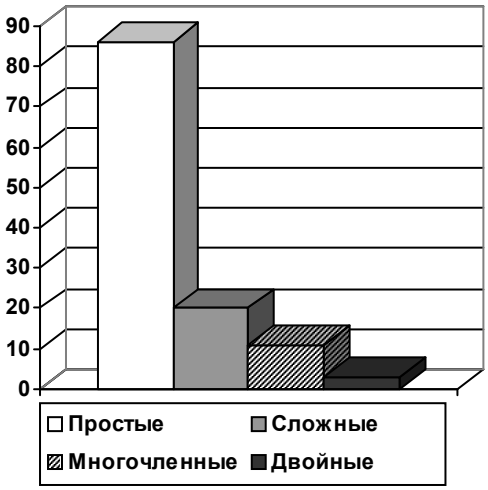


Рис. 1. Иллюстрация количественного показателя употребления антитез в соответствии с объектами противопоставления

ку: «**радостным** чувством **оправданных**» – «**криком отчаяния осужденных**») (РФ осложнена инверсированными эпитетами) [15, с. 44].

Схема: ¤ ¤ - ¤ ¤.

3) Сложная антитеза – антитеза, где один объект сопоставления сравнивается с двумя: «Человек приходит в мир **не в мундире, не с регалиями**, **а в своей обыкновенной коже**» (в 1-м члене противопоставления – анафоричная синонимия – двойная фигура) [15, с. 246].

Схема: ¤, ¤ - ¤.

4) Многочленная антитеза – антитеза, где несколько объектов сопоставления: «**ты предполагала** обрести со мной **счастье, покой, благоденствие**, то жестоко **ошиблась** в том, – **я** принёс в твой дом **несчастье, разоренье, нищету**!» (осложнено двумя градационными бессоюзными синонимиями (двойные фигуры), в контексте которых оратор дважды употребляет синонимические ряды, состоящие из трёх элементов, где доминантами является антонимическая пара «счастье – несчастье») [15, с. 247]. Схема: ¤ - ¤, ¤ - ¤, ¤ - ¤, ¤ - ¤.

б) По наличию открытости / скрытости противопоставляемых компонентов:

1) открытая антитеза – антитеза, где объекты сопоставления вербально выражены: «цена его <денежного интереса> слишком **ничтожна»** – «для достижения этого интереса пришлось заплатить такой **дорогой ценой**, как потеря брата и сестры» [15, с. 44];

2) скрытая антитеза – антитеза, где один из объектов сопоставления вербально не выражен, он лишь подразумевается: «это слово <юридического> закона» – «голос **нравственного** закона» [15, с. 41].

в) По узуальности / окказиональности противопоставляемых компонентов:

1) узуальная антитеза – антитеза, где противопоставляемые элементы являются контрарными или контрадикторными антонимами: «подрывается достоинство свидетеля **не подобными инсинуациями, а разбором внутреннего содержания его показаний, критикой, а не оскорбительными отзывами** о самом лице» [15, с. 29];

2) контекстуальная антитеза – антитеза, где противопоставляемые компоненты являются антонимами только в данном, авторском контексте: «не ценные, а дорогие по воспоминаниям» [15, с. 43]. Здесь интересно использование антонимов, которые являются таковыми только в данном контексте, а вообще – это синонимы.

В контекстуальной антитезе второй объект сопоставления может быть выражен перифразом: («надо **обвинять** только мою клиентку» – «для Резникова… **искать иной формы пособничества**») [15, с. 304]. Это несколько затрудняет понимание.

Индивидуальное, авторское противопоставление нередко сопровождает ирония: например, в данном ироничном противопоставлении имплицитно выражено утверждение о неправильности композиционного членения в речи противной стороны: «Прокурорская речь вводит меня в эту трудно удер-

Рис. 2. Иллюстрация количественного показателя антитез в соответствии с открытостью / скрытостью противопоставляемых компонентов

Рис. 3. Иллюстрация количественного показателя антитез в соответствии с узуальностью / окказиональностью противопоставляемых компонентов

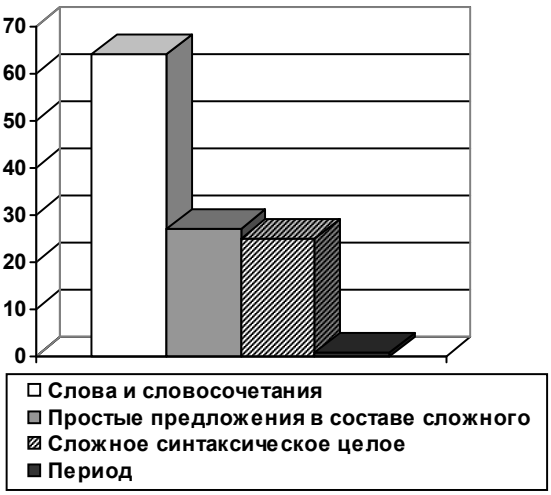


Рис. 4. Иллюстрация количественного показателя антитез в соответствии с лексическим / синтаксическим критерием противопоставляемых компонентов

живаемую в памяти пестроту. Когда я покончу с этой оценкой улик, я снова перейду к более правильному изложению защиты» [15, с. 25].

г) По лексическому / синтаксическому критерию противопоставляемых компонентов.

В рамках антитезы могут противопоставляться:

1) слова и словосочетания: «Я защищаю не **преступника**, я защищаю **несчастного человека**!» [15, с. 247]; «**благодарность к Москалёву» – «ненависть к тёще»; «чувство благодарности» – «негодование**» [15, с. 2 61];

2) простые предложения в составе сложного: «Но вопреки предварительному следствию, один показал, что **он не видел**, а **ему сказали**, что был Карицкий…» [15, с. 31]; «Но **мало ли в чём сомневалась защита Дмитриевой, мало ли во что она верила**» [15, с. 39];

3) компоненты сложного синтаксического целого: «Ссылались здесь на то, что всей Рязани это известно. Я не имею об этом никаких сведений» [15, с. 34]; «Если вы спросите меня, убеждён ли я в её виновности, я не скажу: да, я убеждён. Я лгать не хочу. Но я не убеждён и в её виновности» [15, с. 306].

4) период (см. миниречь по делу об обвинении старушки в краже жестяного чайника [20]).

Как уже было сказано, антитеза в защитительных речах играет ведущую роль. Поэтому столь высокий показатель употребления именно данный фигуры (9,02%) вполне объясним. Антитеза используется защитником для того, чтобы противопоставить понятия, заострив внимание на вполне определённом объекте противопоставления, как правило, поставленном в сильную текстовую позицию. В различных делах защитнику нужно было расставить необходимые семантические акценты по-разному, вследствие этого обусловлено, например, как количество сравниваемых объектов, так и другие проанализированные критерии.

Библиографический список

1. *Аристотель.* Риторика // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – С. 15–164.

2. *Власова Н.А.* Основные понятия и термины по риторике. Словарь – минимум. – Орел: Отдел оперативной полиграфии Орловского областного комитета государственной статистики, 2000. – 143 с.

3. *Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкенберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А.* Общая риторика / пер. с фр. / общ. ред. А.К. Авеличева. – М.: КомКнига, 2006. – 360 с.

4. *Клюев Е.В.* Риторика. Инвенция. Элокуция. – М.: ПРИОР, 2001. – 272 с.

5. *Кормилов С.И.* Антитеза // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М.: МПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб. – Стб. 37–38.

6. *Кошанский Н.Ф.* Общая реторика. – СПб., 1832.

7. *Мельник В.В.* Искусство защиты в суде присяжных: учеб.-практ. пособие. – М.: Дело, 2003. – 480 с.

8. *Мельник В.В.* Ораторское искусство как средство построения убедительной судебной речи в состязательном уголовном процессе // Журнал российского права. – 2001. – № 9. – С. 139–144.

9. *Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частная классификации. Терминологический словарь. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.

10. *Никитина С.Е., Васильева Н.В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. – М., 1996.

11. *Одинцов В.В.* Антитеза // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.

12. *Рижский И.С.* Опыт риторики. – М., 1809.

13. *Сергеич П. (Пороховщиков П.С.)* Искусство речи на суде. – 3-е изд. – Тула: Автограф, 2000. – 320 с.

14. *Панов М.И.* Антитеза // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / отв. редактор М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. – М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005 – 960 с.

15. *Плевак Ф.Н.* Избранные речи / сост. И.В. Потапчук. – Тула: Автограф, 2000. – 368 с.

16. *Толмачёв Я.В.* Военное красноречие, основанное на общих началах словесности. С присовокуплением примеров в разных родах оного. В 3-х частях. – СПб., 1825. – Ч.1: Содержащая общие начала словесности. – С. 111–112.

17. *Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.* Общая риторика: курс лекций: слов. ритор. приемов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 316 с.

18. *Щербаков А.В.* Антитеза // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 46–49.

19. *Яковлева Е.А.* Краткий словарь основных понятий и терминов по риторике: 675 статей. – Пермь: Издательство ПОИПКРО, 1995. – 88 с.

20. *Булгакова Е.С.* Языковые и речевые средства реализации и нарушения коммуникативных качеств речи «выразительность» и «логичность» в аспекте речевого воздействия (на материале защитительных речей Ф.Н. Плевако): Дис. … канд. филол. наук. – Орёл, 2007. – 190 с.

УДК 808.2

Галкина Наталия Павловна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
gnpav@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале произведений естественнонаучного цикла)

Статья посвящена использованию отдельных причинных союзов, имеющих низкую частотность употребления в научном стиле и присущих различным функциональным разновидностям русского языка, нами рассматриваются особенности их функционирования в текстах естественнонаучного цикла.

Ключевые слова: *союз, частотность, стилистический оттенок, функциональный стиль, причинно-следственные отношения, каузальность.*

Стилистическая дифференциация словарного состава современного русского языка является настолько сложной, что не всегда поддаётся однозначной интерпретации. Трудности возникают, поскольку разграничение функционально-стилистических разновидностей языка осуществляется «не в силу закреплённости за ними специфических средств языка, а, прежде всего, вследствие вполне определенной функциональной ориентации этих средств в каждой из разновидностей» [14, с. 85]. При решении этой проблемы раскрываются стилистические возможности синтаксиса, которые заключаются в его способности передавать тончайшие оттенки мысли. Здесь даже частности могут иметь значение. Рассматривая малопродуктивные средства связи, мы попытаемся ответить на два вопроса. Во-первых, на вопрос о том, что может и чего не может быть в данной разновидности языка. И, во-вторых, следует ли рассматривать использование нехарактерных языковых средств как признак «стилевой неразборчивости» автора или как показатель гибкости языка и «стремления к удобным, целесообразным формам выражения» [3, с. 10].

В данной статье рассмотрим особенности использования малопродуктивных союзных средств недифференцированного значения в сложноподчинённых предложениях (СПП) с придаточными причины в научном стиле русского языка. Материалом для исследования послужили произведения известных учёных в области физики, химии, биологии, таких, как В.Л. Гинзбург, Я.Б. Зельдович, П.С. Зырянов, Л.Д. Ландау, И.Р. Пригожин, В.В. Шмидт и др. Было рассмотрено 650 двухкомпонентных сложноподчинённых конструкций с придаточными причины, извлечённых методом сплошной выборки из их работ.

Союзы недифференцированного значения указывают на каузальность в наиболее общем виде и вне контекста не способны конкретизировать характер причинной зависимости. К ним относятся такие союзы, как: *потому что, так как, поскольку, ибо, раз*, союз-частица *ведь*. Из них первые три имеют широкую сферу употребления, хотя *поскольку* и *так как* часто отмечаются как присущие книжной речи. Союз *ибо* характеризуется как исключительно книжный, а *раз* и *ведь* – как разговорные [13, с. 578]. Анализ исследуемого материала показал, что все эти союзы встречаются в научном стиле, но с точки зрения продуктивности распределены крайне неравномерно: при высокой частотности одних (*поскольку* и *так как*) наблюдается очень низкая продуктивность других. В целом на долю союзов *потому что, ибо, раз, ведь* приходится чуть более 5% исследованных нами СПП с придаточными причины.

Многие исследователи характеризуют союз *потому что*, передающий общее причинное значение, как наиболее употребительный и стилистически нейтральный в общелитературном языке. Об этом свидетельствует и тот факт, что толкование других причинных союзов в словарях производится через *потому что* [см., например: 10, с. 230, 557, 776]. Как отмечает А.Н. Гвоздев, «союз *потому что* употребляется и в разговорной, и в книжной речи, может быть, он не проникает только в лирику» [4, с. 356]. В научном стиле конструкции с ним занимают всего лишь 3% исследуемых предложений. Анализ выписанных нами конструкций с этим союзом даёт основание полагать, что использование его в научных произведениях служит не «нейтрализации» книжной речи, а отвечает требованиям научного стиля и в определенных ситуациях является, пожалуй, единственно возмож-

 © Галкина Н.П., 2013

ным для выражения конкретных значений каузальности. Во-первых, в данном материале он практически всегда расчленён запятой, что является средством дифференциации причинных отношений. Во всех случаях расчленённости союза предложение имеет только собственно-причинное значение [13, с. 580]. Действительно, элемент *потому* в главной части несёт на себе логическое ударение и создаёт более тесную связь между частями предложения: «Это происходит потому, что энергия границы раздела между нормальной и сверхпроводящей фазами $\sigma_{пз}$ у сверхпроводников первого рода положительна, а у сверхпроводников второго рода отрицательна» [15, с. 79]. Во-вторых, союз *потому что*, в отличие от *поскольку* и *так как*, допускает употребление лексических актуализаторов *лишь, только, просто, хотя бы уже, в частности*, что вносит дополнительный смысловой элемент [13, с. 579]. Использование ограничительных частиц *лишь, только* позволяет выделить причину как единственную: «Если мы думаем, будто свободны в своих действиях, то лишь потому, что не знаем истинных причин, их вызывающих». [11, с. 203]. В сочетании с *просто* союз *потому что* указывает на элементарность, самоочевидность причинных отношений: «Эти законы были сформулированы ранее в форме дифференциальных уравнений просто потому, что с самого начала предполагалась непрерывность течения» [6, с. 45]. При употреблении перед союзом лексических элементов *в частности, хотя бы*, подчёркивается один из аргументов, наиболее очевидный или обладающий достаточной аргументирующей силой. Например: «Вообще атомное ядро – весьма своеобразная система, в частности потому, что даже в самых тяжелых ядрах не так уж много частиц (не более 300)» [5, с. 68]. «Расчет этот непоследователен хотя бы уже потому, что фактически для тел со скоростью, сравнимой со скоростью света с, кинетическая энергия равна…» [5, с. 135].

Подключение модификаторов способствует обогащению ассоциативного потенциала *потому что*. В то же время возможности союза ограничены тем, что он не может вводить придаточное предложение перед главным и тем самым оформлять причинно-следственные отношения, столь актуальные в научной речи.

Определённую нишу в системе причинных союзов занимает союз *ибо*. То, что этот союз является исключительно книжным, отмечается многими лингвистами (А.Н. Гвоздев, В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов, Н.С. Валгина и др.). Академическая грамматика маркирует его пометой «высокое» [13, с. 578]. Л.А. Булаховский в книге «Русский литературный язык первой половины XIX века» характеризовал его как «книжный, широко распространённый во всех видах литературы» в начале XIX века [2, с. 395]. Являясь «предметом осуждения за свою архаичность» и «рекомендуемый замене через *так как* и *потому что*», [там же] с 70-х гг. XIX столетия он стал использоваться менее интенсивно. Т.П. Ломтев в «Очерках по историческому синтаксису русского языка» отмечает, что «в современном русском языке *ибо* используется весьма интенсивно, особенно в публицистических жанрах» [8, с. 514]. В произведениях естественнонаучного цикла союз *ибо* встречается в 2% исследуемых конструкций, в которых он служит для оформления вполне определённых причинных отношений и не имеет ни какого-либо стилистического оттенка, ни оттенка архаичности. В ряде предложений он придает придаточному предложению оттенок присоединительности, чему также служит постпозиция (1) или интерпозиция (2) придаточного. См., например: 1) «Вывод гамильтонианов <…> является сложной математической задачей, ибо кинетическая энергия ионов также участвует в формировании колебаний решетки» [7, с. 111]. 2) «К сожалению, мы не можем здесь, ибо это как-то выпадало бы из контекста, пояснить, почему актуальна эта проблема, почему она возникает» [5, с. 127]. В некоторых случаях союз *ибо* оформляет конструкцию с развернутой аргументацией: «Вычисления динамических характеристик акустического полярона слабой связи имеют лишь оценочный характер, ибо полученное при низких $T \ll w_D$ выражения <…> зависят от $f_D \cong \pi/a$, так что такой полярон, строго говоря, нельзя рассматривать как континуальный в модели Фрелиха» [7, с. 99].

Союз-частица *ведь* и союз *раз*, которые также относятся к союзным средствам недифференцирующего типа, в текстах естественнонаучного цикла встречаются в единичных случаях и являются непродуктивными. В Русской грамматике-80 *ведь* характеризуется как «обладающий наиболее широкими возможностями среди недифференцирующих союзных средств» и маркируется пометой «разговорное» [13, с. 583; с. 578]. Мы отметили две конструкции с союзом-частицей *ведь* в исследуемом материале. В одном предложении она называет дополнительный аргумент, придаточное имеет присоединительный, а никак не разговорный оттенок: «В результате частица участвует в создании плотности тока $js<\xi_{0,}$ но действие А на частицу в нелокальном случае менее эффективно, ведь только доля частицы $\lambda p/\xi_{0,}$ «чувствует» действие вектор-потенциала А» [15, с. 38]. В другом примере придаточное, вводимое частицей *ведь*, служит для дескрипции подтверждения, комментария, уточняющей характеристики: «Это и понятно, ведь характерный размер вихря – длина когерентности – намного превосходит атомный размер – характерный размер такого “мелкого” дефекта» [15, с. 224].

Отдельного рассмотрения требует союз *раз*, поскольку разные авторы относят его либо к причинным [9, с. 179; 13, с. 582], либо к условным союзам [1, с. 205; 4, с. 240; 13, с. 102]. Он передает информацию о реализующемся или реализованном усло-

вии, которое в то же время указывает на делаемый из этого вывод. А.Н. Гвоздев отмечает, что союз *раз* «имеет слабо выраженный оттенок разговорности» [4, с. 350]. В научном стиле этот союз не продуктивен. В исследуемом материале он встречается в двух предложениях, где не имеет стилистического оттенка, а используется для описания ситуаций, в которых условно-следственные отношения тесно переплетаются с причинно-следственными. В зависимости от контекста, видовременных форм глаголов или специальных актуализаторов в предложении может быть акцентировано то или иное значение. Например: «Раз периодичность установилась, то уже нет определенной границы для размера такого агрегата» [12, с. 12]. В данном предложении прошедшее время глагола совершенного вида в придаточном и частица *уже* в главной части указывают на реальность сообщаемого. Элемент гипотетичности, характерный для условных предложений, утрачивается, и на первый план выступают причинно-следственные отношения. В следующем предложении, наоборот, акцентируется условно-следственное отношение, вытекающее из значения многократности, временной неопределённости, обобщённости сказуемого придаточной и главной части, выраженного словом нет: «А раз нет изменения энергии, то нет и возвращающей силы, нет и пиннинга» [15, с. 223].

Как известно, союзы недифференцированного типа характеризуются тем, что оформляют не только собственно-причинные, но и причинно-аргументирующие отношения. В этом случае имеют место конструкции обратного подчинения, где придаточная часть фактически содержит информацию о реальном следствии, а главная – о реальной причине [16, с. 16]. Анализ исследуемого материала показал, что в оформлении несобственно-причинных отношений в научных текстах участвуют союзы *поскольку* и *так как*. Использования описываемых в данной статье союзов в конструкциях обратного подчинения мы не наблюдали.

Таким образом, мы выяснили, что в текстах естественнонаучного цикла для оформления причинных отношений используются не только «книжные» средства связи, но и стилистически нейтральное *потому что*, а также релятивы, маркируемые как «разговорные». Все описанные союзы относятся к союзам функционально неоднозначным, т.е. указывающим на каузальность в наиболее общем виде. Но условия, в которых функционируют эти неспециализированные средства связи в текстах естественнонаучного цикла, позволяют сузить семантику союза и передать информацию с той степенью точности и логичности, которая не допускает «неоднозначного декодирования». С другой стороны, наблюдается стилистическая адаптация союзных средств, присущих различным функциональным стилям общелитературного языка. В произведениях естественнонаучного цикла они становятся нейтральными, т.е. не несут каких-либо стилистических оттенков эмоциональности, приподнятости, просторечия, архаичности, а служат исключительно цели точной, однозначной передачи тех или иных отношений. Здесь мы видим подтверждение мысли Д.Н. Шмелёва о том, что «стилистические средства не формируют стиль, а в известном смысле сами формируются им, т.е. приобретают стилистическую значимость в соответствии с той сферой и сферами общения, с которой они связаны в сознании говорящего» [14, с. 165].

Библиографический список

1. *Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов. Часть 3. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
2. *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. – М.: Учпедгиз, 1954. – 468 с.
3. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
4. *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Часть II. Синтаксис. – М.: Учпедгиз, 1958. – 302 с.
5. *Гинзбург В.Л.* О физике и астрофизике: Статьи и выступления. – М.: Наука, 1992. – 528 с.
6. *Зельдович Я.Б, Райзер Ю.П.* Физика ударных волн и высокотемпературных гидродинамических явлений. – М.: Наука, 1966. –688 с.
7. *Зырянов П.С.* Квантовая теория явлений электронного переноса в кристаллических полупроводниках. – М.: Наука, 1976. – 480 с.
8. *Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. – М., 1956. – 596 с.
9. *Ляпон М.В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 3-е изд., стереотипное. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
11. *Пригожин И.* От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках: пер. с англ. / под ред. Ю.Л. Климонтовича. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
12. *Рамбиди Н.Г., Берёзкин А.В.* Физические и химические основы нанотехнологий. – М.: Физматлит, 2008. – 456 с.
13. Русская грамматика: в 2 т. Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 714 с.
14. *Шмелёв Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). – М.: Наука, 1977 – 167 с.
15. *Шмидт В.В.* Введение в физику сверхпроводников. – М.: МЦНМО, 2000. – 402 с.
16. *Фёдоров А.К.* Спорные вопросы теории сложноподчинённого предложения (Учебное пособие к спецкурсу). – Курск, 1982. – 89 с.

УДК 804

Гусевкая Маргарита Львовна
гимназия № 53 Советского района г. Нижний Новгород
gusmarg@mail.ru

СЕМАНТИКА ПРИСТАВКИ RE- / RÉ- ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью статьи является всесторонний анализ элемента re- во французском языке, выявление слов, в которых re- является приставкой, разграничение групп слов по принципу отделимости/неотделимости приставки, а также выявление дистрибуции приставки re- и её значений.

Ключевые слова: *семантика приставки re-, словообразование, этимология приставки re-, семантическая внутриклассная транспозиция, морфосемантический анализ, дистрибуция.*

Материалом исследования послужили словарные статьи из словаря Petit Robert (2000 года издания), начинающихся на re-, в количестве около 600 единиц на 58 страницах словаря с 2105 до 2163 страницы.

I. Анализ морфологической принадлежности элемента re- во французском языке с опорой на этимологию слова

Морфология описывает не только формальные свойства слов и образующих их морфем (звуковой состав, порядок следования, и т.п.), но и те грамматические значения, которые выражаются внутри слова (или «морфологические значения»). В соответствии с этими двумя крупными задачами, морфологию часто делят на две области: «формальную» морфологию, или морфемику, в центре которой находятся понятия слова и морфемы, и грамматическую семантику, изучающую свойства грамматических морфологических значений и категорий (то есть морфологически выражаемое словообразование и словоизменение языков мира).

В конце XIX в. И.А. Бодуэн де Куртенэ объединил корень, суффикс, флексию (окончание), префикс (приставку) под общим именем морфема [1].

Под морфемой (во французской лингвистической традиции в этом случае употребляют, вслед за Андре Мартине, термин *монема*) обычно понимают минимальную значимую единицу языка, которая в функциональном плане не выступает сама по себе в качестве номинативной единицы и может лишь соучаствовать в сочетании с другими морфемами в образовании номинативных единиц: *чай-ник*, *при-город*, *вы-сып-а-ть*, а в структурном плане:

– не обладает формальными признаками слова;

– может являться одной из составляющих слова (в случае многоморфемного слова) или же совпадать в своих линейных границах со словом (в случае одноморфемного слова) [2].

Так, в наиболее общем виде элемент re- во французском языке можно назвать морфемой, так как он соответствует данному выше определению, его функциональным и структурным особенностям.

Во французском языке этот элемент встречается как в начале слов /rebouter, rebroder/, так и в середине, и в конце слов. Целью данного исследования является анализ значения и дистрибуции элемента re-, встречающегося в начале слов. Частичка слова re-, если она стоит в начале слова, часто называется префиксом (приставкой), присоединяемой к корню (основе) слова. Однако, как можно заметить, часто эта частичка является корневой морфемой в словах латинского происхождения (recevoir, réalité, rectangle, recta, recteur, réctifier, réel, réfectoire, référendum, réferrer, réfléchir, reflet, refuge, refuser, refuter и др.), старофранцузского (regard, regretter, repas) или заимствованных из других языков, как, например, из немецкого (réalgar /rehj-al-ghar/), из арабского (rebab), из франкского (*ист.*) (rêche, renard), из английского (record, redingote (Riding-coat), référence, reflex, rehoboam, relax, remake, remix, réactance), из польского (rémiz). Таким образом, следует отделять корневой элемент re- от префикса re-, имеющего самостоятельное значение.

Элемент ré (с диакритическим знаком над буквой e) является вариантом re-, перед словами, начинающимися с гласной (réactionnaire, réoccuper, réopérer). Другим вариантом приставки re- является элемент r- перед гласной, как, например, в словах ranimer, radoucir, rajuster, rattraper, réchapper, réchanger, rembaucher и др. Заметим, однако, что семантика глаголов réanimer и ranimer во французском языке не совпадает. Первое означает «реанимировать», второе – «оживить, взбудоражить».

В словаре Petit Robert указывается морфемный состав слов и их этимология. Лингвистический анализ словарных статей позволил установить, что процесс присоединения элемента re- к основе слова продолжался на протяжении целых эпох, и имеет несколько этапов, совпадающих с этапами формирования французского языка: влияния латыни (народной латыни), становление старофранцузского, его переход в среднефранцузский и оформление современного французского языка с XIX века до нового времени.

В рамках данной работы наметим лишь пути исследования проблемы. Так, в результате первичного приближения к проблеме, представляется возможным выделить две обширные группы слов с приставкой re- во французском языке:

1) слова, в которых re- является до сих пор отделимой частицей;

2) слова, в которых приставка re- не может быть отделена от слова без полной потери смысла осно-

© Гусевкая М.Л., 2013

вы (сросшихся в процессе исторической эволюции слов).

К первой группе слов отнесем такие единицы, как: réaccoutumer, réajuster, réadapter, réaffirmer, réaménager, réapparaître, réapprovisionner, réarmer, réarranger, réassurer, rebâtir, rebattre, reboisement, rebondir, reborder, rebroder, reconsolider, reconnaîte, reconquérir и др. Отсечение re- не ведет к утере словарного значения оставшейся основы.

Не следует путать такие слова с лексемами, которые по форме напоминают производные на re-, но по сути таковыми не являются, как, например, recueillir, где приставка re- не несет значения «вновь»: Существительное redoute (место организации праздника, бала) не является производным от doute (сомнение). Оно заимствовано из итальянского. Глагол recueillir (принимать, устраивать прием) не является производным от cueillir (собирать). Глагол recueillir имеет латинское происхождение recolligerer и, по сути, относится к группе слов, в которых re- является корневой морфемой. В части слов латинский префикс re- в паре (re)/cueillir восходит к латинскому префиксу, унаследованному французским, как в слове «colligo – colligere» – собирать. С учетом сказанного, имеет смысл различать префиксы латинского и романского происхождения. Таковыми являются réformer (лат. reformarer), refreiner (лат. refrenarer), relâcher, reléguer, renier, reposer, représenter, retenir, réviser, revivre.

Ко второй группе относятся производные на re- слова, в которых на современном этапе развития языка отсечение re- уже невозможно без полной потери словарного значения производящей основы: récapituler, recéper, rechigner, récidiver, récriminer, récurer, réduire, refluer, refracter, régaler и др.

II. Дистрибуция приставки re-

Применяя приемы структуралистов к описанию морфонологической синхронной системы языка к словам с приставкой re- во французском языке, можно обнаружить некоторые закономерности в ее дистрибуции. В современной грамматике французского языка отмечается, что префикс re- может присоединяться к глаголам (см. выше), к существительным, к прилагательным. Однако надо отметить, что часто прилагательные и существительные с приставкой re- сами являются производными от однокоренных глаголов, поэтому не могут рассматриваться отдельно от них. В качестве существительных, послуживших основой для дальнейшей лексической деривации, можно назвать: réaction (от re- и action), réadaptation, réalignement, rebelote, rebord, recalcification, recession, recoin, récolte, redent, réescompte, regros, а в качестве прилагательных отметим: rebelle (от re- и bellum),

Многие однокоренные слова, имеющие префикс re- в своем составе, не являются производными друг друга, но имеют в своей основе латинские корни, как, например, recapitulation происходит от латинского recapitulatio, а récapituler от латинского recapitulare, recension (recensio) – recenser (recenserer), reception (receptio) – recevoir (recipere), recès (recessus) – se retirer, réciproque (reciprocus) – réciproquer (reciprocarer), récitation (recitato) – réciter (récitarer), reclamation (reclamatio) – réclamer (reclamarer), reflux (re- flux) – refluer (refluerer).

III. Семантический аспект префикса re-

Префикс re- во французском языке является живой продуктивной приставкой и обладает собственным семантическим значением. В словаре Petit Robert значение этого префикса определено следующим образом: «re- – élément du latin *re* indiquant un mouvement en arrière, qui exprime: le fait de ramener en arrière (*rabattre, recourber*), le retour à un état antérieur (*refermer, rhabiller*), la répétition (*redire, réaffirmer*) ou un sens équivalent de la forme simple vieillie *(raccourcir*) ou réservée à d'autres emplois(*raffermir, rameuter*) » [3, с. 2105].

Проанализируем с точки зрения семантики слова с приставкой re-, приведенные в качестве примера выше. В словарном определении называются основные значения приставки re. Это «возврат к предыдущему состоянию; положению; повторение действия и другие значения». Представляется интересным проанализировать значения слов с приставкой re. Итак, раскроем все возможные значения приставки re-. Она употребляется

– **в значении приставки «пере-»:** refaire «переделать», réarmer – перевооружить, réapprovisionner – перезаряжать, rebattre – перетасовывать (карты), recéder – переуступить, reclasser – перераспределять, reconsidérer – пересмотреть;

– **в значении «вновь»**: rebâtir – вновь построить, reboucher – вновь закупорить, réemployer – вновь трудоустроить, remonter – подняться вновь, réaccoutumer, réapparaître, reborder, reconquérir, se raviver, réabonner;

– **в значении «снова»:** rattraper un rhume – снова подхватить, rebattre – снова поколотить, reboutonner – вновь застегнуть, recacheter – снова запечатывать, recaser – снова пристраивать, recharger – снова нагружать;

– **в значении «заново»**: réassortir – заново перебрать, reconstituer – заново формировать, reconstruire – заново отстроить, récrépir – заново штукатурить, réinscrire – внести в список заново, rejouer – сыграть заново;

– **в значении «обратно»**: reconduire – привести обратно, redemander – потребовать обратно, redémarrer – снова завести мотор, тронуться с места, refluer – отхлынуть обратно, reposer – положить обратно;

– **в значении «опять»**: redescendre – опять спуститься;

– **в значении «другой», «новый»**: reloger – предоставить новое жилье, réemployer – предоставить другое место работы;

– **в значении приставки «ре-»**: réactiver – реактивировать, ranimer (réanimer) реанимировать, réhabiliter – реабилитировать;

Многие производные с приставкой re- приобретают новое, не связанное с исходным, значение. В таких случаях говорят о семантической внутриклассной транспозиции, при которой часть речи остается той же, но меняется значение слова. Глаголы в переносном значении утрачивают свою связь с их производящей основой: «remâcher» («пережевывать» – говорить одно и то же), «renouer» («возобновить» – разговор, «восстановить» – отношения), renaître («возродиться», «переродиться), réagir (отреагировать), rebattre les oreilles (прожужжать уши), rebuter (оттолкнуть, отбивать охоту), rebrousser (взъерошить), recaler (завалить экзамен), receler (хранить краденое, укрывать), recapituler (повторить), recenser (производить перепись), réchapper (выходить целым и невредимым), rechigner (брюзжать), réciter (читать вслух), recommender (рекоммедовать), redresser (выпрямиться), regimber (лягаться), réjouir (радоваться), renchérir («переплюнуть», превзойти), rentrer (вернуться), reproduire (воспроизводить), réparer (исправить), regagner (наверстать), rejoindre (нагнать, догнать), ravoir (вернуть себе), remettre, remmener, remporter (вернуть в первоначальный вид, вернуть назад).

Некоторые производные слова с приставкой re- во французском языке приобретают оттенки значения, близкие к производным, но отличающиеся от него видовыми составляющими (совершенный/несовершенный вид, начинательное/терминативное значение). В русском языке для передачи этих значений часто используются следующие приставки: «пре-»: réformer – преобразовывать; «при-»: rattacher – присоединить, réadapter – приспосабливать, réconcilier – примирить, recoudre – пришивать, recourir – прибегнуть, redonner – придавать вид; «под-»: rattraper – подхватить; «от-»: rebondir – отскакивать, régresser – отступить, relâcher – отпустить, rejeter – отбросить; «воз-», «вос-»: (recommencer – возобновлять, récompenser – вознаградить, réconforter – взбадривать, recouvrer – возвращать, recréer – воссоздать, récrier – восклицать; «по-»[«по-до-], «под-»: rebrousser un chemin – поворачивать назад, réchauffer – подогревать, redoubler – повторить, relayer – подменить, reforcer – подкреплять; «раз-»: rechercher – разыскивать; «за-»: reboucher – затыкать, se reboucher – засориться, renfermer – заключать в себе, recourber – загибать, redevoir – задолжать, relacer – затянуть шнурки, reléguer – забрасывать, отсылать, renfoncer – заткнуть глубже; «в-, вы-»: выплескивать.

Семантическая внутриклассная транспозиция в большей степени коснулась класса слов, определенных нами во вторую подгруппу. Слова, которые образовались от латинских производных с приставкой re- на этапе с I по XVII вв. и не поддаются в настоящее время расчленению на составляющие, приобрели самостоятельное значение, не связанное с исходным.

В заключение хотелось бы подчеркнуть активный производный характер приставки re- в современном французском языке, который выражается в формировании с ее помощью неологизмов, как, например, relooker (от английского «придать новый внешний вид»), rebonjour и другие.

Библиографический список

1. *Сусов И.П.* Введение в теоретическое языкознание. Основы общей морфологии Основные единицы морфологического анализа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://homepages.tversu.ru/~ips/4_01.htm.

2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://subscribe.r/archive/job.lang.langue/200708/13102408.htm

3. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française «Le Nouveau Petit Robert». – Dictionnaires le Robert. – Paris, 2000. – 2105 p.

4. Русско-французский словарь / отв. ред. Л.В. Щерба. – М.: Русский язык, 1988. – 848 с.

УДК 811.161.1

Иванова Елена Николаевна
кандидат филологических наук
Вологодский государственный педагогический университет
el-ivan@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ТОПОНИМОВ (на материале деловой письменности Белозерья конца XIV–XV в.)*

В статье рассматриваются типы географических именований, зафиксированных в документах Кирилло-Белозерского монастыря конца XIV–XV в. Выявляется соотношение языковых и речевых номинаций в сфере топонимической лексики. Структура топонимических номинаций описывается с учетом вариативности географических именований в памятниках деловой письменности.

Ключевые слова: *топоним, топонимический тип, топонимическая модель, топонимическая дескрипция, апеллятив, деловая письменность.*

Центральным понятием, используемым при структурном анализе географических названий, является понятие топонимического типа. В современной ономастике структурный топонимический тип – это «группа топонимов, объединенных единством структуры, топонимической моделью, связанной с характером их возникновения» [7, с. 150]. Таким образом, типы топонимов современного русского языка вычленяются с учетом специфики словообразовательной структуры онимов, обусловленной способом появления топонимов как языковых единиц. Учитывая способ образования географического названия, В.А. Никонов выделяет в топонимии современного русского языка следующие топонимические типы: форма «чистой» основы, аффиксация, словосложение, словосочетание [5, с. 17].

Классификация топонимических типов, разработанная на основе анализа топонимов современного русского языка, не может быть применена к топонимам, отмеченным в памятниках письменности древнерусского языка. Это связано, прежде всего, со структурной спецификой географических названий данного периода. Как отмечает Ю.А. Карпенко, «древнерусская топонимия структурно отличалась от нарицательных значительно меньше, чем современная топонимия восточных славян» [2, с. 10]. Поэтому для разработки классификации структурных типов древнерусских географических названий принципиально важным оказывается вопрос о признании возможности существования переходных ономастических форм.

Исследователи ономастической системы языка признают относительность границ между именами собственными и нарицательными. Теоретическое обоснование проблемы определения границы между апеллятивами и онимами (топонимами) предложено в рамках полевого подхода к описанию ономастической системы [10].

Ю.А. Карпенко отмечает, что прежде чем стать именем собственным, языковая единица должна пройти субстантивацию, и подразделяет географические названия, отмеченные в «Повести временных лет», на несубстантивированные топонимы, прилагательные, как по происхождению, так и по употреблению (*на Болдиных горах*, *из Оковьскаго леса*), и топонимы-существительные: *на Смядине* (река), *Щековица* (гора), *Берестье* (поселение) [2, с. 8–9]. Ю.А. Карпенко также признает возможность переходного состояния географического наименования между отмеченными группами топонимов. С точки зрения исследователя, в сочетаниях географического наименования с препозитивным номенклатурным термином (*градъ Киевъ*, *градъ Юрьевъ*) «процесс субстантивации еще не завершился, и топонимы сохраняли в какой-то мере функции прилагательного» [2, с. 7].

Р. Мароевич, предложивший формально-грамматическую типологию древнерусских ойконимов, разграничивает аналитические формы, возникшие в результате топонимизации словосочетания (*съ Ивановым селом с Хороброва*, *Лучинъ город*), а также синтетические формы, возникшие в результате опущения определяемого существительного и субстантивации посессива (*Рогънедино*), суффиксации посессива (*Иваньица*), лексико-синтаксического словообразования (*Пирогощая*, *Иванъковая*) [3, с. 77–83].

Н.В. Подольская, исследовавшая микротопонимию Древнего Новгорода XI–XVI вв., различает однословные топонимы (*Камень*, *Спехово, Замикитье*) и топонимы-словосочетания (*Николино поле*, *пожня в Лости*) [6, с. 48]. В ряде работ, целью которых являлось изучение формирования и развития региональной топонимической системы, применительно к аналитическим образованиям типа *Николино поле* используется термин «топонимические эквиваленты» [4], [8].

Таким образом, исследователи признают существование в топонимике древнерусских памятников письменности двух групп географических названий, формальные различия между которыми касаются, прежде всего, вхождения или невхождения географического термина в состав топонима.

* Исследование подготовлено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (соглашение 14.B37.21.0036).

 © Иванова Е.Н., 2013

В данной работе структурные типы географических названий, зафиксированных в актовой письменности Белозерья конца XIV–XV в., выделяются с учетом функциональной специфики географических именований. Функционирование географических именований в древнейших письменных памятниках ранее не подвергалось изучению. Между тем продуктивность функционального подхода к исследованию древнерусских и старорусских онимов была убедительно доказана С.Н. Смольниковым [9].

Названия географических объектов, отмеченные в деловых текстах Белозерского края, не были однородными. В документах XIV–XV вв. для номинации географических объектов широко использовались описательные конструкции. Все многокомпонентные наименования можно разделить на две группы: устойчивые сочетания, получившие в закрепление в социолекте, и топонимические дескрипции, которые носили речевой характер и возникали в деловом тексте.

Устойчивые именования, функционировавшие в живой повседневной речи XV в., обычно включались в описание границ земельного владения, которое являлось объектом купли-продажи, дарения или обмена: *а отвод тои пустоши: от Кузьминские пустоши по Меленку по речку до бродку а к Журятину по старои огород Пружининскои…* (АСВР, 86, 1435–47). Устойчивые именования представляли собой словосочетание, в состав которого помимо географического термина входило согласованное определение или предложно-падежная форма.

Для устойчивых топонимических сочетаний характерна повторяемость, вариативность в текстах. В монастырских актах фиксируются составные именования *деревня Горнчарова* (АСВР, 223, 1473), *деревня Гущина* (АСВР, 223, 1473) и их варианты, в которых отсутствует согласование географического термина и определяемого прилагательного по роду: *дер. Горнчярово* (АСВР, 290, 1492), *дер. Гущино* (АСВР, 290, 1492). Таким образом, устойчивые именования могли служить базой для формирования собственно топонимов.

Именования деревень, пашенных, сенокосных угодий, пустошей могли создаваться в памятниках письменности. Исследуемые памятники письменности фиксируют большое количество многокомпонентных номинаций-дескрипций речевого характера: *…далъ есмь поустошь деревенкоу в Кивоице Петроковьскоую…* (АСВР, 104, 1448-70), *поженка Стожие в Захарьинском наволоце на Порозобици на реце* (АСВР, 32, 1397–1427). Наличие составных топонимических конструкций – отличительная особенность официально-делового стиля Новгородской земли [6]. Таким образом, использование описательных географических наименований в исследуемых текстах является результатом влияния деловой письменности Новгородской республики на язык и стиль документов Кирилло-Белозерского монастыря.

Описательные обороты, создаваемые в памятниках письменности, можно разделить на две группы. Первую группу составляют именования, включающие в свой состав компоненты апеллятивного характера. В подобных именованиях определение, предложно-падежная форма или предикативная конструкция присоединяется непосредственно к географическому термину: *наволок на реце на Шексне, что есмь купил у Андрея у Кормилицына* (Арх. еж., 2, 1430), *деревенька, что росеклъ на молоде Калинка, а у речьки у Тыкинки* (АСВР, 281, 1489–1506).

В текстах монастырских актов отмечены более сложные номинативные комплексы: *пожня от Толдовского озерка вниз до кривые березы, от тое березы прямо к Шохсне на краи Тресты* (АСВР, 39, 1397–1427), *пожня вниз по Шелекше левую сторону от Волоцкаго пути до реки до Порозобици* (АСВР, 334, 1499–1500). Данные именования довольно широко распространены в поземельных актах Белозерского края. В таких именованиях локативные определители выполняют функцию межевой формулы, которая в ряде актов представляет собой самостоятельное предложение (*А отвод тои пустоши от… до…*).

Вторую группу образуют именования, в которых апеллятивы присоединяются к топониму или устойчивому топонимическому сочетанию: *в Надпорожьи село Николское* (ДДГ, 80, 1486), *пустошька Окоемовская на речке на Чюрове на Пустой* (АСВР, 145, 1448–70), *деревня в Карголоме Горняя* (АСВР, 70, 1435–47), *деревня Новоселки на Угле* (АСВР, 242, 1476–82).

Для именования географических объектов в памятниках письменности использовались однословные топонимы, образованные по сформировавшимся топонимическим моделям. Высокой частотностью в текстах отличались посессивные образования с топоформантом *-ово/-ево, -ино*: *пустошь Михалево* (АСВР, 266, 1484), *деревня Сычево* (АСВР, 267, 1485). Топонимы на *-ово/-ево, -ино* могли создаваться прямо в тексте. Составители текстов «подравнивали» бытовые географические наименования под сложившуюся топонимическую модель: …дал яз, князь Михаило Андреевичь, в дом святей Богородице … *Пружинино*, да *Короневское*, да *Пробудово*, да *Шуклинское*, … да *Трофимово*, да *Полтино*, да *Добрилово*… (АСВР, 223, 1473).

Продуктивностью в монастырских актах отличались посессивные географические названия с суффиксами *-овск/-евск, -инск*: *деревня Захарьинская* (АСВР, 285, 1492), *пустошь Прокинская* (АСВР, 14, 1397–1427). Собственно топонимический характер формантов подтверждается наличи-

ем в документах образований с данными аффиксами, генетически не связанных с посессивными формами: *деревня Погореловская* (АСВР, 173, 1460–70), *Березниковская пустошь* (АСВР, 290, 1492), *огород Передовский* (АСВР, 290, 1492). Дополнительным свидетельством того, что к концу XV века уже действовала модель на *-овск/-евск*, *-инск*, является наличие в актах топонимов на *-иновск*, образованных в результате вторичной аффиксации: *Михеиновская деревня* (АСВР, 17, 1397–1427), *Чюпиновское дворище* (АСВР, 168, 1455–75).

В исследуемом материале отмечены многочисленные случаи варьирования топонимических формантов *-ов(о)/-ев(о), -ин(о)* и *-овск/-евск, -инск*: *пустошь Тарасово* (АСВР, 192, 1491) – *пустошька Тарасовская* (АСВР, 218, 1472), *дер. Кружково – дер. Кружковская* (АСВР, 296, 1496–1505), *Пищалинское селищо* (АСВР, 252, 1478–82) – *Пищалино селищо* (АСВР, 241, 1476–82). Как отмечает Ю.С. Азарх, «с наличием у ономастического форманта лишь разрядного значения связана вариативность формантов у собственных имен в пределах одного разряда» [1, с. 142]. Следовательно, в этот период вариантные форманты *-ов(о)/-ев(о), -ин(о)* и *-овск/-евск, -инск* уже не реализуют значения принадлежности, данные аффиксы осознаются как собственно ономастические вариантные форманты.

Складывание ономастических моделей подтверждается наличием в монастырских актах географических названий с формантом *-овск(ое)/-евск(ое)*, *-инск(ое)*: *пустошь Высоковское* (АСВР, 290, 1492), *дер. Сидоровское* (АСВР, 290, 1492). Образование топонимов на *–овск(ое)/-евск(ое)*, *-инск(ое)*, вероятно, произошло в результате действия аналогии (под влиянием топонимов на *-ово*/*-ево*, *-ино*).

В монастырской актовой письменности флексия среднего рода оформляет не только посессивные, но и локативные и квалитативные именования: *деревня Старое* (АСВР, 267, 1485), *починок Великое* (АСВР, 267, 1485), *пустошь Каменное* (АСВР, 259, 1481/82), *дер. Чяромьское* (АСВР, 290, 1492). Таким образом, флексия среднего рода в памятниках письменности играет роль универсального топонимического показателя.

В памятниках письменности Белозерского края однословные топонимы также представлены безаффиксными образованиями. Безаффиксные топонимы возникали в результате онимизации апеллятива: *деревня Кулига* (АСВР, 290, 1492), *село Борок* (АСВР, 307, 1453) *деревня Горка* (АСВР, 267, 1485) *дер. Подол* (АСВР, 290, 1492), *деревня Мыс* (АСВР, 285, 1492). В исследуемых текстах зафиксированы именования, в которых онимизация апеллятива сопровождается лексикализацией формы множественного числа: *деревня Липники* (АСВР, 267, 1485), *пожня Вязники* (АФЗХ, 309, 1511), *деревня Березники* (АСВР, 290, 1492). В белозерской актовой письменности XV в. отмечен топоним, возникший в результате процесса трансонимизации: *земля Мароозеро* (АСВР, 165, 1455).

В официально-деловой речи рассматриваемого периода наблюдается тенденция преобразования топонимов в топонимические дескрипции: *земля Прилук* (АСВР, 61, 1428–34) – *Прилуцкие земли* (АСВР, 61, 1428–34), *земля Липник* (АСВР, 164, 1455) – *земли Липенские* (АСВР, 164, 1455), *земля Мароозеро* (АСВР, 165, 1455) – *земли Мароозерские* (АСВР, 165, 1455). Топонимические сочетания, возникшие на базе безаффиксных топонимов, имели речевой характер. Они возникали и функционировали в рамках делового текста.

В исследуемых текстах выделяется группа составных топонимов, возникших в результате онимизации устойчивого топонимического сочетания, например, дер. *Красная Горка* (АФЗХ, 307, 1453), дер. *Глухая Лохтина* (АСВР, 260, 1482). Устойчивые сочетания *Красная Горка, Глухая Лохтина* отличаются высокой степенью спаянности элементов. Это подтверждается наличием вариантов именований в текстах: земля *Глухие Лохтины* (АСВР, 290, 1482), дер. *Красные горки* (АФЗХ, 309, 1511). В монастырских актах также зафиксированы конструкции: земля *Парфеньевская деревня* (АСВР, 168, 1455–75), деревня *починок Михеев* (АСВР, 267, 1485), пустошка *селищко Судоковское* (АСВР, 173, 1460–1470) и т.д.

Таким образом, в памятниках деловой письменности Белозерья конца XIV–XV в. для именования географических объектов использовались топонимы, образованные по сформировавшимся топонимическим моделям, и описательные именования, которые представляли собой устойчивые топонимические словосочетания или топонимические дескрипции речевого характера. Топонимические дескрипции могли включать в свой состав только апеллятивы или апеллятивы и собственно топонимы (устойчивые топонимические сочетания).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что создание структурной типологии древнерусских географических наименований требует решение вопроса о соотношении языковых и речевых номинаций в сфере топонимической лексики памятников письменности. При вычленении топонимических типов также необходимо учитывать вариативность географических названий, которая в одних случаях отражает естественный процесс формирования онимов, в других – является следствием искусственного преобразования топонимических единиц.

Сокращения

Арх. еж. – Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Археографический ежегодник. – М., 1970.

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II. – М., 1958.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. I. – М., 1951.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей 14–16 вв. – М.-Л., 1950.

Библиографический список

1. *Азарх Ю.С.* Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. – Вологда: ВГПУ, 1980. – С. 137–144.

2. *Карпенко Ю.А.* Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // Изучение географических названий. – М.: Мысль, 1966. – С. 7–18.

3. *Мароевич Р.* Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3. – С. 76–88.

4. *Матей Л.П.* Русская ойконимия с точки зрения семантической и структурной эволюции // Формирование и развитие топонимии. – Свердловск: УрГУ, 1987. – С. 44–59.

5. *Никонов В.А.* Славянский топонимический тип // Географические названия. – М.: Географгиз, 1962. – С. 17–34.

6. *Подольская Н.В.* Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности // Микротопонимия. – М.: Наука, 1967. – С. 39–50.

7. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

8. *Приображенский А.В.* Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2003.

9. *Смольников С.Н.* Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 426 с.

10. *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 171 с.

УДК 803

Клиенкова Ирина Борисовна

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

irina.klienkova@mail.ru

НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ НА УРОВНЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ (на материале швейцарского варианта немецкого языка)

В данной статье рассматриваются проблемы нормы и вариативности в языке на уровне словосочетания с точки зрения грамматического оформления субстантивных словосочетаний с первым компонентом – счётным существительным на материале немецкоязычной прессы Швейцарии.

Ключевые слова: *языковая норма, вариативность, субстантивные словосочетания, виды подчинительной связи, генитивное управление, предложное управление, согласование, примыкание.*

Одним из необходимых условий функционирования естественного языка является варьирование. Вариативность свойственна языковым единицам всех уровней. Однако нельзя не учитывать, что возможность возникновения и сосуществования вариантов обусловлена нормой. До сих пор лингвисты, занимающиеся вопросами нормы, изучали преимущественно парадигматические свойства отдельного слова. Но исследования грамматической нормы и вариативности на синтаксическом уровне имеют не меньшее значение, чем рассмотрение и оценка вариантов на уровне слова.

К.С. Горбачевич подчёркивает, что «признаками синтаксических вариантов на уровне словосочетания служат: а) тождество грамматического значения и грамматической модели; б) материальное (лексическое) совпадение главного компонента (грамматического центра) словосочетаний. Основное формальное различие таких вариантов заключается или в несовпадении только грамматической формы зависимого компонента или в несовпадении грамматической формы зависимого компонента и служебного слова, а также при наличии / отсутствии служебного слова. <…> Такой подход, обеспечивая рассмотрение синтаксической вариантности в плане выражения потенциальных конструктивных особенностей отдельных слов и отношений взаимного возмещения, способствует ограничению и обозримости объекта, создаёт условия не только для грамматической интерпретации этих фактов, но и для их лексикографической кодификации» [1, с. 67].

В современном немецком языке субстантивные словосочетания с количественным значением, т.е. словосочетания, состоящие из двух существительных, одно из которых имеет количественное значение (S quant.), могут быть организованы при помощи нескольких синтаксических моделей: «1) согласования обоих существительных в падеже (S quant. (nom.---akk.) + S nom.---akk.), ср.: in einem Glas (warmem) Wasser; 2) генитивного управления (S quant. + S gen.), ср.: ein Eimer (eiskalten) Wassers; 3) предложного управления с предлогом von (S quant. + von + S dat.), ср.: Scharen von Menschen; 4) предложного управления с предлогом an

© Клиенкова И.Б., 2013

(S quant. + an + S dat.), ср.: ein Übermaß an Freisch; 5) предложного управления с предлогом von, где существительное с количественным значением является вторым компонентом (S abstr .+ von + S quant.(dat)), ср.: eine Höhe von 10 Kilometern; 6) конструкции с voll (voller) S quant. + voll/voller + S gen./dat., ср.: ein Teller voll schwarzer Bohnen, eine Tüte voll totem Fisch.» [2]. Е.С. Кутасина и М.В. Раевский установили, что «набор синтаксических моделей с общим значением количества, частотность их употребления, а также отношения, в которых они находятся между собой, различается в разных семантических группах словосочетаний с количественным значением» [2].

Вариантность в выборе синтаксической модели наблюдается и в квантитативных субстантивных словосочетаниях с первым компонентом – счётным существительным. Авторитетная грамматика Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle рекомендует в данном вопросе следующее:

1) для ein Paar – генитивное управление или согласование, при этом обращается внимание на тот факт, что генитивное управление употребляется реже, например: *ein Paar neue Schuhe/ (selten) neuer Schuhe; mit zwei Paar seidenen Strümpfen/ (selten) seidener Strümpfe* [4, с. 643].

2) для ein Dutzend – только согласование, например: *ein Dutzend hart gekochte Eier, mit drei Dutzend frischen Eiern*. Для Dutzende – предложное управление или согласование, и очень редко генитивное управление, например: *mit Dutzenden kleinen Fahnen / mit Dutzenden von kleinen Fahnen/ (selten) mit Dutzenden kleiner Fahnen* [4, с. 246].

3) для Hundert / Hunderte и Tausend / Tausende отмечается, что генитивное управление встречается сегодня редко и, как правило, вытесняется предложным управлением с von, например: …*Wir befragten Hunderte von berufstätigen Jugendlichen/ Hunderte berufstätiger Jugendlicher (selten) . Sie erwarteten die Beteiligung vieler Tausende von ausländischen Studenten / vie-ler Tausende ausländischer Studenten (selten).*Часто используется и согласование, например: *DerProtest von Hunderten randalierenden Zuschauern störte sie nicht. / Es beteiligten sich Tausende ausländische Studenten* [4, с. 436].

4) для Million / Milliarde – как генитивное управление, так и согласование: *eine Million neu erbauter Häuser/ eine Million neu erbaute Häuser.*

Для Millionen / Milliarden, наряду с согласованием и генитивным управлением, может быть использовано и предложное управление, например: *Millionen hungernder Menschen/ Millionen hungernde Menschen/ Millionen von hungernden Menschen* [4, с. 596].

Изучив употребление распространённых субстантивных квантитативных словосочетаний (Nomenquant+Adj.+Nomen) с первым компонентом – счётным существительным в современной прессе Германии Э.Л. Шубина делает вывод, что в данных словосочетаниях лидирует такой вид подчинительной связи, как согласование, далее следует генитивное управление, и только небольшую группу составляют словосочетания данного типа, оформленные с помощью предложного управления [3]. То есть генитивное управление, исходя из данных, полученных Э.Л. Шубиной, не является редким видом связи, как об этом говорится в грамматике Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle, в то время как к такому виду связи, как предложное управление в таких словосочетаниях в прессе прибегают достаточно редко. Это указывает на наличие отклонений от рекомендуемых норм.

В связи с этим возникает вопрос, существуют ли какие-либо отклонения от рекомендуемых авторитетными грамматиками норм в швейцарском варианте немецкого языка. Следует заметить, что малый синтаксис немецкого литературного языка в Швейцарии до сих пор остаётся малоизученным, ибо все проводимые до сих пор исследования касались, в первую очередь, фонетических и лексических особенностей немецкого языка Швейцарии, а такая тема как организации субстантивных квантитативных словосочетаний ещё не становилась предметом исследования.

Наиболее объективную картину о состоянии данной проблематики в современном языке наилучшим образом может дать именно пресса, поскольку «массовый характер прессы, а также разнообразие представленных в ней типов и жанров обеспечивают отражение в периодических изданиях основных литературных вариантов грамматического оформления рассматриваемых... конструкций» [3].

По частотности употребления из всех типов субстантивных квантитативных словосочетаний выделяются словосочетания, первый компонент которых является счётным существительным, например ein Paar, Dutzend, Hundert, Tausend, Million, Milliarde, Billion, Dutzende, Hunderte, Tausende, Millionen, Milliarden, Billionen. Данные словосочетания и стали предметом нашего исследования по материалам современной прессы Швейцарии Basler Zeitung Online, Basellandschaftliche Zeitung Online, Jungfrau Zeitung Online, Neue Luzerner Zeitung Online, Neue Zürcher Zeitung Online, Zürcher Oberländer Online.

Е.С. Кутасина и М.В. Раевский отмечают, что «счётные существительные по своему значению близки к числительным. Их отличие от последних заключается в том, что они характеризуют предмет как совокупность, в то время как числительные указывают на их единичность, обособленность друг от друга» [2].

Говоря о значении первого компонента такого вида словосочетаний, следует заметить, что в сло-

варях немецкого языка для существительных Hundert, Tausend, Million дается два значения, например:

das Hundert – 1. (PL. Hundert) eine Menge von hundert Personen od. Dingen;

2. (Pl. Hunderte) nur PL. Eine sehr große Menge von Personen od. Dingen [5, c. 496].

das Tausend, –s, -/e; eine Menge von tausend Personen od. Dingen.

Tausende Pl; eine sehr große Menge von Personen od Dingen [5, c. 957].

Die Million, -, -en; 1. tausend mal tausend;2.(Pl.) eine riesige Anzahl od. Summe von … [5, c. 653].

Таким образом, Hundert, Tausend, Million – это имена существительные, обозначающее определённое число, а существительные Hunderte, Tausende, Millionen обозначают неопределённое большое количество.

das Dutzend, -s, -/e; 1. (PL. Dutzend), veraltend: eine Menge von zwölf Stück derselben Art; 2. (Pl. Dutzende) nur Pl. Verwendet, um eine relativ große Zahl von Personen/Sachen auszudrücken [5, c. 246]. Форма множественного числа Dutzend употребляется как существительное с точным значением, в то время как форма Dutzende – в значении неопределённого относительно большого количества.

Das Paar (Pl. Paar) – zwei Dinge, die zusammengehören (z.B. ein, zwei, drei Paar handschuhe, Ohrringe, Schuhe, Strümpfe, Würstchen) [5, c. 722].

Поскольку флексии у большинства падежных форм второго компонента субстантивных квантитативных словосочетаний типа Squant+S не представлены, то для анализа такого вида словосочетаний следует обратиться к случаям, когда второй член данного словосочетания мужского или среднего рода стоит в Genitiv или во множественном числе в Dativ или когда второй компонент – существительное слабого склонения.

В ходе сплошной выборки примеров нам не встретились словосочетания Squant+S, второй компонент которых стоит в Genitiv или выражен существительным слабого склонения, однако примеры существительных в качестве второго компонента в Dativ Plural позволяют однозначно определить вид подчинительной связи, с помощью которого организовано всё словосочетание, например: *mit tausend Besserwisser**n*** [6]. В этом примере речь идёт о согласовании, так как первый и второй компонент словосочетания стоят в одном и том же падеже. Что касается такого вида подчинительной связи как предложное управление, следует обратить внимание на тенденцию отсутствия показателя *-n*, характерного для существительных в Dativ Plural, например: *Millionen von Steuergelder**n*** [6], но *Hunderte von interessierten Besucherinnen und Besucher* [6].

Наиболее чёткая и понятная картина появляется при рассмотрении субстантивных квантитативных словосочетаний с первым компонентом – счётным существительным, когда второй компонент выражен либо субстантивированным прилагательным или причастием, либо существительное второго компонента распространено прилагательным или причастием, т.е. второй компонент выражен комбинацией прилагательное / причастие + существительное. Рассмотрим сначала словосочетания, в которых второй член выражен субстантивированным прилагательным или причастием. Среди анализируемых субстантивных квантитативных словосочетаний с первым компонентом ein Paar нам не встретились такие, которые имели бы в качестве второго компонента субстантивированные прилагательные или причастия.

Словосочетания с первым компонентом ein Dutzend, где второй компонент выражен субстантивированным прилагательным или причастием, обнаруживают следующие способы грамматического оформления: около 75% рассмотренных словосочетаний оформлены с помощью согласования: *vor rund **zwei Dutzend Anwesenden***. [7] и только 25% – при помощи генитивного управления: ***ein Dutzend Jugendlicher*** [7].

В словосочетаниях с первым компонентом ein Hundert, ein Tausend, eine Million и eine Milliarde, в которых второй компонент выражен субстантивированным прилагательным или причастием, используется преимущественно такой вид подчинительной связи как согласование, например: *mehr als **hundert Freiwillige*** [8], *mit **tausend Angestellten*** [8], ***mit einer Million Bedürftigen*** [9], *über **eine Milliarde Reisende** pro Jahr.* [10]. И только небольшое число словосочетаний с первым компонентом eine Million и eine Milliarde (примерно 25%) оформлено с помощью генитивного управления, например: ***eine weitere halbe Million Jugendlicher*** [10], *Beinahe **eine Milliarde Unterernährter.*** [10]

Таким образом, субстантивные квантитативные словосочетания с первым компонентом счётным существительным, обозначающим точное число, и вторым компонентом – субстантивированным прилагательным или причастием оформляются, в основном, с помощью такого вида подчинительной связи как согласование. В ходе анализа нам встретилось несколько примеров генитивного управления и ни одного примера, в котором словосочетание было бы оформлено с помощью предложного управления.

Теперь рассмотрим словосочетания данного типа, в которых первый компонент является счётным существительным, обозначающим не точное число, как в выше описанных примерах, а неопределённое относительно большое количество: Dutzende, Hunderte Tausende, Millionen, Milliarden а второй компонент – субстантивированное прилагательное или причастие.

В ходе анализа было установлено, что такие словосочетания с первым компонентом – Dutzende и Hunderte организованы при помощи предложного управления: ***Dutzende von Schaulustigen*** [11], ***Hunderte von Gläubigen*** [11]. Однако в словосочетаниях с первым компонентом Hunderte встречается и согласование: ***Hunderte Schaulustige*** [11]. В словосочетаниях с первым компонентом – Tausende на равных господствуют два вида подчинительной связи: предложное управление (на один пример больше): ***Tausende von Verletzten*** [11] и согласование: ***tausende Selbständige*** [12]. Необходимо заметить, что ни в одном из примеров нам не встретились словосочетания данного типа, оформленные с помощью генитивного управления.

Словосочетания с первым компонентом – Millionen и Milliarden, а вторым – субстантивным прилагательным или причастием были организованы на ос-нове согласования, например: ***rund fünf Millionen Berechtigte*** [13], *rund* ***1, 25 Milliarden Reisende*** [13].

Таким образом, субстантивные квантитативные словосочетания с первым компонентом счётным существительным, обозначающим неопределённое относительно большое количество и вторым компонентом – субстантивированным прилагательным или причастием оформляются в основном с помощью такого вида подчинительной связи как предложное управление. При этом для словосочетаний с первым компонентом – Tausende наравне с предложным управлением также активно используется согласование, тогда как в словосочетаниях с первым компонентом – Hunderte только иногда прибегают к согласованию, а в словосочетаниях с первым компонентом Millionen и Milliarden используется только один вид подчинительной связи – согласование.

В субстантивных квантитативных словосочетаниях с распространенным вторым компонентом прилагательное/причастие + существительное наблюдается следующая тенденция грамматического оформления.

В конструкциях с первым компонентом ein Paar доминирует согласование: ***ein Paar brandneue Stöcke*** [14]. Однако в ходе исследования нам встретился один пример, в котором словосочетание данного типа было оформлено с помощью генитивного управления, и еще один пример – на примыкание. Генитивное управление: ***mit einem Paar prächtiger Bettsocken*** [15]. Примыкание: **mit einem Paar bequeme Turnschuhe** [16].

В конструкциях с Dutzend преобладает согласование: ***mit rund drei Dutzend weiteren Frühlingsblumen*** [16]. Генитивное управление представлено ограниченным количеством примеров: ***ein Dutzend selbst gebastelter Bomben*** [17]. Некоторые словосочетания данного типа связаны с помощью предложного управления, например: ***ein gutes Dutzend von möglichen Holzwerken*** [18].

Словосочетания с первым компонентом Hundert оформлены исключительно с помощью согласования, например: ***mehrere Hundert griechische Politiker*** [19]. В конструкциях с первым компонентом Tausend чаще всего используют согласование: ***mit Tausend anderen Dingen*** [19]. Иногда прибегают к генитивному управлению, например: ***einige Tausend glänzender Maschinen*** [20].

В конструкциях с первым компонентом eine Million и eine Milliarde доминирует согласование (примерно 67%): ***von einer halben Million «multikultu-rellen Verrätern»*** [21], ***eine Milliarde zusätzlicher Gewinn*** [22]. Однако около 33% таких словосочетаний организовано с помощью генитивного управления, например: ***eine Million verkaufter Alben*** [22], ***eine halbe Milliarde registrierter Mitglieder*** [23].

Контитуенты конструкции с первым компонентом eine Billion связываются между собой с помощью согласования, например: ***eine Billion faule Kredite*** [23].

В словосочетаниях с первым компонентом счётным существительным, обозначающим некоторое относительно большое число, и вторым распространенным компонентом доминирует предложное управление: ***Hunderte von tropischen Schmetterlingen*** [24]**.** Чуть реже, но всё-таки достаточно часто, используют согласование: ***Tausende tote Fische*** [24] и лишь иногда прибегают к генитивному управлению: ***Tausende fähiger Studenten*** [25]. Следует, однако, заметить, что в словосочетаниях с первым компонентом – Millionen преобладает согласование (до 80%): ***31 Millonen nicht versicherte Amerikaner*** [25]. И только 20% приходится на предложное управление: ***Millionen von neuen Arbeitsstellen*** [25]. Похожее соотношение 80:20 наблюдается в синтаксических моделях словосочетаний с первым компонентом – Milliarden. Лидирующие позиции занимает (как и в словосочетаниях с первым компонентом Millionen) – согласование: ***40 Milliarden zusätzliche Steuereinnahmen*** [26]. Однако 20% приходится на такой вид подчинительной связи как генитивное управление: ***von Milliarden «solidarisch» bereitgestellter Steuergelder*** [26]. В конструкциях с первым компонентом – Billionen используется только согласование: ***von insgesamt 7, 2 Billionen taiwanischen Dollar*** [23].

Таким образом, всё изложенное выше свидетельствует, с одной стороны, о том, что подтверждается тенденция, выявленная Э.Л. Шубиной при анализе словосочетаний данного типа на материале прессы Германии: «в словосочетаниях с первыми компонентами, выраженными существительными Dutzend, Hundert, Tausend, Million, Milliarde, Billion, обозначающими точное число, доминирующим вариантом является конструкция с согласованием» [3]. Так как данные счётные существитель-

Таблица 1

Грамматическое оформление субстантивных квантитативных сочетаний Squant + Adj. + S с первым компонентом – счётным существительным в прессе Германии и Швейцарии.

ВИД ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ								
первый компонент словосочетания	согласование в прессе Швейцарии	согласование в прессе Германии	генитивное управление в прессе Швейцарии	генитивное управление в прессе Германии	предложное управление в прессе Швейцарии	предложное управление в прессе Германии	примыкание в прессе Швейцарии	примыкание в прессе Германии
ein Paar	90%	75%	5%	25%	--------	---------	5%	------
Dutzend	77%	48%	21%	52%	2%	---------	------	------
Dutzende	23%	50,00%	--------	45,00%	77%	5%	-----	-------
Hundert	100,00%	85,00%	----------	15,00%	----------	----------	------	-------
Hunderte	15,00%	30%	5,00%	65%	80,00%	5%		
Tausend	95%	85,00%	5%	15%	-----	----------	-----	--------
Tausende	33%	30%	7%	65%	60%	5%		
Eine Million	67%	85,00%	33%	15%	--------	--------	-----	--------
Millionen	80%	30%	-------	65,00%	20,00%	5,00%	-------	-------
Eine Milliarde	67,00%	85,00%	33,00%	15%	---------	---------	--------	--------
Milliarden	80,00%	30%	20,00%	65%	--------	5,00%	-------	
Eine Billion	100%	85,00%	-------	15,00%	--------	----------	-----	-------
Billionen	100%	30%	------	65,00%	-------	5%	----	------

ные рассматриваются как числительные, то и следующие за ними вторые компоненты словосочетания согласуются с ними по законам числительных, т.е. второй конституент стоит в том же падеже, что и первый, например, ср.: 100 neue Mitarbeiter и Hundert neue Mitarbeiter. С другой стороны, на лицо расхождения в тенденциях употребления того или иного вида подчинительной связи в прессе Германии и Швейцарии в словосочетаниях исследуемого типа, когда первый компонент выражен существительными Dutzende, Hunderte, Tausende, которые обозначают неопределённое большое количество: в Германии – генитивное управление, в Швейцарии – предложное управление. Однако следует заметить, что в конструкциях с первыми компонентами Million/Millionen, Milliarde/Milliarden, Billion/Billionen чаще всего используется согласование.

Библиографический список

1. *Горбачевич К.С.* О норме и вариантности на синтаксическом уровне (колебания в формах управления) // Вопросы языкознания». – 1977. – № 2. – С. 64–73.

2. *Кутасина Е.С. Раевский М.В.* Еще раз о виде подчинительной связи словосочетаний типа ein Liter Wasser и падежной форме их второго компонента // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1985. – № 2. – С. 48–56.

3. *Шубина Э.Л.* Вопросы изучения субстантивных словосочетаний (на материале немецкого языка) // Вестник Воронежского государственного университета. – 2005. – № 2. – С. 141–143.

4. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. – 953 p. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)

5. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. 5. Aufl.-Berlin: Langenscheidts, 1997. – 1183 p.

6. Vermögen in drei Formen anlegen // Zürcher Oberländer. – 17.06.2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zol.ch/news/standard/Vermoegen-in-drei-Formen-anlegen/story/20085471 (дата обращения: 30.04.2013)

7. Wohin mit den Kindergartenkindern und Schülern? // Jungfrau Zeitung. – 11.03.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/109635/ (дата обращения: 15.03.2013)

8. 500 Rosen und ein internationales Buffet // Zürcher Oberländer. – 20.03.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zol.ch/bezirk-pfaeffikon/illnau-effretikon/500-Rosen-und-ein-internationales-Buffet/story/13549022 (дата обращения: 01.03.2013)

9. Die Uno rechnet mit einer Million Bedürftigen // Neue Luzerner Zeitung. – 07.03.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.luzernerzeitung.ch/nachrichten/international/

international-nzz/Die-Uno-rechnet-mit-einer-Million-Beduerftigen;art 72,80771 (дата обращения: 21.02.2013)

10. Kampfansage an steigende Agrarrohstoffpreise // Neue Luzerner Zeitung. – 23.06.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.luzernerzeitung.ch/nachrichten/ wirtschaft/ wirtschaft-nzz/Kampfansage-an-steigende-Agrarrohstoffpreise; art69, 101729 (дата обращения: 25.01.2013)

11. Eine Illumination für die Jubilarin // Jungfrau Zeitung. – 22.07.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/ 95955/ (дата обращения: 01.02.2013)

12. Grosse Offensive gegen Lohndumping beim Aufbau der Baselworld // Basellandschaftliche Zeitung. – 12.03.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.baselland schaftlichezeitung.ch/wirtschaft/grosse-offensive-gegen-lohndumping-beim-aufbau-der-baselworld-126230933 (дата обращения: 30.03.2013)

13. Reserve «Reformpolitik» // Neue Zürcher Zeitung. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:: http://www.nzz.ch/aktuell/international/perserve-reformpolitik-1.18048083 (дата обращения: 27.03.2013)

14. Bewaffnet mit Abfallsack und Plastikhandschuhen Jungfrau Zeitung. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.jungfrauzeitung.ch/ artikel/ 112315 (дата обращения: 30.03.2012)

15. 10 Jahre Chorgemeinschaft mit dem Chor Staufberg // Basellandschaftliche Zeitung. – 18.02.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www . basellandschaft lichezeitung.ch/ beitrag/lesebeitrag/10-jahre-chorgemeinschaft-mit-dem-chor-staufberg – 126080561

16. Nadia Renner // Jungfrau Zeitung. – 03.10.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/ 58999/ (дата обращения: 21.02.2012)

17. Schlag gegen Terroristen in Jakarta // Neue Zürcher Zeitung. – 15.03.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nzz.ch/aktuell/ international/schlag-gegen-terroristen-in jakarta – 1.18047468 (дата обращения: 31.03.2013)

18. Die Axt im Hause.... // Jungfrau Zeitung. – 21.03.2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jungfrauzeitung.ch/aktuell/11016/ (дата обращения: 13.02.2012)

19. Banken bestätigen griechischen Politikern ihre weisse Weste nicht // Basler Zeitung. – 15.09.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// bazonline.ch/wirtschaft/Banken-bestaetigen-griechischen-Politikern-ihre-weisse-Weste-nicht/ story/13806209 (дата обращения: 29.03.2013)

20. Nachfrage nach Cowboy-Romantik trotz Euro-Fieber // Jungfrau Zeitung. – 26.06.2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.jungfrauzeitung.ch/artikel/ 85862/ (дата обращения 12.01.2013)

21. Mit Atomterror gegen «multikulturelle Verräter» // neue Luzerner Zeitung. – 26.07.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:: http:// www.luzernerzeitung.ch/nachrichten/ international/ international-nzz/Mit-Atomterror-gegen-multikulturelle-Verraeter; art72,107216 (дата обращения: 20.03.2013)

22. Parlament bestätigt seine Steuerpolitik // Neue Luzerner Zei-tung. – 29.01.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.luzernerzeitung.ch/nachrichten/ zentralschweiz/ luzern/Parlament-bestaetigt-seine-Steuerpolitik;art92,234985 (дата обращения: 30.03.2013).

23. Europas Banken sollen über eine Billion faule Kredite horten // Neue Luzerner Zeitung. – 21.08.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.luzernerzeitung.ch/nachrichten/wirtschaft/ wirtschaft-sda/Europas-Banken-sollen-ueber-eineBillion-faule-Kredite-horten;art46442,193616 (дата обращения: 13.02.2013).

24. Tausende tote Fische verbreiten in Island bestialischen Gestank // Basellandschaftliche Zeitung. – 07.02.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.baselland schaftlichezeitung.ch/ international/tausende-tote-fische-vertreiben-in-island-bestialischen-gestank-126020978 (дата обращения: 28.03.2013).

25. Mut, unsere Stärken zu zeigen // Jungfrau Zeitung. – 01.08.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/ 67453/ (дата обращения: 15.01.2013).

26. 40 Milliarden zusätzliche Steuereinnahmen in Deutschland // Neue Luzerner Zeitung. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www. luzernerzeitung.ch/ nachrichten/wirtschaft/wirtschaft-nzz/40-Milliarden-zusaetzliche-Steuereinnahmen-in-Deutschland;art69,127548 (дата обращения 22.03.2013).

УДК 80

Самарин Дмитрий Александрович
Филиал Байкальского государственного университета Экономики и права, Якутск
dsamarin2011@yandex.ru

В.А. БОГОРОДИЦКИЙ О ЛИНГВИСТИКЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ПРОГРЕССЕ

В статье показаны эволюционные взгляды В.А. Богородицкого на развитие языка, культуры и науки. Идеи русского учёного представлены в сравнении с суждениями отечественных и зарубежных лингвистов. Несомненное достоинство концепции В.А. Богородицкого – определение им уровня активности говорящего и слушающего в процессе речи. Определена роль историзма в глоттогенетической теории В.А. Богородицкого.

Ключевые слова: *речь, язык, говорящий, слушающий, компаративистика, прогресс, историзм, мысль, словообразование, понятие.*

Формирование человеческой речи непосредственно связано с созданием и развитием культуры. Ещё Ф. Энгельс говорил о появлении человека из обезьяны благодаря созданию и совершенствованию орудий труда. А при их наличии люди смогли создавать продукты материальной культуры – жилища, одежду, пищу, другие орудия. Пропорциональный рост индивидуального опыта и потребностей привёл к созданию духовной культуры – религии, науки, искусства, нравственных отношений и политики.

Изучением речи и её влиянием на развитие науки интенсивно занимались российские учёные-языковеды. Ф.М. Березин в «Истории русского языкознания» совершенно справедливо писал: «Прогрессивные тенденции русской философии отразились на философском осмыслении выдающимися русскими языковедами конца XIX в. сущности и задач языкознания, постановке ряда лингвистических проблем и предопределили в ряде случаев материалистическое их решение» [1, с. 123].

Творческую, эволюционную роль языка подробно рассматривал известный казанский лингвист В.А. Богородицкий (1857–1941). В процессе создания речи или в разговоре принимают участие две стороны: говорящий и слушающий. В этом проявляется их активная деятельность, на что указывал исследователь: «Так как, далее, словесное творчество говорящего, воплощая в слове новые комбинации идей, всё-таки оставляет многое не высказанным, то творчество слушающего должно дополнять эти пробелы, а это легко ведёт к частичному непониманию, тем более что представления и понятия каждого складываются своим путём и потому не могут быть у разных лиц вполне тождественными» [2, с. 4].

Деятельность участников разговора В.В. Виноградов и В.Г. Костомаров оценивали как разные по уровню активности явления. Несходство говорящего и слушающего в оценке вариантов связано с тем, что слушающий более пассивен (его роль сводится к восприятию речи, могущей не соответствовать его ожиданиям). В статье «Теория советского языкознания и практика обучения русскому языку иностранцев» авторы указывали: «Понимание обеспечивается в такой ситуации тем, что и говорящий, и слушающий базируются на системе норм, а у слушающего подразумевается знание не только норм, свойственных его собственной речи, но и всего фактического употребления с его вариантностью (более широкой, чем литературная стилистико-функциональная и собственно языковая вариантность), «неправильностями и ошибками»» [4, с. 13].

С учётом этих мнений не вызывает сомнения то, что процесс речи представляет собой творческое явление. В своих «Лекциях по общему языковедению» В.А. Богородицкий отмечал, что и у детей, приобретающих речь, он не является простым усвоением материала, поскольку дети, усваивая одни слова, пробуют образовывать по ним новые. Поскольку словесное творчество говорящего оставляет многое невысказанным, эта недосказанность восполняется деятельностью слушающего.

Ещё в работе «Опыт анализа мексиканского языка» немецкий лингвист и философ Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) утверждал, что каждый отдельный язык представляет человеческий дух, но ввиду его принадлежности определённой нации и обладания определённым характером этот дух представлен лишь односторонне. Для выяснения языковой творческой роли в обществе Вильгельм фон Гумбольдт считал необходимым провести не просто взаимное сопоставление нескольких языков, но и, по возможности, охватить все известные языки. Учёный писал: «Лишь тогда в нашем распоряжении будут все данные, которые следует передать истории философии для того, чтобы проверить её наблюдения над духовным прогрессом человечества, или для того, чтобы они послужили опорой и базой этих наблюдений» [5, с. 364]. Подобно Вильгельму фон Гумбольдту, В.А. Богородицкий придавал сопоставлению языков большое значение.

Особый вклад в компаративистику внесли следующие труды В.А. Богородицкого: «Курс сравнительной грамматики индоевропейских языков», «О преподавании русской грамматики в татарской школе», «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию». В методике обучения русскому языку как иностранному широко применяется разработан-

© Самарин Д.А., 2013

ная русским языковедом система обучения русской фонетике, строящаяся на данных сопоставительного анализа звуковой системы русского и татарского языков, полученного вследствие экспериментальных исследований.

Взгляды В.А. Богородицкого на соразмерность прогресса языка и общества продолжают идеи Вильгельма фон Гумбольдта, изложенные в труде «Характер языка и характер народа». Немецкий лингвист заявлял: «В области самого мышления действие языка исключает всякую остановку в каком-либо достигнутом пункте» [6, с. 375]. Он считал нахождение истины и определение законов развития свободными от языка, который и побуждает людей к развитию внутренних сил. В книге «Humboldt, Worldview and Language» Дж.У. Андерхилл подчёркивал: «Язык может рассматриваться как форма проекта, который движется в пределах своих личных эмоциональных, умственных и духовных потребностей к большему улучшению в своей форме выражения» [11, p. 84].

Идеи Вильгельма фон Гумбольдта и В.А. Богородицкого соотносятся с мыслями А.М. Пешковского (1878–1933), различавшего в лингвистике субъективную и объективную стороны. Этот исследователь языка считал правомерным включать языкознание в круг не гуманитарных, а естественных наук. Гуманитарным наукам он придавал черты индивидуального, личного субъективизма. Учёный полагал, что ни одной гуманитарной науке, кроме, возможно, психологии, не обойтись без понятия прогресса не только в эволюционном, но и в культурно-историческом и этическом значении. В статье «Объективная и нормативная точка зрения на язык» он указывал: «Понятие языкового прогресса в нём целиком заменяется понятием языковой эволюции. Если в начальном периоде нашей науки и были оживлённые споры о преимуществах тех или иных языков или групп языков друг перед другом (например, синтетических перед аналитическими), то в настоящее время эти споры приумолкли» [8, с. 232]. Признание совершенства в языке он связывал с выражением в нём национального духа.

Историзм в языке заставляет видеть его в движении. Другой выдающийся русский лингвист, И.И. Мещанинов (1883–1967), во введении к работе «Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии строя предложения» напоминал: «Это движение устанавливалось ещё Гумбольдтом, по словам которого язык есть не дело (έργον), не мёртвое произведение, а деятельность (ενέργεια)» [7, с. 27].

Несомненно, что прогресс языка тесно связан с историзмом, с прогрессом цивилизации, поскольку появление у людей новых идей и понятий непременно сопровождается появлением новых слов и выражений. Совершенно неслучайно, поэтому, В.А. Богородицкий назвал язык летописью пережитой культурной и социальной истории народа. Следствием такой традиции объясняется любовь каждого народа к своему языку; формирование и изложение мыслей у каждого человека легче и лучше происходит на языке, привычном ему с детства. В связи с такой культурообразующей ролью языка В.А. Богородицкий справедливо утверждал: «Поэтому-то угнетение языка народности было бы не только тем несправедливым и жестоким запретом на свободу слова, который столь художественно представлен гр. А. Толстым в его поэме “Иоанн Дамаскин”, но сопровождалось бы ущербом и вообще для человеческой культуры» [2, с. 6].

Различие языков и менталитетов русский учёный аргументировал несовпадением образования и значения сходных слов-понятий в разных языках. Например, русское слово «причина» и немецкое слово «Ursache» не идентичны, а представляют определённые различия по своему смысловому оттенку (в немецком языке есть ещё в синонимичные слова Grund и Anlaß). Отсюда следует, что различие языков обусловливает различные способы выражения одного значения, что говорит в пользу плюралистического подхода для более полного достижения истины.

По выражению датского лингвиста О. Есперсена (1860–1943), языки имеют тенденцию к прогрессу не только с учётом развития их словаря. В связи с этим учёный утверждал: «Эволюция языка показывает прогрессивную тенденцию от неразделимых нерегулярных скоплений к свободно и регулярно соединяющимся коротким элементам» [10, p. 127].

И действительно, любой язык одновременно не только служит для выражения мыслей, но и сам во многом является орудием мысли. Слова существуют в языке в виде объективных символов, содействующих переходу представлений людей с одного уровня на другой, или от неясных и плохо различимых представлений – к более устойчивым, зафиксированным в словах понятиям, посредством которых проясняется мышление и осуществляется полноценная коммуникация. При этом роль языка выходит за эти пределы, служа мерилом эффективности классифицирующей деятельности сознания. В качестве примеров В.А. Богородицкий взял роль суффиксов по отношению к языковому мышлению. Явления и предметы мира в уме группируются в группы, фиксирующиеся в языке при помощи суффиксов; суффикс *-телъ* обозначает различных деятелей, *-ние* или *-тие* – действия, особые суффиксы есть у частных групп *(-ика* или *-ника* у ягод).

Производство имён существительных от других слов посредством суффиксов В.А. Богородицкий рассмотрел в «Общем курсе русской грамматики». Он указывал: «Очевидно, мы имеем здесь дело уже с образованиями позднейших эпох сравнительно с прежде рассмотренными, при чём необходимо иметь в виду, что более обширные суффиксальные

наращения относятся к позднейшему времени по сравнению с соответствующими менее обширными» [3, с. 203]. Значительный рост суффиксального словообразования учёный прямо связывал с прогрессом в умственной жизни народа. При этом всё многообразие развивающихся оттенков суффиксов не поддаётся заключению в определённые жёсткие схемы.

Суффиксальное словообразование связано с созданием принципиально новых слов. Словообразовательные суффиксы имён существительных Л.В. Щерба считал формальными чертами данной категории. В статье «Общеобразовательное значение иностранных языков и место их в системе школьных предметов» Л.В. Щерба поставил перед собой цель сравнить дидактические функции разных учебных предметов. Физике и химии он придавал две следующие общеобразовательные задачи: «а) приучать ставить вопрос “почему” по отношению к миру физическому и находить на него ответ; б) показать эксперименты как одну из основ научного познания и всякого прогресса вообще» [9, с. 361]. А вторая задача непосредственно соотносится с идеей эксперимента в языкознании. Наблюдения В.А. Богородицкого и Л.В. Щербы над суффиксальным словообразованием свидетельствуют о росте роли метода эксперимента в языкознании.

Основные направления исследований В.А. Богородицким взаимовлияния языка и научно-технического прогресса отличаются тем, что учёный обращал внимание на участие в процессе разговора двух сторон: говорящего и слушающего, деятельность которых отличается различным уровнем активности. Исследования В.А. Богородицким творческой роли языка в обществе соотносятся с идеями Вильгельма фон Гумбольдта об энергетическом, активном характере языка. Прогресс языка в понимании В.А. Богородицкого непосредственно связан с историческим развитием и ментальными различиями. Кроме этого, исследователь придавал большое значение эксперименту в лингвистике.

Соответственно, элементы языка воплощают успехи познающей мысли, в свою очередь, представляя собой отправной пункт для дальнейшего развития. Изменения языка во времени и пространстве, по убеждению В.А. Богородицкого, также являются факторами их духовного роста, а отсюда – условием развития любой науки.

Библиографический список

1. *Березин Ф.М.* История русского языкознания. – М.: Высшая школа, 1979. – 223 с.

2. *Богородицкий В.А.* Лекции по общему языковедению. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 312 с.

3. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики: (Из университетских чтений). – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 576 с.

4. *Виноградов В.В., Костомаров В.Г.* Теория советского языкознания и практика обучения русскому языку иностранцев // Вопросы языкознания. – 1967. – № 2. – С. 3–17.

5. *Гумбольдт В.* Опыт анализа мексиканского языка // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 360–369.

6. *Гумбольдт В.* Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 370–381.

7. *Мещанинов И.И.* Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии строя предложения // Проблемы развития языка. – Л.: Наука, 1975. – С. 11–272.

8. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точки зрения на язык // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: М-во просвещ РСФСР, 1960. – С. 231–242.

9. *Щерба Л.В.* Общеобразовательное значение иностранных языков и место их в системе школьных предметов // Языковая система и речевая деятельность / под редакцией Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 344–366.

10. *Jespersen O.* Progress in language. – London: Swan Sonnenschein & Co., 1894. – 370 p.

11. *Underhill J.W.* Humboldt, Worldview and Language. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 161 p.

УДК 803

Сафонова Мария Александровна
кандидат филологических наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
maria-ukrainets@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на английском материале)

Статья посвящена методике стилистического анализа англоязычных биографических произведений, основанной на категории авторской интенции. Данная категория связана с лингвистическим выражением коммуникативного намерения автора в биографическом тексте.

Ключевые слова: *биография, авторская интенция, коннотативная лексика, экспрессивный синтаксис, тропы и фигуры речи.*

Биографические произведения всегда вызывали живой интерес как со стороны профессиональных филологов, так и рядовых читателей. Количество научных трудов о биографии, написанных зарубежными и отечественными филологами, насчитывает десятки работ. Однако собственно языковой аспект стилистического своеобразия биографических текстов представлен в лингвистических исследованиях не слишком широко [9, с. 12–67]. В настоящей статье предлагается методика стилистического анализа биографических текстов с целью выявления в них специфики употребления лексических и синтаксических экспрессивных средств.

По нашему убеждению, методика стилистического анализа биографии должна иметь в своей основе базовую дихотомию, характеризующую интенцию автора текста. Выбор языковых средств при передаче индивидуального восприятия человека, которому посвящена биография, исключительно важен для биографа. Этот выбор диктуется интенцией биографа. Будучи общей характеристикой сознания, понятие интенции обусловлено направленностью воли, намерений, чувств автора; интенция предполагает отнесенность акта сознания к какому-либо предмету и представляет собой коммуникативное намерение автора.

Исследование работ, посвященных поэтике биографии, свидетельствует о том, что авторская интенция лежит в основе многих оппозиций, введенных филологами, занимавшимися типологией биографических текстов:

1. Объективность – субъективность [4, с. 45–47].
2. Вымысел – исследование [7, с. 34–41].
3. Автор как всезнающая фигура – автор-историк [5, с. 110–162].
4. Эстетический компонент – документальная точность [1, с. 57–84].

По нашему мнению, в любой биографии прослеживается определенная стратегия изложения материала: биограф может демонстрировать личное, эмоциональное отношение к описываемой личности, подвергая конкретные факты субъективной интерпретации, автор может дистанцироваться от изображаемой личности, придавая большее значение строгому изложению фактической информации. Авторская интенция выражается в эмоциональной вовлеченности в повествование, либо отстраненности от объекта изображения. Данную дихотомию (вовлеченность/отстраненность, involvement/non-involvement) мы рассматриваем как ориентир, позволяющий в дальнейшем установить основные тенденции в использовании автором языковых единиц в интеллективной или эстетической целях.

Рассмотрим применение оппозиции авторской вовлеченности /отстраненности на практике, используя в качестве иллюстративного материала фрагменты из биографий Чарльза Диккенса и Томаса Мора, написанных известным современным английским писателем Питером Акройдом.

В биографии Томаса Мора Акройд говорит о том, как Мор строил карьеру, анализируя его отношения с Генрихом VIII, святым Джоном Фишером, Эразмом Роттердамским. В данном тексте мы знакомимся с информацией специального, исторического характера, без пространных отступлений спекулятивно-эмоционального характера. Автор не ставит цели дать читателю почувствовать эмпатию по отношению к изображаемому человеку, а предлагает изучить достаточно серьезный корпус фактического материала.

Рассмотрим следующий фрагмент из биографии Томаса Мора: «Consider the case of Thomas More's father. John More was sixteen years old when his own father died, but he and his five siblings were not reduced to any state of orphaned wretchedness. William More was a 'baker' on the grandest scale; in his will he noted that the Earl of Northumberland still owned him the very large sum of 87 pounds 'for bread brought of me'. And, as so often happened, William More had married well – indeed the resources of the bride's family were the most important aspects of any marriage. His wife, Johanna Joye, was the daughter of a prosperous brewer and the granddaughter of John Leycester, formerly a clerk of Chancery. Leycester was a gentleman, entitled to bear arms, and a man of some wealth with properties both in London and in Hertfordshire. So John More was from his earliest

 © Сафонова М.А., 2013

years part of a world in which the merchants and citizens of London were acquiring land and money in equal proportions. The father of Thomas more moved easily enough, therefore, from trade to law. At the age of 23 he was admitted to Lincoln's Inn. Social historians of this period have often observed that London lawyers had more opportunities of acquiring land than London merchants, but John More was a landowner by inheritance /…/ This is also the milieu to which Thomas More would most easily adapt himself» [3, с. 34].

Описывая карьеру отца Томаса Мора, Акройд опирается на официальные документы ("in his will"), авторитетные источники ("according to social historians"). Цитируя самого Джона Мора, автор демонстрирует свое обращение к первоисточникам и придает изложению фактов документальную точность. В отрывке присутствуют топонимы ("Hertfordshire", "London"), большое количество формальных лексических единиц, связанны с тематической сферой финансов и права ("judge", "lawyers", "clerk", "acquiring land and money", "Lincoln's Inn", "a landowner by inheritance", "important aspects"). Автор использует значительное число слов с абстрактным значением, но это не создает дополнительного метафорического плана, так как данные единицы употребляются в своем буквальном, первичном значении ("resources", "properties", "proportions"). То же самое следует сказать о французском внесении "milieu": оно употреблено не с эстетической целью, а чтобы подчеркнуть социальный характер излагаемой информации (по сравнению с английскими "environment" или "circle", "milieu" имеет явную социальную коннотацию). Синтаксически фрагмент отличается логически строгим и ясным построением: преобладают сложные предложения с паратактической или бессоюзной связью.

В биографии Диккенса Акройд стремится создать психологический портрет писателя и ввести читателя в его внутренний мир. В этом тексте наблюдаются другие языковые характеристики. В биографии большое количество отступлений эмоционального характера, в которых Акройд напрямую выражает свое отношение к персонажу, используя адгерентно и ингерентно коннотативную лексику, метафоры, анафоры, вставные конструкции, чтобы создать метафорический план в повествовании и выразить свое личное отношение к великому писателю.

Рассмотрим фрагмент, посвященный примерно той же теме, что и отрывок из «Сэра Томаса Мора», – влиянию отца Диккенса на его карьеру:

«How could it be that this character so bewildered and exasperated his son? His mother thought of him lazy, but it is also true that he could on occasions work with great energy and alacrity; /…/ asthmatic, fits of anger, self-invented gentility; all of these suggest someone who was far more nervously insecure than his general amiability would suggest. We must imagine a man who is agreeable, courteous, but also with a certain impenetrability; there is a sense in which he never seems properly connected with the world, his own elaborate diction confirming that sense of dislocation, and as a result there is a sense of unreality about him. He was always short of money, always spending money, always borrowing money. This improvidence and recklessness, when seen with his courteous and amiable personality, also suggest that there was a callousness and even coldness at his centre. There is a sort of emptiness, an infantilism, a refusal to confront himself. This is more than a million other men: it comes to our notice only because it was noticed by his son. 'How long he is', Dickens once complained, 'growing up to be a man'. And we recall in Dickens's fiction how universal it is that the child looks after the adult, and how the adult remains so dependent upon the child that he becomes something worse than merely child-like» [2, с. 145].

В биографии Диккенса мы находим больше ссылок на художественное творчество, чем на документальные источники ("We must imagine /…/", "and we recall in Dickens's fiction"). Фрагмент представляет большой интерес с синтаксической точки зрения: предложения осложнены такими фигурами речи, как анафора ("He was always short of money, always spending money, always borrowing money"), градация ("asthmatic, fits of anger, self-invented gentility"), риторический вопрос ("How could it be that this character so bewildered and exasperated his son?").

Как в «Жизни Томаса Мора», так и в «Диккенсе» присутствует много формальной лексики, но она используется Акройдом в различных функциональных целях: в первом случае она придает тексту специальный характер, подчеркивая строгость, документальность биографии, во втором же случае абстрактная лексика способствует созданию психологического портрета человека ("This improvidence and recklessness, when seen in combination with his courteous and amiable personality, also suggest that there was a callousness and even coldness at his centre. There is a sort of emptiness, an infantilism, a refusal to confront himself").

Предлагаемая методика стилистического анализа может применяться в исследовании крупных прозаических произведений. При первичном ознакомлении с биографическим текстом филолог выдвигает гипотезу о том, какова интенция биографа – выражается ли она в авторской вовлеченности или отстраненности в повествовании. Эта гипотеза проверяется в ходе непосредственного анализа языковых единиц в тексте с учетом их качественного и количественного состава, а также их стилистического функционирования. С целью избежать необъективности при отборе анализируемых фрагментов,

Таблица 1

Лингвостилистическое выражение авторской интенции в биографическом тексте

Языковые характеристики текста	Авторская вовлеченность в повествовании	Авторская отстраненность в повествовании
Сочетаемость единиц	Идиоматически сложная сочетаемость	Простая сочетаемость
Эмоционально-экспрессивно-оценочные коннотации	Активное использование	Умеренное использование
Специальные коннотации	Умеренное употребление (часто в составе предложений с большим числом единиц, обладающих эмоционально-экспрессивно-оценочными коннотациями)	Преобладающее использование
Формальные, книжные коннотации	Умеренное употребление	Преобладающее использование
Единицы с абстрактным семантическим значением	Использование в переносном значении	Использование в прямом значении
Тропы и фигуры речи	Активное использование	Умеренное употребление
Экспрессивный синтаксис	Использование в эстетических целях	Использование с целью лучшей аргументации основных положений

необходимо выбирать из значительного объема текста материал, наиболее репрезентативно отражающий особенности всего текста (демонстрирующий средние стилистические характеристики биографии). Следует оговорить, что анализируемая биография должна быть написана одним автором за сравнительно небольшой период времени, так как в анализируемом тексте не должно наблюдаться значительной внутренней неоднородности.

Многие биографические тексты демонстрируют достаточно высокий уровень стилистической нейтральности. В связи с этим возникает вопрос о более общих и стандартных языковых параметрах стилистического анализа, поэтому мы предлагаем следующие основные пункты, на которые следует обращать внимание:

Проиллюстрируем методику стилистического анализа на основе более общих языковых параметров на материале двух биографий, посвященных сэру Уинстону Спенсеру Черчиллю:

«In 1915 the attack began with a naval bombardment of Gallipoli on the west coast of Turkey. Winston believed it would win the day. Actually, it was a total failure. To make matters worse, a great land assault was launched – and failed. The story was one disaster after another. In the history of war, Gallipoli is right up there with the almighty clangers like the Charge of the Light Brigade. Mad Admiral Fisher, who Winston had unwisely brought back, resigned in the middle of the campaign, leaving Winston to take the blame. It wasn't really fair, but the public wanted a scapegoat» [8, с. 70–71].

В вышеприведенном фрагменте Алан Макдональд утверждает, что катастрофа в Галлиполи не была следствием тактических ошибок Черчилля, и в провале виноват генерал Фишер, покинувший Черчилля в самый разгар военной операции. Автор опирается на свои субъективные представления о данном событии, не приводя данных из других источников. Судя по разговорным (colloquial) коннотациям и характерной сочетаемости, автор использует идиоматику, свойственную низкому стилю (“scapegoat”, “to make matters worse”, “it wasn’t really fair”). Фрагмент изобилует единицами с эмоционально-экспрессивными коннотациями автоматизированного типа (“a total failure”, “Mad Admiral Fisher”, “unwisely”), ряд словосочетаний отличается высокой степенью идиоматичности (“win the day”, “one disaster after another”, “almighty clangers”). Выражение “almighty clangers like the Charge of the Light Brigade” передает авторскую иронию (очевидно, здесь имеет место сравнение с широко известным выступлением британской легкой кавалерии во время Крымской войны в 1854 году). Синтаксически фрагмент не отличается сложностью (“Actually, it was a total failure”), за исключением предложения “To make matters worse, a great land assault was launched – and failed”, построенного на эффекте контраста.

Следующий фрагмент, напротив, демонстрирует авторскую отстраненность: биограф стремится аргументировать свою точку зрения, отсылая читателя к авторитетным источникам:

«It is remarkable, in his detailed retrospective justification of the whole Gallipoli enterprise, how much blame he attaches to others and how little to himself. This justification is set out in a series of chapters in the second volume of *The World Crisis*, published in 1923 and therefore written not under the immediate lash of frustration and dismay, but after the opportunity for nearly eight years of calm reflection. His governing thesis is that, had it not been for ill luck, incompetence, bad nerve, a faulty appraisal of the strength of the enemy or some combination of these factors, the breakthrough by land or sea or both to the Sea of Marmora was very

near to being achieved» [6, с. 264].

Отрывок отличается большим количеством существительных с абстрактным семантическим значением ("justification", "incompetence", "opportunity"), единиц, обладающими книжными, формальными коннотациями ("combination of these factors", "thesis", "near to being achieved"). Синтаксически, фрагмент намного более сложен, так как включает инверсию, сложноподчиненные предложения, однородное перечисление.

Применение предлагаемой в статье методики стилистического анализа биографических текстов может быть полезно не только филологам, но и специалистам по истории. Лингвистический анализ на основе категории авторской интенции помогает более объективно оценить представленную в биографии информацию об исторической личности, о которой идет речь. Авторской вовлеченности в биографическом нарративе сопутствует значительная реализация языковыми единицами эстетической функции, в то время как авторская отстраненность коррелирует с интеллективной функцией.

Библиографический список

1. *Ушакова Е.В.* Литературная биография как жанр в творчестве П. Акройда: Дис. … канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2001. – 256 с.

2. *Ackroyd P.* Dickens. – Lnd.: Sinclair-Stevenson, 1990. – 567 p.

3. *Ackroyd P.* Sir Thomas More. – N.Y.: First Anchr Books, 1998. – 237 p.

4. *Clifford J.L.* Biography as an art: selected criticism, 1560–1960. – Lnd.: Oxford University Press, 1962. – 123 p.

5. *Hoberman R.* Modernizing Lives. Experiments in English Biography, 1918-1939. – Carbondale: Southern Illinois University press, 1987. – 213 p.

6. *Jenkins R.* Churchill. – Lnd.: Macmillan, 2002. – 289 p.

7. *Kendall P.M.* The Art of Biography. – N.Y.: Norton & Company Inc., 1965. – 129 p.

8. *MacDonald A.* Churchill and His Woeful Wars. – Lnd.: Scholastic, 2009. – 107 p.

9. *Nadel I.B.* Biography: Fiction, Fact and Form. – Lnd.: Macmillan, 1985. – 98 p.

УДК 803

Храмченко Дмитрий Сергеевич
кандидат филологических наук
Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого
hramchenko@rambler.ru

АЛЛЮЗИИ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ ДЕЛОВОЙ ТЕМАТИКИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена функционально-синергетическому анализу интертекстуальных элементов функционально-смысловой системы английского делового дискурса как эффективного способа оптимизации прагматического воздействия на читателя и реализации коммуникативной цели автора.

Ключевые слова: *функциональная лингвосинергетика, интертекстуальность, деловой дискурс, деловая риторика, прагматика.*

На современном этапе развития англоязычного делового общения нелинейность речевого взаимодействия, синергийность прагма-семантического пространства и прогрессирующие тенденции к девиации конвенциональных норм построения и структурирования письменного бизнес-дискурса обусловили необходимость более пристального изучения нестандартных путей формирования эффективной риторики, воздействующей на сознание и чувства реципиентов и повышающей результативность коммуникации. Лингвосинергетический анализ позволяет представить всю динамику функционального плана делового дискурса как развёрнутый наглядный процесс, обусловленный необходимостью кооперирования элементов и частей сложной открытой функционально-смысловой системы для реализации цели вербальной интеракции, их комплексным взаимодействием как компонентов единой системы, обладающей ингерентным свойством саморегулирования, самоорганизации в процессе чередования этапов хаотизации и упорядоченности [1; 2].

Функциональная лингвосинергетика, изучающая свойства и процессы самоорганизации речевой деятельности в русле функционального лингвистического направления, позволяет сформировать оптимальную теоретико-методологическую базу для совершенствования деловой коммуникации и под новым углом взглянуть на многие, казалось бы, нетрадиционные приёмы бизнес-общения, такие как, например, внедрение в дискурсивную ткань разнообразных прецедентных феноменов в виде различного рода реминисценций, отсылающих к соответствующим разножанровым текстам, намеков и референций к информации, часто не имеющей прямого отношения к деловой тематике.

Вопреки диссонансу с максимами количества, релевантности и ясности Г.П. Грайса, предписывающими коммуникантам последовательно, четко и недвусмысленно излагать свою позицию в опти-

© Храмченко Д.С., 2013

мальной для адекватного восприятия форме, функционирование интертекстуальных элементов в прагма-семантической системе английского делового дискурса обеспечивает приток дополнительных смысловых компонентов из внешней среды (сознания участников общения) и катализацию эволюционного развития дискурсивного пространства в направлении оптимального аттрактора (коммуникативной цели). Приемы реализации синтагматических и парадигматических интертекстуальных отношений в текстах деловой тематики все чаще «принимаются на вооружение» в самых разнообразных жанрах, в том числе традиционно характеризующихся повышенной степенью официальности.

Богатым источником примеров использования интертекстуальных элементов для оптимизации прагма-смысловой системы английского делового дискурса могут служить заголовки статей и документов, где они выступают в роли обязательного структурного элемента. Как правило, заглавия привлекают читателей к тексту, фокусируют их внимание на смысловой тематической доминанте и служат одним из первичных операторов модификации прагматического пространства. Весь спектр семантики одних заглавий легко улавливается читателями без детального ознакомления с содержанием материала, подтекст некоторых других раскрывается лишь после прочтения и тщательного анализа всего текста. Синергия смысловых компонентов, входящих в состав аллюзии, обеспечивает нестандартную диверсификацию актуализируемых концептов, фреймов и фоновых знаний, внося разнообразие в конвенциональный бизнес-дискурс и привлекая абсолютно новые прагма-семантические компоненты в количестве, достаточном для совершения фазового перехода системы смыслов дискурса к состоянию упорядоченности более высокого уровня.

Так, в одном из выпусков журнала The Economist заголовок статьи «*The Rip van Winkle of Risk*» [4], рассказывающей о деятельности всемирно известной страховой компании Lloyd's, строится на удачном использовании аллюзии. Антропоним *Rip van Winkle* в сочетании с определенным артиклем вызывает небольшие функциональные и стилистические колебания прагма-семантической системы, усиливающие обмен с внешней средой и «пробуждающие» хранящуюся в памяти информацию о прочитанной ранее книге. В результате в систему транслируются новые прагма-смысловые компоненты, которые гармонируют с тенденциями, проявляющимися при дальнейшем развертывании дискурса, и определяют направление эволюционного развития. Ужесточившаяся конкуренция в данной сфере бизнеса вынудила эту фирму с многолетним опытом ведения дел предпринять новые попытки модернизировать свою деятельность, чтобы соответствовать требованиям XXI века. Лишь в процессе ознакомления читателя с содержанием статьи ему в полной мере раскрывается задумка автора, проводящего параллели между пробудившимся от долгого сна героем рассказа Вашингтона Ирвинга и компанией Lloyd's, внезапно осознавшей, что не может идти в ногу со временем. Первоначально хаотизировавшее прагма-семантическую систему заглавие наполняется для реципиентов новым смыслом вследствие активизировавшихся процессов смысловой самоорганизации и обмена с внешней средой и способствует успешному продвижению к функциональному аттрактору – мысли о том, что будущее данного предприятия находится в серьёзной опасности. И если ему не удастся вовремя скорректировать имидж и сменить стратегию поведения, более современные игроки смогут перераспределить рынок в свою пользу.

Название бюллетеня МВФ «As You Sow So Shall You Reap: Public Investment Surges, Growth, and Debt Sustainability in Togo» [3] содержит известную пословицу as you sow so shall you reap, уходящую корнями в Библию и предрекающую каждому воздаяние по содеянному. Прецедентное высказывание в заголовке делового документа дерегламентирует дискурс, провоцируя функциональные и стилистические колебания в виду блокирования обмена с внешней средой. Адекватное взаимодействие с сознанием коммуникантов обеспечивает нелинейное восприятия смысла элементов, входящих в состав пословицы в случае наличия у реципиентов тезауруса, достаточного для идентификации посылаемого авторами «сигнала» интертекстуальности. Аллитерация (Sow, So, Investment, Surges, Sustainability) объединяет обе части заглавия в единое целое, придавая ему экспрессивность и усиливая синергийный прагматический эффект одобрения заслуженного успеха, сообщаемый всему тексту.

Еще одним примером использования прагма-семантического потенциала интертекстуальности для оптимизации делового взаимодействия может служить статья The Economist, опубликованная под заголовком «My Big Fat Greek Divorce» в рубрике Leaving the Euro [5]. Линейно выстроенные элементы сами по себе не связаны с темой бизнеса и единой европейской валюты. Нарушение обмена с коммуникативной ситуацией вынуждает систему интенсифицировать связи с другой подсистемой внешней среды – сознанием читателей, в чьей памяти актуализируются фоновые знания о реально существующей американской комедии под схожим названием My Big Fat Greek Wedding. Замена существительного wedding на противоположное ему по значению divorce и соотнесенность прилагательного Greek с контекстом рассматриваемой в статье ситуации – разразившимся в Греции кризисе – сообщают всему последующему тексту ироничную прагматику, базирующуюся на переносе впечатлений реципиентов от показанной в кинокартине типичной греческой свадьбы на возможность начала

выхода Греции из еврозоны – шумного, суетливого, местами глуповатого процесса, связанного с выполнением большого числа формальностей. Авторы манипулируют сознанием адресатов, добиваясь притока в дискурсивную систему новых прагма-семантических компонентов и перехода на новый уровень смысловой упорядоченности.

Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что аллюзии в заголовках деловых документов или статей дерегламентируют дискурс, вызывая функциональные и стилистические колебания, побуждающие систему оказывать ответное воздействие на внешнюю среду. Таким образом, у реципиентов возникают ассоциации содержательного и/или эмоционального плана, благодаря которым осуществляется более глубокое проникновение в суть текста, повышается мотивация к активному осмыслению излагаемой в нем информации.

При условии достаточного уровня владения адресатами вертикальным контекстом, включение интертекстуальных элементов в прагма-семантическую систему сообщает дерегламентированному деловому дискурсу более широкий спектр смыслов и катализирует прагма-семантическую эволюцию. Влияние, оказываемое системой на внешнюю среду, активирует различные пласты фоновых знаний, концепты и фреймы, не связанные с бизнесом и носящие более личностный характер. В итоге в систему поступают новые компоненты, становящиеся ключевыми для дальнейшего выстраивания воздействующей риторики, а дискурс приобретает спонтанные (эмерджентные) функциональные свойства, дающие субъекту речи возможность убедить коммуникантов в своей правоте и наладить с ними эффективный контакт, реализовав основные цели общения.

Библиографический список

1. *Пономаренко Е.В.* Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка). – М.: МГИМО-Университет МИД РФ, 2010. – 148 с.

2. *Храмченко Д.С.* Метафоризация английского языка делового общения как эффективное средство прагматического воздействия: функционально-синергетический анализ // Вестник Самарского Государственного Университета. Гуманитарная серия. – 2011. – № 7 (88). – С. 99–104.

3. *Andrle M., David A., Espinoza R., Mills M., Zanna L.-F.* As You Sow So Shall You Reap: Public Investment Surges, Growth, and Debt Sustainability in Togo. – IMF, 2012. – 39 p.

4. The Rip van Winkle // The Economist. – 06–12.01.2007. – P. 59.

5. My Big Fat Greek Divorce // The Economist. – 09.06.2012. – P. 78.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 347

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

ИНКОРПОРАЦИЯ ФАБРИЧНО-ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (к 100-летию принятия Устава о промышленном труде)

Автор статьи уделяет основное внимание анализу ключевых положений Устава о промышленном труде, который был принят в 1913 году и являлся главным источником фабрично-трудового права в последние годы существования Российской империи. В работе определено практическое значение данного нормативно-правового акта в рассматриваемый период и его влияние на дальнейшее развитие отечественного трудового законодательства.

Ключевые слова: *инкорпорация, фабричное законодательство, Устав о промышленном труде, основной источник фабричного права.*

Для своего времени появление УПТ было выдающимся явлением в развитии правового регулирования труда не только в России, – такого свода действующего трудового законодательства в то время не было ни в одной другой стране.

И.Я. Киселев

Формирование отечественного трудового права (как самостоятельной отрасли и юридической науки) представляет собой «длительный, сложный и многоуровневый процесс» [2, с. 40], берет своё начало в далеком историческом прошлом. Однако наиболее отчетливые формы трудовое право стало приобретать лишь с 80-х годов XIX века, в связи с возникновением и развитием в России фабричного законодательства. Данное законодательство, несмотря на столь короткий период своего развития, сыграло важную роль в процессе правового регулирования труда и оказало довольно ощутимое влияние на дальнейшее развитие трудового законодательства в новых общественно-экономических условиях. Кроме того, «…законодательство о труде Российской империи функционировало в условиях многоукладной рыночной экономики и, следовательно, ему приходилось иметь дело с плюрализмом интересов и согласовывать их, в то время как советское трудовое законодательство действовало в условиях монистически организованной экономики, регулируя взаимоотношения фактически только двух субъектов – работника и социалистического государства» [8, с. 87]. Современному трудовому законодательству также приходится регулировать общественные отношения в условиях рыночной экономики, устанавливать и поддерживать необходимый баланс интересов (между трудом и капиталом) и, следовательно, «иметь дело с плюрализмом интересов и согласовывать их». В этой связи, по-видимому, не вызывает сомнения актуальность ряда ценных идей, нашедших свое оформление в нормах фабричного законодательства.

Целью работы является краткая характеристика основных положений (о договоре личного трудового найма, о рабочем времени и времени отдыха, о фабрично-трудовой инспекции) Устава о промышленном труде, который явился результатом процесса систематизации фабричного законодательства России.

В 1913 году фабрично-трудовые законы, принятые в период с 80-х годов XIX в., были систематизированы в отдельный нормативно-правовой акт, получивший название «Устав о промышленном труде» (далее УПТ, Устав), который был включён во 2-ую часть XI тома Свода законов Российской империи. Начальник отделения промышленного труда Министерства торговли и промышленности В.В. Громан так обосновал необходимость проведения данной систематизации: «Разбросанность положений о найме рабочих по отдельным статьям Свода законов и затруднительность, благодаря этому, пользоваться сими законоположениями, к тому же весьма часто затерянными среди постановлений, к вопросу о найме рабочих не прямого, ни косвенного отношения не имеющих, побудили Государственную канцелярию выделить упомянутые узаконения и объединить их в особый Устав о промышленном труде…» [1, с. 3].

Данный правовой документ представляет собой «специализированный инкорпорационный акт, в котором составляющие его законы подверглись определенной, самой минимальной обработке и редактированию» [3, с. 10]. Инкорпорация (от латинского in corpore) – это форма систематизации законодательства, при которой нормативно-правовые акты определённого уровня объединяются полнос-

© Рощин Б.Е., 2013

тью или частично в соответствующие сборники в определённом порядке (хронологическом, алфавитном, системно-предметном). Инкорпорация осуществляется с целью совершенствования соответствующего законодательства, поддержания его в рабочем состоянии, обеспечения его доступности для широкого круга соответствующих субъектов.

Устав по своей структуре состоял из 4 разделов и 597 статей.

Раздел I состоял из 3 глав: «Положения общие» ст. 1–6, «О губернских и областных по фабричным и горнозаводским делам присутствиях» ст. 7–29, «О фабричной инспекции» ст. 30–41.

Раздел II «Об условиях труда в промышленных предприятиях» состоял из 3 глав: первая глава – «О найме рабочих в фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятиях». Структура данной главы состояла из 8-ми отделений: Отделение 1. Положения общие (ст. 42–63); Отделение 2. О работах подростков и лиц женского пола в фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятиях (ст. 64–71); Отделение 3. О найме малолетних на работы в фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятиях (ст. 72–86); Отделение 4. О взаимных отношениях владельцев фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятий и рабочих (ст. 87–116); Отделение 5. О найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы (ст. 117–171); Отделение 6. О найме ссыльнопоселенцев на сибирские золотые промыслы (ст. 172–179); Отделение 7. О найме рабочих на Сахалинские каменноугольные копи (ст. 180–186); Отделение 8. О найме рабочих на казённые горные заводы (ст. 187–192). Вторая глава данного раздела посвящена продолжительности и распределению рабочего времени в фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятиях (ст. 193–201), а третья глава – старостам в промышленных предприятиях (ст. 202–210).

Раздел III «О взысканиях за нарушение постановлений о промышленном труде и о порядке производства дел по этим нарушениям» состоял из 2 глав: «О взысканиях за нарушение постановлений о промышленном труде» (ст. 211–218); «О порядке производства дел по нарушению постановлений о промышленном труде». Вторая глава данного раздела состояла из 2 отделений: Отделение 1. Положения общие (ст. 219–222); Отделение 2. О порядке производства дел, подлежащих ведению административных установлений (ст. 223–228).

Раздел IV УПТ, состоявший из 13 глав, регламентировал вопросы возмещения вреда, причинённого работникам, в связи с исполнением ими трудовых обязанностей.

Поскольку рамки данной работы не позволяют осуществить проведение общего анализа УПТ, то следует, по-видимому, ограничиться рассмотрением наиболее важных положений, закрепленных в Уставе.

Договор трудового найма.

Обращает на себя внимание отсутствие в фабричном законодательстве легальной дефиниции трудового договора как юридического факта, порождавшего соответствующие трудовые правоотношения. Анализ ряда норм позволяет определить основные структурные элементы данного договора. Сторонами договора выступали управление и работник. Управление предприятия являлось коллегиальным органом и представляло интересы работодателя. От имени управления, как правило, выступал владелец предприятия. Если предприятия принадлежали нескольким лицам (к примеру, товарищества, акционерные предприятия), то, согласно ст. 90 Устава, от имени управления выступал заведующий предприятием, назначенный на эту должность совладельцами.

Ст. 42 УПТ устанавливала норму, согласно которой «наем рабочих в фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятиях совершается на основании общих постановлений о личном найме».

Обращает также внимание отсутствие в законодательстве четкой регламентации содержания договора найма. На практике условия договора (т.е. его содержание) определялись непосредственно сторонами при его заключении с учётом общих оснований (также ограничений и дополнений), установленных УПТ.

При заключении договора работнику, как правило, выдавалась расчетная книжка, которая хранилась у самого работника и в которой указывались условия найма данного работника. Кроме того, согласно ст. 48, в этой книжке фиксировались все денежные выплаты работнику за его труд, а также денежные взыскания (штрафы), произведенные работодателем за неисправную работу и прогулы.

Согласно ст. 51, договоры подразделялись на 3 вида: срочный (заключаемый на определенный срок); бессрочный (заключаемый на неопределенный срок); временный (на время исполнения определенной работы). Следует заметить, что данная норма почти в неизменном виде присутствует в современном трудовом законодательстве.

В Уставе прописан ряд важных гарантий при изменении условий договора (в зависимости от его вида), а также при его расторжении. Так, при изменении условий бессрочного договора по инициативе работодателя, работника следовало предупредить об этом не позднее, чем за 2 недели. Более надежные гарантии (как для работника, так и для работодателя) касались срочных трудовых договоров, поскольку изменения в эти договоры могли быть внесены только при перезаключении их на новый срок. Работники при этом также не имели права требовать (до окончания срока) изменения договорных условий.

Достаточно большое внимание УПТ уделял основаниям для прекращения трудовых отношений

и, следовательно, расторжения договора трудового найма. Такими основаниями могли быть: взаимное согласие сторон; истечение срока найма; окончание соответствующей работы, по поводу которой был заключен временный договор; по инициативе одной из сторон при бессрочном договоре (другая сторона в этом случае обязывалась предупреждать за 2 недели); осуждение работника и его высылка, что объективно препятствовало продолжению работы; поступление работника на обязательную службу (военную или общественную); отказ работнику в виде на жительство; в случае приостановления предприятия в течение 7 рабочих дней, при возникновении ряда форс-мажорных обстоятельств (пожара, наводнения и др.). Работник имел право потребовать прекращения трудовых отношений без предупреждения за 2 недели в случаях неправомерных действий со стороны администрации: причинения побоев; тяжких оскорблений; «дурного обращения»; нарушения условия предоставления питания и проживания. Кроме того, аналогичное право у работника возникало в случае, если выполняемая работа подрывала здоровье работника.

Работодатель, согласно ст. 62, также без предварительного предупреждения (за 2 недели) мог расторгнуть договор в случаях: неявки работника на работу без уважительной причины более 3-х дней подряд или 6-ти дней в месяц (в совокупности); «дерзости или дурного поведения рабочего», если такое поведение угрожало интересам предприятия (имуществу и безопасности должностных лиц); выявления у работника «заразительной болезни».

Таким образом, договор личного трудового найма представлял собой двустороннюю сделку (как срочную, так и бессрочную), взаимообязывающего и возмездного характера. Расторжение договора могло быть: по инициативе как самого работника, так и работодателя; по обстоятельствам, независящим от воли сторон. «В целом эти основания были явно более выгодны работодателю, который мог с двухнедельным предупреждением расторгнуть договор даже без формального основания, а расплывчатость ст. 62 УПТ позволяла это сделать зачастую и без указанного предупреждения» [2, с. 47].

Рабочее время и время отдыха.

Глава № 2 УПТ (ст. 193–201) целиком посвящена вопросам правового регулирования режима труда и отдыха. Рабочим временем, согласно ст. 194 УПТ, признавалось то время, в течение которого, согласно договору найма, рабочий был обязан находиться «в промышленном заведении и в распоряжении заведующего оным для исполнения работы».

Ночным временем, согласно ст. 195 УПТ, признавалось время между 9 часами вечера и 5 часами утра – при односменной работе и время между 10 часами вечера и 4 часами утра – при работе двумя и более сменами. Ст. 196 УПТ подтверждала ранее установленную норму о максимальной продолжительности рабочего времени. Соответственно, при дневной работе, продолжительность рабочего времени не могла превышать 11,5 часов в сутки.

По субботам и накануне определённых праздников, установленных ст. 198 (1 и 6 января, 25 марта, 6 и 15 августа, 8 сентября, 25 и 26 декабря, пятница и суббота Страстной недели, понедельник и вторник Пасхальной недели, день Вознесения Господня и второй день праздника Сошествия Св. Духа), продолжительность рабочего дня не могла превышать 10 часов. В канун праздника Рождества Христова все работы следовало завершать до полудня. Согласно примечаниям (1, 2, 3) к ст. 198, временем отдыха для работавших детей (малолетних и подростков) считались все воскресные и праздничные дни, «в которые не полагаются работы для взрослых рабочих». Кроме того, для работников-нехристиан допускалось внесение в расписание других праздников, «сообразно закону их веры». Включение в расписание каких-либо иных праздников, не предусмотренных законодателем (сверх нормы), также дозволялось «по усмотрению управлений промышленных заведений».

Ст. 200 содержала легальную дефиницию сверхурочных работ. Сверхурочной, по-прежнему, оставалась работа, «производимая рабочим в промышленном заведении в такое время, когда по правилам внутреннего распорядка ему не полагаются работы». Кроме того, подтверждался добровольный характер данных работ, осуществляемых «не иначе, как по особому соглашению» представителя администрации с работником.

Ст. 201 подтвердила правила, согласно которым Главное по фабричным и горнозаводским делам Присутствие было вправе (и обязано) осуществлять определённые подзаконные функции, направленные на правовое регулирование вопросов труда и отдыха:

1. Издавать подробные правила и инструкции о распределении рабочего времени в целом и для определённых отдельных отраслей промышленности (о продолжительности работы, о порядке смен, о перерывах и т.п.). Кроме того, и о порядке сверхурочных работ (их производстве, распределении, учёте).

2. Допускать отступления от соответствующих требований, «означенных в сей главе» (в сторону ухудшения), в случаях «когда сие признано будет необходимым по свойству производства (непрерывность и проч.) или по свойству работ (уход за паровыми котлами, приводами, ремонт текущий и экстренный и т.п.) и в других особо важных исключительных случаях». Присутствия также имели все полномочия для издания соответствующих правил, «при исполнении коих допускаются означенные отступления».

3. Издавать правила о режиме рабочего времени «в производствах и работах особенно вредных для здоровья рабочих, с уменьшением… наиболь-

шей продолжительности рабочего времени в зависимости от свойственного этим производствам и работам вреда и от тех мер предосторожности, которые приняты к ослаблению оного» [7, ст. 201]. Для работников, занятых в ночное время лишь частично, продолжительность рабочего времени не могла превышать 10 часов.

Таким образом, анализ соответствующих норм о режиме рабочего времени позволяет выделить такие его виды как: дневное, ночное, сверхурочное, неполное, сокращенное рабочее время.

Фабричная инспекция.

Устав определил «двоякую» подведомственность и подчиненность данной инспекции, а также её правовой статус. Так, согласно ст. 30, инспекция состояла в ведении Министерства торговли и промышленности и непосредственно подчинялась отделу промышленности и, в то же время, «местные чины» инспекции обязывались действовать под руководством «Губернатора (Градоначальника, Обер – Полицмейстера)».

Согласно ст. 34 УПТ, на фабричную инспекцию возлагался ряд важных функций: 1) наблюдение за исполнением постановлений о занятиях малолетних рабочих и о посещении ими начальных училищ; 2) «попечение об учреждении» школ для начального образования для малолетних работников; 3) составление, протоколов о нарушениях, «упомянутых в пункте 1 сей статьи постановлений, и передача сих протоколов в подлежащие судебные установления»; 4) контроль за соблюдением работниками и работодателями правил, «определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения»; 5) рассмотрение и утверждение такс, табелей, расписаний и правил внутреннего распорядка; 6) принятие превентивных мер к предупреждению конфликтов между сторонами «путем исследования на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон» и др. [7, ст. 30, 34].

Значение УПТ 1913 г.

Следует отметить, что в истории развития отечественного трудового права Устав сыграл важную роль:

1. Он стал основным источником фабричного законодательства Российской империи (в последние годы её существования) и, с момента его вступления в законную силу, теоретики и практики юриспруденции, при рассмотрении соответствующих социально-трудовых вопросов, стали ссылаться, в основном, на УПТ. С созданием данного Устава «судебными и административными установлениями принят к пользованию именно этот нормативный акт (вместо Устава промышленного и соответствующих статей Устава горного)», – констатирует профессор Е.Б. Хохлов [8, с. 85];

2. УПТ 1913 года не только подытожил многосложный процесс развития фабрично-трудового законодательства в дореволюционном российском обществе, но и заложил правовой фундамент для дальнейшего развития системы отечественного трудового права, как самостоятельной правовой отрасли и юридической науки. Примечательно, что в известном большевистском Декрете о 8-часовом рабочем дне содержатся ссылки непосредственно на Устав;

3. Данный нормативно-правовой акт также заложил определённую правовую «традицию» обособления трудоправовых норм и стал своеобразным прообразом (и это отмечают многие исследователи) российских (советских) кодексов законов о труде. Очевидно, «появление данного акта явилось естественной предпосылкой для очередного шага – кодификации законодательства о труде. В какой-то мере таким шагом, хотя весьма недостаточным, учитывая накопленный к 1917 г. потенциал правовой культуры в области регулирования отношений несамостоятельного, прежде всего наёмного, труда, можно считать создание уже в советское время Кодекса законов о труде 1922 г.», – полагает Е.Б. Хохлов;

4. После принятия УПТ есть все основания утверждать, что процесс формирования системы фабрично-трудового законодательства в России подошел в целом к своему логическому завершению. На практике сформировался достаточно автономный блок российского права, который имел свой, чётко выраженный, предмет правового регулирования. Более того, данное трудовое законодательство было сопоставимо «с тем объемом, которого достигло советское законодательство о труде в эпоху «развитого социализма», уровень же его систематизации несравненно более высок…» [8, с. 87].

5. Систематизация фабрично-трудового законодательства также позволяет рассмотреть (особенно с позиций настоящего времени) определенные зачатки (и правовые контуры) основных институтов отечественного трудового права. Как отмечал профессор И.Я. Киселёв, создание данного акта «значительно облегчило анализ и практическое использование законодательства о труде, ранее разбросанного по различным томам Полного собрания и Свода законов. Почти все основные нормы, регулировавшие применение наёмного труда, были сконцентрированы в едином акте, произведена систематизация этих норм», что позволило «обозреть фабрично-трудовое законодательство в целом». [3, с. 23–24].

Однако если оценивать Устав как универсальный регулятор фабрично-трудовых отношений (на соответствующем историческом этапе), то невооруженным глазом видны явные недоработки и пробелы в законодательстве. К примеру, нормы Устава не применялись на практике к регулированию труда и отдыха отдельных категорий работников (работников кооперативных предприятий, работников ряда промыслов, работников кустарной промышленности). Кроме того, труд сельскохозяйственных рабочих подлежал правовому регулированию, принятым ранее Положением о найме на

сельские работы, а труд работников железнодорожного транспорта – Уставом путей сообщения. Упомянутый выше В.В. Громан мотивировал это тем, что «с одной стороны, общие положения, касающиеся рабочих и служащих в фабричнозаводских и горных предприятиях, не касаются рабочих в прочих предприятиях, а с другой стороны, принято во внимание, что многие правила, касающиеся рабочих в последних предприятиях, издаются в порядке инструкционном» [1, с. 1].

В этой связи достаточно отчетливо просматриваются определенные исторические аналогии и своеобразные правовые традиции. Так, современный Трудовой Кодекс РФ (действующий с 1 февраля 2002 года) также не является универсальным регулятором социально-трудовой сферы. Он, в частности, обходит своим вниманием непосредственное регламентирование таких важных вопросов, как занятость и трудоустройство; трудовые книжки работников (их ведение, хранение и т.п.) и ряд других вопросов. Подобные вопросы достаточно детально регулируются соответствующими правовыми нормативами. Кроме того, в настоящее время особенности регулирования труда определенных категорий работников нашли своё правовое оформление (разумеется, с учетом общих трудоправовых принципов) не в ТК РФ, а в специальных нормативно-правовых актах. К примеру, такими работниками являются: государственные гражданские и муниципальные служащие; военнослужащие; служащие ОВД и других силовых структур.

Анализ УПТ 1913 года дает основание утверждать, что некоторые его важные принципы и нормы не утратили на сегодняшний день своей актуальности и практической ценности. Данные принципы и нормы нашли свое место (в адаптированной форме) не только в советском трудовом законодательстве (в КЗоТах 1918, 1922, 1971 годов), но и в современном. Это, в частности: виды трудовых договоров и основания для их расторжения; запрет натуральной формы оплаты труда; деятельность трудовой инспекции; оплата простоя не по вине работника; сверхурочное рабочее время и др.

Оценивая кульминационный этап эволюции фабрично-трудового законодательства в целом, Е.Б. Хохлов пишет, что на данном этапе «Россия стояла перед громадным качественным сдвигом в общественном правосознании, российское общество начинало претерпевать самые настоящие революционные изменения как в теории юридической науки, так и в правоприменительной практике регулирования отношений между трудом и капиталом» [8, с. 87]. Российское законодательство о фабрично-заводском труде развивалось приблизительно в том же русле (с некоторым отставанием), что и подобное законодательства в ряде западных стран.

«При разработке российского трудового законодательства применялся зарубежный опыт, прежде всего, британский и германский. В советский период он относительно активно учитывался только в первой половине 20-х годов и последнее десятилетие XX в. …недостаточное внимание к нему, а порой и просто игнорирование самым негативным образом отразились на развитии всего отечественного трудового права» [4, с. 105].

Однако не стоит забывать, что появление и активное развитие фабричного законодательства стало в своей основе «результатом протеста рабочих масс против невыносимых условий труда, результатом давления рабочих на самого законодателя… фабричные законы выплыли наружу не тогда, когда этого хотело правительство, и не потому что оно этого хотело, – их выдавливала сила самого рабочего движения», – писал современник М.Г. Лунц [5, с. 9–10]. Следует также отметить, что в рамках фабричного законодательства (в отличие от советского трудового законодательства), труд работника рассматривался (и регламентировался) как специфический товар и, соответственно, при капиталистическом способе производства работодатель зачастую «смотрел на рабочего как на товар, как на живую машину, которую надо как можно лучше использовать в своих выгодах…» [6, с. 25].

В заключение следует напомнить, что фабричное законодательство Российской империи (несмотря на достаточно прогрессивный характер его развития) оказалось неспособным разрешить рабочий вопрос, что привело к радикальным изменениям в обществе (к смене «общественно-экономической формации»). История показала, что «архи острые» проблемы трудящихся невозможно решить только лишь на законодательном уровне. К тому же известная основная проблема всего нашего отечественного права, когда между законодательными установлениями и реальной действительностью простирается пропасть («гладко на бумаге, но забыли про овраги»), была свойственна и фабричному законодательству.

Тем не менее, систематизация (в форме инкорпорации) фабрично-трудового законодательства, проведенная в 1913 году, имела важное значение (в т.ч. и для снижения градуса пролетарского активизма). УПТ 1913 года оставил заметный след в истории отечественного трудового законодательства, а отдельные его нормы благополучно пережили определенные исторические катаклизмы, адаптировались в современных условиях и успешно «перекочевали» в современное трудовое право, где и в настоящее время выполняют свой социальный заказ. Можно с уверенностью утверждать, что эти нормы не создают диссонансов, а гармонично звучат в унисон с современностью.

Библиографический список

1. *Громан В.В.* Вступление // Устав о промышленном труде. – СПб., 1915.

2. Договоры о труде в сфере действия трудового права: учеб. пособие / под ред. К.Н. Гусова. – М.: Проспект, 2010. – 256 с.

3. *Киселёв И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. – М., 2005. – С. 23.

4. *Лушников А.М., Лушникова М.В.* Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2009. – 879 с.

5. *Лунц М.Г.* Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России. – М., 1909. – 384 с.

6. *Сбитнева И.Н.* Развитие законодательства о социальном обеспечении в России в конце XIX – в начале XX веков (историко-правовой аспект): Дис. … канд. юрид. наук. – 2002.

7. Свод законов Российской Империи. Том XI. – СПб., 1914.

8. *Хохлов Е.Б.* Очерки истории правового регулирования труда в России. – СПб., 1999. – 196 с.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 069

Батулина Ольга Сергеевна
Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя
magnitizma@mail.ru

МУЗЕЙНЫЙ ЦЕНТР КАК ПОПЫТКА «ПРИМИРЕНИЯ» НОВОЙ ФОРМЫ МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА С СОДЕРЖАНИЕМ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ (на примере Ивановского государственного объединения историко-краеведческих музеев области в 1990-е гг.)*

В статье рассматривается процесс функционирования новой структурной и содержательной формы музея – Музейно-культурного центра с точки зрения содержания коммуникативной функции музея в условиях изменения формы музейного пространства («объединение») в 1990-е гг. на примере Ивановского государственного объединения историко-краеведческих музеев области.

Ключевые слова: *музей; музейное объединение; музейный центр; коммуникативная функция музея; культурно-образовательная деятельность музея; новые формы работы с посетителями.*

В 1993 году Ивановский государственный объединенный историко-революционный музей (далее по тексту – ИГОИРМ; созданный в 1977 году) переименован в Ивановское государственное объединение историко-краеведческих музеев области (далее по тексту – ИГОИКМО) и ему присвоено имя Д.Г. Бурылина. Новая форма организации музейного пространства – «объединение» – повлекла за собой новые определения культурно-образовательной деятельности, которая учитывала современные требования населения. Внутри объединения возникает новая структурная и содержательная форма – Музейно-культурный центр.

Музейно-культурный центр (далее по тексту – Центр) – многопрофильное музейное учреждение, музей новой общественной ориентации, с безусловным сохранением просветительной и образовательной функций, способствующее даже их развитию; рассчитанный абсолютно на все группы населения, людей широкого диапазона вкусов и культуры. При создании Центра учитывались функциональные возможности здания, среди которых: [8] обширные экспозиционные площади со специальным выставочным оборудованием; специально размещенные и технически оборудованные музейные фондохранилища; конференц-зал; обширные зоны приема посетителей: холл, диорамный зал, детский зал, гардероб.

Информационно-справочные и издательские услуги Центра подразумевали использование информационной технологии в просветительской и рекламной деятельности (электронные рекламные ролики, проспекты музеев и экспозиций, экскурсионно-туристические справочники); информационно-поисковые системы (ИПС), позволяющие получить сведения о ведущих музейных коллекциях Ивановского объединения с их изображением; музей в Internet. Имея свой выход в сеть Internet, Центр имеет возможность предоставить коммерческое использование канала пользователям, а также демонстрацию информации о музейном объединении имени Д.Г. Бурылина в разделе «Музеи России»; создание коммерческого игрового компьютерного класса с библиотекой мультимедийных компакт-дисков; издательские услуги – выпуск информационных буклетов, сувенирных проспектов и изданий [5].

По «Концепции использования современных технологий в ИГОИКМО им. Д.Г. Бурылина» [6] для повышения эффективности работы с детской аудиторией предполагалось организовать компьютерный музейный класс с использованием музейных мультимедийных продуктов, компьютерных игр, мультимедийных энциклопедий, компьютерной графики.

Принимая во внимание потребности современного общества и особенности восприятия информации, ритм времени, реализуя еще неиспользованные музейные ресурсы, можно выделить основные цели проекта:

– «Учитывая уникальность и планетарность музейных коллекций, современную музейную сценографию и дизайн, новую технологию экспонирования, применение актуальных технических средств, отойти от традиционного музейного экспонирования.

– Создать экспозицию, предполагающую новый взгляд на музей: экспозицию-размышление, не ставящую цель – убедить, а подумать; обогатить духовный мир человека, поднять его творческие силы, создать активное личностное восприятие, сопереживание, самостоятельное наблюдение.

– Создать «Музейный центр» как культурный, образовательный и общественный центр, сделать

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках соглашения № 14.B37.21.0030.

© Батулина О.С., 2013

музей частью ежедневного обихода для всех членов общества, реализуя принцип «просвещать и воспитывать, развлекая». [8]

Одним из ведущих и актуальных направлений деятельности ИГОИКМО являлась разработка концепций новых образовательных программ на основе глубоких научных исследований уникальных музейных коллекций. Являясь одним из первых музеев в стране, кто стоял у истоков программ нравственно-эстетического воспитания детей музейными средствами (с 1983 г.) Ивановский музей продолжал их развитие.

В 1994 году музеи объединения начинают искать новые формы работы с детской аудиторией. Так, сотрудники Центра разработали 2 крупные программы: [2]

1. «Программа детской рисовальной школы, создаваемой на базе ИГОИКМО (Детская творческая мастерская);

2. Программа по театрализации музейной работы в рамках новых нетрадиционных форм деятельности ИГОИКМО».

Приоритетным направлением образовательной системы «Музей и дети» (созданной в 1988 году) на данном этапе являлось: историко-краеведческое и творческо-художественное направления, которые нашли свое отражение, в частности, в деятельности Детской творческой мастерской при Музейно-выставочном центре.

Идея создания художественной (скорее даже творческой) студии при музее имени Д.Г. Бурылина основывалась именно на возрождении рисовальной школы, которая, как и кружок любителей художеств, были созданы Д.Г. Бурылиным сразу же при открытии музея в 1914 году. [2] Суть этой идеи выражалась словами создателя музея, который хотел сделать музей средоточением древности, – «только достойное воспитание и обучение способно создать достойного ученика, творца». [10, с. 128]

Оригинальное обучение по авторским программам проводились в музейных экспозициях на подлинных произведениях искусства и культуры. Данная система занятий была рассчитана на 3-х летнее обучение. В мастерской занимались дети 5-10 лет, т.к. именно в этот период ребенок интенсивно познает окружающий мир, испытывает потребность в приобщении к культуре, искусству, общечеловеческим ценностям, начинает ощущать себя личностью и частицей огромного мира.

Встреча с памятниками культуры в музее не только способствовала обогащению духовного мира ребенка, но и поднимала его творческие силы, создавала активное, личностное восприятие, переживание, самостоятельное наблюдение.

Программа обучения в Детской творческой мастерской организовывала творческую деятельность ребенка не только в изобразительном искусстве, но и в более широком плане – через искусство, раскрывая творческие возможности ума, вдохновения, познания мира. Она состояла как бы из нескольких больших блоков, которые, в свою очередь, включали в себя единство изучаемой темы в трех различных формах творчества (слово – изучение, наблюдение; действие – самостоятельное творчество). Представлялось это так: «в выходной день детям предлагалась расширенная культурно-музейная программа, включавшая в себя знакомство с определенной темой (например, «Картинки старого города», «Окно тысячелетнее прошлое», «Встреча с редкой книгой»)» с использованием материалов экспозиции и фондов, фильмов, игровых и театрализованных элементов». [2] Дети становились непосредственными участниками действия. Первое «музейное» занятие несло в себе не только познавательное начало, оно служило как бы эмоциональным толчком для второго занятия, изобразительного.

При всем многообразии тем музейных занятий, их цель была едина:

1. Помочь ребенку ориентироваться в предметном мире, наблюдать вещь в ее историческом развитии;

2. Развить способность видеть в каждом предмете историческую преемственность, наслоение культур, эстетическую ценность, т.е. наблюдать его «родословную». [7]

Занятие изобразительным искусством, что необыкновенно ценно, о чем, собственно, и мечтал Д.Г. Бурылин, происходило на изучении подлинного музейного предметного материала. В постановке натюрмортов использовались не восковые фрукты и овощи, а настоящие, живые предметы прошлой культуры.

Дети работали непосредственно в залах музея, либо в помещении студии с фондовым материалом. Работа строилась, конечно, не только на изучении, наблюдении и копировании тех или иных музейных предметов, но и на их творческом осмыслении, вживании через изобразительное творчество в определенный культурно-исторический отрезок времени. Задания, предлагаемые детям на занятии изобразительным искусством, были направлены именно на творческое изучение музейного предмета, на развитие ассоциативного мышления, образного начала. Это была и самостоятельная постановка натюрмортов на заданную тему из определенного разностильного набора предметов, и индивидуальное дизайнерское решение опять же на основе музейного предмета.

Третье занятие блока – декоративно-прикладное искусство. Дети переходили уже от познавательного начала, наблюдения, изучения к самостоятельной работе в материале. На первом году обучения дети приобщались к традициям народного искусства России, например, изготовление тряпичных кукол, роспись глиняных игрушек, деревянных

матрешек, пасхальных яичек и т.д. Кроме того, занятия по декоративно- прикладному искусству давали богатый материал для выставок-ярмарок [2]. Все три занятия (музейное, изобразительное, декоративно-прикладное) проходили в комплексе одной темы.

Приведем примеры трех занятий. Первое занятие: музейная программа «Из истории коллекций музея» (выставка «Д.Г. Бурылин...», фарфор), изобразительное искусство «Волшебная чашка» (работа в залах музея по материалам выставки), декоративно-прикладное искусство (роспись глиняной посуды: кринки для молока, посада для яиц и т.д.); второе занятие: «У истоков» (музейное занятие в экспозиции «Человек. Душа. Духовность». История древней Руси от язычества до христианства), изобразительное искусство «Рождественская открытка» (композиция по стихотворению А. Черного «Рождественское»), декоративно-прикладное искусство (роспись рождественских пряников); третье занятие: музейное занятие «Картинки старого города» (из истории города Иваново), изобразительное и декоративно-прикладное искусство «Ивановские ситцы» (ручная набойка по ткани).

В течение 2,5 лет деятельности Детской творческой мастерской (1994–1997 гг.) её воспитанники принимали участие в различных конкурсах, например: международный конкурс «Юный художник ФАИ», Франция: по итогам промежуточного конкурса в г. Москве работы воспитанников мастерской отмечены как самые оригинальные (1995 г.); конкурс к 300-летию Российского флота: отмечена 1 работа (1996 г.); конкурс «Мой Пушкин», г. Вологда: призовое место (1997 г.) и др.[9]

Таким образом, задача данной системы состояла не только в воспитании будущего художника, а гораздо шире – в раскрытии духовных качеств, творческих сил, необходимых в любой деятельности, в широко мыслящей творческой личности. При этом система могла успешно задействовать потенциал всех музейных экспозиций.

Отличной от этой программы являлась Программа театрализации музейной работы в рамках развития новых нетрадиционных форм деятельности ИГОИКМО. Основываясь на том, что музеи призваны не только хранить наследие, но и целенаправленно искать и разрабатывать новые формы его трансляции, передачи наследия новым поколениям, музею был необходим постоянный поиск нетрадиционные способов общения с музейными посетителями. Основная цель подобной работы понималась как «просвещать и воспитывать, развлекая…» [3].

Основными задачами данной программы являлись:

– создание и показ произведений хореографического и музыкально-драматического искусства с использованием музейных ценностей в интересах духовного и эстетического обогащения детей;

– организация музейных и иных творческих форм досуга населения;

– культурно-просветительная и воспитательная деятельность в целях приобщения подрастающего поколения к сценическому, пластическому и музыкальному искусству;

– расширение международных творческих контактов в области музейного дела, культуры и искусства.

Основные формы работы, проводившиеся в рамках данной программы: [3]

1. Одноактные спектакли «Огонь русской души» в экспозиции «Человек. Душа. Духовность» и «Меж двух миров» в зале «О, женщина» краеведческого музея. Сценической площадкой этих необычных представлений, подготовленных по специально разработанным сценариям, являлись подлинные экспозиционные интерьеры, где и предметы, и зрители становились участниками действия.

2. Театрализованные представления «Посвящение в мир искусства» для младших школьников и старшеклассников, в которых, зрительно связав представленные в музейной театрализации экспонаты, с соответствующей предметной средой и действующими лицами, дети раскрывали для себя тайну предметного мира, делали первый шаг в огромный волшебный мир искусств уже не только как гости, но как друзья музея.

3. Теоретические занятия, лекции с привлечением видеоматериалов по эстетике, истории, культуре, искусству.

4. Музейные праздники и презентации коллекций и экспозиций.

5. Осуществление репетиционного процесса и выполнение концертных номеров, подбор музыкального, литературного, а также оформительского и декоративно-художественного материала для фонограмм, постановочных аудиовизуальных программ, творческих встреч – все это также входило в программу данной системы.

Данному перспективному направлению не сужено было сбыться, т.к. эти довольно интересные, насыщенные и яркие программы работы с детьми различного возраста просуществовали сравнительно недолго. Мы считаем, что данные программы явились как бы продолжением специфики и определенного стиля внедрения новых нетрадиционных форм культурно-образовательной деятельности, начатой еще в начале 1980-х годов в ИГОИРМ.

Помимо интересных и насыщенных программ для детей в ИГОИКМО разрабатывались и проводились мероприятия для взрослого населения, которые не были направлены на развитие творческого начала, а были приурочены к какому-либо событию, связанному с деятельностью музеев объединения или его основателя – Д.Г. Бурылина: чтения (например, «Бурылинские чтения к 145-летию Д.Г. Бурылина», 1997 г. [4]); музейный эксперимен-

тальный театр (спектакли «Огонь русской души», «Меж двух миров» [1]). Но данные мероприятия были единичны и не прижились как форма.

Таким образом, музейное объединение 1990-х гг. ищет как формы организации досуга, в большей мере, детской аудитории посетителей с целью отдыха и получения знаний одновременно, так и формы организации самого пространства музея (создав Музейно-культурный центр), следуя современным требованиям использования новых технологий и в информационном плане, и в плане техническом, хозяйственном, что, на наш взгляд, способствует более эффективной презентации музейной экспозиции и привлечению посетителей в музей для образовательных целей. Для взрослой аудитории в музеях объединения проводятся традиционные мероприятия, а внедрение новых форм работы с этой категорией посетителей носят разовый характер и в основном идут в направлении театрализации, «обыгрывания» музейной экспозиции или предмета.

Библиографический список

1. Научный архив областного государственного бюджетного учреждения Ивановской области «Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурылина». Д. № 4231а. (далее по тексту – Н/а ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина)

2. Н/а ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Д. № 4236.

3. Н/а ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Д. № 4239.

4. Н/а ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Д. № 4304.

5. Н/а ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Д. № 4333.

6. Н/а ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Д. № 4412.

7. Н/а ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Д. № 4414.

8. Н/а ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Д. № 4472.

9. Дети рисуют в музейных залах // Правда. – 1998. – 16.04.

10. *Додонова А.А.* Дмитрий Геннадьевич Бурылин. – Иваново, 1998.

УДК 378:811

Карпова Светлана Николаевна
Российская таможенная академия, г. Москва
customs.lingvo@yandex.ru

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

В статье рассматриваются вопросы активизации использования интерактивных технологий обучения иностранному языку в современном вузе, педагогические возможности и риски, связанные с применением интерактивных форм, в частности, ролевых игр.

Ключевые слова: *компетенция, интерактивные технологии, иностранный язык, обучение, ролевые игры.*

Основной целью государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы, утвержденной в ноябре 2012 года, является обеспечение соответствия качества отечественного образования меняющимся мировым реалиям. Программа включает в себя такие федеральные целевые проекты, как «Развитие профессионального образования», «Вовлечение молодежи в социальную практику», «Развитие системы оценки качества образования и информационной прозрачности системы образования» и др. Программа нацелена на повышение эффективности реализации молодежной политики в интересах развития страны [1].

Образование призвано содействовать решению главной задачи –переводу экономики на инновационный путь развития. Эту задачу надо решать, начиная со школьного образования и заканчивая высшим, когда студенты получают определенные профессиональные навыки.

В настоящее время выпускник ВУЗа должен быть не просто человеком с дипломом, а профессионалом, решающим круг своих профессиональных задач, развитой личностью, способной применять приобретенные знания, обладающей обширным кругозором и гуманитарной культурой.

В основу обучения положен компетентностный подход, обеспечивающий профессиональную подготовку специалиста и развитие его интеллектуальных способностей, личностных качеств, развитие способности самостоятельно приобретать новые знания в процессе личностно-значимой деятельности [2, с. 8].

По европейской классификации компетенция включает:

– функциональную компетенцию (знания и умения), а именно то, что человек должен уметь делать в трудовой сфере или социальной деятельности (знание как действие);

– когнитивную компетенцию, предполагающую использование теории и понятий, а также скрытых знаний, приобретенных на основе практики (знание как понимание);

– личностную компетенцию, предполагающую поведенческие умения в конкретной ситуации;

– этическую компетенцию, предполагающую наличие определенных личностных и профессиональных ценностей.

Новые образовательные стандарты третьего поколения (ФГОС ВПО) предусматривают получение в процессе обучения набора профессиональных и общекультурных компетенций. В зависимо-

© Карпова С.Н., 2013

сти от ступени – бакалавр/ магистр – объем и уровень требований к владению практическими навыками и умениями изменяется в сторону повышения профессионализма и универсализма, т.е. они направлены на развитие личности, обладающей профессиональными знаниями, практическими умениями и навыками, готовностью применять их на практике, стремлением к обновлению компетенции.

Мировой тенденцией и особенностью данного этапа развития является стремительное обновление информации. Так, если ранее объем информации, подлежащей усвоению обычным человеком, удваивался за 55 лет, затем за 11 лет, то сейчас обновление этого же объема информации осуществляется всего за три года.

Используя лишь традиционные методы обучения, реализовать цели и задачи дисциплины, разработанные на основе новых стандартов, достаточно трудно. В самих стандартах предусмотрено широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (дискуссий, компьютерных симуляций, ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, презентаций и др.). Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, должен составлять не менее 30% [3].

Необходимо отметить, что программа курса должна быть сбалансирована и предусматривать разумное сочетание как традиционных и интенсивных технологий, активизирующих учебный процесс, так и объем, методы активных и интерактивных технологий.

Специфика предмета «иностранный язык», в основе преподавания которого лежит принцип коммуникативно-деятельностной направленности, позволяет проводить целые серии занятий в активном и интерактивном режиме, учитывая большой объем учебного материала, подлежащего освоению.

Коммуникативная направленность процесса обучения подразумевает формирование и дальнейшее развитие навыков и умений использования иностранного языка для речевого общения, а позднее – способности к общению на изучаемом языке с учетом ситуативных и личностных факторов, определяющих специфику иноязычного речевого поведения.

Деятельностное обучение предусматривает «обучение через действие», т.е. обучение, построенное на интенсивных игровых технологиях, позволяющее обучаемым перейти от пассивного потребления информации к активному участию и применению полученных знаний на практике.

К интерактивным методам обучения иностранному языку относят следующие виды работ: работу в парах, диалог, полилог, дискуссию, презентации, технологию проектов, игровое моделирование (языковые, ролевые игры), технологии анализа ситуаций и др.

Методы активизации учебного процесса можно применять на протяжении всего курса с целью повышения мотивации к изучению иностранного языка, для проверки усвоения теоретического материала, диагностики компетенции «на выходе». Для «вкрапления» в практические занятия обычно используются следующие активные методы:

1. Методы организации коммуникации (в начале занятия) способствуют включению в иноязычную атмосферу, конструктивной адаптации к ситуации. Пример: презентации «Новости», «Прогноз погоды».

2. Методы организации обмена деятельности – сочетание индивидуальной, парной и групповой совместной деятельности. Пример: работы в парах, «жужжащие группы».

3. Методы организации смыслотворчества – создание у обучаемых своего индивидуального смысла изучаемых явлений, обмен мнениями. Пример: «Минута говорения», «Ассоциации».

Кроме указанных методов необходимо использовать такие формы организации обмена мнениями, как полилог, дискуссия, ведь полилог – это возможность каждого участника учебного процесса высказать имеющуюся точку зрения по рассматриваемой проблеме, а в дискуссии еще и поспорить на заданную тему.

К методам интенсификации учебного процесса, требующим более серьезной и длительной подготовки, относятся технологии проектов и игровое моделирование.

Особенностью ролевой игры на иностранном языке, существенно отличающей ее от ролевых игр на родном языке, является необходимость существенной подготовки участников игры к правильному выполнению своей роли, обдуманному ролевому и речевому поведению в игре, взаимодействию с другими участниками игры.

На подготовительном этапе значительное внимание уделяется изучению нового лексического материала, работе со специальными текстами на иностранном языке, выполнению специальных языковых и речевых упражнений, ориентированных на иноязычное общение в процессе игры.

Как правило, обучающиеся обращаются дополнительно к лекционным материалам, к специальной литературе. Только проработав необходимые материалы, можно приступать к проведению игры. Поскольку ролевая игра не так часто используется и не является привычной формой работы на занятиях, то ввод в ситуацию может происходить поразному в зависимости от контингента обучаемых.

Перед началом игры можно предложить на рассмотрение проблемную ситуацию и организовать первоначальное обсуждение проблемы, постепенно добавляя новую информацию и усложняя проблему; можно обсудить проблему в парах, организовать обмен результатами обсуждения в рамках всей группы.

Когда группа преодолела смущение, скованность, следует переходить к распределению ролей, которое осуществляется по желанию студентов, по желанию преподавателя, либо по жребию. В связи с небольшой численностью языковых подгрупп (подгруппа магистрантов составляет 10 человек) удается избежать большого количества «зрителей», тем более что на главную или наиболее трудную роль практикуется назначение двух участников игры, при этом один играет роль, а другой может помочь, если основной игрок не знает, что сказать дальше, как ответить на реплику и т.д.

Ролевая игра включает в себя не только предписание как играть, но и подробное описание проблемной ситуации, которую необходимо решить; результат, который нужно достигнуть. Потому игроки тщательно анализируют проблему, причины создавшегося положения, ищут варианты выхода из него, способы урегулирования разногласий.

В зависимости от хода дискуссии, активности участников игры, преподаватель может отвести себе роль наблюдателя, фиксирующего недочеты и ошибки, либо активно участвовать в игре, стимулируя и направляя дискуссию, предлагая новые обстоятельства, добавляя новую информацию.

Если темп игры замедлился, преподаватель может направить внимание на главное, не позволяя увлекаться рассмотрением частных моментов; просить уточнить, возразить.

На завершающем этапе, после принятия согласованного решения, участникам игры целесообразно дать оценку деятельности группы, оценить работу своих коллег, дать оценку своей иноязычной и профессиональной деятельности.

И, наконец, важнейший этап занятия: разбор преподавателем проведенной игры, анализ иноязычного речевого поведения каждого участника и качественная характеристика иноязычной речи. Преподавателю необходимо отметить, что взаимодействие в речемышлении обучаемых родного и иностранного языков не могло не привести к некоторым речевым ошибкам, обусловленным межъязыковой интерференцией. Поэтому необходимо и желательно провести работу над ошибками сразу же на этом занятии, либо на следующем, сделав коррективные упражнения. Если же допущены серьезные ошибки, «игрокам» нужно предложить поработать с грамматическими справочниками.

Ролевая игра, как и другие интерактивные технологии, содержит определенную долю риска, т.к. ее успешное проведение зависит как от реальности созданной в игре ситуации, так и от готовности группы к иноязычному общению.

Проработанность ситуации, ее максимальная приближенность к реальности полностью зависит от умения преподавателя, а вот второй компонент – от усилий самих обучающихся. Если группа не уверена в своих силах, стесняется процесса ролевого общения на иностранном языке, то данное упражнение не будет эффективным. Наличие у преподавателя сильной коммуникативной и психологической компетенции может оказать стимулирующее влияние на группу, которая боится «потерять лицо», и помочь преодолеть скованность и страх к иноязычному общению, что приведет в конечном итоге к успеху ролевой игры.

Подводя итог, необходимо сказать, что интерактивные технологии обучения иностранному языку способствуют развитию коммуникативных способностей; приобретению обучаемыми лингвистической и социокультурной компетенции, необходимой и достаточной для использования иностранного языка в профессиональной сфере; формированию познавательной мотивации; расширению креативного потенциала.

Вместе с тем, поспешное внедрение интерактивных технологий может привести к их избыточному использованию в учебном процессе, когда отсутствует главное: анализ эффективности результата. Тогда такие практические занятия становятся не более чем игровой площадкой, а не местом приобретения новых компетенций. Разумное, сбалансированное сочетание объема и методов интерактивных методов – ключ к решению задачи современного образования: формированию ключевых компетенций и определенных качеств личности, которые должны подготовить молодежь для дальнейшей жизни в обществе.

Библиографический список

1. Федеральная программа «Развитие образования на 2013–2020 годы», 2013.

2. *Алексеева Н.Н.* и др. Применение инновационных образовательных технологий в учебном процессе: учеб. пособие / под ред. И.Н. Вольнова; ФТС, ВФ РТА. – Владивосток: РИО ВФ РТА, 2011. – 104 с.

3. Федеральный государственный общеобразовательный стандарт по направлению подготовки «Юриспруденция» (магистратура). – Приказ Минобрнауки от 14/12-2010 № 1763.

УДК 378.091.27

Кубашева Оксана Валентиновна
Ижевская государственная сельскохозяйственная академия
KubashewaOV@mail.ru

МОДУЛЬНО-РЕЙТИНГОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ – ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ВУЗЕ

Сегодняшний день требует инновационной методологической перестройки оценки качества усвоенных знаний, приобретенных навыков, способностей и компетенций. Реализация модульно-рейтинговой технологии оценки знаний позволяет повысить теоретический уровень содержания обучения, пересмотреть структуру учебного материала.

Ключевые слова: *модульная система, рейтинговая оценка знаний, контроль знаний, компетентностный подход, формирование компетенций, субъектно-образовательное пространство.*

Современный виток модернизации российского высшего образования ориентирован на творческую инициативу, самостоятельность, конкурентноспособность, мобильность будущего специалиста.

Следует признать, что сегодняшний день требует инновационной методологической перестройки учебного процесса в целом и оценки качества усвоенных компетенций в частности.

Данный вопрос является предметом научных споров и предпочтений. На практике высшие учебные заведения применяют рейтинговую, модульно-рейтинговую, кредитно-рейтинговую системы оценки знаний студентов. Все они, с одной стороны, нацелены на точную оценку качества академической успеваемости, а, с другой стороны, позволяют преподавателю не только организовать учебное пространство, используя как традиционные, так и инновационные методы обучения, но и выявить потенциальные возможности учащихся. При этом студент мотивирован на получение функционально завершенного результата деятельности и на перспективу личностного роста.

Но особый научно-практический интерес вызывает модульно-рейтинговая технология оценки знаний студентов, так как является прогрессивным методом контроля, позволяет дифференцированно оценить деятельность студента, расширить возможности выбора эффективных способов решения учебных задач.

Большой вклад в разработку проблем модульного обучения и рейтинговой оценки знаний внесли такие ученые-практики как Н. Баженова, В.Л. Белова, О. Боев, О. Волкова Н. Исламова, Ю. Моисеев, Н. Нохрина, А. Чучалин и др.

Рейтинговая система оценки знаний призвана повысить качество учебной деятельности студентов, усиливая их мотивацию к индивидуальной работе, повышая состязательность. Ежемесячные аттестации позволяют студенту оценить и сопоставить результаты своей деятельности с имеющимися возможностями, зафиксировать их в виде цели. Так как стимулирует к работе не только позитивная оценка, но и видение перспектив, стремление превзойти свои достижения. Дифференцированное оценивание деятельности носит характер позитивного самоподкрепления и одновременно с этим студент четко видит пробелы в знаниях, что побуждает его к интенсивным занятиям. А так как наличие даже незначительных успехов уже является подкреплением, то постоянный прогресс в работе приносит удовольствие и поддерживает достаточный мотивационный тонус, формирует устойчивый интерес к учебной деятельности.

В основе рейтинговой оценки усвоения знаний, умений студентов ВУЗа лежит модульная система организации учебной дисциплины с эффективным текущим и итоговым контролем.

Исследования ученых в области оптимизации учебного процесса в условиях компетентностного подхода высшей школы (И. Александров, В.И. Байденко, А.А. Вербицкий, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Ю.Г. Татур и др.) свидетельствуют о том, что его методическим обеспечением является модульное обучение и модульно-рейтинговая оценка знаний, умений, навыков и компетенций в системе зачетных единиц. Однако, если модульно-рейтинговая оценка знаний, умений, навыков успешно применяется в практике высшей школы (Н. Баженова, Е. Бойцова, О. Волкова, Н.Исламова, В. Ищенко и др.), то, по мнению А.А. Вербицкого, Э.Ф. Зеер, Ю.Г. Татур. и др., критерии определения уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций, соответствующие процедуры контроля находятся еще в стадии разработки.

Между тем, технология модульного обучения первоначально разрабатывалась для подготовки специалистов среднего профессионального звена. В силу этого, как отмечает В.Л. Белова, далеко не всегда возможна адекватная, без потери качества, адаптация модульной технологии к специальным предметам высшей школы [2, с. 63]. Более того, для целого ряда предметов в высшей школе модульное обучение может быть лишь вспомогательным дополнением, не отменяя традиционных фронтальных методов обучения.

Модульно-рейтинговая технология оценки знаний студентов предполагает замену официальных учебников и жестких программ профессиональными методическими материалами, помогающи-

 © Кубашева О.В., 2013

ми преподавателю и студенту в их совместной работе.

Модульная система обучения обеспечивает постоянство усилий студентов в течение учебного года, а рейтинговая оценка знаний, как мы видим, является мотивирующим звеном в учебном процессе.

Н. Баженова, анализируя практику оценивания деятельности студентов при знаниевом и компетентностном подходе, приходит к выводу о том, что рейтинговая система оценки знаний оправдывает себя только в условиях отличных от знаниевого подхода к учебному процессу. Это возможно лишь при модульном построении курса [1, с. 122].

Таким образом, модульно-рейтинговое обучение расширяет возможности выбора эффективных способов решения учебных задач, дает возможность студенту почувствовать свободу и самодетерминацию учебной деятельности.

Е. Бойцова, В. Дроздов определяют основные задачи модульно-рейтинговой системы оценки знаний: 1) получение информации о состоянии академической успеваемости студентов по учебным темам (модулям); 2) выявление динамики достижений учащихся на основе рейтинговой системы (используются как текущий, так и кумулятивный рейтинги); 3) выявление факторов, оказывающих влияние на состояние образовательных достижений; 4) организация самостоятельной работы студентов [3, с. 84]. В.Л. Белова выделяет следующие принципы модульного обучения: активное обучение; обратная связь с преподавателем; положительное подкрепление в виде рейтинговой оценки знаний в баллах; последовательное обучение; обучение небольшими этапами; знание целей обучения; темпы обучения [2, с. 62].

И. Александров, А. Афанасьев, Т. Матвеева, Э. Сагитова, В. Строкина определяют цели модульного обучения как организацию диалога между преподавателем и студентом, индивидуализацию обучения за счет рациональной организации самостоятельной работы студентов. Это ведет, в конечном итоге, к повышению эффективности образовательной деятельности за счет более рационального использования аудиторного фонда и высвобождения времени преподавателя для методической и научной работы, для индивидуальной работы с одаренными студентами, и, наконец, к формированию компетенций.

Таким образом, произойдет трансформация обучающихся из объекта образовательного процесса в его субъект.

Очевидно, что внедрение в практику высшей школы компетентностного подхода, а вместе с ним и модульного обучения, и модульно-рейтинговой оценки знаний, умений, навыков и компетенций в системе зачетных единиц является процессом длительным и многоступенчатым. Бесспорно, по мнению А.А. Вербицкого, речь идет о появлении исторически нового типа обучения и воспитания [4, с. 32].

Библиографический список

1. *Баженова Н., Фишман Б.* Бально-рейтинговая система в ДВГСГА // Высшее образование в России. – 2007. – № 7. – С. 122–127.

2. *Белова В.Л.* Модульное обучение студентов // Социально-политический журнал. – 1994. – № 7–8. – С. 62–71.

3. *Бойцова Е., Дроздов В.* Модульно-рейтинговая система на базе тестовых технологий // Высшее образование в России. – 2005. – № 4. – С. 83–85.

4. *Вербицкий А.А.* Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Высшее образование в России. – 2010. – № 5. – С. 32–37.

УДК 371.14

Усольцева Ирина Владимировна
Сургутский государственный университет
iuslceva@rambler.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕДАГОГА

В статье рассмотрена информационная грамотность педагога как одна из составляющих методической компетенции; представлены этапы, которые проходят педагоги, повышая квалификацию в области освоения компьютерных технологий.

Ключевые слова: *методическая компетенция, профессиональная компетентность, информационная грамотность, информационные технологии, инновация.*

Изменения социально-экономической ситуации в стране создают предпосылки к конкретным преобразованиям в системе российского образования. За последние годы такие преобразования произошли: образовательная система приобрела новые качества, она стала более мобильной, демократичной, вариативной.

Модернизация современной системы образования, сопровождающаяся введением федеральных государственных образовательных стандартов второго поколения, предъявляет более высокие требования к учителю не как к «транслятору» новых знаний, а как к тьютору, сопровождающему ученика на пути постижения новых знаний.

Рассматривая подходы различных авторов к определению понятия «профессиональная компетентность педагога» мы, несомненно, находим взаимосвязь ее с методической компетенцией, а точнее, методическая компетенция является составной частью профессионализма педагога. В некоторых случаях авторы даже отождествляют понятия «педагогическая компетентность» и «методическая компетенция».

С одной стороны методическая компетенция – это система сформированных теоретических знаний в области методики преподавания своего предмета и комплексных методических умений, обеспечивающих осуществление основных педагогических функций учителя: образовательной, проектировочной, контролирующей и функции саморазвития, которые можно выделить в качестве ведущих для учителя – предметника. С другой стороны – это владение методическими приемами, направленными на организацию процесса обучения в целом и управление им.

Отдельных аспектов методической компетентности/компетенции касаются в своих работах В.А. Адольф, Т.Н. Гущина, И.В. Дробышева, В.И. Земцова, Н.В. Кузьмина, Т.С. Полякова, Н.Л. Стефанова, Р.Р. Шахмарова.

Предположим, что в обобщенном виде компетенции представляются как знания, умения, навыки, готовность, ценности, мотивированные способности, позволяющие выполнить конкретную профессиональную деятельность на высоком уровне.

Т.Н. Гущина определяет методическую компетентность/компетенцию как интегральную многоуровневую профессионально значимую характеристику личности и деятельности педагогического работника, опосредующую результативный профессиональный опыт как системное образование знаний, умений, навыков педагога в области методики и оптимальное сочетание методов профессиональной педагогической деятельности.

Вслед за Н.В. Кузьминой, мы рассматриваем методическую компетентность/компетенцию как важнейший компонент профессионально-педагогической компетентности и устанавливаем зависимость развития этой компетентности от качества деятельности. По Н.В. Кузьминой, методическая компетентность/компетенция является одним из элементов профессионально-педагогической компетентности. Методическая компетентность/компетенция охватывает область способов формирования знаний, умений у учащихся [3].

Методическая компетенция представлена двумя уровнями: компетенция в педагогической и управленческой деятельности и компетенция в планировании и осуществлении учебного процесса [2, с. 24]. Первый уровень реализуется через операционно-структурные (гностическая, организаторская, конструктивно-планирующая) функции, а второй – через целеполагающие (коммуникативная, воспитывающая, развивающая) функции. Говоря о методической компетенции, мы выделяем две ее составляющие: умение педагога осуществлять традиционную педагогическую деятельность; умение проектировать и конструировать педагогические инновации, то есть профессионально отбирать содержание инновации, проектировать реализацию этого содержания через применение современных педагогических технологий; прогнозировать ожидаемый результат, который может быть получен в ходе реализации инновации, описывать критерии оценивания эффективности спроектированной инновации.

В основу методической компетенции как компонента профессиональной компетентности педагога входит приобретенный синтез знаний, умений, навыков творческой педагогической деятельности

© Усольцева И.В., 2013

Таблица 1

Структура методической компетентности/компетенции

Структурные компоненты методической компетентности/компетенции		
Соловова Н.В. Методическая компетентность преподавателя вуза: монография.	Адольф В.А. Профессиональная компетентность современного учителя: Монография	Ивашнёва С. В. Организационно-педагогические основы усовершенствования методической компетентности учителей иностранного языка начальной школы.
технологичный, ценностно-мотивационный; когнитивный, рефлексивный, оценочный [4]	личностный, деятельностный, познавательный (когнитивный) и др.[1]	личностно-мотивационный; технологический, когнитивный [2]

и поэтому методическая компетенция является важнейшим компонентом для осуществления педагогической деятельности.

Структура методической компетентности/компетенции учеными трактуется неоднозначно (табл. 1).

В нашем исследовании структура методической компетенции состоит из следующих компонентов: личностный; когнитивный; деятельностный; информационно-технологический; рефлексивный.

Рассмотрим одну из составляющих информационно-технологического компонента – информационную грамотность педагога. Информационная грамотность педагога включает технические навыки компьютерного ввода, оперирование с экранными представлениями информационных объектов и моделей. Эти технологические навыки должны формироваться в ходе их реального применения для важных и интересных учащемуся задач.

Об «использовании современных, в том числе информационных образовательных технологий» в школьных программах говорится и в Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа». Там же указывается о том, что в дальнейшем для реализации национального приоритетного проекта «Образование» планируется и в дальнейшем поддерживать практику использования современных информационных образовательных технологий в образовательных учреждениях.

Федеральные государственные образовательные стандарты второго поколения начального общего образования предполагают, что метапредметные результаты освоения основной образовательной программы должны отражать, в том числе и «…7) активное использование речевых средств и средств информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ) для решения коммуникативных и познавательных задач; 8) использование различных способов поиска (в справочных источниках и открытом учебном информационном пространстве сети Интернет), сбора, обработки, анализа, организации, передачи и интерпретации информации в соответствии с коммуникативными и познавательными задачами и технологиями учебного предмета; в том числе умение вводить текст с помощью клавиатуры, фиксировать (записывать) в цифровой форме измеряемые величины и анализировать изображения, звуки, готовить свое выступление и выступать с аудио-, видео- и графическим сопровождением; соблюдать нормы информационной избирательности, этики и этикета…» [7].

В вышеназванном документе определены и Требования к условиям реализации основной образовательной программы начального общего образования, где указывается на использование «в образовательном процессе современных образовательных технологий деятельностного типа» [7].

Деятельность учителя в овладении информационной грамотностью предполагает самостоятельные, осознанные действия по созданию, поиску, сбору, анализу и отбору, организации, представлению, передаче информационных объектов, моделированию, проектированию, планированию объектов, процессов и взаимодействий; ответственной реализации планов.

Педагог, применяющий новые информационные технологии, должен быть изначально хорошим специалистом, знающим в совершенстве свой предмет и владеющим современными образовательными технологиями преподавания; человеком, имеющим достаточные знания психолого-педагогических основ; личностью, постоянно стремящеюся к самосовершенствованию и саморазвитию, имеющей широкий кругозор; ценителем и творцом прекрасного.

Подготовка специалистов по использованию компьютерных технологий в образовании – новая для отечественной педагогики проблема, связанная с появлением в школе компьютерного обеспечения.

Очевидно, что это должен быть специалист интегрированного типа, владеющий знаниями и умениями одновременно в двух областях – компьютерной и педагогической. У учителя появляются но-

вые информационные функции: передача новой информации; обучение способам обработки учебной информации; организация и управление процессом передачи и переработки информации; анализ информации, поступающий по линиям обратной связи от учащихся, выработка корректирующих действий.

В этих условиях внедрение информационных технологий обуславливает получение необходимой управленческой информации, которая имеет не усредненный, а информационно-личностный характер, позволяет увидеть продвижение каждого ребенка в процессе обучения.

Учителя начальной школы имеют возможность получить компьютерный курс, где все учебные программы «привязаны» к текущему учебному процессу, где использование компьютера не эпизодично, а систематично и обосновано.

Сначала работая в паре с учителем информатики, а потом и в одиночку, педагоги начинают постоянно использовать средства ИКТ во многих видах учебной деятельности с различным предметным содержанием. Происходит следующее:

– трансформация роли учителя информатики в роль координатора информационных технологий;

– рост информационной грамотности участников образовательного процесса;

– переход от «знаниевой» к «деятельностной» парадигме образования;

– рост эффективности образовательного процесса и его адекватности требованиям личности, общества, государства в современном мире.

Таким образом, учитель, используя информационные технологии, может решить задачи:

– представить учащимся новое эффективное средство самовыражения и тем самым способствовать формированию у них творческого мышления и исследовательской активности;

– формировать у учащихся через компьютерное проектирование культуру организации работ.

Овладение информационной грамотностью способствует совершенствованию методической компетенции педагога и, как следствие, росту его профессиональной компетентности.

На первое место выступает сотрудничество, содружество, сотворчество учителя и ученика (рис. 1). Контур учитель – компьютер не имеет аналогов в традиционной технологии. Из него учитель получает информацию о динамике усвоения учебного материала каждым учащимся и группой в целом, что позволяет произвести своевременную корректировку хода обучения по содержанию, объемам, темпам или иным аспектам.

В этом же контуре накапливаются результаты психофизиологического тестирования за все время обучения, что позволяет учителю и психологу проанализировать развитие учащихся и находить адекватное воспитательное решение.

Рис. 1. Деятельность учителя в контуре учитель – компьютер

Развитие школы не может быть осуществлено иначе, чем через инновационный процесс.

Инновационные методы обучения чаще всего развиваются при наличии специально созданных благоприятных условий. К этим условиям относятся следующие:

– совместная работа учителей, которая ориентирована на взаимопомощь коллег и обмен передовыми методами обучения;

– повышение квалификации с активным привлечением учителей, особенно с целью применения и изучения новых методов обучения;

– стиль работы школы, который предполагает наличие общей концепции инноваций, а также постоянную поддержку и поощрение новых типов обучения.

В исследовании ITL Research основной акцент делается на методах обучения, которые имеют самое непосредственное отношение к достижению результатов обучения уровня XXI века. «Инновационное обучение» в этом исследовании относится к трем категориям практических методов:

– педагогика, ориентированная на учащихся, которая поощряет индивидуальное эффективное самообразование учеников;

– расширение границ обучения за пределы класса такими способами, которые лучше всего согласуются с приобретением знаний и решением проблем в современном мире;

– интеграция ИКТ в педагогику в таких формах, которые способствуют достижению целей обучения. Важно отметить, что использование ИКТ не является целью само по себе, это всего лишь средство для расширения и углубления возможностей обучения.

Использование ИКТ разными учителями сильно варьируется. В школах с длительной историей использования ИКТ учителя, рассматривают ИКТ как неотъемлемую часть своей повседневной ра-

боты, то, без чего им трудно было бы обходиться. И наоборот, многие учителя, которые никогда не пользовались ИКТ, обращаются к ним гораздо реже: эти технологии еще не заняли важного места в их практике обучения.

Создавшаяся ситуация невольно подталкивала педагогов изменить свое отношение к процессу внедрения ИКТ и пройти вначале курсы по освоению компьютерной грамотности, затем по применению Интернет-технологий.

Внедрение новых, перспективных форм и методов обучения, воспитания и развитие школьников всегда является действенным стимулом творческих поисков учителей. Достижение образовательных результатов, обозначенных в федеральных государственных образовательных стандартах, непосредственно зависит от методической компетенции реализующих их педагогов, а информационная грамотность педагога становится не только составной частью методической компетенции, но и одним из главных инструментов профессионального роста и конкурентоспособности.

Библиографический список

1. *Адольф В.А.* Профессиональная компетентность современного учителя. – Красноярск: КГУ, 1998. – 310 с.

2. *Ивашнёва С.В.* Организационно-педагогические основы усовершенствования методической компетентности учителей иностранного языка начальной школы. – Рукопись.

3. *Кузьмина Н.В.* Профессионализм личности преподавателя. – М.: АПН, 1990. – 149 с.

4. *Соловова Н.В.* Методическая компетентность преподавателя вуза: монография. – М.: Изд-во АПК и ППРО, 2010. – 324 с.

5. Результаты международного исследования эффективности применения ИКТ в учебном процессе (далее ITL Research) — 2011: развитие образовательных экосистем. Ноябрь 2011 г.

6. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа».

7. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 06.10.2009 г. № 373.

УДК 376

Салахутдинова Елена Сергеевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Lenochka_8936@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ АДАПТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ КГУ им. Н.А. НЕКРАСОВА И КУРСАНТОВ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РХБЗ

В статье рассматриваются факторы, влияющие на процесс адаптации студентов и курсантов в учебной группе. Исследуемые аспекты выделены с помощью метода априорного ранжирования факторов. Особое внимание уделяется направленности личности, коммуникативному потенциалу. В статье приведена сравнительная характеристика перечисленных показателей, полученных для курсантов и студентов.

Ключевые слова: *адаптация, направленность личности, поведенческая регуляция, коммуникативный потенциал.*

С помощью метода априорного ранжирования факторов было выделено несколько условий, которые, по мнению преподавателей, больше всего влияют на адаптацию студентов в учебной группе. В том числе:

– направленность личности (установки, интересы, потребности, создающие мотивационную обусловленность деятельности человека, его поведения в соответствии с конкретными жизненными целями);

– поведенческая регуляция (способность человека регулировать своё взаимодействие со средой);

– коммуникативный потенциал;

– личностный потенциал (запас жизненной энергии).

Направленность личности – ведущее психологическое свойство личности, в котором представлены система ее побуждений к жизни и деятельности. Как бы ни различались трактовки личности в психологии, практически все исследователи считают, что ведущим компонентом структуры личности, ее системообразующей характеристикой является направленность личности. Именно в этом свойстве выражаются цели, во имя которых действует личность, ее мотивы, ее субъективные отношения к различным сторонам действительности.

Направленность оказывает организующее влияние не только на компоненты структуры личности (например, на проявление темперамента или на развитие способностей), но и на психические состояния (например, преодоление стресса) и всю область протекания психических процессов.

Направленность воплощается в различных формах – ценностных ориентациях, симпатиях или антипатиях, вкусах, склонностях, привязанностях и проявляется в различных сферах жизнедеятельности человека: профессиональной, семейной, политической и т.д. Именно в направленности выражаются цели, во имя которых действует личность, ее мотивы, ее субъективные отношения к различным сторонам действительности, т.е. вся система се характеристик.

В общем плане направленность личности в психологии определяют как систему устойчивых по-

© Салахутдинова Е.С., 2013

требностей, интересов, идеалов, т.е. всего того, чего хочет человек. Направленность задает главные тенденции поведения. Человек с ярко выраженной позитивной направленностью обладает трудолюбием, целеустремленностью, высокой социальной активностью.

Поведенческая регуляция (ПР) – это понятие характеризующее способность человека регулировать своё взаимодействие со средой деятельности. Основными элементами поведенческой регуляции являются: самооценка, уровень нервно-психической устойчивости, а также наличие социального одобрения (социальной поддержки) со стороны окружающих людей. Все выделенные структурные элементы не являются первоосновой регуляции поведения. Они лишь отражают соотношение потребностей, мотивов, эмоционального фона настроения, самосознания, «Я-концепции» и др. Система регуляции – это сложное, иерархическое образование, а интеграция всех её уровней в единый комплекс и обеспечивает устойчивость процесса регуляции поведения.

Коммуникативные качества (коммуникативный потенциал – КП) является следующей составляющей личностного адаптационного потенциала (ЛАП). Поскольку человек практически всегда находится в социальном окружении, его деятельность сопряжена с умением построить отношения с другими людьми. Коммуникативные возможности (или умение достигнуть контакта и взаимопонимания с окружающими) у каждого человека различны. Они определяются наличием опыта и потребности общения, а также уровнем конфликтности.

Моральная нормативность (МН) обеспечивает способность адекватно воспринимать индивидом предлагаемую для него определённую социальную роль. В данном тесте вопросы, характеризующие уровень моральной нормативности индивида, отражают два основных компонента процесса социализации: восприятие морально-нравственных норм проведения и отношение к требованиям непосредственного социального окружения.

Для выявления направленности личности была использована методика диагностики направленности личности Б. Басса. Ориентационная (ориентировочная) анкета впервые опубликована в 1967 г. и широко используется в настоящее время. Анкета состоит из 27 пунктов-суждений, по каждому из которых возможны три варианта ответов, соответствующие трем видам направленности личности.

1. Направленность на себя (Я) – ориентация на прямое вознаграждение и удовлетворение безотносительно работы и сотрудников, агрессивность в достижении статуса, властность, склонность к соперничеству, раздражительность, тревожность, интровертированность.

2. Направленность на общение (О) – стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми, ориентация на совместную деятельность, но часто в ущерб выполнению конкретных заданий или оказанию искренней помощи людям, ориентация на социальное одобрение, зависимость от группы, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми.

3. Направленность на дело (Д) – заинтересованность в решении деловых проблем, выполнение работы как можно лучше, ориентация на деловое сотрудничество, способность отстаивать в интересах дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели.

После обработки анкет получены следующие результаты (табл. 1).

Из диаграмм видно, что 78% курсантов и 68% студентов имеют средний и высокий показатель направленности «на себя». То есть это люди, работающие на свой личный результат без учета коллектива и без заинтересованности в решении общих проблем. Всего 22% курсантов и 20% студентов имеют высокую направленность на общение. Остальные испытуемые не придерживаются ориентации на совместную деятельность и поддержание общения. Заинтересованы в решении деловых проблем, нацелены на выполнение работы 46% курсантов и 37% студентов. Остальные 54% курсантов и 63% студентов не желают отстаивать интересы дела и собственное мнение, направленное на достижение общей цели.

Для определения уровня поведенческой регуляции, коммуникативного и личностного потенциалов используется многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным в 1993 году. Он предназначен для изучения адаптивных возможностей индивида на основе оценки некоторых психофизиологических и социально-психологических характеристик, отражающих интегральные особенности психического и социального развития. Опросник принят в качестве стандартизированной методики и рекомендуется к использованию для решения задач профессионального психологического отбора, психологического сопровождения учебной и профессиональной деятельности.

Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» состоит из 165 вопросов и имеет 4-е структурных уровня, что позволяет получить информацию различного объёма и характера.

Шкалы 1-го уровня являются самостоятельными и соответствуют базовым шкалам СМИЛ (MMPI), позволяют получить типологические характеристики личности, определить акцентуации характера.

Шкалы 2-го уровня соответствуют шкалам опросника ДАН («Дезадаптационные нарушения»), предназначенного для выявления дезадаптационных нарушений преимущественно астенических и психотических реакций и состояний.

Таблица 1

Сравнительная характеристика личностной направленности студентов и курсантов

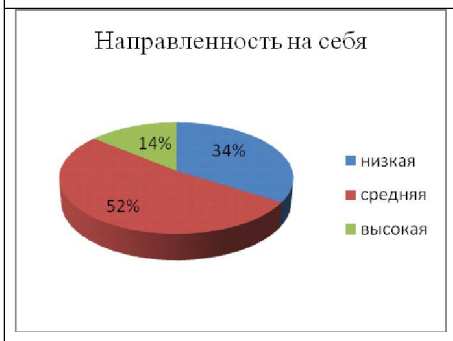
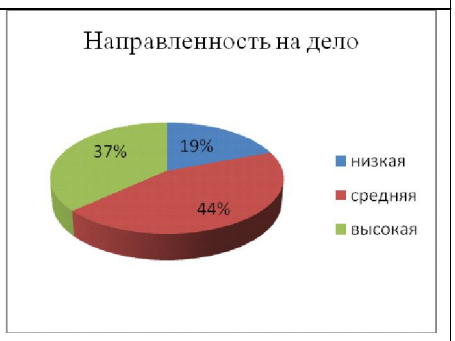
Для курсантов	Для студентов гражданского вуза
	
	

Таблица 2

Количество студентов, набравших от 1 до 10 стенов

Шкалы \ Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
поведенческая регуляция	4	5	13	44	37	23	12	7	5	0
коммуникативный потенциал	2	6	16	41	29	24	14	9	6	3
моральная нормативность	3	6	15	39	35	21	15	9	5	2
личностный адаптационный потенциал	3	6	15	41	34	22	13	9	5	2

Таблица 3

Количество курсантов, набравших от 1 до 10 стенов

Шкалы \ Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
поведенческая регуляция	1	3	4	7	8	9	9	7	2	0
коммуникативный потенциал	0	2	6	6	7	10	6	7	4	2
моральная нормативность	0	2	5	7	7	9	8	8	3	1
личностный адаптационный потенциал	0	2	5	6	7	10	8	7	4	1

Таблица 4

Краткая интерпретация шкал 3-го уровня

Наименование шкалы	Интерпретация низких значений (в стенах)	Интерпретация высоких значений (в стенах)
поведенческая регуляция	низкий уровень поведенческой регуляции, определённая склонность к нервно-психическим срывам, отсутствие адекватности самооценки и адекватного восприятия действительности.	высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции, высокая адекватная самооценка, адекватное восприятие действительности.
коммуникативный потенциал	низкий уровень коммуникативных способностей, затруднение в построении контактов с окружающими, проявление агрессивности, повышенная конфликтность.	высокий уровень коммуникативных способностей, быстрое становление контактов с окружающими, не конфликтность.
моральная нормативность	низкий уровень социализации, неадекватная оценка своего места и роли в коллективе, отсутствие стремления соблюдать общепринятые нормы поведения.	высокий уровень социализации, адекватная оценка своей роли в коллективе, ориентация на соблюдение общепринятых норм поведения.

Таблица 5

Деление испытуемых на группы по набранным стенам

Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Группы	4 группа			3 группа			2 группа		1 группа	

Шкалы 3-го уровня: поведенческая регуляция (ПР), коммуникативный потенциал (КП) и моральная нормативность (МН).

Шкала 4-го уровня – личностный адаптационный потенциал (ЛАП).

В нашем исследовании нам интересны шкалы 3 и 4 уровней.

Для проведения исследования и быстрой качественной обработки анкет была подготовлена анкета в программе Microsoft Office Excel. Испытуемый отвечал на вопросы, а программа автоматически подсчитывала баллы по необходимым шкалам.

Полученные «сырые» баллы были переведены в стены, по которым можно судить о принадлежности человека к той или иной группе адаптационных способностей. В таблицах 2 и 3 приведено количество студентов и курсантов, получивших то или иное количество баллов за ответы на вопросы анкеты и переведенных в стены по специальной шкале.

Краткая характеристика шкал 3-го уровня представлена в таблице 4.

По показателям личностного адаптационного потенциала испытуемые делятся на 4 группы (табл. 5).

На рисунках 1 и 2 представлена диаграмма с указанием процентного соотношения деления на группы исследуемых курсантов и студентов. Среди студентов к 1 группе относятся 7 человек (5%), среди курсантов – 5 (11%). Ко 2 группе относится 22 студента (14%) и 15 курсантов (34%). В третью группу входит 97 студентов (65%) и 23 курсанта (52%), а в четвертую группу, требующую особого внимания, входит 24 студента (16%) и 7 курсантов (3%).

Краткая характеристика шкал 4-го уровня представлена в таблице 6.

Стоит отметить, что анкетирование проводилось в конце сентября. К этому времени студенты проучились всего месяц. В то время как курсанты с 1 по 30 августа проходили курс молодого бойца в лагере «Песочное», распорядок дня лагеря и проводимые офицерами мероприятия заметно повлияли на сплочение коллектива курсантов. Это необ-

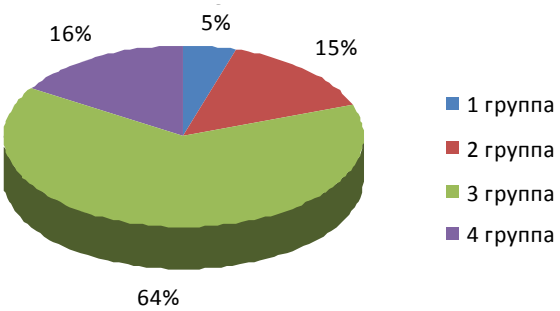


Рис. 1. Процентное соотношение деления студентов на группы по 4 шкале

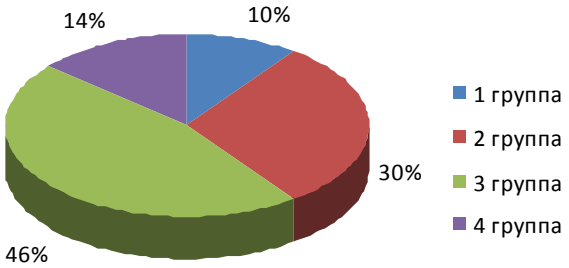


Рис. 2. Процентное соотношение деления курсантов на группы по 4 шкале

Таблица 6

Интерпретация групп адаптационных способностей личности по тесту МЛО («Адаптивность»)

Группа	Интерпретация
1-2	Группа хороших адаптационных способностей. Лица той группы легко адаптируются к новым условиям деятельности, быстро «входят» в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения и социализации. Как правило, не конфликтны, обладают высокой эмоциональной устойчивостью. Функциональное состояние лиц этой группы в период адаптации остаётся в пределах нормы, работоспособность сохраняется.
3	Группа удовлетворительной адаптации. Большинство лиц этой группы обладают признаками различных акцентуаций, которые в привычных условиях частично компенсированы и могут проявляться при смене деятельности. Поэтому успех адаптации во многом зависит от внешних условий среды. Эти лица, как правило, обладают невысокой эмоциональной устойчивостью. Процесс социализации осложнён, возможны асоциальные срывы, проявление агрессивности и конфликтности. Функциональное состояние в начальные этапы адаптации может быть нарушено. Лица этой группы требуют постоянного контроля.
4	Группа сниженной адаптации. Эта группа обладает признаками явных акцентуаций характера и некоторыми признаками психопатий, а психическое состояние можно охарактеризовать как пограничное. Процесс адаптации протекает тяжело. Возможны нервно-психические срывы, длительные нарушения функционального состояния. Лица этой группы обладают низкой нервно-психической устойчивостью, конфликтны, могут допускать делинквентные поступки.

ходимо учитывать при сравнении числа испытуемых, попавших в ту или иную группу.

Так же нужно учесть гендерный признак. Мужской коллектив отличается большей сплоченностью, чем женский. А студенческие группы состоят примерно на 95% из девушек.

После проведенного исследования можно сделать вывод, что больше половины студентов и курсантов, поступивших на 1 курс и попавших в новый учебный коллектив, нуждаются в поддержке и специальной помощи со стороны преподавателей и сотрудников высшего учебного заведения. Дезадаптированность учащихся ведет к серьёзным проблемам в коллективе, к отсутствию мотивации к учебе и другим проблемам.

Библиографический список

1. Психологический центр «Гелиос» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rasstanovki-rostov.ru/?page_id=618.

2. Oksanochka.com: персональный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oksanochka.com/003/001/024_1.shtml.

3. PSYLAB – энциклопедия психодиагностики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylab.info.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.33

Артюхович Юлия Васильевна
доктор философских наук, профессор
Волгоградский государственный технический университет
julart1@yandex.ru
Соловьев Андрей Александрович
кандидат философских наук
Волгоградский государственный технический университет, доцент
lokotigr@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНЖЕНЕРА*

Философский анализ актуальной проблемы ответственности инженера перед обществом за результаты своей профессиональной деятельности проведен с позиции аксиологического подхода. Определены место социальной ответственности в аксиосфере современного инженера, перспективы совершенствования процесса формирования социальной ответственности специалиста в техническом вузе.

Ключевые слова: *социальная ответственность, инженер, ценности, техническое образование.*

В информационном обществе актуализируется социальная роль инженера. Задачи подготовки специалиста, работающего со сложными техническими системами, предъявляют новые, все возрастающие требования к техническому образованию. Учебные программы в рамках компетентностного подхода направлены на совершенствование знаний, умений и навыков будущих инженеров, на расширение их кругозора, развитие интеллекта. Однако у специалиста, способного участвовать в решении глобальных или локальных проблем современности, прогнозировать и предупреждать их последствия, должно быть чувство ответственности перед обществом за результаты своей профессиональной деятельности.

Мы стремимся определить возможности и перспективы совершенствования формирования социальной ответственности инженера в процессе вузовского образования на основе фундаментальных гуманистических ценностей. В этой связи актуальным и важным авторам представляется исследование содержания современного образования в технических вузах с позиции аксиологического подхода. Именно аксиологический подход позволяет выявить нормы и ценности, которые должны стать основанием для формирования социальной ответственности инженера.

Социальная ответственность инженера за последствия своей профессиональной деятельности – основной постулат современной концепции инженерии. Задача инженера – не просто и не только грамотное применение технических средств. Главное – поставить технику на службу обществу. В исследованиях по этике инженерной деятельности данная проблема неоднократно оказывалась в поле зрения как отечественных, как и западных исследователей в трудах Х. Йонаса, Р.К. Мертона, А. Хунинга, Г. Кюнга, Б.И. Козлова, Б.М. Мукоева, А.В. Чеботарева, С.И. Герасимова, С. Г. Кукушкина, М. В. Лукьяненко, Н. П. Чурляевой и др.

Однако педагогическая теория далеко не всегда согласуется с реальностью, иногда даже возникает противоречие между преподаваемым в вузах «инженерным дискурсом» и инженерной практикой [6, с. 362].

Очевидно, что воспитывать социальную ответственность инженера необходимо, и следует уделить ей особое внимание именно в период обучения студентов в техническом вузе [3, с. 19], однако не определены конкретные механизмы этого процесса.

1. Не ясно, в рамках каких учебных дисциплин должно формироваться представление об ответственности за результаты профессиональной деятельности инженера. Предполагается, что это задача профессиональной этики, однако такая элективная дисциплина включена в учебные планы не во всех технических вузах.

Преподаватели специальных технических дисциплин локализуют проблему исследования до конкретных примеров нарушения технологии или правил технической безопасности на производстве. Происходит сужение понятия: речь идет не столько о социальной ответственности инженера как ценности, сколько о социальной опасности недобросовестного выполнения служебных обязанностей или нарушения трудовой дисциплины.

Преподаватели гуманитарных дисциплин, наоборот, расширяют понятие социальной ответственности инженера до глобальных масштабов вселенской катастрофы (например, в концепции экологической ответственности Г. Йонаса [4] или в принципе планетарной ответственности, базирующемся на «проекте глобального этоса» Г. Кюнга [5]).

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-13-34011 «Ценностно-целевые основания опережающего образования инженера».

© Артюхович Ю.В., Соловьев А.А., 2013

Таким образом, оказывается «за кадром» конкретно-историческое содержание социальной ответственности инженера: нашему молодому современнику трудно представить себя ответственным за свою работу перед всей планетой.

2. Понятие социальной ответственности инженера абстрагируется от конкретной реальности. Оно воспринимается студентами в качестве репродуктивного знания в пределах широкого (для гуманитарных дисциплин) или узкого (для специальных технических дисциплин) социального поля. Представление о социальной ответственности инженера в этом случае лишается осознанности на личностном уровне, не пробуждает творческой активности студентов.

3. Абстрагирование от конкретной реальности в осмыслении понятия социальной ответственности инженера может перейти в другую крайность. При четкой «привязке» некоего комплекса этических норм к объекту профессиональной деятельности происходит подмена понятий: социальная ответственность инженера осознается им как ответственность не перед обществом в целом, а перед небольшой частью общества (фирмой, работодателем). Хотя общеизвестно, что соблюдение интересов работодателя в некоторых случаях может противоречить установленным законам, даже создавать реальную угрозу для общества в целом, для социальных групп и территориальных общностей.

4. Подмена понятия социальная ответственность инженера понятием его ответственности перед фирмой, работодателем (что нередко происходит в инженерной практике) вновь возвращает нас к проблеме аксиологических ориентиров технического образования, которые должны строиться на основе фундаментальных гуманистических ценностей.

5. Нравственные ценности являются основой гуманистического потенциала общества, направляя энергию человека на утверждение Истины, добра и Красоты с позиции общечеловеческой морали [2, с. 96], Нравственное состояние инженера, владеющего техникой, приобретает решающее значение. Основная проблема инженерной этики – это гармоничное взаимодействие в системе: человек – техника – природа на основе общечеловеческих норм и ценностей. Поэтому *духовность* и *нравственность* являются базовыми в ценностном наборе инженера. Именно на этом ценностном основании и формируется представление о социальной ответственности инженера за результаты его профессиональной деятельности.

Разработанная авторами (и применяемая в Волгоградском государственном техническом университете) аксиологическая методика оптимизации процесса обучения в технических вузах в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-13-34011 основана на ценностных подходах к стратегии инженерного образования. Используются новые методы и формы оптимизации процесса инженерного образования с позиции аксиологического подхода [1, с. 61], в том числе – целесообразное включение аксиологической проблематики в образовательный процесс на междисциплинарном уровне.

В рамках данной статьи не представляется возможным подробно описать вышеупомянутые методы и формы оптимизации процесса инженерного образования. Упомянем лишь о некоторых из них, имеющих непосредственное отношение к предмету исследования.

Для формирования и развития социальной ответственности инженера в вузе (в процессе изучения как гуманитарных, так и специальных технических дисциплин) нами применяются следующие методы:

1. Социологические исследования представлений студентов о социальной ответственности инженера: аксиологическое тестирование и анкетирование, составление «Кодекса инженерной этики» или «Нравственного кодекса инженера», вопросы и задания. Например:

Как научно-технический прогресс влияет на развитие социальной ответственности инженера?

Какое место занимает социальная ответственность в аксиосфере инженера?

Как проявляется влияние духовно-нравственного кризиса на формирование социальной ответственности инженера?

Расскажите об актуальных региональных проблемах, решение которых во многом зависит от социальной ответственности инженера.

Приведите примеры, иллюстрирующие различные формы социальной ответственности инженера за использование техники и ее результаты: 1) в повседневной профессиональной практике; 2) в группах и технических сообществах; 3) в масштабах общества, планеты.

2. Диалоговые, игровые методики. Например, участие студентов в разрешении дилеммы социальной ответственности инженера.

Развитие техники и производства подчинено объективной логике, и отказ отдельного специалиста от применения потенциально опасных для человека и общества технологий поможет (не поможет) избежать негативных последствий.

Практическое внедрение научно-технических достижений контролируют социальные силы. Инженер и технические сообщества могут (не могут) на них влиять.

3. Взаимодействие преподавателей специальных технических и гуманитарных дисциплин в проведении научно-практических конференций и «Ярмарки локальных технических проектов». На эти мероприятия студенты представляют авторские разработки, направленные на решение региональных проблем по соответствующим направлениям, обязательным пунктом которых является обосно-

вание социальной значимости и безопасности проектов. Тогда представление о социальной ответственности будет строиться на ценностях общей социальной обоснованности и конкретной (региональной) социальной значимости собственного творческого вклада инженера в профессиональную деятельность.

Итак, социально-философский анализ проблемы ответственности инженера перед обществом за результаты своего труда, проведенный с позиции аксиологического подхода, показал, что основанием (ценностной базой) для формирования социальной ответственности инженера в техническом вузе являются ценности творчества, духовности и нравственности, общей социальной обоснованности и конкретной (региональной) социальной значимости профессиональной деятельности. Мы полагаем, что целесообразное включение аксиологической проблематики в образовательный процесс на междисциплинарном уровне будет способствовать оптимизации инженерного образования. Технические вузы способны (и должны!) стать генераторами и трансляторами ведущих ориентационных ценностей в современном обществе.

Библиографический список

1. *Артюхович Ю.В.* Аксиологическая методика совершенствования инженерного образования // Образованието и науката на XXI век – 2012: Материали за VIII международна научна практична конференция 17-25 октомври 2012. Т. 27. Педагогически науки. – София: Бял ГРАД-БГ ООД, 2012. – С. 59–62.

2. *Артюхович Ю.В.* Аксиосфера базового маргинала. Ценностный мир «среднего» россиянина в философском осмыслении: Монография. – Волгоград: ГУ Издатель, 2009. – 116 с.

3. *Герасимов С.И.* Модель универсальных компетенций профессионального инженера // Инженерное образование. – 2010. – Вып. 6. – С. 18–25.

4. *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации.– М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

5. *Кюнг Г.* Проект мирового этоса // Этос глобального мира. – М.: Горбачев-фонд, Восточная литература РАН, 1999. – 206 с.

6. *Allie S.* Etal. Learning as acquiring a discursive identity: improving student learning in engineering education // European Journal of Engineering Education. – 2009 – 34 (4) – P. 359–367.

УДК 308

Попова Ирина Викторовна
доктор социологических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pivik@list.ru
Албегов Федор Георгиевич
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ФУНДАМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Добровольческое движение является элементом гражданского общества, через который государство может делегировать часть своих обязанностей по социальной защите самим гражданам. Развитие гражданского общества во многом зависит от состояния общественных организаций, от их возможности влиять на государственную власть. Добровольческое движение в российском обществе сталкивается с рядом трудностей. В сложившихся исторических условиях без поддержки со стороны местных органов власти и государства в целом не произойдет дальнейшего развития общественных организаций, как фундамента гражданского общества.

Ключевые слова: *добровольчество, гражданское общество, общественная организация, третий сектор.*

В условиях современного российского общества принципиальное значение играет проблема ресурсного обеспечения жизнедеятельности вновь создаваемых социальных институтов. Одним из таких ресурсов является деятельность добровольцев. Актуальность исследования добровольческого движения в России определяется тем, что этот важнейший человеческий ресурс представляет собой элемент гражданского общества, через который государство может делегировать часть своих обязанностей по социальной защите самим гражданам. Гражданское общество, как сфера не опосредованных государством социальных отношений, опирается на умение граждан к самоорганизации. Наработка навыков самоорганизации связана с участием граждан в работе общественных организаций. Однако следует понять, что в России исторически сложилось так, что в современных условиях развитие общественных организаций и общественных инициатив невозможно без поддержки государства. Это может показаться парадоксальным выводом, но в основе такого вывода лежат следующие причины: во-первых, за период Советской власти в массовом сознании произошло отчуждение граждан от участия в деятельности общественных организаций, которые были бы реально выведены из сферы государственного регулирования. Во-вторых, в условиях тоталитарного политического режима сформировались социально-психологические ограничения развития добровольческой деятельности, к которым можно отнести иждивенческую психологию, российский менталитет и отсутствие необходимого уровня ее мотивации. В сложившихся исторических услови-

© Попова И.В., Албегов Ф.Г., 2013

ях без поддержки со стороны местных органов власти и государства в целом не произойдет дальнейшего развития общественных организаций, как фундамента гражданского общества. Ярославская область весьма показательна с точки зрения проявления общих закономерностей, особенностей и специфики процессов возникновения, тенденций становления и развития общественно-политических объединений и организаций в современной России: если на 01.07.2006 г. было зарегистрировано 2025 общественных некоммерческих негосударственных организаций и объединений (без профсоюзных и религиозных объединений), то в начале 2007 года в исследуемой области организаций данного вида насчитывалось уже 2047.

Средняя численность ярославских организаций колеблется от 3 до 30 человек в среднем, а число волонтеров – от 2 до 640 в каждой организации. Из всех обследованных организаций выявлены только три (5%), имеющие собственные помещения (частная собственность), 19 организаций (29%) арендуют офисы различных площадей (от 14 до 130 кв. м.), 8 организаций (12%) получили офисные помещения от местных администраций на безвозмездной основе. Полученные данные позволили авторам сделать вывод о том, что более половины ярославских общественных объединений и организаций (54%) не имеют постоянного офиса и перспективы его приобретения [1, с. 127].

Конец 80-х и начало 90-х годов XX века для большинства россиян стали временем изменения личного мировоззрения и самоопределения. Мощный процесс становления различных общественных организаций, их консолидация, вокруг существовавших проблем, новых идей и неформальных лидеров вовлек людей в процесс поиска способов самореализации. Первые неполитические неформальные группы и общественные организации нового типа (независимые от политического и государственного управления) отражали самые проблемные области жизни людей, в которых участие государства было монопольным и неэффективным. Инициативные группы и организации, взявшие на себя ответственность оказывать помощь и защищать права репрессированных, женщин, душевнобольных, ветеранов войн, беженцев и вынужденных переселенцев, одиноких стариков, людей с ограниченными возможностями и тяжелобольных, бездомных, заключенных в тюрьмах, больных и безнадзорных детей, бедных людей, – стали первыми точками общественного внимания и развития добровольческой деятельности. Широкую добровольческую поддержку получали те группы и организации, задачи которых, с точки зрения людей, стоили их усилий и времени, а также те, в которых удавалось создать атмосферу уважения, доверия и творчества. В этот период добровольцы были практически единственным ресурсом и инструментом для гражданских действий, позволявшим привлекать и другие общественные ресурсы. Но эта поднявшаяся волна гражданской активности быстро иссякла, именно потому, что государство не увидело в этом движении таких важных тенденций, абсолютно необходимых для укрепления российского гражданского общества как:

– сближение российских организаций добровольцев между собой на основе формирования общего духа солидарности, объединяющих их ценностей и целей, создание ассоциаций, широких коалиций, гражданских движений, голос которых будет услышан и воспринят в верхних уровнях власти и во всех слоях общества;

– формирование национального добровольческого движения, объединяющего альтруистов, подвижников и энтузиастов, посвящающих себя людям на общее благо. Признание этого движения как основы для построения гражданского общества или негосударственного «третьего сектора». Создание климата доверия и широкого общественного мнения, способствующего наиболее полному проявлению добровольческих гражданских инициатив.

Под третьим сектором понимаются частные некоммерческие организации, которые не имеют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяют полученную прибыль среди своих участников. Имущество этих организаций не находится в государственной или муниципальной собственности.

В Ярославской области первой и единственной правозащитной общественной организацией, по собственной инициативе начавшей сотрудничество с пенитенциарной системой и желающей внести свой вклад в ресоциализацию бывших заключенных, стала общественная организация Ярославской области «Социум».

Члены общественной организации Ярославской области «Социум» к участию в реформировании уголовно-исправительной системы и ресоциализации бывших заключенных подошли логично, расширяя сферу своих интересов и клиентов, они уже имели достаточный опыт работы с различными категориями слабозащищенных граждан (подростки, дети, беженцы, пожилые, безработные, бомжи) и понимали всю сложность новых задач и объективно оценивали свои ресурсы. Члены ООЯО «Социум», начиная с 1999 года, разрабатывают и реализуют ряд социально значимых программ и проектов, направленных на оказание помощи заключенным и лицам, проходящим ресоциализацию и адаптацию после освобождения [2, с. 184].

Волонтерство как социально-психологическое и общественное явление в своем становлении и развитии имеет ряд трудностей. К их числу можно отнести:

– правовые ограничения (отсутствие соответствующих норм, процедур, механизмов защиты

в случае конфликта между общественной организацией и властью);

– отсутствие государственных программ (на федеральном, региональном и местном уровнях), стимулирующих процесс воспроизводства и восстановления целостности как всего общества, так и его региональных, областных и местных социумов;

– технологические ограничения, связанные с отсутствием в современной России профессиональных и общедоступных школ и развитых традиций волонтерства. В связи с этим существует и актуализируется проблема подготовки, обучения и организации практики волонтеров;

– информационное ограничение, которое заключается в слабой популяризации волонтерства и ограниченном распространении информации о позитивном опыте волонтерской деятельности в конкретных объединениях и организациях, их проектах и программах на федеральном, региональном и местном уровнях [3, с. 123].

Важнейшей предпосылкой развития добровольчества является наличие сильной и устойчивой мотивации субъектов к осуществлению данной деятельности. Для выявления уровня готовности общества к участию в добровольческой деятельности авторами был проведен социологический опрос студентов, аспирантов и соискателей вузов г. Ярославля.

В соответствии с задачей определения готовности молодежи к участию в добровольческой деятельности был задан вопрос: «Интересует ли Вас проблема добровольчества в российском обществе?», были получены следующие варианты ответов: для 45,2% эта проблема является интересной, 20,4% никогда об этом не задумывались, для 10,2% эта проблема является неинтересной, и 24,2% не интересуется этим вовсе.

Следующий вопрос исследовательской анкеты был поставлен следующим образом: «Кто на Ваш взгляд должен заниматься этой проблемой в обществе?». Ответы респондентов распределились таким образом: 21,5% считают, что добровольческой деятельностью в России должны заниматься сами люди, без всяких организаций, по мнению 20,8% респондентов, этой проблемой должны заниматься общественные и политические организации, и 20,3% считают, что государство должно решать проблему добровольческой деятельности, 27,2% перекладывают ответственность на благотворительные фонды, и 10,2% не считают, что этим стоит заниматься.

Для выявления распространенности добровольчества среди ВУЗовской молодежи в исследовании задавались несколько вопросов. На вопрос: «Какие организации в Вашем городе занимаются организацией добровольческой помощи, о которых Вы знаете?», респонденты ответили так: 83% не знают ничего о таких организациях, 7% отметили зоо-приют «ВИТА», 5% отметили «ХОСПИС», и также 5% отметили «Маленький Мук», «Харитоновцы», «Союз Студентов». В этом же ряду на вопрос: «Сколько среди Ваших знакомых людей, которые являются волонтерами в какой-то организации?» ответы респондентов распределились таким образом: у 48,0% респондентов нет таких людей, у 42,0% от 1 до 3 человек которые являются волонтерами, у 7,0% от 11 до 20 человек знакомых волонтеров, и у 3,0% более 20 человек тех, кто занимается добровольчеством. Личное участие респондентов в добровольческой деятельности также является показателем ее распространенности в обществе, поэтому в анкете был сформулирован вопрос: «Приходилось ли Вам лично принимать участие в оказании безвозмездной помощи людям?» На этот вопрос респонденты ответили, что 52,5% приходилось несколько раз, 31,2% ни разу не оказывали безвозмездную помощь людям, и 16,3% принимали участие в оказании безвозмездной помощи.

Через оценку готовности каждого респондента к работе добровольца можно определить степень готовности данной социальной группы: «Если бы Вам предложили работу добровольца (без оплаты труда) в какой-то общественной организации, Вы согласились бы?». Для 63,8% ответ зависит от того, сколько времени на это нужно потратить, для 16,5% все зависит от работы, которую нужно выполнять, 10,6%, не задумываясь, согласны на работу в предложенной им организации, 9,1% затруднились ответить. Для выявления основных мотивов участия в добровольческой деятельности в исследовании ставился вопрос: «Если бы Вы согласились выполнять такую работу, что было бы для Вас самым важным?». Ответы распределились следующим образом (сумма больше 100%, так как можно было выбрать три варианта ответа):

Заслужить уважение со стороны окружающих людей – 45,7

Заслужить уважение со стороны моих друзей – 35,6

Чувство самоуважения – 19,3

Возможность реально кому-то помочь – 25,8

Из милосердия – 17,6

Никогда не стали бы этого делать – 3,9

Исходя из ответа вопрос «Что может служить причиной Вашего отказа участвовать в добровольческой работе?», видно, что у 69,2% респондентов причиной является нехватка свободного времени; у 25,7% нет таких друзей, с которыми можно было бы этим заниматься; 13,4% считают, что любой труд должен оплачиваться, у 3,2% нет такого желания вообще; 15,7% отметили, что в такой работе участвуют.

Косвенную оценку распространенности добровольчества в обществе можно получить по ответам на вопрос: «По-вашему, в среде студенческой молодежи много таких людей, которые готовы к этой деятельности?». Респонденты ответили следующим образом: 45,2% думают, что таких людей мало,

35,8% думают, что таких много, и 19,0% затрудняются с ответом на поставленный вопрос.

На вопрос: «По Вашему мнению, российское общество готово к массовому добровольчеству?», были получены следующие варианты ответа: 68,2% считают, что общество не готово, 24,7% думают, что при хорошей организации общество готово, 7,1% затруднились ответить.

Таким образом, исследование показало, что изучение добровольческой деятельности на местах, анализ объективных условий и субъективных факторов, способствующих или препятствующих ее реализации, имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Одним из условий дальнейшего совершенствования добровольческой деятельности, повышения ее эффективности и успешной дальнейшей институционализации является применение традиционных, уже известных технологий, а также разработка, апробация и внедрение инновационных социальных технологий. Во многом этому будет способствовать изучение и практическое использование исторического опыта добровольческой деятельности, анализ и обобщение ее современного состояния, а также определение возможных перспектив развития.

Библиографический список

1. *Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л.* Теоретико-методологические основы изучения процессов развития гражданского общества в современной России и ее отдельных регионах // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 8. – С. 125–131.

2. *Попова И.В., Албегова И.Ф.* Роль общественных организаций как институтов гражданского общества и ресоциализация бывших заключенных в условиях местного социума // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова – 2012. – № 5. – С. 183–186.

3. *Албегов Ф.Г.* Волонтерство как социально-политическая деятельность: мотивация и технологии реализации // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – № 8. – 2010. –С. 122–124.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 882.09

Бубнихин Алексей Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
rinaldo89@mail.ru

ГРАД ОБРЕЧЁННЫЙ – АНТИУТОПИЯ XXI ВЕКА

В статье рассматривается произведение А.Н. Стругацкого и Б.Н Стругацкого «Град Обречённый» как антиутопия XXI века, изучается происхождение антиутопии как культурного текста, её связь с утопией. Автор исследует и называет признаки антиутопии в романе. «Град Обречённый» характеризуется автором как опыт внедрения массовой культуры в локальное сообщество.

Ключевые слова: *антиутопия, утопия, текст культуры, глобализация, эксперимент.*

Антиутопия, как следует из названия, образованного при помощи приставки «анти» – противоположность, искажённая форма Утопии. Существуют также два альтернативных названия этого явления: «дистопия», образованное от греческого «dus» – «неотделяемая приставка, означающая нечто противное, трудное или дурное (против. eu)» и «topos» – «место», а также «какотопия» от греческого «kakos» – «дурной, злой».

Сам термин «антиутопия» был впервые создан Д.С. Миллем в XIX веке для характеристики художественных и просто полемических произведений, рисующих вымышленное общество, пороки которого должны служить предостережением нравственности или политике. Антиутопии присущ технократический путь развития, что, вероятно, связано с механистическим характером её сообщества. Антиутопия, как разновидность культурного текста, имеет больше различных форм проявления, чем Утопия. По нашему мнению, подобное многообразие жанра Антиутопии связано с его актуальностью, приближенностью к реалиям современного общества, пережившего первый крах утопий социализма, капитализма и потому представляющему интерес для научного сообщества. Изучение первых Антиутопий таких авторов как Оруэлл, Хаксли, Замятин, Олеша существенно затруднялось ввиду труднодоступности этих текстов, которые подвергались жёсткой критике и цензуре. В. Новиков описывает антиутопизм как определённую черту различных произведений, таких как, например, философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы», «Мы» Е. Замятина, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери, а также романы братьев Стругацких. В настоящее время феномен Антиутопии изучен не так основательно, в отличие от породившей её Утопии. Исследователи описывают Антиутопию не только как текст, но и как образ мышления. Изучению феномена утопии посвящена работа К. Мангейма «Идеология и утопия», где утопия рассматривается в качестве типа психологии, М. Ласки «Утопия и революция», в котором, признавая единство происхождения утопии и революционной идеологии, выдвигается требование обязательного разделения понятий «утопист» и «революционер». Здесь мы поясним, что названия этих работ не несут в себе самого термина «антиутопия», однако он приводится в них совместно с утопией. Нужно отметить, что во многих работах зарубежных исследователей – как, впрочем, и отечественных – анализ феномена антиутопии проводится в сочетании с анализом утопии, жанр антиутопии представлен как один из вариантов развития утопического. При изучении текстов Утопий и Антиутопий возникает вопрос о принципах их взаимосвязи: является ли Антиутопия особым видом Утопии, или она – самостоятельный, но родственный ей жанр? Исследователи по-разному отвечают на этот вопрос.

Дж. Оруэлл, один из первых антиутопистов, пишет, что Утопия безжизненна сама по себе, что она лишь может стремиться к совершенству, но никогда его не достигнет. Т. Чернышёва считает Антиутопию генезисным продолжением Утопии, её логическим завершением, когда Утопия приобретает аналитический и экспериментальный облик [5, с. 49]. Однако некоторые исследователи считают Антиутопию самостоятельным культурным текстом. В. Чаликова считает антиутопию самостоятельным жанром, описывающим сатирически любые попытки сотворения идеального общества [4, с. 82]. Э. Баталов говорит об антиутопии как о новом способе полемики с Утопией. По Баталову, утопия – это жанр, существование которого служит отрицанию самой возможности такого явления как Утопия, общества, по природе своей совершенного [1, с. 28].

Мы считаем, что Антиутопия и Утопия – два родственных жанра. Один из них послужил причиной порождения другого. С другой стороны, два этих начала как бы противостоят одно другому: Утопия описывает идеальное сообщество, Антиутопия описывает сообщество, построенное по принципам Утопий, но с аналитической точки зрения. Антиутопия, подобно некоторым текстам фантастики (И. Ефремов, «Час Быка»), показывает нам, как будет развиваться общество, где статика, неподвижность и покой Утопии будут приведены

 © Бубнихин А.А., 2013

в движение, и при этом вектор развития будет учитывать «погрешности», обусловленные человеческой натурой – чувствами, мыслями, желаниями, эмоциями. Антиутопия словно вырастает из некоторых утопических особенностей: статика превращается в динамику, герои обретают лица и чувства, кроме того, они не «случайные гости», а жители, вовлечённые в антиутопическое общество, однако же, сохраняются до определённой степени, трансцендентальность, ритуальность и, разумеется, механистическое построение общества. Как правило, два противоборствующих начала образуют единое целое, общность, порождающую в своём противостоянии гармонию, движение: Инь и Янь, Явь и Правь у древних славян, Асгард и Нифльхейм у скандинавов. В случае с текстами Утопий и Антиутопий мы не можем говорить о такой гармоничности, ведь с точки зрения современного человека, гражданина XXI века, Утопия, в её понимании деятелями Ренессанса, – насилие над свободой и нравственностью. Таким образом, можно сделать вывод о взаимодополняемости этих жанров или об эволюции утопических культуры и сознания в антиутопические. И здесь мы также наблюдаем странное явление: развитие ведёт к совершенствованию объекта, его жизнеспособности, а в случае с антиутопией совершенствование – не совсем верное определение, скорее, речь здесь идёт о практико-прагматическом преображении утопии, статичность которой была нарушена и выведена из равновесия авторами-антиутопистами.

Антиутопия появилась как культурный текст середины XX века, однако, принимая во внимание сам факт того, что антиутопизм – образ мышления и свойство текста, мы можем причислить к ряду антиутопий и произведение А. и Б. Стругацких – «Град обречённый». Авторы пишут, что на это произведение их вдохновила работа Н. Рериха с одноимённым названием. На картине изображён змей, пламенем из пасти обжигающий город, вокруг которого он обвивает свои кольца. Антиутопию характеризует наличие главного героя, противостоящего сообществу антиутопии. В «Граде обречённом» главный герой – Андрей Воронин, гражданин СССР, человек своего времени. Андрей попадает в странный город, где проходит так называемый «эксперимент», который проводят таинственные «Наставники», незримые для участников эксперимента, но время от времени вступающие с жителями в диалог. Жители Города примечательны тем, что все они – выходцы из различных народов и временных эпох XX века: проститутка из послевоенной Европы, сам Андрей, гражданин СССР и офицер вооружённых сил Вермхата. В подобном этническом и социальном составе мы видим не только задумку таинственных Наставников по устройству идеального сообщества из абсолютно разных индивидуумов, но и образ современного общества массовой культуры, где грань между этносами стирается. Сцена игры в шахматы с Великим Стратегом, где на доске вместо фигур стоят люди, эпизод, где молодой человек из СССР времён Второй мировой Войны и офицер Вермахата пьют водку, и прочие эпизоды взаимодействия индивидов различных народов и социального статуса – рефлексия появления массовой культуры, общества глобализации. В искусственно созданных условиях, где могло сформироваться общество потребления, оно, вероятнее всего, и будет реализовано. В случае с романом Стругацких мы видим, как элементы различных культурных общностей, оказавшись в одном «котле», превратились в действительно глобалистическое сообщество, – сообщество эпохи, которую эти люди, не будь они частью «Эксперимента», не смогли бы увидеть в силу временных рамок. И.А. Едошина в своей работе «Человек в пространстве культуры» пишет: «Вот почему, думается, любая эпоха творится людьми бессознательно, но в то же время целостно. В структуру эпохи должны быть включены не только телесность, предметность, пространство, но и художественные образы, воспоминания, сюжеты, знания, впечатления» [2, с. 11]. Жители города Стругацких, сами того не ведая, бессознательно построили общество культуры потребления, в итоге рухнувшее, и приведшее к тирании. Вероятно, такой финал «Града Обречённого» – предупреждение об опасности глобалистического сообщества, ведь глобализация – стихийный и неподконтрольный человеку процесс.

Фантастичность Града и его различие с антиутопическими текстами в том, что герои не знают до конца сути «Эксперимента», не знают всех тайн Града – почему солнце в нём словно включается и выключается, почему так различна местность за пределами Города – к югу лежат плодородные земли с фермерскими хозяйствам, а к северу – необитаемые руины, где нет воды. Природа Града искусственная, сакральная. Антиутопии как тексту культуры свойственно, подобно утопии, наличие особых признаков, черт сообщества. В «Граде», например, жителей объединяет тот факт, что для вступления в «Эксперимент» они должны соответствовать ряду признаков, среди которых их сложная жизненная ситуация в «прошлой жизни», которая характеризуется также кризисом в государстве, где участники проживали.

Все жители Города получают назначение на профессию с помощью распределительной машины, не учитывающей полученного изначально образования и предпочтений конкретного человека. Главные герои в первой части предстают перед нами в роли мусорщиков, и лишь затем они получают иные профессии.

У каждого жителя есть свой Наставник, роль которого заключается скорее в помощи адаптироваться к новым условиям жизни. Наличие Настав-

ника не скрывается, но общение с ним относится к сфере интимного. Наставники не раскрывают секретов Города и Эксперимента. Вероятно, Наставники не являются отдельной от подопечного личностью, так как в предпоследнем разговоре со своим Наставником Андрей говорит ему: «Поддакиваете много, господин Наставник. Слишком уж беспардонно поддакиваете мне, господин Воронин-второй, совесть моя желтая» [3, с. 139].

Время от времени в Городе происходят глобальные процессы, природу и смысл которых Наставники жителям не сообщают. Эрозия построек или превращение воды в желчь, нашествие агрессивных приматов – детали «Эксперимента», которые, на наш взгляд, проверяют, как созданный Наставниками социум реагирует на различные факторы. Культура глобализации, культура XX века порождает принципы существования фантастического города, описанного Стругацкими. Как и в других антиутопиях, мы видим борьбу главного героя с системой, которую представляет собой Город – он начинает жизнь в рамках «Эксперимента» как мусорщик, потом становится следователем, чиновником. Система Града ассимилирует его жителей, невзирая на пол, возраст, национальность, убеждения. Город Стругацких – культурно – социальный эксперимент по внедрению идей глобалистики, массовой культуры в локальном очаге. Сама название «Град Обречённый» символично. Конец «Эксперимента» плачевный: к власти приходит диктатор, власть Наставников подорвана. Стругацкие, по нашему мнению, провели определённое родство экспериментов над человеческим социумом и ситуацией с экспансией глобализации в нашем мире. Антиутопия и антиутопическое мышление остаются актуальными и в XXI веке, когда инструментом внедрения принципов механики в человеческое сообщество является массовая культура, культура глобализации.

Библиографический список

1. *Баталов Э.Я.* В мире Утопии. Пять диалогов об Утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат 1989. – 319 с.

2. *Едошина И.А.* Человек в пространстве культуры. – Кострома: КГУ, 1994. – 135 с.

3. *Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н.* Град обречённый. – М.: Сталкер, 2004.

4. *Чаликова В.А.* Утопия и свобода: Эссе разных лет. – М.: Весть, 1994. – 184 с.

5. *Чернышева Т.А.* Природа фантастики. Гносеологические и эстетические аспекты фантастической образности. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985.

УДК 130.02(477)+111.852

Дудник Валентина Александровна

Национальная музыкальная академия Украины имени П.И. Чайковского, г. Киев, Украина

kisinkin@gmail.com

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

В статье рассмотрена сущность украинского культурного пространства как объекта научного исследования и его влияние на процессы формирования национальной идентичности, проанализированы трансформационные процессы в социокультурной сфере Украины.

Ключевые слова: *общенациональное культурное пространство, национальная идентичность, украинская культура, социокультурная сфера, политическая нация.*

Трансформационные процессы в социокультурной сфере Украины периода независимости побуждают к научному осмыслению такого актуального понятия, как общенациональное культурное пространство. Перспективы развития социокультурной сферы рассматривают многие современные исследователи на основе разных концептуальных подходов к этой научной проблеме. Идея формирования единого культурного пространства является особенно важной для современной Украины, поскольку от её реализации в духовно-культурной и практической плоскостях зависит утверждение национальной идентичности и украинской политической нации.

В современных гуманитарных науках проблема пространственного измерения социума и культуры является одной из ведущих. Её исследовали как зарубежные (П. Бурдье, Е. Гидерс, А. Лефевр, М. Фуко), так и отечественные ученые, русские (А. Быстрова, И. Гуткин, С. Иконникова, В. Тишков, Ю. Лотман, Е. Орловская, И. Свирида) и украинские (С. Бабенко, О. Гриценко, О. Сулименко, О. Кравченко и др.).

Цель статьи – раскрыть сущность украинского культурного пространства как объекта научного исследования в контексте процессов государственного созидания и международного опыта.

Многозначность категории пространства и длительный исторический период ее осмысления, берущий начало в античности, ставит перед исследователями важное задание в условиях Украины: сформулировать национальную модель создания единого полномасштабного культурного пространства.

© Дудник В.А., 2013

В работах современных исследователей термин «культурное пространство» имеет разнообразную понятийную и концептуальную интерпретацию. И. Свирида выделяет два значения понятия культурного пространства: во-первых, это концептуальное пространство, созидаемое в текстах культуры и преобразованное в образ, иными словами – это реальное пространство, свидетельствующее о том, что культура работает с категорией «культурное пространство»; во-вторых, – это пространство существования (обитания) культуры – среда, в которой, сочетаясь, существуют и развиваются культурные явления [10]. Е. Орловская отмечает, что культурное пространство проявляет себя как определенная материальная и духовная реальность. Осваивая пространство, насыщая его знаками и значениями, культура осмысливает его естественные свойства. Сначала сугубо топологические признаки преобразовываются в так называемую «вторичную природу» – культурное пространство. Человек, как творец культуры, созидает и пространство своего проживания. «Отвоевывая жизненное пространство» у природы (пространство как территорию), человек осваивает его и как существо природное, и как социальное, потому деятельность его направлена на превращение природного мира, и является средством существования социального. Творчество наполняет этот мир множественностью значений. Пространство оказывается постоянно задействованным в деятельности человека, поэтому культурное пространство всегда содержит в себе творческое начало [8].

А. Быстрова в структуре культурного пространства выделяет такие его составляющие, как пространство реального мира (географическое, физическое), пространство социума, информационно-знаковое и интеллектуальное пространство. Культурное пространство природы, отмечает она, формируется в процессе его освоения этносом, проживающим в нем. Культурное пространство социума охватывает и цивилизационный его аспект, и социальное пространство, и пространство значений. Все это представляет то состояние человеческого бытия, которое только в своей полноте и целостности образует совокупность бытия культуры. А. Быстрова, рассматривая информационную парадигму пространства, выделяет, как минимум, две стороны культуры. С одной стороны, – географическое пространство как среду обитания людей. Оно содержит значительный поток информации, естественных знаков, которые определенным образом влияют на деятельность, мышление, мировоззрение людей этой среды. Среда проживания, в свою очередь, является источником создания символов, мифов, религий, языков, особенностей научной и практической деятельности. С другой стороны, – символы, знаки опредмечивают знания, результаты разнообразной человеческой деятельности, становятся языком культуры, той информационной средой, в которой существует и человек, и общество в целом. Язык культуры охватывает также социальное пространство, его формы и виды. Отдельные элементы языка и их совокупность можно воспринимать как содержание информационного пространства.

Важным в интерпретации русским исследователем модели культурного пространства является ряд положений, которые также следует отметить: а) ни один из отмеченных видов культурного пространства не «перекрывает» другого, а могут не только «входить» друг в друга, но и изменять место своей «локализации», и свое значение в тот или иной исторический период; б) культурное пространство имеет и временное измерение. Каждое явление в мире человеческой деятельности имеет начало, развитие, достигает кульминации в определенный период, а далее – регресс и завершение; в) хрестоматийным признаком пространства является наличие границ, которые разделяют разные системы, полностью реализуются в культурных, приобретая при этом новое качество. Каждая из локально-исторических культур, каждый из видов культуры, каждая из культурных систем имеет такие границы [1].

Известный этнолог В. Тишков, рассматривая проблемы социально-культурной эволюции человечества, восприятия времени и пространства, обращает внимание на осмысление среды пространства, созидаемой человеком, как своего рода физического и умственного отражения организации пространства человеком (культурное пространство). Среди разных категорий культурного пространства, так называемого «геопространства», организованного по-разному в разных культурных традициях, исследователь выделяет такие: социальное, поведенческое, психологическое, воображаемое, информационное, электронное. Культурное пространство, по его мнению, предполагает взаимодействие четырех субстанций или элементов, составляющих *пространство, время, содержание, коммуникации*, без которых невозможно рассматривать организацию и использование геопространства [11].

Е. Подольская, К. Иванова, В. Лихварь в структуре культурного пространства выделяют три культурных формы. В первую очередь, это качественно существенная его часть, а именно: духовная культура, к которой принадлежат религия, искусство, философия. Существенным признаком всех этих культурных форм является то, что у них на первом плане пребывает сопоставление знаний и ценностей. Дальше в культурном пространстве выделяются формы культуры, определяющие социальные отношения людей, их взаимодействие в обществе (моральную, правовую, политическую культуру), в которых фиксируются социальные ценности и идеалы, а также регуляторы поведения. Совокуп-

ность таких форм составляет сферу культуры социальных отношений или социальную культуру. Наконец, в культуре есть еще одна сфера – техническая культура, к которой относят культуру освоения и возделывания материала, культуру выполнения, изготовления, получения чего-либо [7].

Отечественные исследователи, учитывая особенности современного состояния украинского общества, рассматривают проблему формирования культурного пространства в национальном контексте, предусматривающем, как считает украинский ученый О. Кравченко, наличие практики его маркировки и появление того уровня содержательного определения культуры, который дает основания для выводов о ее национальной принадлежности.

В украинском публичном дисскурсе национально-культурное пространство воспринимается как аналог культурной среды государства. Конкретные характеристики его состояния являются основанием для актуализации национальных содержаний в культурных процессах и свидетельствуют о соответствии имеющихся культурных форм содержанию национального. О. Кравченко подчеркивает, что «национальное культурное пространство», как и «национальная идентичность», «национальная идея», «национальные интересы», учитывая неоднозначность постсоветского контекста понятия «нация», предусматривают широкий диапазон трактовки их содержаний [6]. В украинской науке употребляются такие определения, как «культурное пространство», «общенациональное культурное пространство», «национальное информационное пространство» и т. д. Они совпадают по содержанию их истолкования.

О. Кравченко, анализируя языковое и культурное пространство, приходит к выводу о его нецелостности, недостаточной наполненности национально-культурным продуктом. Целостность национального культурного пространства исследователь связывает с интегрированностью отдельных регионов или общественных групп в общенациональный контекст при наличии общей системы символов, национального культурного продукта и каналов культурной коммуникации. То есть, из всех возможных институционных признаков культурной пространственности актуализируются ее коммуникативные составляющие [2]. В современной культурологии большинство ученых определяют культурное пространство как пространство существования (бытования) культуры, наполненное ее явлениями, элементами, феноменами, определяющими его сущность. Культурные феномены, объединяясь, группируются в системы и комплексы, образуя культурные формы, в которых хранится и развивается информационно-знаковое содержание общественной жизни.

Культурные формы по своей природе разнообразны и многочисленны. Трактуя их слишком широко, А. Кармин относит к ним национальные культуры, народную, элитарную, массовую культуры, субкультуры, мифы, традиции, обычаи, являющиеся «атомами», из которых состоит «вещество, заполняющее культурное пространство» [5].

Осмысление культурного пространства в масштабе всего человечества дает возможность выделить в нем относительно автономные типы культурных форм: национальные культуры; региональные культуры; цивилизации, в составе которых в процессе исторического развития образуются разнообразные культурные формы меньшего значения, занимающие отдельные подотрасли их пространства. К ним следует отнести субкультуру, массовую культуру, контркультуру, элитарную культуру, народную культуру, городскую и сельскую культуры.

А. Кармин предложил наиболее убедительную структуру культурного пространства: это, в первую очередь, парадигмальные формы культуры – типичные «учредительные» структуры, определяющие организацию смыслового содержания культурных феноменов. Трем основным видам смыслов в мире культуры – знаниям, ценностям и регулятивам – отвечают три вида парадигмальних форм: 1) когнитивная парадигма; 2) ценностная парадигма; 3) регулятивная парадигма. Далее ученый выделяет три разновидности культуры: духовную; социальную и технологическую, которые составляют сферы культурного мира. Наконец, русский ученый выделяет третью составляющую культурного пространства – культурный сценарий, представляющий собой социокультурный сценарный план, основную сюжетную линию жизненного действия. В просторные культуры имеются эталонные сюжеты культурных сценариев, определяющие их общие контуры и инвариативные, независимые от конкретных жизненных ситуаций принципы построения. Но в пределах общего культурного сценария могут быть разные варианты, разные нюансы основного сюжета. Каждый человек избирает среди них любой, в зависимости от конкретных обстоятельств жизни и личной заинтересованности. Такая конкретизация главной сюжетной линией образует вторую сценарную прослойку – индивидуальный сценарий деятельности [4].

Исследование национальной концепции культурного пространства дает возможность определить его структурные элементы. Изначально термин «культурное пространство» означал «сферу, в которой, в соответствии с законодательством, проводится культурная деятельность и удовлетворяются культурные, информационные и досуговые потребности граждан, которая охватывает, в частности, радио и телевидение, периодические печатные издания и книгоиздательскую продукцию, рынок культурных услуг, а также культурно-художественную среду» [3].

Полномасштабность общенационального культурного пространства обеспечивается развитием

сфер художественной, культурно-просветительской, культурно-досуговой деятельности как профессиональной, так и любительской, эфирного пространства электронных массмедиа, национального рынка печатных СМИ, книгоиздания и книгораспространения, других культурно-художественных продуктов и услуг, а также смежных сфер – образования, науки, деятельности структур гражданского общества [12].

Украинское культурное пространство как пространство бытования культуры дает возможность представить его структуру. Во-первых, – это национальная культура, то есть культура украинской политической нации, объединяющая разные варианты субкультур, обусловленные этническими, географическими, социальными, хозяйственными и классовыми факторами. Она развивалась, ориентируясь на прогрессивные, общие культурные достижения, созданные в годы пребывания нации в составе Русской империи и бывшего СССР, а также в процессе современной интеграции в мировое культурное пространство. Современная национальная культура содержит многочисленные взаимосогласованные и взаимодополняющие элементы: язык, искусство, верования обычаи, национальные общественные, политические, хозяйственные, культурные институции, взаимодействующие в едином коммуникационном пространстве. Эта конструкция составляет основу национальной идентичности.

Во-вторых, составляющей национальной культуры является украинская народная (этническая) культура как совокупность материальных и духовных ценностей, выработанных украинским этносом в течение его истории на своей территории средствами этнического самовыражения (родной язык, родная религия). Своеобразие народной культуры предопределено влиянием географического фактора, особенностей исторического пути народа, взаимодействия с другими этнокультурами. Вследствие трудностей исторического пути Украины (монголо-татарское завоевание в XIII в., польско-литовская экспансия в XIV–XVI вв., зависимость от Российской и Австрийской империй в XIX–XX вв.), в отечественной традиции народная культура сыграла исключительную роль. А в XVI в., когда феодально-боярская знать восприняла католичество и польскую культуру, и до конца XVIII в., когда верхушка казацкой старшины русифицировалась, украинское общество развивалось, в значительной степени не имея полноценной национальной культурной элиты. Настоящими созидателями и носителями культуры были низы общества. В своем историческом контексте украинская культура развивалась, прежде всего, как народная.

В-третьих, в составе украинской национальной культуры есть субкультуры – культурные формы жизни отдельных слоев населения, классов, социальных групп. В наше время в пределах больших культурных форм хранятся меньшие культурные формы: субкультуры, контркультура, элитарная культура. В частности, различают такие субкультуры: *подростково-молодежную* (рокеры, байкеры, хиппи и т.д.), разрушающую традиционные механизмы социализации и стремящуюся создать специфический образ жизни, культивировать свою особенность; *профессиональную* (театрального мира, армейского, научных работников, медиков); *криминальные субкультуры* (хулиганы, плуты, проститутки, наркоманы и тому подобное), создающие свои стандарты поведения, характерные для этого круга людей; *религиозные, авторитарные секты* («Свидетели Иеговы», «Аум Синрике» и др.), исповедующие единомыслие и суровую дисциплину. В украинском обществе происходит активный процесс создания воровской субкультуры криминального мира, в частности «специфической культуры миллионеров», определяющие признаки которой гипертрофировано раскрыты в анекдотах о «новых украинцах».

Актуальным для Украины является формирование общенациональной идентичности, консолидирующей принципы общества. Её трактуют как самоотождествление человека с определенным сообществом, его символами, ценностями, историей, территорией, культурой, государственными и правовыми институтами, политическими и экономическими интересами [12].

Формирование общенационального культурного пространства в Украине происходит в тесной связи с активными процессами созидания государства и национальной идентичности. Единое культурное пространство, его полномасштабность обеспечиваются путем развития сфер художественной, культурно-просветительской, культурно-досуговой деятельности, эфирного пространства электронных массмедиа, национального рынка печатных средств массовой информации, книгоиздания и книгораспространения, других культурно-художественных продуктов и услуг.

Библиографический список

1. *Быстрова А.Н.* Модель культурного пространства: граница и безграничность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/2008_1.pdf#page=95. – С. 98–101.

2. *Гриценко О. А.* Культурна трансформація в сучасній Україні: основні чинники та загальна характеристика змін // V Культурологічні читання пам’яті Володимира Подкопаєва «Культурологічний дискурс сучасного світу: від національної ідеї до глобалізаційної цивілізації» : зб. матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції, Київ, 1-2 червня 2007 р. – К. : Міленіум, 2007. – С. 20–31.

3. Закон України «Про культуру» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http:www.zakon.4rada.gov.ua/laws/show/2778-17.

4. *Кармин А.С.* Культурология. – СПб.: Лань, 2003. – С. 200–205.

5. *Кармин А.С.* Основы культурологи. Историография культуры. – СПб.: Лань, 1997. – 203 с.

6. *Кравченко О.В.* Національний культурний простір сучасної України як культурологічна проблема [Електронний ресурс] // Вісник Харківської державної академії культури. – Вип. 31. – Харків, 2010. – Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/vkhdak/2010_31 31-1-01.pdf

7. Культурология : учеб. пособие для студ. вузов / Е.А. Подольская, К.А. Иванова, В.Д. Лихвар. – Харьков: Изд-во НФаУ «Золотые страницы», 2003. – С. 27–28.

8. *Орлова Е.Б.* Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологи. – 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.analiculturolog.ru/archive/item/589-cultural-space-structure-determination-of-specificity.html

9. *Садохин А.П., Толстикова И.И.* Культурология : учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по соц.-гуманитарным спец. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2011. – С. 12.

10. *Свирида И.И.* Пространство и культура: аспекты изучения // Славяноведение. – 2003. – № 4. – С. 19–21.

11. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document902.pdf. – С. 289–290.

12. Україна в 2006 році: внутрішнє і зовнішнє становище та перспективи розвитку: експерт, доп. – К.: Славутич ; Дельфін, 2007. – 19 с.

УДК 391

Наумкина Ольга Сергеевна
Харьковская государственная академия культуры, г. Харьков, Украина
fort64@yandex.ru

ФЕНОМЕН МОДЫ И ЕГО КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

В статье объясняется природа происхождения феномена моды, описано значение феномена моды и его культурных связей. Мода подчиняется общим законам исторического развития и отображает все особенности своего времени: самые важные культурные достижения, самые заметные события общественно-полтической жизни, войны, революции, экономического кризиса.

Ключевые слова: *мода, стиль, традиция, одежда, вышиванка, искусство, аутентичность.*

Мода – феномен культуры (присущий всем культурам динамического типа), который одновременно является составной частью культуры, то есть охватывает собой определённое количество её элементов (являясь институтом в культуре), и одновременно определённым типом культурного механизма.

Мода является составной частью культуры на уровне отдельного института, существует как отдельная (относительно закрытая) субкультура. Речь идёт об институте моды одежды. В другом понимании мода – внеуровневый элемент культуры, который охватывает разные сферы культуры. В большей степени, механизм распространения феноменов приобретения статуса. Такое понимание касается понятий «модный» и «модности», которое может быть приспособлено к разным феноменам и артефактам культуры. Это понятие отображает процессуальность и механизм приобретения статуса, взаемосвязь традиционных и инновационных элементов культуры.

В самом употребляемом значении «мода» – это недолгое доминирование в обществе определённого вкуса [7; 10, с. 12]. Специальный термин «мода» означает особенную сферу человеческой деятельности по изготовлению, распространению и употреблению предметов первой необходимости (одежда, обувь и т.д.). В ней органично соединяется материальное производство, предпринимательство и художественная (искуствоведческая) практика [7].

Лёгкость восприятия моды в том, что она меняет «верхний шар», внешнюю поверхность культурных элементов, не изменяя при этом её сущности. Мода придаёт постоянный статус и постоянно меняемую форму. Самая яркая иллюстрация – это одежда. Модная одежда меняется каждый сезон, но именно из-за этой тенденции изменчивости она придаёт субъекту моды статус модного. Быть модным – вовремя изменяться. Непостоянство моды – одна из главных её характеристик. Слово «мода» происходит от латинского modus, что означает определённую меру или размер. Родственные слова – модуль, модель – означают разновидность, подобность, образец [10, с. 12]. Мода, а также ещё несколько категорий культуры, например, стиль, являются теми феноменами, через которые проявляет себя вся эпоха. Стиль демонстрирует устойчивость, стабильность, традицию. Определённая ограниченность стилей обеспечивает цикличность в моде, что также является её характеристикой.

Через цикличность мода связывает себя с прошлым. Мода, по бинарному разделению, принадлежит к динамическому типу общества и культуры, поскольку является срезом современности, ча-

 © Наумкина О.С., 2013

сто – синонимом современности. «Модный» и «современный» близкие понятия. Современность может черпать свои жизненные силы в прошлом, это заимствование в прошлом не столько форм, сколько содержаний – говорят, например, «атмосфера семедесятих», потому что заимствуют не только и не сколько форму платьев, сколько мировоззрение и ценности того времени, собственно поэтому происходит разделение на эпохи и обращение, возвращение к ним. Мода может быть приобщением к прошлому, идентификацией с прошлым.

Одновременно модные артефакты культуры являются символами своей эпохи, её знаками. Продукты индустрии моды выполняют не только утилитарные функции, они сигнализируют о времени своего создания, они являются материальными свидетельствами мировоззренческих основ культуры, в них сосредотачиваются художественно-теоретические учения, концепции, взгляды, манифестации, распространённые в конкретной культурной ситуации [7].

Приближённость стиля и моды по функциям проявления характерных признаков эпохи подчёркивают как исследователи, так и художники: «Стиль рождается тогда, когда художник не только умом познаёт идеалы своего времени, но и тогда, когда он иначе не может уже чувствовать, когда идеология его столетия, его народа становится его личной идеологией. Стиль это способ виражения даной эпохи в любом искусстве» [8, с.18]. Соответствующая роль и у моды, в частности, моды на стиль.

Каждая мода – это зеркало времени, но только после того, как она будет принята отдельным социальным кругом, народом. Её кривая идёт вверх с популярностью, увеличивается количество тех, кто получает от неё удовольствие. Когда мода достигает самой высокой точки, когда возникает угроза превращения модной одежды в однообразное форменное обмундирование, мода перестает быть модой, цикл резко обрывается, или постепенно затухает [6].

Динамика социальных процессов обусловила стремительное изменение форм правления, экономическую и политическую нестабильность, сталкивала и «перемешивала» социальные класы и сословия. Первоочередную роль в общественной и политической жизни начинают играть политические партии и гражданско-политические объединения, ассоциации [5].

В формах, пропорциях, колористическом решении женской одежды отобразились все направления искусства XX в, обычаи, психология современного человека, борьба за эмансипацию. Бурная динамизация жизни, связанная с развитием промышленности, транспорта, способов информации, с ускорением темпов научного и технического прогресса, спобствовала становленнию индустрии моды [5].

Кроме того, мода – это один из самых важных механизмов культуры. Это механизм кратковременной популярности, к которому часто приобщается определённая демонстрация (к примеру, гражданской позиции). Этот механизм особенно усиливается в культуре массового типа. Одновременно, это механизм соединения индивидуализации и унификации. Г. Зиммель понимает под модой определённую особенную форму, с помощью которой обеспечивается компромис между тенденцией к социальному уравниванию и склонностью личности к проявлению своей индивидуальности [4].

В системе культуры мода – это тот феномен, который указывает на современные требования к продуктам культуры, поэтому развитие её национального варианта – важное условие одновременной модернизации и сохранения самобытности.

Обозначим основные связи моды и других компонентов культуры. Одним из самых важных является двойная связь с массовой культурой. Как уже упоминалось, в массовой культуре мода – один из механизмов актуализации культурного образца, мода в массовой культуре – целый институт – мода одежды. Этот последний возник с развитием промышленности и возможностью действительного массового производства одежды. Исследователи называют промышленность главным фактором, который повлиял на политику Домов мод и создания новых форм в одежде [5, с. 6; 12, с. 17]. Необходимость стандартизации и типизации всех предметов быта и жилых домов выдвинула задание изучения законов моды и её регулирования. Модой заинтересовались психологи, социологи, экономисты [12, с. 17]. В итоге, культурологические исследования моды касаются преимущественно её соотношения с массовой культурой. В культурном пространстве мода соотносится с большинством компонентов культуры, потому что имеет символический статус, через символические структуры соотносится со всеми другими компонентами. Одежда для человека – это тот объект, в котором она имеет возможность выразить своё личное художественное представление о мире, который окружает её, о путешествиях и неосуществлённых фантазиях и т.д.

Мода соотносится с такими элементами культуры, как идеология, политика, сознание эпохи (стереотипи, представления, образы, менталитет). Исследовательница Л. Дыхнич определяет уровни, на которых взаимодействуют (и анализируются соответственно) элементы социокультурних процессов: теоретико-концептуальный (на этом уровне формируются ценностно-смысловые ориентиры, идеалы и принципы развития, связанные с общей мировоззренческой системой эпохи); нормативно-содержательный (формирование програмных установок, лозунги, сформулированыые на основе тех или других положений этой системы); процессуальный (стратегия реализации програмних установок, про-

паганда, конкретные шаги, направленные на реализацию программы) [6]. Соответственно, каждый следующий уровень основывается на предыдущем. Мода – это составляющая третьего уровня, но через неё можно определить два первых уровня, которые свёрнуто содержатся в ней.

Исследователи определяют такие признаки национального в искусстве: черты психологического состава народа и его быта, обычаи, традиции, обряды, общественные идеалы, эстетические идеалы, природные условия, а также специфические способы изображення (национальный язык искусства), при помощи которых всё перечисленное становится «телом» творческого произведения [3, с. 13–14]. Мода демонстрирует на конкретных примерах специфику отношений «национальное – глобальное» как в историческом срезе, так и в современной горизонтальной культуре.

Отдельного внимания заслуживает связь культурных компонентов «мода – традиция», что непосредственно касается специфики исследования и феномена внедрения в моду этнического компонента.

В современной культуре место этнического пребывает в пространстве «символической аутентичности», то есть является не просто аутентичной частью культуры, а символической формой, потому что может быть вписана в инокультурную реальность, и в большей степени отображает представления и устоявшийся образ феномена, чем феномен сам по себе.

В системе современных культур есть специально отведённое место для аутентичных культур – они занимают определённое символическое пространство, требуют защищённости, возрождения и сохранения (то есть заранее признаются как слабый элемент культуры, который должен основываться на других, более сильных). Легитимными являются шаги по поддержке этих культурных элементов, а также их количество. Признаётся равноправие культур, однако существует набор стандартных ассоциаций с этническими, которые используются, например, в таких сферах культуры как кинематограф, литература или мода на аксессуары.

Основные этнические мотивы задекларированы в современной культуре как «легитимно-аутентичные», то есть такие, которые являются признанными этническими темами: американский (индианский), индийский, африканский, в последнее время мусульманский.

Обращение к иностранным этническим мотивам может восприниматься как «острая» экзотика. Украинская тематика в масштабе мировой моды или на расстоянии от укранской культуры может также играть роль экзотики (пример американского бренда Pvblik (New York)), который в 2012 г. представил коллекцию в украинском «сельском стиле». Наоборот, в пространстве украинской моды обращение к украинской народной культуре имеет совсем другую характеристику – характеристику приобщения к собственным корням, собственным традициям. Это самоактуализация украинского стиля в аутентичной плоскости. Хотя национальная вышитая сорочка это так называемый must-have в гардеробе каждого украинца, очень немного людей носят настоящую вышитую вручную крестиком или бисером вышиванку. Современные же богемные вишиванки и принтованные топы не требуют придерживания фольклорного стиля или традиционного народного костюма, и среди всех прочих преимуществ созданы именитыми дизайнерами. Мировые дизайнеры и стилисты широко эксплуатируют этнические мотивы. «В дело идёт всё: техники ручной вишивки крестиком и гладью, ленточки и плетение, использование натуральных материалов и орнаментов, этнический покрой. Такой кантри-стиль “сельским гламуром” уже никак не назовёшь – пишет один из журналистов [10]. В мировой и украинской культуре одежды уже выработался определённый стиль этномоды, например, соединения вышиванок с джинсами – классика этномоды современности. В Украине становится всё более модным не столько сам по собе этностиль, сколько общая заинтересованность этническим, национальным. Украинскую вишиванку нельзя рассматривать только через понятие моды, так как именно этот феномен объединяет в себе, казалось бы, противоположные элементы культуры – моду и традицию. Модным становится традиционный элемент культуры.

Так как мода имеет вневременной характер, то является актуальной для циклической репрезентации. По своему характеру мода – это верхний шар культурних элементов, поэтому нельзя вытеснять традицию полностью. В современной культуре от традиции может остаться только механизм, и роль традицинного элемента будет исполнять, например, инокультурний элемент. Часто правомерно говорить об образовании новых традиций и заселении ими традиционного шара культуры. Можно говорить и о формировании традиций, а в этом процессе не последнюю культурообразовательную роль играет мода.

Мода в соединении с традицией представляет собой немного изменённый феномен. Например, может быть такой синтезированный вариант, как традиционная модность – в мире модной одежды известны конкретные вещи, которые не выходят из моды. Речь идет об определённом количестве феноменов, которые являются модными по традиции, мода (текучесть и сменяемость) преобретают характер цикличности и постоянства. Это второй вариант соединения двух противоположных культурных механизмов.

Таким образом, мы сталкиваемся с двумя вариантами соединения этих элементов с одним преоб-

ладающим компонентом: там, где имеет место склонность к повторению и стабилизации, преобладает традиция, это «делание» моды традициею. И наоборот, там, где преобладают актуализация и временность – превалирует элемент моды, это «делание» традиции модой.

Библиографический список

1. *Андреева Ю.* Татьяна Земскова и Алена Ворожбит: правила диктуем мы // Зеркало моды. – 2004. – № 6. – С. 88–89.

2. *Антонюк О.* Формування етнополітики Української держави: історичні та теоретико-методологічні засади: монографія. – К., 1999. – 282 с.

3. *Гизатов К.Т.* Национальное и интернациональное в советском искусстве. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. – 272 с.

4. *Зиммель Г.* Мода // Избранное. – М.: Юристъ, 1996. – Т. 2: Созерцание жизни. – С. 266–291.

5. *Дзеконська-Козловска А.* Женская мода XX века: пер. с пол. – М.: Легкая индустрия, 1977. – 296 с.

6. *Дихнич Л.П.* Феномен моди в соціокультурних процесах XX століття: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Київ. нац. ун-т культури і мистец. – К., 2002. – 20 с.

7. *Козлова Т.В.* Костюм как знаковая система. – М.: МТИ, 1980. – 68 с.

8. *Мельник М.Т.* Мода в контексті художніх практик XX ст.: Автореф. дис. ... канд. мистецтвознав / Київ. нац. ун-т культури і мистец. – К., 2008. – 19 с.

9. *Нагорна Л.П.* Національна ідентичність в Україні. – К.: ІПІЕНД, 2002. – 271 с.

10. Тренд тижня – вишиванка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://life.pravda.com.ua/fashion/2012/07/17/106887/.

11. Художник, вещь, мода: сб. ст. / сост.: М.Л. Бодрова, А.Н. Лаврентьев. – М.: Совет. художник, 1988. – 368 с.

12. *Яцків Я.* Розвиток науки в Україні в контексті української національної ідеї // Україна в пошуках себе: національна ідея, проблеми розвитку: зб. матеріалів експертів Всеукр. експерт. мережі / упоряд. О. Судакова. – К.: Києво-Могилян. акад., 2007. – С. 222–233.

УДК 7.03(09)

Тюрикова Юлия Михайловна

Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова, fii-rhea@mail.ru

ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В КАЛЕНДАРНЫХ ЦИКЛАХ ИСКУССТВА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ИТАЛИИ

В статье исследуются изображения знаков зодиака и «трудов месяцев» в искусстве Италии в Средние века.

Ключевые слова: *Средние века, Италия, «труды месяцев», знаки Зодиака.*

Распространенной темой итальянского искусства в Средние века является тема времени. В истории искусства хорошо известны произведения, которые принято обозначать понятием «труды месяцев». Пожалуй, наиболее востребована в Италии данная тематика была в скульптуре XII века: известный американский искусствовед Дж. Вебстер (1905–1989) называет среди наиболее важных примеров этого столетия мозаичный пол в соборах Аосты и Павии, рельефы Сан-Дзено в Вероне, Фиденцы, собора и баптистерия Пармы и купели во Флоренции, а также в соборе Феррары [12, с. 136–149]. Однако есть и примеры XIII века. Большинство календарных циклов были созданы в Северной Италии, особенно в Ломбардии.

Сочетание «трудов месяцев» с изображениями Зодиака было принято в византийских циклах, в средневековой Франции, в том или ином виде это же сочетание было характерно и для ранней итальянской мозаики, в то время как в Ломбардии XII века эти циклы изображались отдельно. Для итальянских календарных циклов рельефов XIII века правилом является сочетание изображений «трудов месяцев» с соответствующими знаками Зодиака. О важности зодиакального измерения календаря свидетельствует обширное использование зодиакальной символики в «Божественной комедии» Данте. Философское осмысление времени в средневековой Италии выражено в стихах Данте («Рай», песнь 27, ст. 118–120):

Как время, в этот погрузясь сосуд
Корнями, в остальных живет вершиной,
Теперь понять тебе уже не в труд.

Этот отрывок знаток оригинального текста «Божественной комедии» М.Л. Лозинский комментирует следующим образом: «Незримые *корни* времени погружены в Перводвигатель, а его зримая листва, или *вершина*, расположена в *остальных* небесах и воплощена в движении светил» [2].

Что касается материала воплощения календарных циклов, то наиболее важными являются напольная мозаика, фрески и рельефы (причем не только в убранстве церквей, но и в городском строительстве, как, например, в барельефах фонтана Маджоре XIII в.).

Одним из первых примеров изображения циклов месяцев в раннем средневековье является выполненный в технике мозаики пол с изображения-

© Тюрикова Ю.М., 2013

ми знаков Зодиака (обнаружены в 1902 г.) из черно-белого мрамора, расположенный в крипте базилики Сан-Савино в Пьяченце (Хв.). На фоне черно-белых волн помещены двенадцать круглых медальонов с изображением сезонных работ, символизирующих месяцы года и знаки зодиака. Между медальонами среди волн изображены фантастические морские существа. На полу пресвитерия в центре двойного круга с изображением реальных и фантастических животных, поддерживаемого атлантом, восседает старик в тунике, олицетворяющий Время. В руках он держит два антропоморфных шара, символизирующих Солнце и Луну. Изображения сопровождают названия месяцев строчными латинскими буквами, а также надписи по кругу, без разбивки на фразы или слова. Некоторые из изображений полностью разрушены, другие частично. Нужно отметить, что в этом цикле соответствие месяцев и знаков Зодиака отличается от общераспространенного в тот период: Рыбы соответствуют Марту, а не Февралю, Телец – Маю, а не Апрелю и т.д. Очевидно, это связано с постепенным отклонением Зодиака от солнечного цикла в связи с прецессией [5, с. 36]. Графика цикла отличается тщательностью проработки деталей, выделением символических моментов. Изображение календарных и зодиакальных циклов на черно-белых мозаичных полах – традиция, восходящая к античным временам. Подобные Зодиаки сохранились в баптистерии Сан-Джованни (современный облик имеет с XI–XIII вв.) и церкви Сан-Миниато во Флоренции (1207). В последней мозаике знаки Зодиака в виде белых силуэтов включены в орнаментальное колесо, представляющее круговорот года (здесь можно провести параллель с «солнечной колесницей» из «Божественной комедии» Данте); мозаика отмечена изяществом и мелкой детализацией орнамента.

«Труды месяцев» в медальонах изображены также на цветном мозаичном полу собора Отранто (середина 1110-х годов) (рис. 2). Изображения месяцев и знаков Зодиака в круглых медальонах составляют единую картину с глобальной панорамой христианской образности, выложенной в этой искусной мозаике с ее «повествовательной структурой» [11, с. 66], дополненной надписями. Важно отметить, что в Отранто «труды месяцев» включаются в контекст мифологии Творения, а не грехопадения, что является нечастым примером в итальянском решении данной темы.

Впечатляющий мозаичный пол сохранился в хоре собора Аосты. Первое сооружение на этом

Рис. 1. Труды месяцев, мозаика, кафедральный собор, Отранто

месте было построено в IV в. Это был большой молитвенный дом с нефом около 40 м. длиной. Собор был полностью перестроен в XI в. в романском стиле с готическими элементами. Мозаичный пол относят ко второй половине XII века. Здесь выполнены двенадцать медальонов одинакового размера, воспроизводящие «труды месяцев». Они окружают больший медальон, символизирующий год (ANNVS). Год олицетворен бородатым мужчиной без нимба (что отличает его от изображений святых), который одет в разноцветные одежды, сидящим на троне, держащим в правой руке солнце (SOL), а в левой – луну (LVNA). Эти тринадцать медальонов окаймлены узким орнаментальным бордюром, замкнутым в круг, а затем широким квадратным окоемом. В промежутках между кругом и углами квадрата – четыре небольших фигуры, несущих урны, из которых течет вода, символизируя четыре реки рая. Сохранились надписанные названия двух из них: FIZION и GION. Месяцы в данной мозаике символизируются следующими изображениями (и подписями). IANVS – человек с двумя головами, закрывающий одну башню (символ ушедшего года) и открывающий другую (символ года наступающего). FEBRVARIVS – сидящий человек с коническим капюшоном на голове греет руки у огня. MARCIVS – человек обрезает деревья. APRILIS – человек, держащий цветочный побег в каждой руке; около его правой руки – гнездо с птенцами. MAIVS – человек на скачущей лошади. IVNIVS – человек, косящий траву. IVLIVS – человек, срезающий зерно. AVGVSTVS – человек, обмолачивающий зерно цепом. Осенние месяцы представлены традиционной тематикой виноделия, забоя скота.

Рассмотрение мозаичных изображений календарных циклов в средневековых церквях Италии с раннероманского (X в.) по готический (XIII в.) период дает возможность проследить развитие календарной тематики в данном виде искусства. Общими тенденциями графического характера являются усложнение, как детализации рисунка, так и его композиции, связанное, по всей вероятности, с усложнением иносказательной составляющей изображений.

Теперь обратимся к скульптурным циклам храмов региона Тосканы. Уже в XI и XII вв. тосканская архитектура шла собственным путем, что имеет чрезвычайно важное художественно-историческое значение.

Значительной новизной в Тоскане было то, что наружные стены базилики впервые получили богатую отделку. В противоположность плоскому декорированию, шедшему с Востока, стены, арочные галереи или фальшивые аркады фасадов облицовывались белыми, черно-зелеными и кое-где красными мраморными плитами; в скульптурных украшениях видна несомненная близость к поздним антикам.

Немного примеров изображений «трудов месяцев» насчитывается в Тоскане [9]. Среди них купель во Флоренции XII века и изображения церкви Ареццо XIII века, отличающиеся изяществом детализации, композиционной смелостью и реалистичностью поз.

«Труды месяцев» стали предметом рельефного изображения и в Пизанском баптистерии. В круглом по плану баптистерии, постройка которого начата в 1153 г. Диотисальви, явен стиль тосканороманской архитектуры. Покрытый высоким коническим куполом, баптистерий имеет внутри двухъярусную круговую галерею из коринфских колонн и столбов. Пилястр левого косяка восточной двери содержит всего одиннадцать панелей, однако их с уверенностью можно интерпретировать как месяцы, так как большая часть содержит подписи. Сохранившиеся аббревиатурные подписи идут сверху вниз в следующей последовательности: – – – AG LV IV MA AP MA FE GE. Надписи, таким образом, маркируют месяцы с марта по январь, а оставшиеся четыре месяца приходятся на долю трех неподписанных панелей.

Этот цикл относится к одному из наиболее трудно интерпретируемых. Так, изображение Января получало следующие трактовки: человек, держащий свиток; греющий воду; стоящий у огня либо приносящий жертвы. Февраль (человек с удлиненным предметом в руке, стоящий в напряженной позе у волнистых линий горизонта) обычно идентифицируется как рыбак, хотя Дж. Вебстер также указывает на возможность того, что волнистые линии означают не воду, а вспаханную землю [12, с. 185]. Март – юноша, вытаскивающий колючки из ноги, или же человек, который что-то режет (напряженная поза юноши в длинном одеянии позволяет предположить различные трактовки). Апрель – человек с корзинкой на фоне дерева, или человек с цветами. Май – всадник, который также интерпретируется в литературе различно: просто как всадник, как рыцарь или зовущий в битву. Июнь представлен жатвой, Июль – молотьбой; Август – сбором фруктов, вероятно, фиг. Три последние панели, объединяющие четыре месяца, также трактуются в литературе различно: либо через объединение двух месяцев в одном (например, Сентября и Октября в сцене собирания винограда и его давлении), либо через пропуск одного из месяцев (Декабрь). Кроме виноделия, две оставшиеся панели посвящены вспашке земли и забою свиней. Вспашка на быках – один из необычных мотивов для осенне-зимнего периода (рис. 2).

Что касается пластики рельефов, то нужно отметить заметное римское влияние на часть изображений. Выполненные на белом мраморе, рельефы свободно отделяются от стены (особенно Август, Сентябрь), выполнены детально (складки одежды, листья деревьев и пр.) и производят впе-

Рис. 2. Сентябрь – Октябрь – Ноябрь (Декабрь). Баптистерий, Пиза

чатление гармоничности благодаря соразмерности композиции. Вместе с тем, наряду со спокойными, наличествуют напряженные и гротескные позы.

Нередко исследователи сталкиваются со сложностью атрибутирования занятий и месяцев, как это, например, характерно для исследования рельефов собора в Сесса-Аурунка, который датируется началом XIII века. Так, фигура, греющаяся у огня, атрибутируется как Январь или Февраль; следующая слева фигура, занятая рыболовством, показывает, что предыдущая должна, скорее всего, прочитываться как Январь (так как рыболовство соответствует «труду» Февраля в других циклах). Таким образом, здесь цикл, вероятно, должен читаться в последовательности справа налево. Арка, напоминающая дверной проем, на правой фигуре может означать начало года, хотя может быть и просто архитектурной деталью жилища. Третья справа фигура определенно означает Март (вытаскивание колючек), однако в ней появляется дополнительная маленькая фигура, которая вытаскивает колючку из ноги. Далее налево – женщина с круглым предметом (возможно, корзина?) над головой; вероятно, это вариация на тему собирания цветов, или вариация античного изображения весенней пляски.

Если изображение справа трактовать как олицетворение Мая, то нужно признать уникальность этого рельефа: фигура держит в руках ребенка; на дереве слева – птица; атрибутирование этого изображения остается спорным. Единственная подобная сцена встречается в сценах жизни Моисея на купели в церкви Сан-Фредиано в Лукке: кормилица с Моисеем (предположительно) на плече, с кувшином в руке, а над их головами – птица. В верхней части купели также содержится изображение месяцев.

Справа от вышеописанного рельефа в Сесса-Аурунка находится рельеф, изображение фигуры с корзиной фруктов на плечах; возможно, это олицетворение «труда» Июня. Следующая фигура, Июль, также, по всей видимости, символизирует некоего рода урожай, так как несет связку фруктов (вероятно) на палке, перекинутой через плечо, и что-то еще (возможно, пшеницу) на голове. Далее фигура, с покрытой от солнца головой, несет дубинку на плече, что может быть указанием на жару и молотьбу в Августе. Фигура справа, по-видимому, напоминает об урожае винограда в Сентябре; она несет на палке, перекинутой через плечо, маленькую корзинку, несколько напоминая византийскую сцену для этого месяца. Последняя из фигур, очевидно, не представляет собой изображение какого-либо конкретного месяца: она несет связку цветов и (вероятно) рог изобилия, что может быть указанием на щедрость годового урожая.

В общем, цикл Сесса-Аурунка остается сложно идентифицируемым, но сопоставление месяцев с «трудами» должно исходить из идентификации наиболее отличительных занятий, к которым в рассматриваемом цикле относятся вытаскивание колючек (Март), олицетворение Апреля, общее для всей средневековой традиции, и виноделие в Сентябре. Можно заключить, что каноны в Италии гораздо свободнее, чем во Франции; циклы различаются по тематике не только в пределах одной провинции, но и в одном архитектурном ансамбле. С другой стороны, мягкий климат влияет на содержание «трудов месяцев», делая возможным более раннее выполнение полевых работ. Итальянские циклы «трудов месяцев» отмечены вариативностью иконографии, что делает сложным выделение отдельных характерных сцен для каждого из месяцев. Это возможно только для таких месяцев, как Апрель, который везде олицетворяется фигурой с цветами, и Май, в образе которого везде обнаруживается отсылка к образу рыцаря, а также Сентябрь, который отмечен той или иной формой виноделия: сбором или давлением винограда.

По большей части календарные циклы «трудов месяцев» в скульптурном убранстве храмов имеют

выраженный средневековый характер: они отражают активное занятие, свойственное для месяца, но не являются (за исключением Марта и Апреля, в основном) пассивными фигурами-олицетворениями. Фигура с цветами, восходящая к античному решению темы весны, стала распространенным средневековым олицетворением Апреля; как замечает Дж. Вебстер, «возможно, что средневековый человек видел в ней непрямое указание на активное занятие, сбор цветов, но если это и так, то эта идея не нашла выражения в пластике решения данной темы в циклах XII века, и данная фигура должна интерпретироваться скорее как отсылка к античной идее и форме, напоминающая о символическом возвращении к новому цветущему периоду года» [12, с. 62]. Нужно отметить, что итальянские скульпторы и живописцы также нередко отступают от непременной двоичной соотнесенности «трудов месяцев» и знаков Зодиака: «труды» выходят на передний план, ежедневные заботы земледельца включаются в контекст всего скульптурного или мозаичного декора, будь то тема грехопадения (и труда как расплаты за прегрешения) или Творения (и трудов как знака безостановочного движения времени).

Библиографический список

1. *Арган Дж.К.* История итальянского искусства: Античность. Средние века. Раннее Возрождение. – М.: Радуга, 1990.

2. *Данте Алигьери*. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. – М., 1982.– 640 с.

3. *Тяжелов В.Н.* Малая история искусства. Искусство средних веков в Западной и Центральной Европе. – Искусство, 1981.

4. *Biehl W.R.* Das toskanische Relief im 12., 13. und 14. Jahrhundert, Diss. phil. – Heidelberg, 1909.

5. *Fowler J.* On Medieval Representations of the Months and Seasons. – London: Nichols and Sons, 1873.

6. *Giafreda G.* Il mosaico di Otranto: Biblioteca medioevale in immagini. – Edizioni del grifo, 1990. – 239 p.

7. *Schmarsow A.* Martin von Lucca und die Anfdnge der toskanischen Skulptur im Mittelalter. – Breslau, 1890. – 46 p.

8. *Schubring P.* Pisa. – Seemann, 1902.

9. *Smith C.* The Baptistery of Pisa. – New York: Garland Pub., 1978.

10. *Supino J.B.* Arte pisana. – Firenze: Fratelli Alinari, 1904.

11. *Walker A.* The Thirteenth-Century Fresco Decoration of Santa Maria Ad Cryptas in Fossa, Italy: A Thesis for the Degree of Master of Arts. – Georgia State University, 2009.

12. *Webster J.C.* The Labors of the Months in Antique and Medieval Art to the End of the Twelfth Century. – Princeton, 1938.

УДК 008

Ширяев Виктор Геннадьевич
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Vik8958@yandex.ru

ОЦЕНКА ФЕНОМЕНА КОНТРКУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье предпринимается попытка проиллюстрировать наиболее существенные позиции североамериканских ученых по вопросу о сущности контркультуры и сегментировать их в зависимости от признаков общности-разности. Показывается актуальность контркультурной проблематики на протяжении нескольких десятилетий с середины XX века и по нынешнее время.

Ключевые слова: *контркультура, бесструктурность, иррационализм, сексуальное освобождение, альтернативная система ценностей, коммунитарность, конфликт поколений.*

Немногим более 50 лет в научном мировом сообществе ведутся споры на предмет природы контркультуры и механизмов ее существования и осуществления. Обильное количество публикаций и исследований по данной проблеме не свидетельствует об исчерпанности темы, как раз наоборот, побуждают более внимательно заняться ее изучением с доселе неиспробованных позиций. Заинтересованность в дальнейшем изучении проистекает из факта все более растущей значимости многовариантных форм контркультуры в современном мире, прямо или косвенно влияющей на развитие процессов макрокультуры, политики, экономики и духовной жизни. Путем изучения контркультурных стратегий в контексте ценностных и идеологических антиномий (таких как прогресс-регресс, ценность-антиценность, мудрость-безумие, коммунистическое-капиталистическое и др.) могут быть даны ответы о стратегической матрице, определяющей функциональное развитие процессов развития человечества и возможное нахождение рецептов по выходу из симптоматичных цивилизационных тупиков. Нами предлагается обзор взглядов различных западных (в большей степени американских) культурологов, психологов и социологов по предмету контркультуры за хронологический промежуток с 60-х по 90-е годы XX века.

Не претендуют на самостоятельную концепцию, но являются информативными и значимыми науч-

© Ширяев В.Г., 2013

ные изыскания профессора социологии и психологии К. Кенистона. В сборнике статей конца 60-х годов «Молодежный раскол. Возникновение новой оппозиции», он дает полную картину политических, психологических, этических и социальных качеств и свойств, характерных для носителей нового революционного сознания в США в 60–70-е годы:

«1. Текучесть, бесструктурность движения, отсутствие фиксированных целей. Враждебность любым готовым доктринам и формулам. Самое важное – осознание себя, чем выговорить перед другими, что мы должны.

2. Решающую роль приобретает идентификация через возрастную группу. "Постсовременная молодежь" считает себя в первую очередь частью поколения, а не какой-либо организации. Незыблемых авторитетов нет, нет и традиционных героев и старших лидеров.

3. Основной упор делается на персонализацию – т.е. на отношения "Я и ТЫ", поэтому неспособность установить прямые отношения "один на один" почитается самым большим грехом. Обеим группам присущ антиаскетизм, экспрессивность и сексуальная свобода. Сексуальная эксплуатация или отсутствие взаимности решительно осуждаются.

4. Имеет место, скорее, стремление к открытости, к постижению всех аспектов чувств, мотивов и фантазий других, чем стремление к отделению от них. Национальные и расовые барьеры теряют свое прежнее значение.

5. Антитехницизм, направленный не против самой техники, а против обезличивания, которое она несет.

6. Стремление к созданию нового стиля жизни и новых типов организаций, которые бы способствовали раскрытию в индивидах личностного начала. Поиск таких новых форм приводит к возрождению трайбализма.

7. Антиакадемизм, который не следует путать с антиинтеллектуализмом. Простое невежество не поощряется. Это скорее стремление придать знаниям непосредственный жизненный смысл.

8. Психологическое непротивление, квиетизм, толстовское непротивление злу злом (практика Make Love Not War или символический ритуал поднесения цветов полицейским)» [1, p. 237].

Позволим себе также упомянуть систематизацию основных признаков контркультуры с точки зрения еще одного американского исследователя – профессора М.Б. Смитта:

«1. Индивидуализм – в центре внимания находится человек, мера всех ценностей;

2. Вера в возможность усовершенствования человека, игнорирующая политические и этические пути преобразования жизни людей;

3. Ценность самораскрытия – "пусть все будет наружу";

4. Акцент на ситуации "здесь и теперь", отказ от планирования своей жизни;

5. Гедонизм – "делай то, что тебе нравится", связанный с принципом "здесь и теперь";

6. Иррационализм – недоверие к науке и рационализму, интерес к мистике и оккультизму, к измененным состояниям сознания» [2, p. 158].

Следующей крупной точкой зрения на феномен контркультуры является позиция Д.М. Йингера, в которой он отводит контркультуре позитивную роль в обществе, поскольку она не является культурой всецело и полностью отрицающей культуру общества, в котором она сформировалась. Позитивная роль контркультуры заключается в стимулировании движения культуры социальной системы, которая способна развиваться только в условиях противостояния двух начал: дестабилизирующего (роль которого выполняет контркультура) и стабилизирующего (функции которого выполняет традиционная культура, одобряемая обществом). Контркультура, стремящаяся разрушить весь культурный слой или политические институты, созданные до появления контркультуры является (по Йингеру) антикультурой. Руководствуясь художественным принципом модернизма, контркультура утверждает полную независимость эстетики от морали. Йингер трактует контркультуру как комплекс, набор или конфигурацию норм и ценностей группы, резко противоречащим нормам и ценностям, господствующим в обществе, частью которого эта группа является.

Следующей точкой зрения является подход Г. Дэвиса, который базируется на понимании контркультуры как культуры, которая возникла из норм и ценностей господствующей культуры путем инверсии, т. е. путем придания им обратного смысла. Г. Дэвис обращает внимание на то, что если в ценностно-нормативной системе буржуазного общества добропорядочность рассматривается как одна из значимых ценностей, то в рамках контркультуры она, наоборот, антиценность, свидетельство мещанской ограниченности, филистерства тех индивидов, которые ориентированы на неё. Такое «зеркальное» превращение характерно и для сохранения индивидуально-личностных начал в бытии. Это относится, прежде всего, к сфере интимных отношений, вмешиваться в которые согласно нормам традиционной культуры и морали, не позволительно. В контркультуре ценность личностного бытия отрицается и противопоставляется ценностям группового «Мы». Это обстоятельство позволяет Г. Дэвису поставить знак равенства между контркультурой и антикультурой и рассматривать контркультуру как нечто открыто противостоящее культуре современного общества, обладающее набором всех отрицательных характеристик, противоположных тем, которыми обладает культура как таковая.

Более полифоничным является взгляд на природу контркультуры у известного аналитика и профессора психологии Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке Д. Янкеловича. В своих исследованиях социально-культурной ситуации 60-х годов он выделяет наиболее характерные черты контркультурной модели:

– носители контркультурного сознания воспринимают природу как модель гармоничной системы всех без исключения элементов, одним из которых является человек. Дарвиновская аксиома о природе как сфере борьбы за существование игнорируется и подвергается резкой критике;

– чувственное восприятие приравнивается в правах с абстрактно-понятийным мышлением в качестве одного из инструментов познания;

– постулируется возвращение к природе в духе Ж.Ж. Руссо, натурализация человека, считается что только «естественная природа человека, в отличии от искусственно навязанной обществом и культурой являет собой изначальную направленность человека на добродетель»;

– коммунарский образ жизни, критика и призыв отказаться от института семьи;

– реновация морали и общественных условностей;

– склонность к мистицизму в различных проявлениях, недоверчивое отношение к научному знанию, агностицизм;

– выбор в пользу кооперации вместо конкуренции, в общественных и иных отношениях;

– отказ от пуританской этики, выдвижение нового девиза: не «делать», а «быть»;

– отказ от объективности как метода достижения истины в пользу непосредственного ощущения, причастности, личного отношения;

– критика консюмеризма и модных брендов, стремление к простоте в одежде и естественному внешнему виду, отказ от косметической искусственности;

– приоритет невербальных форм общения;

– непризнание авторитетов;

– отказ от господства над природой;

– подчеркивание роли интроспекции, самопознания;

– отказ от моральных ограничений противоречащих самой природе человека;

– недоверие к любым формам организации и рационализации;

– приоритет сохранения природной среды над экономическим ростом, приложение принципов Degrowth-существования в экономике и политике.

Размышляя о природе контркультуры, исследователь определяет ее в качестве социально-экономической настройки новой фазы экономического развития – постиндустриальной, капиталистической. Причиной кризисных состояний, которые испытывает контркультура в последующие десятилетия, является ее глубокая взаимосвязь с экономическим базисом, который вступил в стадию экономического спада и кризиса. Тем не менее, социологические исследования Д. Янкеловича, относящиеся к 70–80-м годам, свидетельствуют, что наибольший вклад контркультуры был сделан в сфере морали и общественного мнения западного общества.

Профессор философии и культурологи Ф. Слейтер в своей концепции контркультуры считает, что ситуация, сложившаяся в современном обществе – это следствие процесса больших культурных изменений, смещения парадигмы, которое идет на протяжении десятилетий, если не столетий. «И в такие времена, кажется, что все движется в противоположном направлении и с ускорением» [3, с. 448]. Контркультура видится Ф. Слейтером в качестве ядра будущей культурной парадигмы. Такое становится возможным вследствие происходящей в настоящее время «революции сознания» в различных социальных группах в современном западном обществе. Контркультура в данный момент позиционируется им в качестве угрозы, новой волны изменений для старого мира, для «цивилизации отцов и дедов», борьба двух культурных парадигм в самом разгаре. «Старая культура в ситуации выбора предпочитает право собственности правам личности, потребности НТР – потребностям конкретного человека, конкуренцию – солидарности, средства – целям, закрытость и засекреченность – открытости и обнаженности, ритуальное “общение” – самоутверждению личности, погоню за обладанием – спокойной удовлетворенности, эдипову любовь –ревность – любви ко многим и т.д. Контркультура предпочитает в каждом случае обратное» [4, с. 232].

Ф. Слейтер занимался также причинами возникновения и массового развертывания молодежной контркультуры. Таких он выделяет три: 1) Обеспеченный в результате модернизации западного общества на основе НТП переход от «экономики скудости» к «экономике изобилия». После второй мировой войны, в условиях революционного влияния НТП на систему общественного производства, обозначилось противопоставление ценностных ориентиров довоенного поколения «отцов» и послевоенного поколения «детей», поскольку «старшее поколение исходит из экономики скудости, а младшее – из экономики изобилия, избытка» [4, с. 232]. Высокий уровень жизни ведущих стран Запада, на основе наукоемкой «экономики изобилия», вызвал в них ценностно-мировоззренческий конфликт поколений «отцов и детей». Производственно-технологические сдвиги в странах Запада позволили «удалить значительную часть молодежи за пределы рынка труда, из поля действия трудовой этики и создали сектор “верхнесреднего класса” с “вторичной” (альтернативной) системой ценностей» [5]. Социальной базой контркультуры выступила сту-

денческая интеллигентская прослойка верхушки среднего класса, его интеллектуальная субкультурная среда. «Детство будущих бунтарей происходило в уникальных условиях свободы от ограничений, связанных с приобщенностью к трудовым заботам родителей. Гуманистический скептицизм, привитый молодым людям в семье, в сочетании с обесцениванием внешних наград в "обществе изобилия", ослабил импульсы к вертикальному продвижению» [5, с. 12–20]. Так возникло «классическое молодежное движение индустриально развитых стран Запада, провозгласившее демократические лозунги антиавторитаризма, равенства, социальных преобразований и моральное превосходство молодежи» [5, 12–20].

2) Широкое распространение системы высшего образования. Университеты как источники знаний и научно-технических инноваций в эпоху модернизации начали играть важнейшую роль во всей социальной жизни. «Поскольку университеты приобретают ведущую роль в развитии "высшей" культуры в США и Европе, постольку тенденции, бытующие внутри университетов, становятся тенденциями всей интеллектуальной жизни» [6, с. 263]. Не случайно протагонистами контркультуры выступили студенты из семей американского и западноевропейского «верхнесреднего класса». «Распространение высшего образования и привело к возникновению социальной прослойки. Изобилие подорвало мотивации к вертикальному продвижению, в результате возник новый социальный тип, новая субкультура молодежи – "гуманистическая молодежь"» [7, с. 339].

3) Развитие технических средств массовой коммуникации или масс-медиа. Это привело к увеличению динамики социокультурной жизни в едином западном обществе и информационном пространстве, что в итоге включило большие массы молодежи в ее орбиту. Так как рост социокультурной динамики общественной жизни происходил во «временных рамках» одного поколения (50-е – 60-е гг. XX века), контркультуру можно представить в качестве закономерного социокультурного феномена, выражающего энергию молодежной социализации, вызванную стремлением современной молодежи занять место «старшего поколения», приняв на себя его социальные функции и наполнив их новым содержанием и смыслом.

Если проанализировать позиции вышеупомянутых исследователей и добавить к ним ценностные суждения нескольких ключевых фигур занимающихся контркультурной теорией, то мы увидим, что разнородные подходы можно разделить на два лагеря. Один из них воспринимает контркультуру в качестве уникально нового явления, несущего обновление миру культуры путем передачи новых смыслов, ценностей и стратегий поведения. Второй же определяет контркультуру в качестве антагониста культуре, путем активной передачи своих «антиценностей» стремящейся разрушить старую модель без конструктивных созидательных проектов и инноваций. К первому лагерю примыкают такие ученые, как Ч. Рейч, Г. Маркузе и Т. Роззак, а ко второму – Г. Девис и Д. Белл. Весьма любопытной выглядит традиция изучения контркультуры в американском научном сообществе по принципам политической ориентации. В соответствии с этими принципами существует 3 школы – либеральная, консервативная и марксисткая. Первая считает контркультуру закономерным этапом общественного развития, роль которого в переоценке ценностей и установок (К. Сэйл, Р. Флэкс, С. Ротман, К. Кенистон). Вторая воспринимает контркультуру в качестве болезни западноевропейской культуры, «пира во время чумы», стагнирующего общества (Д. Белл, И. Кристолл). Третья делит контркультуры в зависимости от близости или удаленности от социалистических ценностей и групп на леворадикальную и мистически ориентированную, считая первую прогрессивным явлением, а вторую – явлением уродливым, символизирующим глубокий кризис капиталистического общества (Г. Маркузе, Б. Эренрайх, Ф. Оппенгеймер).

Библиографический список

1. *Keniston K.* Youth and dissent: The rise of a new opposition // New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1971. – 237 p.

2. *Smith M., Augier R., Nettleford R.* The Ras Tafari Movement in Kingston, Jamaica // Mona: Inst.-of soc. and econ. research, 1960. – 158 p.

3. *Лири Т.* Искушение будущим. – М.: Ультра Культура, 2004. – 448 с.

4. *Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В.* Левые в России: от умеренных до экстремистов. – М.: Ин-т эксперимент. социологии, 1997. – 232 с.

5. *Левикова С.И.* Молодежные движения США // Вестник Московского университета. Серия 10. Философия. – 1991. – №1. – С. 12–20.

6. *Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б.* Социология контркультуры. Критический анализ. – М.: Наука, 1980. – 263 с.

7. *Кукаркин А.В.* Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образы. – М.: Политиздат, 1985. – 339 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 378

Бабаев Бронислав Дмитриевич
доктор экономических наук, профессор
Ивановский государственный университет
Чекмарев Василий Владимирович
доктор экономических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

ВНОВЬ О ДИССЕРТАЦИОННЫХ ДЕЛАХ

В статье поставлен круг актуальных задач повышения эффективности работы диссертационных советов и их взаимодействий с ВАК.

Ключевые слова: *ВАК, диссертационный совет, диссертация, экспертиза, апелляция, доверие.*

Авторы данного материала имеют богатый опыт работы в диссертационных советах Иванова, Костромы, Владимира, Ярославля, опыт, измеряемый десятилетиями. Поэтому мы имеем достаточно оснований для того, чтобы высказаться по широкому кругу вопросов, которые в настоящее время активно обсуждаются в средствах массовой информации в связи с не слишком благоприятными событиями в Высшей аттестационной комиссии. Произошла смена руководства, вводятся новые порядки, которые не во всем ясны и которые, на наш взгляд, должны быть предметом обсуждения научной общественности.

Первый вопрос о месте и роли диссертационных советов в нашей общественной и научной деятельности. Если ставятся вопросы инновационного развития экономики и общества, то, естественно, необходимо всячески стимулировать научно-исследовательскую работу, при этом на всех уровнях и с привлечением широкого круга участников. Причем зачастую нужна не просто исследовательская работа, но выдвижение новых идей, построение теоретических и прикладных моделей, требуется свежая творческая мысль, без которой нет осознанного движения вперед. Наверное, с тем, что в организацию научно-исследовательской работы должен быть встроен механизм стимулирования и ответственности, согласится любой здравомыслящий человек. Как показывает отечественная практика, существенным элементом такого механизма является подготовка и защита диссертационных работ, предполагающая наличие обширной сети диссертационных советов. В то же время те высказывания, которые исходят из уст лиц, имеющих отношение к ВАКу, свидетельствуют о стремлении сократить число защитных советов. Возможно, в этом есть резон, если речь вести о том, что, с одной стороны, есть советы, где число защищаемых диссертаций в течение года измеряется единицами, с другой стороны, есть советы, где защиты поставлены на поток, что, естественно, означает снижение требований к представляемым работам. Наверное, в чисто приказном порядке эти советы могут быть закрыты, это будет справедливое решение. В то же время основная масса диссертационных советов, по нашему убеждению, имеет право на жизнь, но, вместе с тем, можно более четко сформулировать и при этом даже ужесточить требования как к самим защитным советам, так и к их членам. По этому вопросу выскажем некоторые суждения.

Во-первых, можно согласиться с тем, что число специальностей в советах можно увеличивать до четырех-пяти, имея при этом в виду, что по каждой специальности должно быть пять-семь докторов наук. Следует заметить, что в настоящее время серьезнейшее значение приобретают исследования на стыках научных дисциплин. Поэтому реализация указанного предложения будет обоснована. Кроме того, сама внутренняя среда диссертационного совета обогатится, оживленнее и масштабнее станут дискуссии между учеными, возникнут условия, при которых активнее будут выдвигаться новые идеи и обсуждаться проблемные вопросы.

Во-вторых, мы полагаем, что в целом надо ужесточить требования к тем лицам, которые входят в совет. Одно из требований заключается в том, чтобы каждый член совета осуществлял руководство аспирантами, докторантами, соискателями. Кстати, по поводу ликвидации соискательства (это предусмотрено Законом об образовании, вступающим в действие с 1 сентября 2013 г.) можно только сожалеть. Это очень удобная, эффективная и, главное, демократическая форма участия людей в научной работе. Другое требование связано с необходимостью проведения систематической научной работы, предполагающей публикацию не только статей, но и монографий (например, один раз в два-три года). Что касается так называемых ваковских публикаций, то, наверное, они как стимул к научной работе существенны. Но тот, кто знает сегодняшнюю ситуацию с публикациями и рецензированием, согласится с тем, что главное значение имеют все-таки деньги. Ваковские журналы в большинстве своем требуют за публикации неплохие деньги, правда, кое-кто делает скидки аспирантам

© Бабаев Б.Д., Чекмарев В.В., 2013

очной формы обучения. Но надо ценить и крупные, содержательные статьи, публикуемые в межвузовских сборниках и журналах, не проходящих по списку ВАК.

Развивая тему требований к членам диссертационного совета, надо обратить внимание на то, что, по меньшей мере, треть состава советов, если не половина, должны составлять ученые, имеющие научные школы, то есть не менее 15–20 подготовленных кандидатов и докторов наук. Если это требование не обеспечивается, то вряд ли вуз или научное учреждение может претендовать на открытие диссертационного совета. В то же время понятие научной школы можно трактовать в духе разработки серьезного исследовательского направления, но это уже предполагает, что за этим стоят десятки монографий и многие-многие десятки статей, тезисов, участие в конференциях хорошего уровня и пр. Наверное, можно разработать стандарт, что такое научная школа и использовать этот документ как требование при формировании или оценке диссертационных советов. Если состав диссертационного совета таков, что он не выдерживает требований, связанных с аспирантами и докторантами, с научными школами, научными направлениями, то действующему диссертационному совету можно дать определенное время на то, чтобы добиться требуемого.

В-третьих, особого внимания заслуживает тема возрастного состава. Известно, что в научной среде активно идет процесс постарения кадров, ибо молодежь не слишком активно идет как в научные учреждения, так и в вузовскую систему из-за низких заработных плат и в целом из-за падения престижа преподавателя, научного работника. Мы полагаем, что этот вопрос будет решен сам собой, если четко очертить и реализовать те требования, которые были нами сформулированы в предыдущем абзаце. Если человек по возрасту утратил способность активно заниматься научными исследованиями и подготовкой кадров, то у него просто исчезнут возможности участвовать в работе диссертационных советов. В то же время в диссертационных советах необходимо добиваться возрастной сбалансированности, иметь какое-то число людей с богатым опытом научно-исследовательской и педагогической работы. Это немного разные по эффективности диссертационные советы. Если в одном будут заседать исключительно люди в возрасте 35–40 лет, а в другом совете половина участников будут людьми средних возрастов, а другая половина будет представлять собой маститых ученых с большим стажем работы, но людей в то же время в научном плане очень активных.

В-четвертых, возможно, надо выходить на численность советов в 30–35 человек. Это, конечно, громоздко, но польза от этого будет достаточно существенна, ибо это действительно будет форум ученых, которые в порядке научной дискуссии будут присуждать ученые степени. Наверное, надо определиться и с таким показателем, как уровень дискуссии при защите диссертации. Наш опыт показывает, что порой берут слово и выступают с определенным апломбом лица, которые толком ни с диссертацией, ни с авторефератом незнакомы и даже, может быть, толком не прослушали и выступление самого диссертанта. Такие ученые бьют на то, что они известные лица, и поэтому, по их суждениям, имеют право сказать свое слово даже в том случае, если не слишком сведущи в предмете защиты. В данном случае к месту поставить вопрос о репутационной ответственности ученого. Эта тема в настоящее время привлекает внимание общественности. В рамках нее можно сказать несколько слов и по поводу отзывов на автореферат. Существующий порядок требует, чтобы были оглашены критические замечания, содержащиеся в этих отзывах. Порой они звучат как-то несерьезно и не свидетельствуют о том, что специалист, давший отзыв, действительно разобрался с работой по существу. Наверное, диссертационные советы по поводу таких отзывов могут принимать специальные решения об их отклонении. Нам представляется, что такая новинка заслуживает того, чтобы стать предметом разговора. Иногда даже бывают отзывы на авторефераты, где не содержатся критические замечания. Мы не хотим очернить такой порядок, но в рамках темы репутационной порядочности ученого ставим вопрос о необходимости повысить требования к этим отзывам, введя порядок отклонения.

В целом мы склоняемся к тому, чтобы не просто поднять уровень требований к формированию состава диссертационных советов, не просто повысить их ответственность, что чрезвычайно важно, но добиться того, чтобы ВАК и ее структуры имели большее, чем ныне, доверие к диссертационным советам. Руководителям диссертационных советов, выезжающим по вызову в ВАК, приходится слышать прямые угрозы: «Мы вас закроем». Иногда эти угрозы приобретают более мягкий характер: «Мы делаем вам замечание». У ваковского лица позиция предпочтительнее, а руководитель диссертационного совета оказывается в роли мальчика для битья. Вряд ли это правильно с учетом того, что лица, возглавляющие советы, как правило, достаточно известные ученые, авторы многочисленных научных трудов, люди, подготовившие не один десяток аспирантов и докторантов. Кстати, пользуясь моментом, мы бы поставили вопрос о том, что диссертационный совет должен иметь право на ошибку. Сейчас же позиция очень жесткая: две неудачи – и вас списывают со счетов.

Председатель ВАК В.М. Филиппов акцентирует внимание на создании объединенных советов, рассматривая это как меру, сокращающую их число. Создается впечатление, что система диссерта-

ционных советов оказалась слишком громоздкой, и ВАКу сложно с нею управиться. Наверное, число советов определенным образом сократится, но вряд ли управляемость ими существенно повысится, если не создать такую ситуацию, которую мы назвали бы обстановкой доверия ВАК к диссертационным советам. Сейчас, по нашему убеждению, такой обстановки нет. Отсюда и те угрозы щедринского характера «закрыть» становятся какой-то нормой деятельности в ВАКе. Еще раз подчеркнем, что если существенно усилить внимание к квалифицированности и репутационной ответственности членов советов, то в безусловном порядке можно добиться такого положения, когда защиты будут проходить нормально, и сами диссертации будут отвечать требованиям времени. Нынешнее требование, заключающееся в том, что член совета должен дать сведения о том, что он в течение года сделал три хорошие публикации, не может рассматриваться как решение вопроса о повышении требований к членам советов. Необходимо, повторяем, ставить вопрос так, чтобы члены совета вели подготовку аспирантов и докторантов, с одной стороны, представляли конкретные научные школы и научные направления, с другой стороны, подтверждая это публикациями. Целесообразно отслеживание публикаций вести с указанием публикаций за истекший год и за последние три года, выделяя монографии.

Затронем вопрос о цитированиях. Нам представляется, что эта тема избыточно педалируется, особенно с учетом упора на международные индексы SKOPUS и VEB of SAIENS. Кстати, ознакомление с наиболее значимыми журналами, входящими в структуру цитирования, показывает, что здесь сильно доминирует естественно-технический отдел науки, а науки социального характера, к которым относится экономика, представлены явно слабо. Можно обнаружить журналы «Вопросы экономики», «Проблемы прогнозирования», но отсутствуют такие влиятельные журналы, как «Экономист» или «РЭЖ». Есть отечественный индекс цитирования РИНЦ, который достаточно хорошо подходит для внутреннего пользования при оценке деятельности членов диссертационных советов. Если РИНЦу дать «ваковский ход», то это заметно повысит его престижность, а у различных изданий появятся намерения войти в состав этого индекса. Вообще нам представляется, что ваковское руководство слишком преувеличивает позитивный опыт аттестации кадров на Западе. Там слишком много чисто формальных моментов, а сами диссертационные работы не всегда вызывают, мягко говоря, чувство восхищения у тех, кто с ними знакомится. Сама экономическая наука Запада, судя по тем публикациям западных авторов, с которыми мы имеем возможность ознакомиться, в существенной степени идет по пути формализации и построения слишком абстрактных моделей. В этом нетрудно убедиться, если посмотреть целый ряд номеров журнала «Вопросы экономики», где, по-видимому, публикуется любая статья, пришедшая с Запада, по той простой причине, что это западный автор, которого обязательно надо опубликовать для того, чтобы иметь репутацию международного журнала.

Теперь коснемся вопроса о требованиях к самим диссертационным работам. Можно согласиться с тем, что в данном случае важно добиться высокой степени открытости диссертационных советов, имея в виду работу с диссертациями. Каждый диссертационный совет может иметь сайт, любая диссертация, принятая к рассмотрению, и прилагаемый к ней автореферат вполне могут находиться в свободном доступе для критики и замечаний. Более того, эти замечания целесообразно будет обобщать, докладывать их на заседании совета в ходе защиты. Это очень даже неплохая мера, когда уже на предзащитной стадии требования к соискателю повышаются. Точно так же на этом сайте следует показывать основные работы соискателя, в которых опубликовано основное содержание. Это тоже будет очень дисциплинирующий момент: воздействовать на соискателя, его научного руководителя, на руководство диссертационного совета. Можно продвинуться дальше. Так, поступающие отзывы на автореферат также публиковать на сайте. В итоге мы достигнем стопроцентной информированности о диссертации. Интернет дает определенные возможности, их надо использовать. Попутно заметим, что на сайте должны быть и основные сведения о членах диссертационного совета, включая данные о научных интересах, важнейших публикациях, числе подготовленных кандидатов и докторов наук. Мы полагаем, что в составе диссертационных советов вообще не должно быть лиц, которые не работают с аспирантами или докторантами, сейчас такое требование отсутствует.

В.М. Филиппов в одном из интервью обостряет тему, связанную с защитой аспирантами диссертаций в своих вузах. Такая практика реально очень развита. Председатель ВАК высказывается в том духе, что в данном случае больше негатива, чем позитива, ибо диссертационный совет «проталкивает своих». Возможно, в этом есть доля истины. Но целесообразно добиваться того, чтобы сами диссертационные советы при учреждении создавались по принципу: 50% – «свои», 50% – «чужие». По сути, это будут объединенные советы. При таком составе мнением совета дирижировать будет крайне затруднительно, вряд ли возможно. Но мы бы хотели заметить, что полноценный вуз с точки зрения организации подготовки кадров и научных исследований должен включать в себя следующие структуры: факультет соответствующего профиля с кафедрами, аспирантура с докторантурой, научно-образовательные центры (они представляют

научные школы, научные направления), диссертационный совет. Это будет полноценная, самодостаточная структура, в рамках которой неизменно будут развиваться такие силы и настроения, благодаря которым повысятся и качество обучения, и уровень защит.

Еще один вопрос касается «сердцевины» нашей эпохи – денег. Наверное, надо легализовать систему платы за защиту диссертации, но при этом сверху устанавливать нормы, посильные для соискателей. Поскольку соискатели, как правило, являются работниками вузов и научных структур, то целесообразно в бюджете последних выделять деньги на оплату защит своих сотрудников. Это будет правильно, ибо одна из задач любой организации заключается в том, чтобы обучать людей, повышать их квалификацию, чтобы далее они продвигались по службе. Мы знаем примеры, когда стоимость защиты кандидатской диссертации находится в целом на приемлемом уровне (имеется в виду смета расходов) – 15–20 тыс. рублей. В то же время нам известны и факты, когда диссертационные советы запрашивают непомерные суммы, достигающие 100 тыс. рублей и более. Такие факты надо пресекать. Все должно делаться через бухгалтерию учреждения.

Теперь вопрос об оплате труда членов диссертационных советов. В соответствии с действующими установками, они работают на общественных началах. В то же время люди получают зарплату, выступая в качестве экспертов и оппонентов. Есть практика, когда участие в работе диссертационного совета оценивается в часах и это включается в нагрузку преподавателя. На наш взгляд, такое решение является наиболее правильным. Все-таки общественную природу диссертационных советов, их общественный статус необходимо сохранить. В то же время, если преподавателю за участие в работе совета начисляют часы, то в данном случае можно считать, что его труд оплачивается на бюджетной основе. Общественный статус совета не теряется, труд членов совета стимулируется.

Интересно и то, сколько диссертаций должно защищаться в совете, чтобы это было не мало, но при этом не было оснований утверждать, что слишком много. Нам представляется, что можно исходить из такого соображения, что член совета в течение года выступает 2–3 раза в качестве эксперта (экспертные группы создаются в составе трех человек) и не менее одного раза в качестве оппонента. В данном случае число защищаемых диссертаций не будет выходить за пределы 30–35 в расчете на год. Если заседания идут в течение 10-ти месяцев, то ежемесячно защищается не более трех-четырех диссертаций, что приемлемо (1–2 защитных дня).

Необходимо затронуть тему введенного в действие порядка ваковских апелляций. Первоначально у всех нас возникало впечатление, что, во-первых, в ходе апелляции обязательно будет присутствовать эксперт ВАКа, во-вторых, решение совета по апелляционному делу будет окончательным, специального вызова в ВАК не последует. Однако все оказалось по-старому, только была введена дополнительная процедура – сама апелляция. По-прежнему следуют вызовы председателя и аспиранта в ВАК, и по-прежнему в не слишком доброжелательном духе осуществляется моральная экзекуция и аспиранта, и председателя. Вряд ли с такой практикой следует соглашаться. Эксперты ВАК, которые дают отрицательные отзывы на диссертации, оказываются анонимами, что уже само по себе плохо, ибо человек не несет ответственности за свои суждения. К тому же, по нашим наблюдениям и по тем суждениям других лиц, которыми мы располагаем, далеко не всегда отрицательные заключения экспертов являются достаточно обоснованными. На этот счет можно привести конкретные примеры из области «Экономики», однако в этом особой нужды нет. Мы бы все-таки настаивали на том, что необходимо, чтобы по отклоняемой диссертации давалось развернутое заключение, хотя бы на 2–3-х страницах с указанием имени эксперта и его электронного адреса. Последний нужен для того, чтобы в случае необходимости запросить дополнительные сведения по диссертации. Это поднимет ответственность экспертов, эту ответственность можно поднять вдвойне, если сделать обязательной норму участия эксперта в заседании совета, где рассматривается апелляция. Дать этому эксперту все преимущества в смысле высказываний и оппонирования, но в то же время признать, что вторичное решение диссертационного совета должно расставлять все точки над I, должно быть завершающим.

Мы прекрасно понимаем, исходя из общего опыта, с учетом контактов со знающими лицами, что в немалом числе случаев составы диссертационных советов, мягко говоря, недостаточно компетентны. Отсюда наши соображения, связанные с необходимостью резко повысить требования к лицам, присуждающим ученые степени (наличие аспирантов, подготовленных кандидатов и докторов наук, формирование собственных научных школ и научных направлений, систематическая публикация монографий, наличие хорошего индекса цитирования РИНЦ и пр.).

Надо выходить на такую схему взаимодействия советов с ВАК. В этом случае возникнет то, что необходимо – обстановка взаимного доверия, предполагающая компетентность и на низовом, и на верхнем уровне.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Mikhail Ye. Solov'yov
Yaroslavl State Technical University
soloviev56@gmail.com
Aleksandr O. Karanets
Yaroslavl State Technical University
alexial@gmail.com
Denis L. Legotin
Nekrasov Kostroma State University
Andrey K. Sukhov
Nekrasov Kostroma State University
suhov_andrei@mail.ru

Quantum simulation of electronic structure of molecules of tetrabenzoporphyrin and. Part 1. Calculation methods

Self-consistent field and density functional theory, which are methods of quantum simulation based on quantum mechanical Schrцdinger's equation Hartree-Fock, are considered. It was demonstrated that the method of density functional (DFT B3LYP) increases predictive force of calculation significantly and is able to give a more accurate result.

Keywords: computer simulation, quantum mechanics, electronic structure, tetrabenzoporphyrin, phthalocyanine.

Eduard S. Tskhovrebov
Academy of safety and special programs, City of Moscow

Ecological-economic aspects of building materials reference

Questions of dangerous influence of building materials on the person and environment, rangings of degree of danger of materials and products – as one of the important components of system of ecological management and marketing in sphere of the reference with building materials are considered.

Keywords: ecological safety, environment preservation, building materials, ecological management, ranging of materials by danger degree.

HISTORY

Stanislav V. Aristov
Moscow Regional Humanitarian University, City of Podolsk
aristov_stanislav@hotmail.com

The role of Dachau and Lichtenburg in the course of formation of Nazi concentration camp system

The article is devoted to a debatable question of modern European historiography – the role of concentration camps of Dachau and Lichtenburg at the initial stage of formation of Nazi camp system. positions of leading researchers in the given area are analyzed in work, and also, the author's vision of the question is presented.

Keywords: Dachau, Lichtenburg, Nazism, concentration camp, «Third Reich».

Ivan A. Bushuyev
Nekrasov Kostroma State University
ivan.textwork@yandex.ru

Mutual relations between center and provinces in the context of exploring the issues of daily routine

The paper analyzes the most important aspects of interaction between the center and the provinces in the context of exploring the issues of daily routine. The author examines various aspects of the relations between the two capitals and the periphery, and examines their impact basic household processes in society.

Keywords: daily routine, capital, periphery, center, province.

Aleksey V. Gnoyevykh
Institute of Russian History
uchenko19861@gmail.com

Protopope Avvakum on the estimation of V.A. Myakotin

Numerous sholars of neo-populist trend occupy specific position towards ecclesiastic schism. They explain events of the 17th century not by economical or political reasons but approached to the question from the position of social psihology. V.A. Myakotin, the author one of first biographies of Avvacum, was a remarkable representative of such method.

Keywords: neopopulism, social thought, secession, controversy with Marxism, dogmatism, crowd and heroes theory.

Aleksandr O. Gulin
Nekrasov Kostroma State University
holst90@mail.ru

Power and Society in the Russian province of the imperial period of the First World War: the regional aspect of source study (on the materials of Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces)

This article deals the justification of the use of complex regional sources to characterize the interaction between power and society in the province during the First World War.

Keywords: World War I, province, historical research, source types.

Galina A. Kamygina
Nekrasov Kostroma State University
gkamygina@mail.ru

Cooperative associations of jewelers in Krasnoe in the 20s–50s of the 20th century in search of new organizational forms and production range

The article discusses causes of association among individual jewelers, search of new production range technologies in the 20s–50s of the 20th century.

Keywords: Russian crafts, production artels, cheap jewelery, Russian filigree decorations.

Tamara A. Kozlova
Yevsev'yev Mordovian State Pedagogic Institute, City of Saransk, Mordovia, Russia
toma_68@mail.ru

Mordvins' (Finno-Ugric people in European Russia) traditional headwear (on the materials of Mordvinic folklore)

The article discusses the traditional headwear of Mordvinic girls and women, as reflected in the works of Mordvinic folklore.

Keywords: Mordvinic folklore, traditional headwear of major Mordvinic ethnic groups Mokshas and Erzya.

Nikolay M. Morozov
Human Ecology Institute of the Siberian Department of Russian Academy of Sciences, city of Kemerovo, Russia
oven.777@mail.ru

Epistemological possibility of the concept «barbarism» in the study of Russian civilization

According to the materials of national historiography of 1990–2010 years, productivity concept of "barbarism" is identified in the new knowledge about the Russian civilization.

Keywords: Russian civilization, archaism, barbarism.

Vyacheslav Zh. Popov
Donetsk State Management University, Ukraine
zhanovich@bk.ru

Everyday life of different categories of urban population of the Ukraine in 1917–1920

The features of everyday practices of basic task forces of population of cities and settlements of the Ukraine in the period of national-democratic revolution and civil war of 1917–1920 are considered in the article. The conduct of townsmen in the conditions of change of power, military operations, economic devastation is analyzed. The attempts of independent solution of domestic problems are characterized.

Keywords: national-democratic revolution of 1917–1920, civil war, social groups of urban population, everyday life, dietary, speculation.

Oleg B. Sernetskiy
Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, City of Bishkek, Kyrgyzstan
oleg_2001_s@mail.ru

Central Asia as an area of interest Russia

In connection with the ongoing geopolitical processes in the Central Asian region, the necessity of political and economic presence of Russia in Central Asia – the area of the historical interests of Russia – is substantiated in the article.

Keywords: Central Asia, Russian presence in Central Asia, military security, integration processes, interests of Russian state.

Valeriya V. Solov'yova
The Stoletovs Vladimir State University
gfvlgu@mail.ru

Interaction of educational infrastructure and sociocultural sphere (on the example of Vladimir State University)

The author investigates sociocultural sphere and educational infrastructure with of realization innovation educational program on the sample of Vladimir State University.

Keywords: sociocultural sphere, education, higher education institution, educational infrastructure, innovation program, study scientific centre.

Mikhail V. Fabinskiy
Russian State Social University
ya.f-mihail@yandex.ru

Parishioners' struggling against closure of Epiphany Cathedral of the City of Kostroma in 1923 (on the materials of the State Archive of the Russian Federation)

The circumstances of the closure of the Epiphany Cathedral of Kostroma city in 1923 are discussed in the article on the basis of the documents of the Fund A-353 (People's Commissariat of Justice) of the State Archive of the Russian Federation. (Moscow city). The composition of the parish community and the methods of its combating anti-religious policy of the Soviet government in the period are under study.

Keywords: Kostroma city Epiphany Cathedral believers' parish community, 5th (Liquidational) Board of People's Commissariat of Justice, Kostroma Provincial Executive Committee, Epiphany Cathedral closure in 1923.

ECONOMY

Mikhail V. Blinov
Nekrasov Kostroma State University

Local government in the light of institutional theory

Position that the consideration of of local government as an institution allows offering new approaches to prioritization of socio-economic development of the territories of Russia and the methods for assessing their realization consequences, justify need for a clear formalization of types and forms of organization of managerial relations, as well as developing an algorithm for formation of Educational Policy of municipal education, is justified in the article.

Keywords: local government, institutions, public authorities structure effectiveness.

Aleksandr I. Bochkaryov
The Volga State Service Institute, City of Togliatti, Samara Region
tolaib@mail.ru
Vasiliy V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University

Why "wouldn't the professional education be able to carry" the innovative economy of Russia?

The methodological bases of a multidisciplinary phenomenon of culture, ways of overcoming mosaic

understanding topical for the present stage of development of culture on model of ability to live in synergetic environment are analyzed in this article.

Keywords: multidisciplinary phenomenon of culture, mosaic understanding, model of ability to live in synergetic environment.

Anna M. Lapteva
Nekrasov Kostroma State University
Mariya A. Zakharova
Nekrasov Kostroma State University

Work standartization role in efficient work organization

The purpose of this article is to explain the role of standardized work in the process of stability of economical, social and technical development control system at enterprises of different of forms of incorporation.

Keywords: work, work standardization, work organization, work standards.

Nina V. Logvin
Nekrasov Kostroma State University
nvlogvin@mail.ru

Innovative activity as an element of quality of control of modernization of regional systems of education

Regulation on determining productivity of innovation as an element of quality of control of modernization of regional education system is justified in the article.

Keywords: regional system of education, innovation, management quality.

Roman O. Semyonov
Nekrasov Kostroma State University
dieslow.longer@gmail.com

Reduced pension burden on the budget: theory and practice

This paper presents the author's vision of the problems of pensions of citizens of the Russian Federation in terms of economic theory. The information base materials were the Ministry of Labour, published on the ministry's website and the publication of R. Akhmitzyanov.

Keywords: pension problem, pension burden on budget, social security, Pareto efficiency, Arrow-Romer economy.

Andrey Yu. Skvortsov
Nekrasov Kostroma State University
a.skvorcov44@mail.ru

Economic interests genesis characteristics

There are elements of historical hindsight, which addresses the categorical apparatus in determining economic interests, in the article. Special attention is paid to the modern approach to the characterization of economic interests. In conclusion, the author's proposed interpretation of problematic issues in the study of economic interests.

Keywords: interest, economic interest, ontology and epistemology of economic interests.

Igor' V. Suhinin
State University of Management, City of Moscow
ieguu@mail.ru

Logics of development of the social-labour relations in economy

The aspects of the concept of professional and career cluster presented in the paper, can serve as a methodological criteria of professional social clustering in the economy, which is manifested in the development of professional communities (professions) and the occupational structure of the economy, covering the totality of social and labor relations.

Keywords: social-labour relations, profession, professional structure, professional community, social cluster, professional cluster.

Yelena I. Charushina
Nekrasov Kostroma State University
vasilisa97@rambler.ru

Direction of forming the image of cities

The article examines the basic approaches to the formation of the city's image on concrete examples of regional marketing.

Keywords: image, region, site branding, city positioning, regional marketing.

Vladimir V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University

Economic security and economic immunity: the structure of the problem

The author's position of interdependence of the processes of economic security and economic immunity of education sector in the context of two complementary trends in the formation of the product, being established in the named field, is stated in the article.

Keywords: economic security education sector, economic immunity education sector, product of higher education sector.

Dmitriy V. Sharov
Nekrasov Kostroma State University
mr.sharov-44@yandex.ru

Innovation in education: problems of formation of the new economic relations

The problems of the new economic relations are considered in the article in the processes of realization of innovative function of education.

Keywords: innovative education, economic relations, higher education modernization.

PHILOSOPHY

Aleksandr V. Zaytsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru

Dialogic model of public relations and modernity J.Grunig

The article tells about the origin of the dialogic model of public relations. The author draws attention

to the need for the reception of dialogic interaction of the modern Russian political science in the field of cooperation between the state and civil society in contemporary Russia.

Keywords: public relations, dialogue, dialogue model, interaction, communication, organization, community.

Zhanna S. Kalust'yants
North-Caucasus Mining-Metallurgical Institute (state technological university), City of Vladikavkaz, Republic of North Ossettia – Alania, Russia
linda543@mail.ru

Social mobility in the terms of professional identity of the modern society

The article is devoted to survival in the new dynamic socio-economic conditions. Professional development as the transformation of the individual into the specialist, accompanied by changes in human representations of themselves, their place in the professional and social world, ie, acquisition of professional identity in a wider sense, the professional self-determination of the individual.

Keywords: mobility, modernized reality, personality and society, professional identity, self-identity, marginality, social stratification.

Saniya S. Nartdinova
Aq Mullah Bashkir State Pedagogic University
snartdinova@mail.ru

Bases of education of religious tolerance in society: philosophical aspect

The author pays attention to dependence of life in the world from numerous factors, which изменчивы; to confirm that tolerance, especially international and confessional relations and youth education in the spirit of tolerance are the main problem of modern society, in this article.

Keywords: mankind, family, ethnos, religious tolerance, international and confessional relations.

Nataliya A. Podzolkova
Ozyrsk Technological Institute – branch of the National Research Nuclear University MEPhI, town of Ozyorsk, Chelyabinsk Region, Russia
natalynxy@mail.ru

Application of the holarhic models to research methodology of ideation

The article examines one of the basic techniques of logical ideation – classification – in terms of holarhic model proposed by the American philosopher K. Wilber. To do this, the idea of level development is postulated and reveals the mechanism of levels' transformation. On the example of the classification, we demonstrate the potential of the holarhic model as a new principle in synthetic methodology.

Keywords: holarhic model, transformation mechanism, classification, methodology, ratio of something universal and something particular.

Yelena P. Raschevskaya
Kostroma State Technological University
raschevskaya@mail.ru

Daniil Andreyev's Cosmism and Russian cosmogonic myth

The place of Daniil Andreyev's Cosmism in Russian culture and philosophy is consideredin the comparative culturological analysis. In traditions of Russian religious philosophy, D.Andreyev's Cosmism is considered to be an integral conception of understanding of World and Man and a special sophiological perception of the world. The roots of cosmogonic myth of D.Andreyev are revealed in creative works of Vladimir Solovyov, Dmitry Merezhkovsky, Sergei Bulgakov, Pavel Florensky, Lev Karsavin. Sophiological universe recreated by D.Andreyev is uppermost Russian universe, which is the incarnation of Universal All-Unity.

Keywords: cosmos, Cosmism, cosmogonic myth, sophia, sophiology, all-unity, Universal Church, creative work, freedom, space, time, eternity, individuality.

Stanislav Yu. Simakov
Saint-Petersburg State Economic University
simstan@mail.ru

Body and world: contemplations on non-classical theory of intentionality

The article deals with the issues of corporal experience phenomenology. As opposed to the classical theory of intentionality claiming that the conscience is the only source of symbolic activity, the article analyses the phenomenon of corporal intentionality and discovers the role of human corporeity in constituting images of the world.

Keywords: intentionality, corporeity, world, body pattern, sense, activity.

LITERATURE SCIENCE

Valeriya G. Andreyeva
Nekrasov Kosroma State University
lanfra87@mail.ru

Russian nobility history shortly after the Emancipation reform in the book "Impoverishment" by Sergey Terpigorev (signed with the pseudonym Atava)

The main themes of the book of essays by Sergey Terpigorev, the techniques used by the writer to create the image of landlord households shortly after the Emancipation reform are analyzed in the article.

Keywords: feature stories book, narrator's image, repetition and generalization, atavism, Russian nobility, impoverishment, family theme.

Tamara P. Batalova
Moscow Regional State Social-Humanitarian Institute
slava964964@mail.ru

Historiosophical problems in epistolary heritage of F.M. Dostoyevsky in 1866–1872

The author of this article researches Dostoyevsky's letters (1866–1872) and attempts to show the inference of situation on the views of the writer.

Keywords: Dostoyevsky, letter, westernizer, slavophil, Peter I.

Nikolay A. Golubev
Ivanovo State University
nickgol@yandex.ru

Factory chimney as the capital letter of Ivanovo text. Interaction of landscapes

The article is devoted to the archetype of Ivanovo text: its meanings and origins. Explores the problems of the interaction between natural and anthropogenic landscapes, their influence on the locus culture and being.

Keywords: factory chimney, Ivanovo text, landscape, proletarian poetry.

Vitaliy A. Kozlenkov
Griboyedov Institute of International Law and Economy, City of Moscow
v.kozlenkov@yandex.ru

Agitation poster's poetic manners: the folklore elements in 'Rosta Windows' by Vladimir Mayakovsky

The paper is devoted to the folklore elements in 'Rosta Windows', Soviet propaganda posters by Vladimir Mayakovsky. According to the version of the author of this paper, Mayakovsky used there a lot of folk derivates such as chastushkas, proverbs, child songs, riddles, etc. He used them for making his poetry more common and understandable among people.

Keywords: folklore, Soviet poetry, Soviet poster, propaganda, spoken language, suggestivity.

Nikolay G. Morozov
Nekrasov Kostroma State University

Boris Zaytsev's reception of Anton Chekhov's, Ignatius Brianchaninov's and Leo Tolstoy's prose in his short story «Black Winds»: literary sources of the Scythian theme and thoughts of the Christian humanism triumph

The article touches upon reculioreties of Boris Zaytsev's reception of Anton Chekhov's, Leo Tolstoy's, Ignatius Brianchaninov's prose in his short story «Black Winds». The writer indict aggression social and ethnic intolerance and asserts the ideas of humanism and accord in the public Life of Russia in 1905–1906.

Keywords: reception, Scythian, ancient history, humanism, accord.

Mariya R. Nenarokova
Gorky Institute of World Literature, City of Moscow, Russia
maria.nenarokova@yandex.ru

The language of flowers: violet in the Russian poetry of the 1st half of the 19th century

The article is dedicated to the Russian language of flowers, an important cultural phenomenon of the 1st half of the 19th century. Violet is often mentioned in the Russian poetry of the given period. The meanings, attributed to the violet, reflect the influence of both the French and the German variants of the language of flowers.

Keywords: flowers language, violet, Europe, France, Germany, Russia, Russian poetry of 18–19th centuries, Russian literature, symbolics.

Ol'ga A. Pavlovskaya
Ivanovo State University
pavlovskaya32@yandex.ru

Narrative poetry by K.Romanov "Sebastian the Martyr": poetics of the lyric-dramatic form

On the example of K.Romanov's narrative poetry "Sebastian the Martyr", we examine genesis of the lyric and dramatic forms which characterized Russian poetry of 1880s–1890s, and we also investigate the individual author's interpretation of Christian themes and images.

Keywords: romanticism, military lyrics, iconographic tradition, theatrical farce.

Oksana V. Sizykh
Ammosov North-Eastern Federal University, City of Yakutsk, Sakha (Yakutia), Russia
777ruslit@mail.ru

The motive structure of Aleksandr Kabakov's story «The Wanderer»

The main frame of thematic motives of Aleksandr Kabakov's Moscow tale is revealed in the article, including the one in the cultural context. The story «The Wanderer» as a minor epic form allows making a scrupulous analysis of its motive structure, whose kernel is an existential-philosophical collision. The mythologism of the narration realizes a conflict within between the hero and the world and imparts an expanded semantics to the revealed motives.

Keywords: plot, theme, motive, motive structure, author Kabakov.

Vladimir V. Tikhomirov
Nekrasov Kostroma State University
vtihom@mail.ru

"Moscow literary and scientific compilations" (1846 and 1847) in the context of Russian literary criticism and journalism of 1840s. Second article

The author analyses the specific features of aesthetic and literary position in two issues of "Moscow literary and scientific compilation", published by Slavophiles in 1846 and 1847 and not yet sufficiently investigated in Russian literary critical studies.

Keywords: aesthetics and literary criticism of Slavophiles, art systems confrontation.

LINGUISTICS

Yekaterina S. Gavrilova
Oryol State University
ka_bul82@mail.ru

The linguistic expression of contradistinction

The antithesis as one of the most widespread contrast figures is examined in the following article. Different antithesis classifications based on grammatical and non-grammatical contradistinction, contradistinction of one and several pairs of antonyms and on the base of semantic division are analyzed in

the article. A number of new original antithesis classifications are given as the result.

Keywords: antithesis, contrast figures, function of contradistinction.

Nataliya P. Galkina
Nekrasov Kostroma State University
gnpav@mail.ru

Functional-stylistic adaptation of causal conjunctions in the scientific style of the Russian language (on the material of natural science texts)

The article is focused on usage of some causal conjunctions related to various functional styles that have low frequency of use in the scientific style, peculiarities of their functioning in natural science texts are considered.

Keywords: conjunction, frequency, stylistic nuance, functional style, cause and effect relation, causality.

Margarita L'. Gusevskaya
Gymnasium #53 of the so-called Soviet territory of the City of Nizhny Novgorod
gusmarg@mail.ru

Semantics of the prefix re- /ré-/ in the French language

The aim of this article is comprehensive analysis of the element re- in the French language, detection of words where re- is a prefix, delimiting groups of words on the basis of separability/inseparability of the prefix as well as detection of distribution of the prefix re- and its meanings.

Keywords: semantics of prefix re-, word formation, etymology of prefix re-, semantic intraclass transposition, morphosemantic analysis, distribution.

Yelena N. Ivanova
Vologda State Pedagogic University
el-ivan@mail.ru

On the problem of structural typology of Old Russian toponyms (on the material of business writing of the area near St. Cyril of Beloozero's Monastery in the end of the 14th and the 15th centuries)

The types of the geographical names recorded in the documents of St. Cyril of Beloozero's monastery of the end of the 14th and the 15th centuries are considered in the article. The ratio between the language and speech nominations in the sphere of toponymic lexicon comes to light. The structure of the toponymic nominations is described according to variability of geographical names in business writing documents.

Keywords: toponym, toponymic type, toponymic model, toponymic description, appellative, business writing.

Irina B. Kliyenkova
MGIMO University, City of Moscow, Russia
irina.klienkova@mail.ru

The language norm and variability at the level of the word-combination (on the material of Swiss German language)

The article deals with the issue of the language norm and variability at the level of the word-combination in terms of the grammatical structure of the substantivized expressions with the quantitative noun as the first constituent (on the material of the German language press in Switzerland).

Keywords: language norm, variability, substantive word-combinations, types of subordination, genitive government, prepositional government, coordination, juxtapposition.

Dmitriy A. Samarin
The branch of the Baikal State University of economics and law, City of Yakutsk, Sahka (Yakutia), Russia
dsamarin2011@yandex.ru

Vasiliy Bogoroditskiy about linguistics and scientific and technical progress

Evolutionary views of Vasiliy Bogoroditskiy within the development of language, culture and science are shown in the article. The ideas of the Russian scientist are presented in comparison with opinions of native and foreign linguists. The definition of the activity level of a speaker and a listener in the speech process can be considered an obvious merit of V. Bogoroditskiy's conception. These areas of V. Bogoroditskiy's investigations have been considered in the context of other linguists' works. The role of a historical method in the glottogenetic theory of V. Bogoroditsky is also shown. One of the basic methods in his linguistic investigations is undoubtedly an experiment.

Keywords: speech, language, speaker, listener, comparativistics, progress, historicism, thought, word formation, notion.

Mariya A. Safonova
Lomonosov Moscow State University
maria-ukrainets@yandex.ru

Category of author's intention in lingual-stylistical biographical text (on the English-language material)

The article is dedicated to the technique of stylistic analysis based on the category of the author's intention in narrative as applied to English biographical texts. This category is immediately related to the linguistic expression of the author's communicative intention in a biographical text.

Keywords: biography, author's intention, connotative lexis, expressive syntax, tropes and figures of speech.

Dmitriy S. Khramchenko
Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University
hramchenko@rambler.ru

Allusions in business English texts: functional-synergetic analysis

This article is devoted to functional-synergetic analysis of inter-textual elements of the Business English discourse functional-semantic system as an effective means of pragmatic impact and realization of the author's communicative intention.

Keywords: functional linguosynergetics, intertextuality, business discourse, business rhetoric, pragmatics.

JURISPRUDENCE

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

Incorporation of labour legislation of the Russian Empire (on the 100th anniversary of the industrial labour regulation adoption)

The author of the article pays special attention to the key provisions of industrial labour regulation which was passed in 1913 and was the main source of labour law in the last years of the Russian Empire. The work determines the practical value of this normative act in the period under review and its impact on the further development of the national labour laws.

Keywords: incorporation, factory legislation, industrial labour regulation, main source of factory law.

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Ol'ga S. Batulina
Ivanovo State University, branch in the town of Shuya, Ivanovo Region
magnitizma@mail.ru

Museum centre is as the attempt of "the reconcile" new form of museum space to the content of the museum's communicational function (on the example of Ivanovo state united historical-regional museums in Ivanovo Region in 1990s)

The process of a function of the new structural and contenting museum's form – Museum-cultural centre – from the point of view the content of the museum's communicational function in the conditions of the changing of museum's space form ("united") in 1990s at the example – Ivanovo state united historical-regional museums in Ivanovo Region – is considered in the article.

Keywords: museum, museum united, museum centre, museum's communicational function, museum's cultural-educational activity, new forms of work with visitors.

Svetlana N. Karpova
Russian Customs Academy, City of Moscow
customs.lingvo@yandex.ru

Interactive technologies in teaching foreign language: pedagogic possibilities and risks

The article deals with the matters of interactive technologies use in teaching foreign languages at modern higher educational institutions, pedagogic possibilities and risks connected with the use of interactive forms , role plays in particular.

Keywords: competence, interactive technologies, foreign language, teaching, role play games.

Oksana V. Kubasheva
Izhevsk State Agricultural Academy
kubashewaov@mail.ru

Rating based modular technique of student knowledge assessment as the technique for creating student-oriented educational environment in higher educational institution

Nowadays innovative methodological technique of assessment of acquired knowledge, skills, abilities and competencies is required. Implementing rating based modular technique enables to raise the academic level of learning and reconsider the structure of educational material.

Keywords: modular system, ranking score, academic performance rating, competency building approach, competence development, student-oriented educational environment.

Irina V. Usol'tseva
School # 24, Surgut State University, City of Surgut, Khanty-Mansi autonomous district, also known as Yugra
iuslceva@rambler.ru

Information literacy as a component of the methodological competence of the teacher

The article describes information literacy of teacher as one of the components of methodological expertise. Phases, during which the teachers improve skills in the development of computer technology, are also shown.

Keywords: methodological competence, professional competence, information literacy, information technology, innovation.

Elena S. Salakhutdinova
Nekrasov Kostroma State University
Lenochka_8936@mail.ru

Study of students adaptation capacity in State university of Kostroma and Military academy

They consider factors influencing the process of students adaptation in groups. Aspects are highlighted with the priori ranking factors. Particular attention is paid to individual orientation, communicative potential. The article presents the comparative analysis of these figures obtained for the students.

Keywords: adaptation, personal orientation, behavioral regulation, the communicative potential.

SOCIOLOGY

Yuliya V. Artyukhovich
Vologda State Technical University
julart1@yandex.ru
Andrey A. Solov'yov
Vologda State Technical University
lokotigr@mail.ru

Social responsibility of an engineer

Philosophical analysis of topical problem of the responsibility of engineer before the society for the results of his or her professional activity is carried out from the position of axiological approach. The place for social responsibility in axiosphere of contemporary engineer, the prospect of improving the process to formation of the social responsibility of specialist in a technical institution of higher education are determined.

Keywords: social responsibility, engineer, value, technical education.

Irina V. Popova
Nekrasov Kostroma State University
pivik@list.ru
Fyodor G. Albegov
Demidov Yaroslavl State University

The voluntary work as the foundation of the civil society

The voluntary movement is an element of the civil society. Through this element the state can delegate a part of its duties of social security to the citizens. The development of the civil society depends in most respects on the condition of the social organizations and on their possibility to influence the state power. The voluntary movement in russian society faces a number of difficulties. With the existing historical conditions the further development of the social organizations as the foundation of the civil society will not be possible without the support of the local authorities and of the state in total.

Keywords: voluntary work, civil society, social organization, third sector.

SCIENCE OF CULTURE. SCIENCE OF ART

Aleksey A. Bubnihin
Nekrasov Kostroma State University
rinaldo89@mail.ru

"The Doomed City" – a dystopia of the 21st century

The article studies the work by Arkady and Boris Strugatsky "The Doomed City" as a dystopia of the 21st century. In the beginning of the article, dystopia's origin as a cultural text, its connection with utopia are studied. The author researches and names dystopia signs in the novel. "The Doomed City" is characterized by the author as experience of introduction of mass culture into a local community.

Keywords: dystopia, utopia, culture text, globalization.

Valentyna A. Dudnyk
Kyiv child's academy of arts Tchaikovsky National musical academy of Ukraine, City of Kyiv
kisinkin@gmail.com

National cultural space as object of scientific comprehension

The essence of Ukrainian cultural space as an object of scientific research and the influence on the processes of forming of national identity is considered, transformation processes are analysed in the sociocultural sphere of Ukraine.

Keywords: national cultural space, national identity, Ukrainian culture, sociocultural sphere, political nation.

Ol'ga S. Naumkina
Kharkiv State Academy of Culture, Ukraine
fort64@yandex.ru

Fashion phenomenon and its cultural connections

This article explains the nature of the origin of the phenomenon of fashion, provides definitions, describes the meaning of the phenomenon of fashion and cultural ties. The topicality of the problem is that fashion is the subject of the general laws of historical development, and displays all the features of its time: the most important cultural achievements, the most notable events of social poltichеskoy life, war, revolution, economic crisis.

Keywords: fashion, style, tradition, clothing, vyshyvanka, art, authenticity.

Yuliya M. Tyurikova
Surikov Moscow State Art Institute
fii-rhea@mail.ru

Images of time in the calendar cycle of art of Middle Ages in Italy

The article examines images of zodiac signs and months of work in the art of Italy in the Middle Ages.

Keywords: Middle Ages, Italy, labours' months, astrological signs.

Viktor G. Shiryayev
Bunin Yelets State University, City of Yelets, Lipetsk Region, Russia
vik8958@yandex.ru

Assessment of the phenomenon of counter-culture in the works of the Western scientists from the 60s to the 90s of the 20th century

The paper attempts to illustrate the most significant position of North American scientists to the question about the nature of the counterculture and segment them according to the signs of community-differences. Shows the relevance of counter-cultural issues for several decades from the mid 20th century to the present time.

Keywords: counterculture, structurelessness, irrationalism, sexual liberation, alternative values system, communitary, generation gap.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Vladislav D. Babayev
Ivanovo State University
Vasiliy V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University

On dissertational affairs again

Range of topical tasks of increasing the efficiency of dissertation councils and their interactions with the Higher Attestation Comission is raised in the article.

Keywords: Higher Attestation Commission, dissertation council, dissertation, expertize, appellation, trust.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

2013 – Т. 19 – № 3

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

Главный редактор
Рассадин Николай Михайлович
ректор КГУ им. Н.А.Некрасова, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 05.08.2013
Дата выхода в свет 16.09.2013
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 29,4 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 83.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная